

HEMEЦКИЕ DEUTSCHE И РУССКИЕ UND RUSSISCHE ИССЛЕДОВАНИЯ FORSCHUNGEN

Пол
Sex
Тендер
Gender
Культура
Kultur

Российский
государственный
гуманитарный
университет

**ФРАЙБУРГСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
Германия

**ALBERT-LUDWIGS
UNIVERSITÄT FREIBURG**
Deutschland

**РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**STAATLICHE
RUSSISCHE
UNIVERSITÄT FÜR
HUMANWISSENSCHAFTEN**

ПОЛ
ГЕНДЕР
КУЛЬТУРА

SEX
GENDER
KULTUR

Немецкие
и русские
исследования

Deutsche
und russische
Forschungen

Под редакцией
Элизабет Шоре
Каролин Хайдер
Галины Зверевой

Hg. von
Elisabeth Cheauré
Carolin Heyder
Galina Zvereva

Москва
2009

УДК 008.001(08)

ББК 63.3.0

П49

Художник Михаил Гуров

- © Коллектив авторов, 2009
- © Фрайбургский университет, 2009
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2009

ISBN 978-5-7281-1096-5

Содержание

Предисловие	9
<i>Элизабет Шоре, Каролин Хайдер</i> Вступительные замечания о совместном русско-немецком проекте	13
<i>Наталья Носова, Каролин Хайдер</i> Проблемы перевода	24

I

Гендерные исследования в истории, литературе, лингвистике, истории искусства и культурологии

<i>Рenate Хоф</i> Возникновение и развитие гендерных исследований	31
<i>Верена Эрих-Хэфели</i> К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе XVIII в.: психоисторическая значимость героини Ж.-Ж. Руссо Софи	61

<i>Ина Шаберт</i>	
Гендер как категория новой истории литературы	112
<i>Гунилла-Фридерике Будде</i>	
Пол истории	132
<i>Рenate фон Хайдебранд и Симоне Винко</i>	
Работа с литературным канонem: проблема гендерной дифференции при восприятии (рецепции) и оценке литературного произведения	156
<i>Беате Зёнтген</i>	
От истории искусств к феминистской культурологии: смена рамок	212
<i>Алла Кирилина, Любовь Маслова</i>	
Устная научная дискуссия: взаимосвязь конструирования гендера и статуса компетентного лица	231

II

Теоретические подходы и психоаналитические модели

<i>Корнелия Клинггер</i>	
Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях	261
<i>Лена Линдхоф</i>	
Феминизм и психоанализ	291
<i>Гертруде Постл</i>	
С Фрейдом и против Фрейда: Люс Иригарэ	307

<i>Криста Роде-Даксер</i>	
Образ матери в психоанализе	353

<i>Ева Полюда</i>	
«Где ее всегдашнее буйство крови?»	
Подростковый возраст женщины:	
«Уход в себя и выход в мир»	376

III

Русская культура и литература в свете гендерных исследований

<i>Линда Эдмондсон</i>	
Гендер, миф и нация в Европе:	
образ матушки-России в европейском	
контексте	411

<i>Олег Клинг</i>	
Мифологема «ewige Weiblichkeit»	
(Вечная Женственность) в гендерном дискурсе	
русских символистов и постсимволистов	438

<i>Анастасия Митрофанова</i>	
Россия и русские: новая гендерная	
мифология	453

<i>Ирина Савкина</i>	
Гендер с русским акцентом	476

<i>Элизабет Шоре</i>	
Чужой мужчина: дискурс об идентичности	
и альтеричности (Надежда Дурова и Елена Ган) ..	498

Об авторах	522
Группа переводчиков	526
Список источников	528

Предисловие

Происхождение сборника, представляемого вниманию читателя, имеет свою историю.

На рубеже 1990–2000-х годов в издательстве Российского государственного гуманитарного университета вышли три тома статей под одним названием «Пол. Гендер. Культура», которые представили заинтересованным читателям результаты совместной проектной работы российских и немецких ученых. В этом проекте, разработке которого способствовал научный отдел фонда «Фольксваген», принимали участие российские ученые из Москвы (Российская академия наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет), Санкт-Петербурга (Европейский университет, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена), а также коллеги из Тверского, Мурманского и Удмуртского государственных университетов. Со стороны Германии разработка проекта проводилась под руководством кафедры славянской филологии Фрайбургского университета – учреждения, чьи исследования, в частности, направлены на изучение гендерной тематики¹.

---

¹ На кафедре славянской филологии Фрайбургского университета составлена база данных, в которой вот уже 15 лет систематически собирается литература на тему Gender Studies в России, в том числе сочинения русских женских авторов и научная литература об этих писательницах. Библиографические сведения базы данных доступны по следующему адресу: <http://www2.slavistik.uni-freiburg.de/slavlit/de/>

На нескольких конференциях, проведенных как в России, так и в Германии, участники интенсивно обсуждали различные темы и вопросы, рассматривали проблемы перевода гендерных концептов на русский язык, а также имели возможность совместно разрабатывать вопросы на тему «гендерного измерения» русской культуры и литературы. В центре внимания, таким образом, оказались проблемы формирования диалога между учеными России и Германии по поводу изучения интересной для обеих сторон тематики, а именно Gender Studies, с целью сделать ее более доступной для российского читателя.

Для участников проекта стал особо отрадным тот факт, что все три тома сборников «Пол. Гендер. Культура» были восприняты с большим интересом не только специалистами, но, как стало очевидно, и молодыми учеными, студентами и аспирантами, нашедшими в этих книгах новые интересные импульсы для своей исследовательской работы. Тот факт, что сборники очень быстро были полностью распроданы, еще раз подтверждает успех книг. «Пол. Гендер. Культура» вызывает огромный интерес в различных университетах России. Многие российские академические профессионалы неоднократно обращались к составителям сборника с просьбой о переиздании этой работы, а также о дополнении ее, по возможности, новыми исследованиями.

Отвечая на этот запрос, мы предлагаем российским читателям новое, дополненное издание этой работы, которое объединяет в одной книге статьи из опубликованных ранее трех томов. Выбор осуществили представители немецкой и русской сторон.

Это издание дополнили следующие новые публикации:

Алла Кирилина, Любовь Маслова. Устная научная дискуссия: взаимосвязь конструирования гендера и статуса компетентного лица.

Олег Клинг. Мифологема «*ewige Weiblichkeit*» (Вечная женственность) в гендерном дискурсе русских символистов и постсимволистов.

Анастасия Митрофанова. Россия и русские: новая гендерная мифология.

Ирина Савкина. Гендер с русским акцентом.

Элизабет Шоре. *Чужой* мужчина: дискурс об идентичности и альтеричности в произведениях Надежды Дуровой и Елены Ган. Рассказы «Джеллаледин» (1838) и «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» (1839).

Статьи сборника технически отредактированы и проверены. Издатели книги благодарят Ксению Хюбнер за компетентно выполненную работу. Также ответственные редакторы издания выражают благодарность ректорату Российского государственного гуманитарного университета и Издательскому центру РГГУ за возможность публикации этой книги.

Элизабет Шоре

---

*Элизабет Шоре
Каролин Хайдер*

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
О СОВМЕСТНОМ РУССКО-НЕМЕЦКОМ
НАУЧНОМ ПРОЕКТЕ

Те, кто пытаются фиксировать значения слов, заняты бессмысленным делом: ведь слова, наравне с идеями и предметами, которые ими обозначаются, обладают своей историей.

SCOTT, 416

Трансформационные процессы, происходящие в России, характеризуются не только политическим и экономическим кризисом, но и новыми дискурсами, которые являются показательными для глубинных изменений в стране. В этой связи следует рассматривать и дискуссии вокруг проблемы половых ролей, а вместе с ней – и «женского вопроса», который в советское время считался давно решенным. Постсоветский дискурс о полах проявляет сходство с другими дискурсами в современной России, которые так же окрашены поиском не только новой национальной, но и, в самом общем смысле, личностной идентичности.

Зазвучавшее на устах модное слово *феминизм* с самого начала натолкнулось на неоднозначную реакцию. При этом часто само это понятие оставалось без должной рефлексии. Обсуждался – причем как в консервативно-наци-

оналистическом стане, так и внутри вновь возникших русских женских организаций – прежде всего вопрос о том, «нужен ли феминизм» в России вообще, и если да, то в какой форме. Может ли (и должен ли) это быть особый, специфически русский феминизм?¹

Западному наблюдателю бросается в глаза, что развитие феминистского дискурса в России 1990-х годов как бы повторяет в ускоренном темпе то, что начиная с 60-х годов происходило в Америке и Европе. Общая теоретическая база по имени «феминизм», кажется, может служить основанием для беспроblemного взаимопонимания женщин Востока и Запада. Практика, однако, показывает, что дискурс о полах часто сопровождается не только меж-, но и внутрикультурными разногласиями².

Множество интересных теоретических публикаций по феминистским и гендерным проблемам показывают, что гендерные дискуссии, ведущиеся на Западе, в России восприняты в ограниченном объеме, что является как следствием отсутствия языкового доступа к ним, так и недостатком материальных условий.

Это особенно обидно, если речь идет об относящихся к России гендерных исследованиях немецких ученых, которые таким образом оказываются включены лишь в теоретические дискуссии на Западе. Они работают с теоретическими предпосылками, пригодность которых для предмета их исследований необходимо было бы предварительно проверить.

Взаимобогащающее научное обсуждение проблем с исследователями в России бывает затруднено, поскольку

---

¹ Ср. CHEAURÉ 1997.

² В самой России раздаются упреки в адрес механического «пересаживания» феминистских понятий, когда не перенимается их содержание. (АБУБИКИРОВА/РЕГЕНТОВА). О специфике использования гендерных концептов в российском гуманитарном дискурсе пишет также Галина Зверева в статье «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России (ЗВЕРЕВА, 2003).

нередко, особенно в культурологических обсуждениях, не хватает общей теоретической базы. До сих пор существуют барьеры в межкультурном понимании и сложности в сближении научных дискурсов. В какой-то мере нам недостает «общего языка». Приходится констатировать, что часто, даже тогда, когда мы, употребляя одни и те же понятия, уверены, что говорим об одном и том же предмете, в конце дискуссии мы замечаем, что все время говорили о разном. Факт недостатка межкультурного взаимопонимания совершенно очевиден именно в те моменты, когда языковая проблема кажется преодоленной. Даже само понятие «феминизм», по нашему мнению, предоставляет богатый материал для обоюдного непонимания.

Выработка «общего языка» – это только одна из задач совместного проекта. Кроме того, наш проект дает возможность критического переосмысления западных теоретических положений и научных подходов с точки зрения их «применимости» к русским условиям. Этот аспект кажется особенно интересным, поскольку на Западе долгое время не осознавалось то, что отдельные положения феминистской науки были разработаны с учетом развития западного буржуазного общества³. Это относится, например, и к программному произведению Карин Хаузен, которая объясняет образование стереотипов половых ролей диссоциацией семейной жизни и трудовой деятельности, что для России, по крайней мере в то время, когда это происходило на Западе в синхроническом разрезе, не являлось определяющим⁴.

Со стороны русских участников проекта неоднократно высказывалось сожаление, что в современном обсуждении гендерной проблематики в России прежде всего используются теоретические положения англо-американских феминис-

---

³ Не только со стороны русских женщин, но и со стороны представительниц различных меньшинств в Америке высказывалось мнение о том, что феминизм «белых женщин среднего класса» не затрагивает их проблем. (ср. НОҢ).

⁴ Это положение неоднократно обсуждает Карин Хаузен, особенно подробно см. о нем: SCHABERT.

ток. Научные достижения немецких ученых остаются практически неизвестными. Однако по разным причинам именно они могли бы представить особый интерес для России.

Культурно-исторические, литературные и философские связи Германии и России традиционно являются довольно тесными, особенно начиная с XIX века, т. е. с того времени, когда складываются те стереотипы половых ролей, которые и сегодня еще во многом определяют нашу жизнь. Кроме этого, немецкие научные исследования могут выполнять роль идеального посредника между Востоком и Западом, поскольку с 1989 года они учитывают также и исторический фон социалистического опыта. Наконец, в том, что касается гендерных исследований, Германия – до недавнего времени – находилась в сходном положении с Россией. Импульс для развития этой новой, многообещающей области научного знания и новых теорий был дан работами зарубежных ученых, в основном из США и Франции. Вследствие этого немецкая наука была вынуждена вначале систематически проанализировать и проработать произошедшее в этих странах развитие.

Одной из целей нашего проекта является предоставить русским ученым, аспирантам и студентам обзор развития западноевропейской мысли в области гендерных исследований и феминистской критики науки. Речь пойдет не об экспорте в Россию западных феминистских теоретических подходов. Мы должны начать разговор друг с другом, в постоянном контакте и конкретной совместной работе проанализировать теории, проверить, их «применимость» для России. Обзорные статьи, статьи по отдельным областям знания, введение в гендерную проблематику и выдержки из основополагающих работ, написанных на немецком языке, – все это должно явиться базой для дискуссий и способствовать выработке «общего языка».

Женственность, феминизм, пол и гендер

Приведенные ниже рассуждения не являются попыткой дать обзор развития гендерных исследований. Они лишь призваны показать, в чем состоит науч-

ный интерес предлагаемого вниманию читателей сборника⁵.

Первый вопрос, который встает в связи с этим новым подходом, несомненно, обращен к понятиям «женщина», «женственное», «женское». Понятие «женственность» отсылает нас к традиции поляризации культуры и природы, разума и чувства, духа и тела, т. е. к привычке ассоциировать «существо» женщины (или «женской природы») с иррациональностью (Аристотель), аморальностью (Шопенгауэр), чувственностью или интенсивностью чувств (Руссо, Кант), с существом, страдающим недостатками (Фрейд) или (в фаллоцентрической системе символов) просто несуществующим (Лакан). Определяемая таким образом «женственность» является результатом господства мужчин (патриархата) – контроля (биологически) мужского существа над (биологически) женским. Свидетельством этого являются философские, литературные, исторические тексты, политические события и, наконец, повседневная практика. Вплоть до XX века женщина определяется с точки зрения мужчины; женский субъект при этом приобретает хозяина, женское мифологизируется. Это тот исторический процесс, который не только сделал женщину «второй» или «другой», но и способствовал тому, чтобы она для самой себя стала «другой».

Точкой соприкосновения всех феминистских исследований является стремление проанализировать место женщины, отведенное ей патриархальными структурами, и способствовать устранению или, по меньшей мере, изменению этих структур. Кроме того, в последние годы все больше осознается тот факт, что со стороны теории культуры, суммарно обозначенной термином «феминистская», которая включила в свою научную базу психоаналитические, постструктуралистские, конструктивистские и системно-теоретические подходы и применила их в конкретном анализе, исходят важные импульсы для качественно новой поста-

---

⁵ В основном мы здесь опираемся на работу Ренате Кроль (KROLL).

новки вопросов. Феминизм в таком понимании обозначает прежде всего смену парадигмы в восприятии мира, смену парадигмы в науке.

Его главной задачей является освещение канонов в науке, конфронтация культурологических концепций и канонических тем с феминистскими теориями. Такого рода перенос познавательного интереса подрывает традиционную базу научного анализа.

Критическое переосмысление понятия «естественного» пола и его различных реализаций в отдельных культурных и социальных системах привело сначала к важному различению между *сексом* и *гендером*.

В отличие от немецкого, французского и русского языков, в которых понятие «пол» не дифференцировано, в английском языке различают «sex» (биологический пол) и «gender» (пол как социально-культурная категория). Женственность рассматривается соответственно не как нечто врожденное или предопределенное анатомией, биологией, сексуальностью, психикой и т. д., а как общественный конструкт. Использование понятия «гендер» обозначает отказ от детерминизма любого рода, который имплицитно используется при использовании понятия «пол» или «половое различие»; «гендер» позволяет пересмотреть все нормативные определения женственности. В гендерных исследованиях подчеркивается, что так называемая «природа» женщины является не «natural fact», а «an historical idea» и что процесс становления женщиной или женственной начинается с рождения (или даже раньше) и не заканчивается никогда. Представительницы гендерных исследований ссылаются на теорию поведения, коммуникации и ролевую теорию франкфуртской школы (Хабермас), а также на Симон де Бовуар и ее различение биологического и воспитываемого (женского) пола, которое она сформулировала уже в 1949 в книге «Второй пол» (*Le deuxième sexe*). Крылатой стала ее фраза: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся». Исходя из этих положений, представительницы гендерных исследований концентрируют свое внимание на представлении ролей и форм поведения, на исторически варьируемых полоролевых ожиданиях. Понятие «гендер», ко-

торое делает возможным дифференциацию между половой конституцией и социальной ролью, указывает на существование сложной системы отношений, которая, хотя и включает биологический пол, но не определяется непосредственно им.

Должно быть достигнуто понимание, что дихотомия полов смоделирована и продолжает моделироваться культурой. Только научное осознание этих процессов может помочь преодолеть настоящее положение, при котором пол провозглашается онтологической категорией и таким образом провозглашаются различные возможности для развития мужчин и женщин.

Содержание сборника

Совместный проект проводился в несколько этапов. Вначале в рамках специального семинара во Фрайбургском университете были отобраны тексты, которые широко используются в научной работе и педагогической практике в Германии. Это сложные научные тексты, которые предполагают определенный уровень общей научной культуры у читателя и владение навыками чтения специальной литературы. Даже немецкоговорящий читатель наталкивается на немалые трудности в понимании этих текстов и вынужден часто обращаться к специальным словарям. К тому же во время работы над переводами становилось все очевиднее, что в этой новой области знания не существует однозначной, используемой в русском языке и общепринятой терминологии⁶. Определенные трудности для читателя создает также частое использование авторами этих текстов французских и американских выражений, ставших терминами

---

⁶ В работе над текстами русским студентам могут помочь, напр.: Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998; Словарь по психоанализу (ЛАПЛАШ); Словарь по культурологии (КУЛЬТУРОЛОГИЯ); Психологический словарь. М., 1998; Философский энциклопедический словарь. М., 1997.

новой науки (такие как, например, Gender trouble, écriture féminine и т. д.)⁷.

Переведенные тексты были затем переданы русским участницам проекта для критического чтения и последующей работы с ними. Для совместного обсуждения переведенных текстов были проведены конференции, где, в первую очередь, решался вопрос, насколько эти тексты могут представлять интерес для научных исследований и педагогической практики в России. Важно было также установить, в чем состоят трудности в понимании текстов, необходимо ли внести изменения в переводы, нуждаются ли тексты в дополнительных комментариях. И, наконец, самое главное: применимы ли сформулированные в немецких текстах тезисы в русском культурном пространстве?

Ответом на последний вопрос стали доклады участников конференций, в которых они представили ряд тезисов, касающихся русской культуры и в особенности русской литературы. Некоторые из этих докладов после обсуждения были также отобраны для публикации в этом сборнике. Они позволяют показать, в какой форме сформулированные тезисы приложимы для работы в русском культурном пространстве и могут служить определенным вкладом в развитие русских гендерных исследований.

В предлагаемом нами сборнике мы сознательно оставили выбор на литературоведческих текстах.

Литература и литературное «производство», т. е. литературоведение, литературная критика, издательское дело, рынок и т. д., тесно вплетены в общий культурный процесс. Они выполняют двоякую функцию отражения и формирования действительности. Особенно это касается моделей мужественности и женственности, созданных в рамках той или иной культуры, поскольку литературные тексты не

---

⁷ В ходе работы над переводами нами были проанализированы уже опубликованные на русском языке тексты по проблемам Gender Studies, напр. в феминистском журнале «Преображение» (изд. с 1993 года); журнале «Новое литературное обозрение»; СТЕПАНЯНЦ; ЖУКОВА; ЖЕРЕБКИНА.

только предоставляют примеры существующих конструкторов полов, но и сами участвуют в конструировании этих моделей, в буквальном смысле слова навязывая их читателю или подвергая их сомнению.

Таким образом, литературоведческие тексты оказались в центре нашего внимания именно потому, что литература – не только в Германии, но и (может быть, даже в особой степени) в России – выполняет значительную роль в формировании сознания и распространении представлений о ценностях. Именно анализ литературы прошлых веков позволяет проследить исторические изменения представлений о половых ролях, что убедительно доказывает работа швейцарского специалиста по истории литературы Верены Эрих-Хэфели. Ее статья о Руссо, включенная в сборник, нашла живой отклик у всех участниц проекта, убежденных в особой его значимости особенно для России.

Ина Шаберт, специалист по английской литературе, в своей работе описывает различные гендерные модели, которые были сконструированы на протяжении прошедших веков, и показывает, какой культурно-исторический фон и какие философские концепты сыграли в этом свою роль. Нам кажется важным продолжить этот анализ развития половых ролей на материале русской истории и литературы.

Ренате Хоф в своей работе предлагает общий обзор развития гендерных исследований. Этот текст может оказать помощь в упорядочивании и понимании тех многочисленных направлений исследований, которые развивались на протяжении более чем двадцати лет за пределами России и которые теперь хлынули в нее широким потоком.

Гунилла Будде на примере соотношения понятий *класс* и *пол* освещает новую постановку вопросов в исторической науке с позиций гендерной дифференциации.

Сборник построен таким образом, что его можно читать в любом порядке. Представленные в нем положения являются конструктами, а не догматическими «истинами» – однако конструктами, которые, как мы надеемся, помогут выявить суть и приведут к самостоятельной работе с этими теориями и моделями. Тот, кто хочет освоить для себя поле гендерных исследований, должен прежде всего не усвоить

какие-то имена и названия, а проследить и сравнить разные способы мышления. Нужно обсуждать эти теории, проверять их на практике, в случае необходимости изменять или расширять их и, если они скорее затемняют, чем проясняют суть дела, не бояться их отвергать (OSINSKI). Необходимо выработать свою собственную точку зрения в этом открытом море возможностей; все время помнить о том, что теории не являются «истиной в последней инстанции», а лишь служат приближению к сложной и по-разному понимаемой действительности (MERGEL/WELLSKOPF).

Издатели надеются, что книга будет встречена с интересом, особенно со стороны молодых ученых, студентов и студенток в России, и будут рады высказанным пожеланиям и замечаниям в адрес книги (e-mail: elisabeth.cheauré@slavistik.uni-freiburg.de).

Список литературы

- АБУБИКИРОВА Н.И. / М.А. РЕГЕНТОВА: Проблемы распространения идей феминизма. Анализ опыта работы с группами женщин. Феминистская практика. В: Жукова, стр. 90–97.
- ЖЕРЕБКИНА И.А. (ред.): Теория и история феминизма. Харьков, 1996.
- ЖУКОВА Ю. (отв. ред.): Феминистская теория и практика: Восток – Запад. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 1996.
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ. XX век. Словарь. СПб., 1997.
- ЛАПЛАНШ Ж. / Ж.-Б. ПОНТАЛИС: Словарь по психоанализу. Перевод с французского и предисловие доктора философских наук Н.С. Автономовой. М., 1996.
- СТЕПАНЯНИЦ М.Т. (отв. ред.): Феминизм. Восток. Запад. Россия. М., 1993.
- CHEAURÉ Elisabeth: Feminismus à la russe. Gesellschaftskrise und Geschlechterdiskurs. In: Kultur und Krise. Rußland 1987–1997. Hrsg. von E. Cheauré. Berlin 1997, S. 151–178.
- KROLL Renate: Feministische Positionen in der romanistischen Literaturwissenschaft. In: Feministische Literaturwissenschaft

in der Romanistik: theoretische Grundlagen-Forschungsstand-Neuinterpretationen. Hrsg. von R. Kroll u. M. Zimmermann: Stuttgart/Weimar 1995, S. 26–49.

MERGEL Thomas / WELSKOPP Thomas: Geschichtswissenschaft und Gesellschaftstheorie. In: Geschichte zwischen Kultur und Gesellschaft. Beiträge zur Theoriedebatte. Hrsg. von T. Mergel und T. Welskopp. München 1997, S. 9–35.

OSINSKI Jutta: Einführung in die feministische Literaturwissenschaft. Berlin 1998.

SCOTT Joan W.: Gender: Eine nützliche Kategorie der historischen Analyse. In: Texte zur Literaturtheorie der Gegenwart. Hrsg. von D. Kimmich, R. Renner u. B. Stiegler. Stuttgart 1996, S. 416–440.

ЗВЕРЕВА Галина: «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России. В: Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: Институт всеобщей истории РАН; СПб., 2003, С. 389–426.

Наталья Носова
Каролин Хайдер

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА¹

«Любой перевод, который звучит не как перевод, при ближайшем рассмотрении – неточен.»

В. Набоков²

Гендерная теория находится в процессе становления, а поэтому и связанная с гендерным подходом терминология находится в постоянном изменении. То, что еще два года назад звучало непривычно, сегодня в этой новой области знания приобрело характер базовых понятий («женственность», «мужественность», «гендерная дифференциация», «патриархатная наука»).

---

¹ Подробнее в статье Каролин Хайдер и Натальи Носовой «Специфика перевода немецкоязычных культурологических текстов по гендерной проблематике» в публикации международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», которая проводилась 25–26 ноября 1999 года в Московском государственном лингвистическом университете. Москва, 2001. С. 258–266.

² Цит. по: BAUMANN Sabine: Vladimir Nabokov. Haus der Erinnerung. Gnosis und Memoria in kommentierenden und autobiographischen Texten. S. 82: «...any translation that does not sound like a translation [...] is bound to be inexact upon inspection». (Пер. авт.)

Многие термины являются переводом безэквивалентной лексики и вводятся в обиход переводчиками и учеными, которые знакомятся с зарубежными работами в оригинале. Здесь приходится прибегать и к калькированию (например, *Ordnung der Geschlechter* – «порядок полов»), и к описательному переводу (*Literaturvermittler* – «литературные посредники, т. е. критики, издатели, ученые, учителя»), и к транслитерации (*Identität* – «идентичность»). Иногда наиболее удачным решением нам кажется просто отсутствие перевода, как, скажем, в случае с «linguistic turn» или «gender typing».

В процессе работы над терминологией происходит значительное сотрудничество переводчиков и ученых. Иногда переводчик, встретив в статье автора тот или иной термин, доверяется авторитету ученого и, включив это слово в свой словарь, способствует его дальнейшему распространению. То же самое происходит и с авторами, которые нередко вводят в свой текст версии, предлагаемые переводчиком. Конечно, существует опосредствованное взаимодействие и между переводчиками, причем часто закрепляется тот перевод, который оказался первым, поскольку он уже «узнаваем». Если на начальном этапе в перевод вкралась ошибка, то довольно трудно оказывается вырваться из замкнутого круга «взаимозаимствований» (напр. фаллоцентризм, эссенциализм, Ч/Ходоров/у, Иригарай/э).

Одной из проблем является предвзятое, если не сказать агрессивное, отношение многих ко всему, что связано с феминизмом. Это характерно и для Запада, и в еще большей степени для России, в которой существует несколько взаимоисключающих точек зрения на то, что такое феминизм, нужен ли он России, и если да, то в какой форме. На сопротивление наталкивается все, что связано с пересмотром закреплённых в культуре полоролевых отношений.

В становлении феминизма и гендерных исследований большую роль сыграли идеи постструктурализма и деконструктивизма, в частности отказ от «фаллоцентризма», характерного для философии и культуры патриархального мира. Традиционные бинарные оппозиции, к которым относится также и оппозиция мужское/женское, сменяются

мышлением в терминах различия. В целом гендерный дискурс является частью общей смены парадигм в восприятии мира, в науке, нового понимания культуры и критики культуры.

В традиционном же русском научном дискурсе бинарные противопоставления все еще широко распространены, по крайней мере больше, чем в немецком. Сомнение в правильности дихотомий зачастую не воспринимается вообще или встречается с непониманием. Поскольку авторское стремление к преодолению принципа дихотомичности с его иерархическим порядком не всегда эксплицитно выражено в тексте, то это ставит издателей и переводчиков перед необходимостью тем или иным способом обращать внимание читателей на этот аспект.

То же касается и отсутствия однозначно выражаемой авторской позиции. Следуя логике вышеупомянутых философских течений, авторы гендерных текстов позволяют себе сомневаться в собственных позициях или даже в позициях феминизма и гендерных исследований вообще и не считают свои результаты истиной в последней инстанции.

Интердисциплинарная направленность гендерных исследований предполагает широкий круг читателей, ученых и студентов из разных областей знания. Порой приходится сталкиваться с тем, что тот или иной термин, относящийся к базовым знаниям, скажем, в социологии, остается непонятным для литературоведов или историков. Поэтому переводчик и издатель часто берут на себя роль посредника между разными дисциплинами.

И все же, несмотря на все усилия, данные научные тексты, будь они философскими, историографическими или литературоведческими, остаются часто «китайской грамотой» для практических феминисток. В Германии в процессе становления женского движения также велась такая дискуссия между теоретиками и практическими феминистками и авторами публицистических работ. Результатом этой дискуссии явилось то, что сегодня они практически не имеют точек соприкосновения.

Следующий спектр проблем связан с инновативностью текстов. Сама инновативность понимается здесь в раз-

ных смыслах. С одной стороны, это тексты новой отрасли знания или новый подход в уже существующих областях знания, что связано с созданием новой терминологии, о чем мы уже сказали выше. С другой стороны, это попытки создания новой, не «патриархатной» науки, для которой необходимы новые способы мышления и выражения.

Нельзя не сказать и об идеологической окраске текстов. Неверно поставленный акцент, неудачно подобранный синоним может привести (и иногда приводит) к неправильному пониманию позиций западных феминисток в России и к идеологическим расхождениям между ними.

Кроме того, необходимо учитывать, что начало понятийного аппарата современного западного феминизма лежит в «новом женском движении», которое во многом опиралось на идеологию «новых левых» с ее «антикапиталистической», «антиимпериалистической» направленностью. Хотя эти слова знакомы русскому читателю из советского времени, не стоит считать идентичными те смыслы, которые в них вкладывались в разных социально-исторических условиях. В гендерных текстах высказывается критика буржуазно-консервативных гендерных конструктов с их клише мужского и женского, которые типичны для среднего слоя общества.

К непониманию текстов или негативной оценке перевода часто приводит тот факт, что сами немецкие тексты опираются на разработки американских или французских феминисток и поэтому перегружены иноязычной лексикой, в основном американизмами. Немаловажно также и то, что в немецком научном дискурсе скорее поощряется, чем порицается, словоупотребление, не соответствующее привычному узусу, что воспринимается как креативность текста. Сохранение авторского словоупотребления иногда приводит к тому, что в одном предложении встречаются «рецепция», «имплицитно», «релевантно» и «эстаблированность», что сводит восприятие такого предложения почти к нулю. С другой стороны, последовательная «русификация», «сглаживание» тех шероховатостей и «неправильностей», которые ощущаются и носителями языка исходного текста, может снизить его инновативность, провокативность, лишить его тех оттенков смысла, которые важны для автора.

И все-таки перевод является не «трансплантацией» или «переносом», а взаимодействием двух языков и культур, которое видоизменяет «свое» через соприкосновение и «оплодотворение» с «чужим» и в результате которого рождается что-то новое. При этом всегда дают о себе знать те различия, а иногда даже антагонизмы, которые имеют исторические, социальные и культурные основания, выражающиеся в коллективных представлениях. Но именно это и делает переводческую работу особенно захватывающей.

Группа переводчиков надеется, что публикуемые в этом сборнике переводы возможно более полно и адекватно передают «букву» и «дух» текстов и будут способствовать распространению гендерного знания в России.

Список литературы

- BAUMANN Sabine: Vladimir Nabokov: Haus der Erinnerung : Gnosis und Memoria in kommentierenden und autobiographischen Texten. Basel; Frankfurt am Main 1999. S. 82.
- ХАЙДЕР Каролин, НОСОВА Наталья: «Специфика перевода немецкоязычных культурологических текстов по гендерной проблематике». В: Доклады Первой международной конференции «Гендер: Язык, культура, коммуникация», 25–26 ноября 1999 года. Под ред. И.И. Халеевой. М., 2001. С. 258–266.

I
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИИ,
ЛИТЕРАТУРЕ, ЛИНГВИСТИКЕ,
ИСТОРИИ ИСКУССТВА
И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Рenate Хоф

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как политическое движение феминизм имеет долгую и многообразную историю. При этом различные женские движения объединяла критика социальных, политических и культурных условий, которые препятствовали признанию равноценности женщин и мужчин. Если женское движение XIX в. – к примеру, в его борьбе за избирательное право – развивалось прежде всего под знаком политического требования общественного равноправия, то с началом нового феминистского движения конца 60-х годов XX столетия и с последовавшей вскоре институционализацией женских исследований (*Women's Studies*)¹ в американских университетах, была достигнута возможность научного исследования «женского вопроса» с точки зрения женщин. Преобладавшие до тех пор мужские исследования о женщинах сменились женскими исследованиями.

В связи с этим в течение двух последних десятилетий был достигнут целый ряд результатов, которые делают не-

---

¹ В то время как женские исследования в Германии еще не являются частью академической жизни, число программ *Women's Studies* в американских университетах составляет более чем 500, проводится около 20.000 курсов по женской проблематике, кроме этого существует 40 исследовательских центров. Обзор женских исследований в США предлагает Керкхофф (KERKHOFF).

обходимым пересмотр научных основ отдельных дисциплин. Однако со временем стало понятно, что женские исследования натолкнулись на свои собственные границы в постановке и решении вопросов. Так, к примеру, на первый план выступило рассуждение о том, возможно ли решение женских проблем путем отделения их от мужских и тем самым их изоляции, или же, что кажется более верным, в разъяснении нуждаются соотношения полов. Этот вопрос стал центральным в гендерных исследованиях (Gender Studies)². Однако их обоснование было бы невозможно без понимания выдвинутых женскими исследованиями проблем.

Ввиду возрастающего интереса в последние годы в Германии к этой области исследований необходимо прежде всего представить этапы развития и постановку вопросов, которые привели к возникновению гендерных исследований. В исторической ретроспективе речь идет, с одной стороны, о том, чтобы показать, что гендерные исследования являются логическим следствием женских исследований. С этой точки зрения требование признания «соотношения полов» как фундаментальной категории анализа не может обсуждаться независимо от общественно-политических, социальных и институциональных условий. С другой стороны, необходимо уточнить различия между женскими и гендерными исследованиями и определить тот исследовательский интерес, который отличает гендерные исследования как от многовековой, преимущественно мужчинами развиваемой «философии полов», так и от разработанного в XX столетии концепта «половых ролей».

Таким образом, в этом вводном обзоре будет дано представление о поставленных женскими исследованиями вопросах (см. главу 1: «Связь между женским движением и фемин-

---

² Мы употребляем понятие «гендер», так как в русском (как и в немецком) языке нет эквивалента, который бы точно передавал все коннотации этого понятия. В русском языке существуют лишь такие понятия, как *биологический* и *социальный пол*. По значению более приближенным к английскому является понятие «соотношение полов». (Прим. ред.)

нистской наукой»), и затем будет дан анализ того, почему произошел отказ от *биологически* детерминированного различия между женщинами и мужчинами, поначалу центрального в рамках женских исследований, и почему понятие *пола* (*sex*) должно рассматриваться скорее в контексте различных культурных и социальных условий. В результате этого особую важность приобретает «различие между полом и гендером» (см. главу 2), как и вопрос о том, что подразумевается под понятием *гендер* в смысле «социально-культурного конструкта сексуальности». Третья глава должна показать, каким образом понимание «гендера как социально-исторической категории» отличается от традиционного рассмотрения половых ролей, которое преимущественно основывалось на сугубо биологическом различии. В заключение я остановлюсь на достаточно сложившейся в настоящее время «критике гендера как категории анализа» (см. главу 4), которая значительно определяет современное состояние дискуссии. Эта критика, явившаяся результатом междисциплинарных обсуждений понятия *гендер*, нуждается – как и женские исследования – в критическом осмыслении собственных предпосылок.

1. Связь между женским движением и феминистской наукой

Женские исследования не являются «изобретением» нового женского движения 70-х годов XX в.; как исследование о женщинах они имеют долгую традицию.

«Знаете ли Вы, сколько пишется книг о женщинах в течение одного года? Имеете ли Вы представление о том, сколько из них написано мужчинами? Осознаете ли Вы, что, возможно, являетесь самым обсуждаемым существом во Вселенной?» (WOOLF, 25).

Эти вопросы, поставленные Вирджинией Вульф, показывают, что когда мужчины говорят и пишут о женщинах, изучают их, то это всегда действует на них завораживающе. «Женщина является страдающей по своей сути, – объясняет

мыслитель XIX в., – она лишь послушно воспринимает, что ей предлагается извне [...] только утратив свою личность в мужчине, она любит полно и действительно» (CORRES, 108). Подобное прославление «женского достоинства» встречается у Жан-Жака Руссо, который заметил о женщине, что «ее достоинство – быть неузнаваемой, ее честь – уважение мужа, свои радости находит она в семейном счастье» (ROUSSEAU, 519). Также Зигмунд Фрейд в одной из лекций дал мужской части своей аудитории следующий совет:

«Если Вы желаете как можно больше узнать про женственность, обратитесь к Вашему собственному жизненному опыту, или же – к поэтам, или ждите, пока наука окажется в состоянии дать Вам глубокие и более взаимосвязанные сведения» (FREUD, 565).

Такие исследования о женщинах, связанные с поиском глубоких и более взаимосвязанных сведений о «загадке женственности», проводились, заметим, более интенсивно именно тогда, когда *разрыв* между идеалом равенства всех людей и реальным общественным положением женщин и «других» меньшинств особенно бросался в глаза. Так, многочисленные теории, которые старались разъяснить и обосновать этот разрыв, возникли в первую очередь в эпоху, последовавшую за Просвещением³.

Ученые-феминистки, которые под влиянием нового женского движения 70-х годов XX в. начали заниматься маргинальным статусом женщины в обществе, смогли привязать свои исследования к имеющей глубокие корни традиции размышлений о «женском начале». Справедливым было указание на то, что предположение о существовании

---

³ В последнее время, особенно в области феминистской философии, появились многочисленные исследования, которые проанализировали и задокументировали изображение поэтами и философами «особенности» женщин и мужчин с точки зрения их воздействия на общественное положение женщины в нашей культуре: MANOWALD, MOLLER OKIN, LLOYD, BENNETT.

специфического «женского начала», которое сегодня кажется по крайней мере сомнительным, «несколько столетий назад вполне могло рассматриваться как отход от женоненавистнических теорий» (GÖSSMANN, 10). Однако для понимания женского вопроса в его общественно-политическом значении стало невозможным дальнейшее использование понятия *природы женщины* как обоснования ее подчиненной роли. Тот факт, что «женщина снова связывается с природой (выполнение функции размножения) именно в тот момент, когда мужчина становится хозяином природы за счет индустриального развития и поэтому выступает из нее», как подчеркивает Женевьева-Фресс, должен был «сделать невозможным любой общий дискурс о соотношении природы и человека» (FRAISSE, 54).

Отличием женских исследований от исследования о женщинах является включение женского жизненного опыта в рамках социальной и культурной действительности как основы научной работы, что не только изменило тип аргументации, но также внесло в нее иной познавательный интерес. Традиционные исследования о женщинах перестали рассматриваться как научно обоснованные высказывания, способные объяснить неравные общественные позиции женщин и мужчин. «Теории», которые приписывали женщинам особенную иррациональность, кротость и домовитость, стали считаться теперь мужскими стратегиями, имеющими своей целью не столько объяснить, сколько оправдать существующий *status quo*. Другими словами, под сомнение был поставлен «нейтральный», «бесполый» исследователь-индивидуум, погруженный в теоретическую и критическую работу, который, долгое время размышляя над выделением *универсальных* человеческих ценностей Просвещения, почти совсем упустил из виду властные соотношения внутри нашей культуры, *зависящие от пола*⁴.

---

⁴ Корнелия Клингер подробно показала, каким образом «внутри философского дискурса, оперирующего якобы нейтральными в половом отношении категориями общечеловеческого, скрываются мужская точка зрения и мужской интерес.» (KLINGER).

Впервые стало ясно, что многие из имеющихся общественных теорий с их претензиями на универсализм находились в противоречии с жизненной практикой женщин. Обобщение жизненного опыта мужчин создало теории, которые претендовали также на репрезентацию специфических жизненных условий женщин и характерного для них восприятия действительности. Против этих теорий выступила историк Жоан Келли-Гэдол (KELLY-GADOL), поставив в одном из своих эссе иронически вопрос о том, пережили ли женщины эпоху Возрождения. Ее ответ – «по крайней мере не во время эпохи Возрождения» – показал неубедительность не только традиционного деления на исторические эпохи. Многие из феноменов, которые нуждались в объяснении с точки зрения женщин, вообще до сих пор не исследовались. То, что считалось знанием, подтвержденным с позиций теории познания, признанным «фактом», оказалось «в рамках более общей картины – ограниченным продуктом привилегий» (SCHEMAN, 652). Философ Сандра Хардинг (HARDING 1986) задалась вопросом: Почему жизненные условия женщин ухудшаются именно в те времена, которые, согласно традиционным историографиям, определяются как особо продуктивные в общественном развитии? (ср. также KERBER, NORTON, SCOTT 1983).

Не скрывалась ли за *разрывом* между идеалом равенства и социальной действительностью определенная общественная логика? Чтобы ответить на этот вопрос и понять положение женщин в прошлом и в настоящем, было необходимо обратиться прежде всего к эмпирическим исследованиям связанной с полом социализации. Тем самым размытому и спекулятивному характеру исследований о женщинах должна была быть противопоставлена реальность опыта. Кроме этого, приобрели важность исследования «изображений женственности», таких конструктов, как «святая» и «блудница», «белая женщина» и *femme fatale* (роковая женщина). При этом приобрели особую значимость женские исследования в литературоведении. Вопросы о функции этих женских изображений, о соотношении мужских *фантазий* и женского *опыта*, о связи между определенными формами репрезентации «женского» и специ-

фических властных структур «мужского» неизбежно подчеркивали важность женского опыта как центральной категории научного интереса⁵.

То, что именно литература оказалась в центре внимания в начале нового женского движения конца 1960-х годов, объясняется тем фактом, что к тому времени было раскрыто довольно мало исторических документов и источников, которые могли бы дать представление о реальной жизни женщин. Так, по справедливому замечанию Сильвии Бовеншен, «литературный дискурс явился одним из немногих, в котором женское постоянно играло заметную и очевидную роль» (BOVENSCHEN, 11), и через него можно было реконструировать социальную реальность женщин в течение столетий. При этом *политическую* направленность такой литературной критики выявляет прежде всего ключевой текст Кейт Миллет (MILLET) «Теория сексуальной политики», в котором она разоблачает негативные образы женщин в произведениях таких американских писателей XX века, как Генри Миллер, Норман Мэйлер и Давид Герберт Лоуренс. Сформулированная исследовательницами критика такого изображения женщин была связана с открытым обвинением нашего общества в сексизме. Несмотря на возражения, которые были высказаны особенно со стороны мужских критиков против «политизации» литературно-эстетических критериев у Миллет, впервые широкой общественностью стала осознаваться проблема, выходящая за рамки обвинения отдельных авторов в сексизме, поскольку затронутые вопросы о связи женственности и ее репрезентации приобретали решающее значение для дальнейших женских исследований⁶.

Для обоснования особенного женского опыта предлагались прежде всего два вида объяснений: (1) психоаналитиче-

---

⁵ Насколько настойчивы были первые попытки обратиться к авторитету опыта, показывает ряд книг и антологий, которые были изданы во второй половине 1970-х годов. Наиболее важными являются: RICH, DIAMOND/EDWARDS, LERNER.

⁶ К вопросу о связи женственности и ее репрезентации, ставшему таким важным для сегодняшних теоретических дискуссий, см. Бронфен (BRONFEN 1995).

ски ориентированный подход, который пытался осмыслить разнообразные контексты накопления опыта с точки зрения психологии развития⁷; (2) марксистски ориентированный подход, который связывал опыт женщин с подавлением личности в капиталистических условиях производства и с одновременно происходящим разделением труда по признаку пола (ср. НАРТСОК). Однако очень скоро выяснилось, что эти теории не смогли охватить в достаточной степени различия *внутри* женской части общества. Постулат универсального (общего) опыта подвергся критике прежде всего со стороны женщин – представительниц различных меньшинств в Америке. Для них такой, на первый взгляд очевидный, постулат об общем угнетении женщин именно по признаку пола не имел особой убедительности; важнее казались другие причины маргинализации, такие как этническая принадлежность, религия, сексуальная ориентация, возрастной или социальный статус. Можно ли было поставить на один уровень опыт афроамериканских представительниц *высшего* класса, жизненные условия мексиканских эмигранток и опыт белых работниц? На эти нерешенные проблемы неоднократно указывала афроамериканская поэтесса Одрей Лорд:

«Сегодня в современном женском движении представительницы белых женщин делают упор на их угнетении как женщин и игнорируют расовые различия, разницу сексуальных предпочтений, классовой и возрастной принадлежности. Общность женского опыта, выражаемая в идее сестринства, в действительности оказывается несуществующей»⁸.

---

⁷ Основополагающей для феминистской теории в США стала работа Нэнси Чодоров (CHODOROW). Убедительную критику этой работы предлагает Шпельман (SPELMAN).

⁸ «By and large within the women's movement today, white women focus upon their oppression as women and ignore differences of race, sexual preference, class and age. There is a pretense to a homogeneity of experience covered by the word sisterhood that does not in fact exist.» (LORDE, 116).

Вместе с критикой общности опыта оказался под вопросом и главный общий знаменатель, посредством которого феминистские теории сохраняли свою обоснованность. Из-за невозможности дальнейшего обращения к концепции женщины «вообще» исчезла возможность исходить из критерия однородности женского опыта и рассматривать авторитет опыта как основу политических и научных действий. От имени кого должны говорить и действовать ученые-феминистки, если специфически женская позиция не может быть признана всеми, если цель обсудить и решить определенные проблемы от имени женщин была отклонена некоторыми из них как «эссенциалистская», т. е. исходящая из предпосылки наличия некоей «женской сущности»? Таким образом, разногласия относились прежде всего к тенденции генерализации опыта относительно малочисленной группы женщин. С этим видом включения в «феминизм белых женщин среднего класса» (white, middle-class feminism) многие женщины не могли и не хотели себя отождествлять.

Проблематичным становилось до того времени ясное разграничение между женщинами и мужчинами, когда к половым ролям добавлялись такие категории, как раса и класс, что в результате вело к новым отношениям. Даже если женщины-негритянки могли еще частично чувствовать свою солидарность с белыми женщинами *по признаку пола*, то эта солидарность в результате дискриминации *по расовому признаку* разрушалась, что приводило к созданию иных групп. Это показало, что сложная структура социальной реальности уже не могла быть объяснена с помощью традиционных бинарных оппозиций, таких как, например, мужчина *vs.* женщина или природа *vs.* культура, и должна быть заменена мышлением в терминах дифференциальных признаков. Для этого нового понимания социальной реальности имело особое значение столкновение между феминизмом и постструктурализмом⁹.

---

⁹ К вопросу о взаимосвязи феминизма и постструктурализма BENHABIB/BUTLER/CORNELL/FRASER, BRONFEN, BUTLER, FOUCAULT, NICHOLSON, VINKEN 1992.

При обсуждении понятия различие стала очевидной ограниченность женских исследований в постановке и решении вопросов. Стремление критически исследовать положение женщин в рамках оппозиционных образований («мужской» власти и «женской» подчиненности) не оправдало себя, и не в последнюю очередь из-за того, что повышение ценности «женского» в результате «перевертывания» этой оппозиции не затрагивало оппозиционные структуры как таковые. Трудности возникли, наконец, при попытке развития альтернативных представлений о женственности с целью противопоставления их мужским фантазиям, которые критиковались как не соответствующие действительности. Эти альтернативы как подход к решению своих проблем признавались не всеми женщинами. Большинству негритянок ни протесты белых американок – к примеру, типичное для женщин среднего класса желание освободиться из «золотой клетки» их домашнего очага, – ни критика «сексизма» нашего общества как главной причины маргинализации женщин не казались актуальными. Другими словами, связь мужского господства и женского угнетения в своей монокаузальности была мало убедительной.

По аналогии с двумя течениями в истории феминизма, которые с самого начала противостояли друг другу – с одной стороны, требование равноправия для женщин, а с другой стороны, требование признания особенности женской сферы, – феминистская критика вытеснения женщин из политики, общества и культуры выработала также две противоположные стратегии: с одной стороны, стремление подчеркнуть *равенство* женщин и мужчин, а с другой стороны, попытка настоять на существовании *различия*, т. е. постулировать специфически женскую культуру¹⁰. Неучтенными остались при этом как различия женщин между собой, так и логика, на которой базируется вытеснение женщин. *Гендер* как категория анализа, исследующая отношения полов, должна была послужить объяснению этой «логики».

---

¹⁰ Хороший обзор работ по истории феминизма предлагает Оффен (OFFEN).

2. Различие между «полом» и «гендером»

Еще в 1960-х годах понятие *гендер* в том смысле, как оно сегодня используется – «соотношение полов» или «социально-культурная конструкция сексуальности», в англо-американском словоупотреблении было также почти неизвестным. Это понятие служило – как, например, показывает *Fowler's Dictionary of Modern English Usage* – исключительно для описания грамматической категории рода. Употребление этого термина за пределами грамматики рассматривалось как шутка или же как грубая ошибка¹¹. В последние несколько лет, напротив, почти невозможно, перелистывая англоязычный научный журнал по культурологии, не натолкнуться по крайней мере на одну статью, связанную с понятием *гендер*. [...]

Подобное положение наблюдается также в Германии. [...] Этот факт находится в странном противоречии с давней традицией нашей культуры, где размышление об отношении полов имело совершенно особенное значение. Большой интерес, который сегодня проявляется к расширенному понятию *гендер* как открывающему новую познавательную и теоретическую перспективу, указывает на то, что за последние два десятилетия произошло переосмысление понимания социальной организации соотношения полов или, вернее, что соотношение полов только теперь стало яснее восприниматься как форма социальной организации. Здесь обнаруживается параллель к истории других понятий, которые уже давно являются необходимыми для описания общественно-политических процессов. В конце XVIII в. произошло изменение или расширение значений таких понятий, как *демократия*, *класс*, *искусство* и *культура*, что дало возможность обозначить новые поста-

---

¹¹ «Говорить о мужском или женском роде лица или одушевленного существа, имея в виду его пол, является или шуткой (более или менее позволительной в зависимости от контекста), или грубой ошибкой.» (FOWLER).

новки вопросов, связанные с этими общественными феноменами¹².

Расширение значения испытало и понятие *гендер*. Если изначально оно обозначало лексико-грамматическую категорию, с помощью которой во многих языках существительные разделялись по трем классам – фемининум, маскулинум и неутрум, то сознательно введенное исследовательницами разграничение между *полом* и *гендером* способствовало различению общественной классификации полов (гендер) и не обязательно с ней совпадающей биологической классификации (пол)¹³.

Большая часть работ, написанных в течение двух последних десятилетий и посвященных проблеме «порядка соотношения полов»¹⁴, иллюстрировала найденное феминистской научной критикой различие между *полом* и *гендером*. Одной из первых обратила внимание на существование системы *пол-гендер* антрополог Гэйл Рубин (RUBIN). Она пыталась разработать новый подход к описанию различения полов, которое является очевидной конституирующей формой организации при возникновении общества и культуры. Так, биологическому полу (*sex*) был противопоставлен пол в значении вида (гендер). Это противопоставление должно было обратить внимание на социально-культурное конструирование сексуальности.

Культурно-антропологические исследования предоставили важные сведения о многообразии приписываемых жен-

---

¹² «В последнее десятилетие XVIII века и в первой половине XIX века в английском языке стали общеупотребительными или, если они употреблялись уже раньше, получили новое и важное значение многие ключевые слова. Существовала как бы определенная схема трансформации значений этих слов, и эта трансформация может служить своего рода путеводителем, позволяющим проследить те смещения в образе жизни и мыслей, которые вызвали изменения в языке». (WILLIAMS, XI).

¹³ О том, что язык имеет фундаментальное значение для построения отношений между полами см. в том числе Буссман (BUSSMAN).

¹⁴ Название книги Клаудии Хонеггер (HONEGGER 1991).

щинам и мужчинам характеристик в разных культурах. С одной стороны, эти работы ставили под сомнение до того времени казавшиеся очевидными биологические объяснения, так что разница в общественном положении женщин и мужчин не могла больше объясняться их половыми признаками. С другой стороны, однако, стало очевидно, что, несмотря на различия в концепциях женственности, в любой культуре женщине отводилась менее почетная роль, чем мужчине.

Изданные в середине 1970-х годов два сборника по антропологии (REITER, ROSALDO/LAMPIERE) выявили новый интерес к причинам этой постулируемой «малоценности» женщин. Ставший известным заголовок эссе Шерри Ортнер «Женщина vs. мужчина равняется природе vs. культура?» (ORTNER) дает понять, какие цели поначалу преследовала новая постановка вопросов. Так как в оппозиции «природа vs. культура» культуре отводится менее значимый статус, то на основании так часто постулируемой близости женщины и природы происходит имплицитное, часто неосознанное умаление ценности женщин. (Ре)продуктивная деятельность женщины относилась к менее почетной приватной сфере, в то время как продуктивная, создающая культуру деятельность была возможна лишь в общественной сфере, которую представлял мужчина. Только таким образом можно понять, почему, несмотря на культурные различия в деятельности мужчин и женщин, статус женщины в любой культуре был менее значительным.

Различение между *полом* и *гендером*, предпринятое по аналогии с соотношением «природа vs. культура», было направлено против последствий «поляризации характеров полов», описанной Карин Хаузен¹⁵. Эта поляризация привела

---

¹⁵ Статья Карин Хаузен, вызвавшая большой резонанс, выдвигает следующий тезис: разработанная в течение немногих лет XIX века философия полов, основанная на поляризации, «теоретически обосновывает иерархическое соотношение полов, исходя из разделения разумной личности на мужскую и женскую личности, обладающие различными квалификациями, но одновременно с тем являющимися гармоническими личностями в духе идеалов Просвещения.» (HAUSEN 1978, 166).

к тому, что различные половые роли рассматривались как проявление «естественных» качеств мужчин и женщин и тем самым легитимировались. Оно было направлено также *против* того убеждения, что между «естественным» полом и предписанными женщинам и мужчинам общественными половыми ролями имеется прямая причинная связь:

«Естественное равенство всех людей и естественное неравенство между полами являются парадоксальным канонем XIX века, который остается до середины XX века само собой разумеющимся.» (PASERO, 275)

Чтобы описать *соотношение* полов в его общественном значении, пришлось отказаться от понятия *различение полов*, которое базировалось на утверждении биологических особенностей, и прежде всего из-за того, что такое обращение к природе предполагает тем самым неизменность женских и мужских половых ролей и при этом содействует не только легитимации патриархальной системы власти, но и рассматривает ее как данную природой. Вместо этого различие между биологически заданным полом и вариативной полоролевой установкой в рамках конкретной культуры (гендер) должно было способствовать устранению этой якобы естественной причинной связи. Оно должно было пробудить сознание того, что понятия *женственность* и *мужественность* обнаруживают обусловленное культурой многообразие значений. Исключительное фокусирование на биологически заданных различиях не только не помогает описать это многообразие, а скорее, напротив, скрывает его. Были подвергнуты критике определенные представления о «сущности» полов, которые, постулируемые в качестве «идеалов мужественности и женственности» (GOFFMAN), по-разному влияли на мужчин и женщин и тем самым также по-разному воспринимались ими, казались им желательными или обременительными. В основе лежало убеждение, что «сведение категории пола к ее биологической заданности [...] препятствует размышлению о существовании и общественных функциях этой категории» (CORBIN, 244).

Если значение, которое отводится различению полов, могло быть поставлено в зависимость от культурных классификаций, а не от антропологических, биологических или психологических параметров, тогда и отношение полов друг к другу не могло более пониматься как выражение или репрезентация неизменного, естественного порядка. Соотношения полов являются *репрезентациями внутрикультурных систем правил*:

«Понятие *гендер* является репрезентацией; не только в том смысле, в каком каждое слово, каждый знак указывает на обозначаемое им (репрезентирует его) [...]. [...] *Гендер* нельзя уравнивать с «естественным» полом. Скорее, речь идет о репрезентации некоторого отношения, которое служит основанием для отношений индивидуума и общества и строится на сконструированной и устоявшейся оппозиции двух биологических полов. Это тот конструкт, который феминистские социологи охарактеризовали как *гендерно-половую систему* (sex-gender system)»¹⁶.

Критика «естественно» заданных, биологически детерминированных концептов женственности и мужественности, оперирующая понятием *гендерно-половой системы*, касается не самого факта различения, т. е. не того, что различение возможно и необходимо¹⁷. В этом отношении также и *гендер* не приравнивается к сексуальным различиям.

---

¹⁶ В оригинале: The term gender is a representation; and not only representation in the sense in which every word, every sign, refers to (represents) its referent [...]. [...] gender is not sex, a state of nature, but the representation of each individual in terms of a particular social relation which pre-exists the individual and is predicated on the conceptual and rigid (structural) opposition of two biological sexes. This conceptual structure is what feminist social scientists have designated «the sex-gender system.» (LAURETIS, 4).

¹⁷ О проблемах парадоксов при различении в связи с концепцией *гендер* ср. Хоф (HOF 1992).

Критика не касается того, что существует некоторое *гендерное устройство* (gender arrangements) общества, и того, что в каждом обществе есть различия между женщинами и мужчинами. Вместо того чтобы исходить из *заданных* различий между «женским» и «мужским», это понятие вынуждает нас задуматься над *значением*, приписываемым этим различиям¹⁸. В этой связи встает прежде всего вопрос о том, кто имеет право на определение и оценку этих различий¹⁹.

3. Гендер как социально-историческая категория

Для понимания *гендера* важно отграничить этот новый концепт не только от многовековой «философии полов» и исследований о женщинах, но также и от понятия *половых ролей*, развитого в XX столетии социологической теорией ролей. На первый взгляд между *гендером* и половыми ролями вполне можно найти общее. Оно заключается в целенаправленном отказе от биологически определяемых половых предписаний, а также в стремлении социологической теории ролей включить традиционные исследования общественного положения женщин и мужчин и стоящих перед ни-

---

¹⁸ При этом становится понятным, в какой форме исторически обусловленные конструкции «женственности» и «мужественности» определяют, скажем, собственные представления о половых различиях, восприятие себя мужчиной или женщиной, и в какой форме на эти представления могут повлиять общественные перемены, особенно в экстремальных ситуациях военного и послевоенного времени. Женщины занимали в это время такие позиции и выполняли такие работы, которые обычно никак не совмещались с определением «истинной» женской природы.

¹⁹ Этот вопрос касается и оценочных теорий в области литературы. См. об этом HEYDEBRAND/WINKO. Этот текст, имеющий огромное значение и для России, в ближайшее время будет опубликован на русском языке.

ми задач в новые теоретические рамки. Прежде всего Талкот Парсонс старался описать лежащие в основе разных социальных ролей женщин и мужчин *образцы*, которые не могут быть объяснены ссылкой на биологические данные (ср. PARSONS, PARSONS/BALES). Введенное психоанализом понятие *эдипова треугольника* в семье послужило ему для объяснения интернализации различных ролей, которая одновременно обеспечивала формирование мужской и женской половой идентичности. Предложенная им процедура различения выдвигала на первый план инструментальные (мужские) и экспрессивные (женские) функции в семье. Тем самым он стремился установить связь между личностными и общественными структурами на основе концепта половых ролей.

Невыясненным, однако, остается у него вопрос, каким образом женщины и мужчины вступают в отношения с этими конструкциями. Так, к примеру, становящийся все более очевидным в 1960-е годы протест против предписываемых женщинам ролей, которые Бетти Фридан описала как «загадку женственности» (FRIEDAN), оставался непонятым до тех пор, пока он не был осмыслен как критика позиций соответствующих ролей в системе власти. С этой точки зрения, по убедительному замечанию Роберта Коннелла, теория половых ролей не оставляла «возможности толковать происходящие перемены как диалектику внутри соотношения полов» (CONNELL, 324). Новые постановки вопросов появились впервые тогда, когда было поставлено под сомнение как утверждаемое теорией ролей разделение личности и роли, так и *естественность* женских и мужских качеств. Это явилось началом собственно *гендерных* теорий.

Различие между понятиями *гендер* и *половые роли* опирается на требование феминистской критики науки проанализировать механизм господства и угнетения, связанный с полоролевыми установками, и тем самым переосмыслить категории, используемые при описании общественно-политических процессов. Отмежевываясь от представлений об обществе, в которых еще сохранялось подразделение на женские и мужские жизненные сферы,

гендерная критика направлена против формирования таких оппозиций²⁰. По словам историка Аннеты Кун:

«Признание пола как центральной социально-исторической категории обозначает не только расширение нашего исторического горизонта, но также и сомнение в правильности параметров современных исторических исследований.» (KUNN 1983, 30)

На основании этих размышлений становится понятным также и иной исследовательский интерес, отличающий гендерные исследования от женских исследований, поскольку вначале женские исследования, критикуя различные позиции женщин и мужчин вследствие предписываемых им «ролей», работали в традиционных теоретических схемах. Для женских исследований на первом этапе было важно указать и назвать различия между женщинами и мужчинами. Главная задача состояла в предоставлении информации от женщин и о женщинах, чтобы таким образом создать фундамент для новых теоретических построений. С этого момента начинается задача гендерных исследований, в которых речь идет не столько о продолжении критики теперь уже и без того известного вытеснения женщин и не столько о прежде *однозначно* приписываемых механизмах власти, сколько о критическом анализе механизмов, связанных с иерархизацией.

В отличие от первоначальной критики стереотипных изображений женственности, одновременно пробующей скорректировать эти изображения, т. е. заменить их более «правильными», понятие *гендер* помогло объяснить, напри-

---

²⁰ В опубликованной в 1982 году книге И. Иллиха «Гендер» разделение между женщинами и мужчинами определяется (обобщенно и без какого-либо теоретического обоснования) как заданная природой универсальная женская или мужская форма бытия. При этом, по словам Иллиха, речь здесь идет о так называемой «асимметричной комплементарности», которая была разрушена только посредством иллюзорного идеала о равенстве.

мер, почему определенные концепты женственности действовали на некоторых женщин в определенное время негативно и ограничивающе, в то время как альтернативные концепты являлись освобождающими, даже когда это не были «более правильные», объективно лучшие изображения женственности. Прежде всего протесты женщин, представляющих отдельные меньшинства, привели к осознанию многообразия различий среди самих женщин. Невозможно было больше говорить о (мужском) господстве и (женской) угнетенности вообще, без рефлексии по поводу собственного участия в гендерных конструкциях. Ведь и понятие *мужественности*, часто критикуемое, однако очевидно рассматриваемое как неизменный «факт», также является конструктом.

При различении между женскими исследованиями и гендерными исследованиями, речь идет, естественно, не о точном разграничении, а, скорее, о перестановке акцента, при которой многие, ориентированные вначале преимущественно на жизненные условия и работу женщин исследования, были включены в более широкий контекст. Категория *гендера* разъясняет, что включение женских исследований в теоретические знания не ограничивается включением знания о женщинах и опыта женщин в ту или иную научную область. Напротив, на основании этих новых знаний должны измениться взаимосвязи аргументов и обоснований внутри соответствующей дисциплины. Другими словами, в то время как вначале речь шла прежде всего о представлении информации о женщинах и о показе различий между женщинами и мужчинами, гендерные исследования задаются прежде всего вопросом о значении, которое приписывалось и приписывается этим различиям. Из этого впоследствии встал более трудный вопрос: с помощью каких критериев выбора вообще оценивается релевантность фактов и событий? Как общая теоретическая проблема этот вопрос касается не только женских исследований, он связывается, скорее, со всей областью производства знаний²¹.

---

²¹ Он касается особенно историографии литературы, искусства и музыки. Ср. текст Ины Шаберт в данном сборнике и SCHADE/WENK, NIEBERLE/FRÖHLICH.

Попытка утвердить *гендер* как основополагающую научную категорию имела, таким образом, четыре обоснования: (1) в целях отказа от причинной зависимости между (женским) и (мужским) телом и определенными общественными ролями, которая принимается за естественную; (2) в целях установления связи между структурой отношений полов и другими внутрикультурными контекстами и формами общественной организации; (3) в результате признания того факта, что общественная организация, в которой мужчины и женщины играют определенную роль, не может быть понята *без* анализа соответствующих властных систем; (4) как следствие убеждения, что процесс различения, который ведет соответственно к различным ролям, должен быть также проанализирован.

Тот факт, что женские исследования и феминистская научная критика обязаны своим возникновением социальному движению, а не теоретическому развитию внутри самой науки, объясняет специфическую динамику образования теории, которая привела к смещению от женских исследований к гендерным исследованиям. Введение *гендера* как аналитической категории предвещало возможность деконструкции поставленной под вопрос оппозиции между женщинами и мужчинами и одновременно серьезное отношение к этой оппозиции как к механизму иерархизации в социальной, культурной и политической реальности. С помощью этой аналитической категории сделана попытка описать феномен соотношения власти между полами без обращения к ставшему проблематичным постулату общего «женского» опыта или универсального угнетения женщин. Важность этих размышлений осознается уже и в Германии некоторыми представителями академической науки. Об этом свидетельствуют слова немецкого историка, который в 1988 году заметил, что

«понимание значения соотношения полов в истории – и, конечно, в не меньшей степени и в нашем сегодняшнем обществе – для большинства из нас является новым. Этим пониманием мы прежде всего обязаны нередко неприятной назойливости женщин и

женских исследований. До недавних пор развиваемая мужчинами наука не видела тут вообще никаких проблем. Этот наш прогресс в познании, тем самым, не имеет научного происхождения, а был навязан нам, мужчинам, как и многим женщинам – женским движением». (RURUP, 157)

Можно добавить, что упомянутый тут прогресс в познании состоит не только в том, что вопрос о соотношении полов в результате новой волны женского движения и женских исследований стал общественной и научной темой. Более важным является требование понять, что интерпретационная история различения полов, которая первой приняла попытку конституировать соотношения полов, сама является частью «социального конструирования реальности» (BERGER/LUCKMANN). Это необходимо для того, чтобы таким образом осуществить анализ взаимодействия между этой историей и другими общественными организационными структурами²².

4. Критика «гендера» как категории анализа

Если в начале 70-х годов, в отличие от нашей сегодняшней ситуации, существовало больше единодушия в оценке целей феминистской критики науки, то это имело два основания: (1) считалось, что возможно найти причину угнетения женщин, будь это «патриархат», эксплуататорская социальная система или структурные отношения между частной и общественной сферой и включение в ту или иную сферу в соответствии с принадлежностью к определенному полу. Отдельные течения в феминистском движе-

---

²² Если вопрос о значении отношений между полами для «общественной конструкции действительности» является важным, то нужно прежде всего узнать, какие ответы в этой связи предлагает, напр., теология. Ср. SIEGELE-WENSCHKEWITZ.

нии и в теории могли быть подразделены на «методологические подходы»: «либеральный феминизм», «материалистический феминизм», «культурный феминизм» – в зависимости от того, из каких специфических объяснений маргинального статуса женщин они исходили; (2) считалось, что возможно обсуждение и решение определенных проблем от имени женщин.

Однако сегодня оба эти тезиса кажутся по крайней мере сомнительными, поскольку того единодушия, которое подразумевали феминистки 70-х годов, больше не существует. Возможный выход из зашедших в тупик женских исследований дала гендерная теория. Гендерные исследования, которые, вместо того чтобы исходить из оппозиции женщин и мужчин, обращались к причинам образования этой оппозиции, помогли этим исследованиям обрести более солидную научную базу. Как и по какому праву вновь и вновь делались попытки представить именно различия женщин и мужчин по признаку пола как естественный феномен, независимый от общественного производства смыслов? Этот вопрос вызвал к жизни новое научно-теоретическое рассмотрение соотношения поляризации полов и специфических структур власти.

Постоянное упоминание этого историко-теоретического контекста, внутри которого возникло понятие *гендер*, является важным по двум причинам: (1) Каждое определение гендера должно оговаривать лежащий в основе научного исследования интерес к этому концепту. Этот интерес возник в 1960–1970-х годах в результате отмежевания от господствовавшей тогда концепции различения полов, основывавшейся на биологических предпосылках. (2) Сегодняшняя оживленная дискуссия в области гендерных исследований имеет в Германии тенденцию или упускать из виду условия их возникновения, делая упор на метакритической аргументации в терминах теории познания, или отвергать теоретическую рефлексию как «неполитическую», ссылаясь на политические цели феминистского движения. В результате этого без необходимости затрудняется плодотворный спор с теперь уже не столь редкой и безусловно справедливой критикой гендерно-половой системы.

Именно эта критика, однако, в настоящее время находится в центре обсуждения. Под вопрос поставлено теперь разделение на пол и гендер, так как с ним связан ряд допущений, которые постепенно проявились как противоречия. Изначально это разделение должно было устранить непосредственную причинную связь между «биологическим» и «социальным» полом. Однако кажется, что такое, на первый взгляд многообещающее, представление о гендере как «социокультурной конструкции сексуальности» исходит из того, что существует «тело» или «сексуальность» как таковые, т. е. нечто, что предшествует конструкции, – тело как *tabula rasa*, на котором затем будут заданы культурные предписания.

На это противоречие указала Джудит Батлер (BUTLER). В своей аргументации она основывается прежде всего на работе Мишеля Фуко «L'histoire de la sexualité» (FOUCAULT), в которой он показал, какую «историю» имеет тело, рассматриваемое до сих пор как «естественное», т. е. в какой форме наше понимание мужского/женского тела изначально опосредовано социокультурно. Можем ли мы еще опираться на разделение *пола* и *гендера*, когда само тело понимается как социальная конструкция, осознается как общественно конституированное?

Батлер, кажется, хочет решить проблему, возникшую с разделением на *пол* и *гендер* – природу и культуру, путем отрицания этого разделения. Если между полами не существует никакой «естественной» границы, то и телесные признаки должны рассматриваться как отличительные признаки в рамках культуры. Если разделение на «мужское» и «женское» может быть понято как культурная конструкция, то оно не является необходимым. В крайнем случае оно может рассматриваться как конструкция, искусственно отображающая естественное. Как пишет Барбара Винкен, «для дискурсивной конструкции пола является характерным, что он кажется вполне естественным» (VINKEN 1994, 65). В соответствии с этим концепция однозначно определяемой половой идентичности должна стать иррелевантной.

«Неудобство полов» (Gender trouble) – таков характерный заголовок книги Батлер, которая натолкнулась на

сильное сопротивление со стороны многих исследователей. «Конструктивизм», позиции которого в этой работе Батлер представляет, был ими отвергнут, но без прежних ссылок на биологию²³. Наиболее неприемлемым показалось им стирание границы между природой и культурой, при котором, по их мнению, не признается даже «материальность тела». Противоречивые отклики, которые вызвала эта книга в Германии, ясно показали, что гендерная дискуссия по-прежнему ведется с позиции «или/или». Сексуальность является *или* культурной конструкцией и может изменяться, *или* является биологически обусловленной и раз и навсегда заданной. На связанные с этим проблемы, касающиеся отношений между «биологическим детерминизмом» и «социальным конструктивизмом», указала Линда Николсон (NICHOLSON).

Однако для снятия противоречия между этими противоположными позициями совсем не обязательно однозначно выбрать одну из них. Обоснованные сомнения в необходимости различения между полом и гендером ничего не меняют в критике асимметричности гендерного контракта, опирающейся на это различие. Важнее, как мне кажется, рассматривать эти дебаты как часть изменяющегося воззрения на культуру и критику культуры. Так, существует ряд исследований, которые, создавая «историю сексуальности», одновременно переосмысливают соотношение природы и культуры, пытаются понять это соотношение по-новому²⁴: разделение между природой и культурой, идущее параллельно с различием пола и гендера, вызывает сомнения. Соответственно эту критику нельзя рассматривать изолированно. Она касается не специфической проблемы гендерных исследований, но указывает на общую проблематику, которой должна заниматься не только феминистская критика науки, а именно: возможно ли политическое действие без обращения к таким

---

²³ Обзор литературы, посвященной спорам, вызванным появлением книги Батлер в Германии, дает WOBBE/LINDEMANN.

²⁴ Кроме работ Мишеля Фуко ср. также GALLAGHER/LAQUEUR, LAQUEUR, SHORTER, SULEIMAN.

«универсальным» истинам, как «материальность» тела или «естественный» порядок?²⁵

Как раз на фоне этого «кризиса авторитетов» гендерные исследования предлагают историческую позицию, которая позволяет избежать призрака релятивизма. Ведь в результате этих исследований стал очевидным *образец построений иерархии*, который нуждается в объяснении.

Перевод В. Алавердиана и Наталии Носовой

В оригинале

Renate Hof: Die Entwicklung der *Gender Studies*: In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von Hadumod Bußmann und Renate Hof. Stuttgart 1995. S. 2–33.

Список литературы

- AXELI-KNAPP Gudrun: Politik der Unterscheidung. In: Geschlechterverhältnisse und Politik. Hrsg. vom Institut für Sozialforschung. Frankfurt a.M. 1994.
- BENNENT Heidemarie: Galanterie und Verachtung: Eine philosophiegeschichtliche Untersuchung zur Stellung der Frau in Gesellschaft und Kultur. Frankfurt a.M./New York 1985.
- BENHABIB Seyla u.a. (Hrsg.): Der Streit um die Differenz: Feminismus und Postmoderne in der Gegenwart. Frankfurt a.M. 1993.
- BERGER Peter L. / LUCKMANN Thomas: Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit: Eine Theorie der Wissenssoziologie.

---

²⁵ В этом контексте мне также кажется не совсем справедливым упрек со стороны Кэте Треттин (TRET TIN, 216), автора в основном очень убедительной статьи «Нужна ли феминистской науке “категория”?», которая обвиняет Джудит Батлер в «совершенно неисторическом подходе». То же самое касается и упрека Батлер в том, что она не имеет, «по-видимому, никакого понятия об общественном объективизме». (AXELI-KNAPP, 268)

- Frankfurt a.M. 1984. [Социальное конструирование реальности. М. 1995]
- BOVENSCHEN Silvia: Die imaginierte Weiblichkeit: Exemplarische Untersuchungen zu kulturgeschichtlichen und literarischen Präsentationsformen des Weiblichen. Frankfurt a.M. 1979.
- BRONFEN Elisabeth: Nur über ihre Leiche. Tod, Weiblichkeit und Ästhetik. München 1994. [Over Her Dead Body: Death, Femininity, and the Aesthetic. Manchester 1992.]
- BUTLER Judith: Das Unbehagen der Geschlechter. Frankfurt a.M. 1991. [Gender Trouble: 'Feminism and the Subversion of Identity. New York 1990.]
- CHODOROW Nancy J.: The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley 1978. [Das Erbe der Mütter. Psychoanalyse und Soziologie der Geschlechter. München 1985, 1994.]
- CONNELL Robert W.: Zur Theorie der Geschlechtsverhältnisse. In: Das Argument 157 (1986), S. 330–344.
- CORBIN Alain u.a. (Hrsg.): Geschlecht und Geschichte: Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich? Frankfurt a.M. 1989.
- DIAMOND Arlyn / Lee R. EDWARDS (ed.): The Authority of Experience: Essays in Feminist Criticism. Amherst, Mass. 1977.
- FOUCAULT Michel: Sexualität und Wahrheit. Bd. 1: Der Wille zum Wissen. Frankfurt a.M. 1979 [Histoire de la sexualité. Bd. 1: La volonté de savoir. Paris 1976.]
- FOWLER Henry: A Dictionary of Modern English Usage. Oxford 1940.
- FRAISSE Geneviève: über Geschichte, Geschlecht und einige damit zusammenhängende Denkverbote. Ein Gespräch mit Geneviève Fraisse, geführt von Eva Horn. In: Neue Rundschau 104 (1993), 4. S. 46–56.
- FREUD, Sigmund: Die Weiblichkeit [1932]. In: Studienausgabe. Bd. 1. Frankfurt a.M. 1982.
- FRIEDAN Betty: The Feminine Mystique. New York 1963. [Зарадка женственности. М. 1993.]
- GALLAGHER Catherine / Thomas LAQUEUR (eds.): The Making of the Modern Body. Berkeley 1987.
- GÖRRES Joseph: Mann und Weib [1802]. In: Gesammelte Schriften. Bd. 2. Köln 1932.

- GOSSMANN Elisabeth (Hrsg.): *Eva, Gottes Meisterwerk. Archiv für philosophie- und theologiegeschichtliche Frauenforschung.* Bd. 1. München 1984.
- GOFFMAN Erving: *The Arrangements between the Sexes.* In: *Theory and Society* 4 (1977). P. 301-333.
- HARDING Sandra: *The Science Question in Feminism.* Ithaka, N.Y. 1986.
- HARDING Sandra: *Why Has the Sex/Gender System Become Visible Only Now?* In: *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology, and Philosophy of Science.* Ed. by S. Harding; M. B. Hintikka. Dordrecht 1983. P. 311-324.
- HARTSOCK Nancy: *Money, Sex, and Power: Toward a Feminist Historical Materialism.* Boston 1983.
- HAUSEN Karin: *Technischer Fortschritt und Frauenarbeit im 19. Jahrhundert. Sozialgeschichte der Nähmaschine.* In: *Geschichte und Gesellschaft* 2 (1978). S. 148-170.
- HAUSEN Karin: *Die Polarisierung der 'Geschlechtscharaktere' – Eine Spiegelung der Dissoziation von Erwerbs- und Familienleben.* In: *Sozialgeschichte der Familie in der Neuzeit Europas.* Hrsg. von Werner Conze. Stuttgart 1976. S. 363-393.
- HOF Renate: *Gender and Difference: Paradoxieprobleme des Unterscheidens.* In: *Amerikastudien* 37 (1992). S. 437-450.
- HONEGGER Claudia: *Die Ordnung der Geschlechter. Die Wissenschaften vom Menschen und das Weib.* Frankfurt a.M. 1991.
- ILICH Ivan: *Genus. Zu einer historischen Kritik der Gleichheit.* Hamburg 1983. [Gender. New York 1982.]
- INSTITUT für Sozialforschung Frankfurt (Hrsg.): *Geschlechterverhältnisse und Politik.* Frankfurt a.M. 1994.
- KELLY-GADOL Joan: *Did Women have a Renaissance?* In: *Becoming Visible. Women in European History.* Ed. by R. Bridenthal et al. Boston 1977. S. 137-164.
- KERBER Linda: *Women of the Republic.* Chapel Hill 1980.
- KERKHOF Ingrid: *Zwischen Lew Left und New Right: Zur amerikanischen Frauenbewegung, 1967-1986.* In: *Argument-Sonderband* 156 (1987). S. 38-61.
- KLINGER Cornelia: *Beredtes Schweigen und verschwiegenes Sprechen: Genus im Diskurs der Philosophie.* In: *Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften.* Hrsg. von H. Bußmann u. R. Hof. Stuttgart 1995. S. 34-59.

- KUHN Annette: Frauengeschichte – Geschlechtergeschichte: Der Preis der Professionalisierung. In: Feministische Erneuerung von Wissenschaft und Kunst. Hrsg. von der Arbeitsgemeinschaft Interdisziplinäre Frauenforschung und -studien. Pfaffenweiler 1990. S. 81–99.
- KUHN Annette: Das Geschlecht – eine historische Kategorie. In: Frauen in der Geschichte IV. Hrsg. von I. Brehmer et al. Düsseldorf 1983. S. 29–50.
- LAQUEUR Thomas: Making Sex. Body and Gender from the Greeks to Freud. Cambridge, Mass. 1990 [Auf den Leib geschrieben, Frankfurt a.M. 1992.]
- LAURETIS Teresa DE: Technologies of Gender: Essays on Theory, Film, and Fiction. Bloomington 1987.
- LERNER Gerda: The Female Experience: An American Documentary. Indianapolis 1977.
- LLOYD Geneviève: The Man of Reason: 'Male' and 'Female' in Western Philosophy. London 1984. [Das Patriarchat der Vernunft. 'Männlich' und 'Weiblich' in der westlichen Philosophie. Bielefeld 1985.]
- LORDE Audrey: Sister Outsider. Essays and Speeches. New York 1984.
- MAHOWALD Mary B. (ed.): Philosophy of Woman: An Anthology of Classic and Current Concepts. Indianapolis 1978.
- MILLETT Kate: Sexual Politics. Garden City, N. Y. 1969. [Теория сексуальной политики. В: Вопросы философии (1994) 9, с. 147–172.]
- MOLLER OKIN Susan: Women in Western Political Thought. Princeton, N. J. 1979.
- NICHOLSON Linda: Was heißt 'gender'? In: Geschlechterverhältnisse und Politik. Hrsg. vom Institut für Sozialforschung Frankfurt. Frankfurt a.M. 1994.
- NIEBERLE Sigrid / FRÖHLICH Sabine: Auf der Suche nach den ungehorsamen Töchtern: Genus in der Musikwissenschaft. In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von H. Bußmann u. R. Hof. Stuttgart 1995. S. 292–339.
- NICHOLSON Linda (ed.): Feminism/Postmodernism. New York 1980.
- NORTON Mary Beth: Liberty's Daughters: The Revolutionary Experience of American Women, 1750–1800. Boston 1980.

- ORTNER Sherry: Is Female to Male as Nature is to Culture? In: Women, Culture and Society. Ed. by M. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford 1974.
- OFFEN Karen: Defining Feminism: A Comparative Historical Approach. In: Signs 14 (1988). P. 119–157.
- PARSONS Talcott: Age and Sex in the Social Structure of the United States. In: American Sociological Review 7 (1942). P. 167–181.
- PARSONS Talcott / BALES, Robert F.: Family Socialization and Interaction Process. Glencoe 1955.
- PASERO Ursula: Geschlechterforschung revisited: konstruktivistische und systemtheoretische Perspektiven. In: Wobbe / Lindemann, 1994. S. 264–296.
- REITER Rayna R. (ed.): Toward an Anthropology of Women. New York 1975.
- RICH Adrienne: Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York 1976.
- ROSALDO Michelle / LAMPHIERE, Louise (ed.): Woman, Culture, and Society. Stanford 1974.
- ROUSSEAU Jean-Jacques: Emile ou de l'éducation [1762]. Paris 1964.
- RUBIN Gayle: The Traffic in Women: Notes on the Political Economy of Sex. In: Reiter, 1975. P. 157–210.
- RÜRUP Reinhard: Geschlecht und Geschichte: Ein Kommentar. In: Die Zukunft der Aufklärung. Hrsg. von J. Rüsen. Frankfurt a.M. 1988. S. 157–164.
- SCHADE Sigrid / WENK Silke: Inszenierungen des Sehens: Kunst, Geschichte und Geschlechterdifferenz. In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von Hadumod Bußmann u. Renate Hof. Stuttgart 1995. S. 340–407.
- SCHEMAN Naomi: 'Your Ground is my Body': Strategien des Anti-Fundamentalismus. In: Paradoxien, Dissonanzen, Zusammenbrüche: Situationen offener Epistemologie. Hrsg. von H. Gumbrecht u. K. Pfeiffer. Frankfurt a.M. 1991. S. 639–654.
- SCOTT Joan Wallach: Gender: A Useful Category of Historical Analysis. In: SCOTT, J. W.: Gender and the Politics of History. New York 1988. P. 28–50.
- SCOTT Joan Wallach: Women in History: the modern period. In: Past & Present 101 (1983). P. 141–157.

- SHORTER Edward: Der weibliche Körper als Schicksal: Zur Sozialgeschichte der Frau. München 1987 [A History of Women's Bodies. New York 1982.]
- SIEGELE-WENSCHKEWITZ Leonore: Die Rezeption und Diskussion der Genus-Kategorie in der theologischen Wissenschaft. In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von H. Bußmann u. R. Hof. Stuttgart 1995. S. 60–113.
- SPELMAN Elizabeth V.: Inessential Woman. Problems of Exclusion in Feminist Thought. Boston 1988.
- SULEIMAN Susan (Hrsg.): The Female Body in Western Culture: Contemporary Perspectives. Cambridge, Mass. 1986.
- TRETTIN Käthe: Braucht die feministische Wissenschaft eine «Kategorie»? In: WOBBE, LINDEMANN. S. 208–235.
- VINKEN Barbara: Mode nach der Mode. Kleid und Geist am Ende des 20. Jahrhunderts. Frankfurt a.M. 1994.
- VINKEN Barbara: Dekonstruktiver Feminismus. Literaturwissenschaft in Amerika. Frankfurt a.M. 1992.
- WILLIAMS Raymond: Culture and Society: 1780–1959. London 1987.
- WOBBE Theresa / Gesa LINDEMANN (Hrsg.): Denksachsen. Zur theoretischen und institutionellen Rede vom Geschlecht. Frankfurt a.M. 1994.
- WOOLF Virginia: Ein Zimmer für sich allein. Berlin 1978. [A Room of One's Own. London 1929; Своя комната. В: Литературное обозрение (1989) 6, стр. 168–190].

Верена Эрих-Хэфели

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ
КОНЦЕПЦИИ ЖЕНСТВЕННОСТИ
В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ XVIII в.:
ПСИХОИСТОРИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ
ГЕРОИНИ Ж.-Ж. РУССО СОФИ

...истинное горе, порожаемое
ложными понятиями.

(HOFMANNSTHAL, 47)

«Сама женственность», «типично по-женски» или, наоборот, «мужик в юбке» – подобные речевые обороты, оценивающие наличие «женского» в женщине, знакомы большинству из нас. Откуда же у нас это знание о том, что является «женственным», о женской «природе»? Как известно, знание это не дано природой, а берет начало в XVIII в.

Предлагаемая вниманию читателя работа исходит из того, что определение половых ролей и модальностей отношений между полами является социокультурным конструктом. Это основополагающее утверждение, которое одновременно является фундаментом феминистской критики, вытекает уже из того наблюдения, что дискурс о полах подвержен историческим изменениям. Исходя из этого, в данной работе будут сопоставлены две модели полов: более старая, относительно эгалитарная модель эпохи раннего Просвещения (представленная в первой главе) и та модель, которую мы впитали с молоком матери и против которой

борется феминистское движение с самого своего зарождения (представленная в последующих главах)¹.

То, что новый, утвердившийся в XVIII веке дискурс о полах, который впервые нашел выражение в работах Руссо и оказал огромное влияние на последующие эпохи, прокламирует себя как «естественный», законный и данный самой природой, полностью отвечает универсалистским тенденциям дискурса эпохи Просвещения вообще (ср. значение «естественного права» в качестве всеобщей аргументационной базы).

Убежденность в том, что задаваемое определение полов соответствует природе, способствовала – и по сей день способствует – затушевыванию идеологического характера данного социокультурного конструкта и мешала критически отнестись к нему.

В центр рассмотрения в данной работе будет поставлено сочинение Ж.-Ж. Руссо «Эмиль», в особенности его 5-я книга «Софи, или Женщина», поскольку именно этот текст явился исторически первой и имевшей невероятный успех прокламацией «новой женственности» и, тем самым, нового дискурса о женщине.

Сочинения Руссо в целом нашли необыкновенно широкий отклик в тогдашней Европе. Особенно интенсивно был воспринят новый дискурс в Германии, свидетельством чего является немецкий классицизм и романтизм в литературе и немецкий идеализм в философии (напр., Фихте и Гегель). Приводимые в данной работе примеры из немецкой литературы должны продемонстрировать влияние идей Руссо в немецкоязычном пространстве, их укоренение в сознании, в результате которого они превратились в нечто очевидное и не терпящее возражений.

В России распространение идей Руссо определялось двумя факторами: во-первых, за счет непосредственного влияния западно-европейского Просвещения на русскую

---

¹ Подробный критический обзор различных феминистских подходов дает К. Гарбе (GARBE). Далее см.: BOVENSCHEN, STEINBRÜGGE 1983.

культуру и, во-вторых, за счет последующего влияния на нее немецкого романтизма и идеалистической философии. В результате этих влияний дискурс о полах, инициированный Руссо, наложил отпечаток на русскую литературу XIX в., а вследствие этого и на русский менталитет в целом, и это при том, что в феодально-патриархальной структуре русского общества того времени, собственно говоря, отсутствовало то самое «третье сословие» («буржуа», «граждан», «бюргеров», мещан), которое в Западной Европе служило носителем и пропагандистом этого нового дискурса. С другой стороны, представление Руссо о «женской природе» соответствовало традиционным, в том числе религиозным, представлениям, таким как концепт Софии – женственной божественной мудрости.

Вне сомнения, полоролевые представления, существующие сегодня в России, в значительной степени опираются на культурные конструкты XIX в., и это несмотря на, казалось бы, глубинные изменения, привнесенные советской эпохой. Процессы, которые могли бы помочь объяснить сегодняшние сложные взаимоотношения полов, еще недостаточно исследованы. Представленные в данной работе размышления должны, на мой взгляд, способствовать тому, чтобы дискуссии вокруг сегодняшних полоролевых представлений велись с учетом истории их происхождения, и, в первую очередь, помочь избежать той ловушки в рассуждениях, в которую нас обычно заводит тезис о якобы «естественной женственности».

Роман Руссо, осуществивший поистине эпохальный переворот, неоднократно становился мишенью феминистской критики, причем в разных аспектах. Однако действительные масштабы его влияния открываются лишь при анализе моделей мужчины и женщины с точки зрения разработанных им психических структур. Задачам такого анализа отвечают используемые мной здесь порядок работы и метод интерпретации.

Руссо предлагает примеры воспитания для обоих полов: для Эмиля в книгах 1-4 и для Софи в книге 5-й – и дает разъяснения необходимости такого воспитания. При этом воспитательные процессы для разных полов оказываются

диаметрально противоположными – контраст, над которым Руссо не размышляет, а просто приписывает его воле природы. Основная часть моей работы будет посвящена анализу с точки зрения психических последствий тех воспитательных мер, с помощью которых достигается постулируемая и хорошо известная многим из нас «женская природа». Этот анализ позволит наглядно показать, что в основе идеальных женских качеств лежат такие психические структуры, ставшие для нас проблематичными, как кротость, несамостоятельность, послушание. Для этой цели я буду использовать при интерпретации текста некоторые элементарные сведения из области психоанализа. Я хочу показать, каким образом Руссо закладывает в образе Софи все те черты, которые спустя 150 лет Фрейд *de facto* будет обнаруживать в психике своих пациенток как специфические особенности женского: пассивность, женский мазохизм, дефицит сверх-Я, женский нарциссизм, «темный континент» женской сексуальности и т. д., т. е. все то, что мы сегодня понимаем скорее как признаки фундаментального нарциссического нарушения, которое препятствует развитию самостоятельного бытия женщины как субъекта. Таким образом, одной из целей данной работы является точная историческая релятивизация концепта женственности в классическом психоанализе, что позволит увидеть и в общепринятом понимании «женственного» всего лишь исторический конструкт.

В программном исследовании об имажинированной женственности Сильвия Бовеншен (BOVENSCHEN) описывает это изменение дискурса о женщине как переход от образа «ученой женщины» ранней эпохи Просвещения к образу женщины чувствительной. Положение «ученой женщины», которая в качестве писательницы обладает внутренней автономией и правом голоса (*Mündigkeit*), вместе с мужчинами работает над культурными задачами эпохи, по мнению Бовеншен, несомненно является наиболее ярким примером равного статуса женщины в философии раннего Просвещения. Однако писательница представляет собой специальный случай; для моего исследования изменения психических структур необходимо поставить вопрос в более общем

виде: какое пространство отводится в текстах до 1750 года для (в целом) бытия женщины как субъекта (Subjekt-Sein); каким образом и в какой мере это пространство затем ограничивается? Краткое сопоставление прежнего и нового, пропагандируемого Руссо дискурса о полах должно определить эти рамки.

Два Адама и две Евы: год 1743 и год 1798

Чтобы как можно более кратко и наглядно пояснить такую постановку вопроса, я хочу ограничить исследуемый мной материал двумя текстами с изображением Адама и Евы, один из которых написан до моделирования этой программной пары у Руссо в 1762 году, а другой после. Первый из текстов – фарсовая история сотворения мира Себастиана Зайлера², второй – текст Свитена³ к гайдновскому «Сотворению мира», в котором идеи Руссо, получившие широкое признание, представлены уже в виде гладких клише. Речь в текстах идет о презентации только что созданной пары (Адама и Евы) и о первом диалоге супругов; у Зайлера – также о реакции обоих на грехопадение.

Когда в тексте Зайлера Бог-отец приводит только что сотворенную Еву к Адаму, тот спрашивает: «Это – супруга

---

² Себастьян Зайлер (ZÄHLER, 1714–1777) – миссионер, автор пьес, написанных на швабском на диалекте, известный в свое время проповедник. Сочинитель шванков, бурлесков, зингшпилей. Неотесанность, образность, просторечный характер языка, характеризующие и его проповеди, усиливаются за счет использования диалекта. Его пьеса из трех актов с ариями и речитативами «Сотворение мира» – одна из самых известных диалектных пьес. (Прим. изд.)

³ Готфрид ван Свитен (SWIETEN, 1734–1803) – директор Королевской библиотеки в Вене, друг Гайдна и Моцарта, составитель текстов к ораториям Гайдна «Сотворение мира» (1798) и «Времена года» (см. HAYDN). (Прим. изд.)

моя?» Вместо того чтобы позволить Богу ответить на вопрос и представить ее, эта Ева считает, что она вполне может сама отвечать за себя: «Да, Адам, сдается мне, это я» (стр. 24). И после короткого объяснения Бога о том, как он ее вырезал из ребра, она тут же начинает спорить, кто же из двоих создан из лучшего материала. Это по меньшей мере предполагает наличие у Евы явного сознания своей равноценности, того, что она равня Адаму.

При распределении наказаний за грехопадение Адам, после короткой попытки поторговаться с Богом, покорно принимает свою долю, труд возделывания земли. Иначе обстоит дело с Евой. Муки деторождения она не оспаривает; однако когда она слышит, что в наказание должна постоянно подчиняться своему мужу, она раздражается словесным потоком страстного возмущения.

Она яростно спорит с Богом-отцом, требует, чтобы, напротив, Адам был ее слугой, угрожает, что сможет себя защитить и т. д. В итоге Ева самовольно устанавливает другой порядок: на поле господином пусть будет Адам, но в доме и в хозяйстве она будет распоряжаться сама (стр. 43). Ее главный аргумент – это та работа, за которую она отвечает: в рефрене перечисляются 52 вида деятельности⁴. Эта Ева борется за свою самостоятельность, которую она считает своим правом; она не боится конфликта, и ее гнев выражается с большой откровенностью (кажется маловероятным, чтобы Адам и Бог-отец смогли ей противостоять). Конечно, это пародия, фарс, комическое утрирование; однако и в романах этого времени, в другой тональности, можно найти параллели к такому изображению женщины.

Совершенно по-другому изображает отношения внутри первой супружеской пары Ван Свитен пятьдесят лет спустя. Архангел Уриил описывает результат сотворения мира следующим образом:

---

⁴ То есть мы видим, что она наравне с мужчиной участвует в семейном производстве, что было характерно для старых хозяйственных форм не только в деревне, но и в городских ремесленных и промысловых мастерских (Ср. и сн. 7; прим. ред.).

Украшенный достоинством и величием,
Одаренный красотой, силой и мужеством,
Подняв голову к небу, прямо стоит человек,
Мужчина, царь природы.
Широкий благородный лоб
Выдает глубину его мудрости,
Дух лучится из его светлых очей,
Он – образ и подобие творца, его

дыханье.

К груди его прижалась
Для него, из него сотворенная
Супруга, нежная и грациозная.
С радостной невинностью улыбается
она ему,
Прелестна, как весна,
Несет ему любовь, счастье, упоенье⁵.

Мужчина стоит, «высоко подняв голову» и свидетельствуя этим, что его сущностью является самостоятельность, самоопределение, автономия; он существует для себя, является целью в себе. Ева, напротив, существует «для него», она даже не названа женщиной, а определена лишь по отношению к нему - «супруга». Она не «стоит»: она «прильнула к нему» и «улыбается ему». У Зайлера была ясная установка на межсубъектность – «два дерева в саду». Здесь же провозглашаются «дуб и плющ» – распространенная метафора, которая, однако, лишь незадолго до этого получила соответствующее значение и оценку (HAYDN, 22).

Старый теологический спор о том, обладает ли женщина разумной душой и является ли она в полном смысле слова человеком (спор, приобретший новое звучание в эпоху утверждения прав человека и гуманистического мышления, для которой главным было «называться человеком»), со всей очевидностью проступает здесь между строк. Слова о подобии Божьему и о «дыхании», т. е. «духе» Господнем относятся лишь к Адаму. Два самых главных дискриминиру-

⁵ HAYDN, 19. Дается прозаический перевод текста.

ющих положения из истории сотворения мира появляются здесь вновь. Аппозиция «человек, мужчина» не позволяет однозначно решить, исключена ли здесь – в силу логики языка – женщина уже окончательно из понятия «человек» или она тоже может иметься в виду? Позже будет рассмотрена та же дискурсивная неясность у Руссо.

После того как супруги вместе с ангелами благодарят Бога за творение, Адам берет слово и устанавливает «порядок вещей»: вначале необходимо было поблагодарить Бога, а теперь он введет Еву в сотворенный мир, объяснив ей при этом, каково должно быть ее отношение к Богу. К тому же он уже знает, какую радость она испытает от этого. «Следуй за мной, я поведу тебя!» – дважды в двенадцати строках появляются эти ключевые слова (там же). Самой воспринимать мир, самой учиться жизни – это для нее не предусмотрено. И Ева соглашается: «О ты, для кого я есмь, ты мое укрытие, ты моя защита, в тебе весь мир мой!» (там же). Диалог заканчивается радостным подчинением Евы предложенному Адамом порядку: «Твоя воля мне закон, и подчинение тебе несет мне радость, счастье и славу» (там же, стр. 23). В шести строках излагает она основы своего существования, т. е. своего отношения к Адаму, и ни разу в предложении не встречается местоимение «я» в позиции субъекта (т. е. в именительном падеже) – отказ от субъектности отражен уже в ее речевых формах.

Два эпизода в тексте указывают на то, что иерархические отношения между Адамом и Евой здесь иного качества, чем прежние, о которых идет спор у Зайлера. У него отношение господства/подчинения не изначально, оно устанавливается посредством речевого акта позже – в результате их действий и как установление может быть оспорено. В какой-то степени это установление остается внешним по отношению к ним как некоторое возложение обязанностей в браке. У Ван Свитена эти отношения изначально заложены в обоих как различные складывания характера, они непосредственно осознают их как черту их мужской или женской «природы». (Дискуссия на эту тему поэтому оказывается невозможной.) Кроме того, старые аргументы в рамках нового дискурса того времени получают новую за-

конную силу, а именно: «широкий благородный лоб» и «светлый взор» дают понять, что мужчине самой природой уготована роль господина и это неоспоримо; это доказывает и новая антропология медиков-философов (*médecins-philosophes*)⁶, которые, преданные психофизическому монизму, верят в то, что умственный склад и психологию полов можно различать, исходя из биологической организации, даже из анатомии. Также и Гумбольдт в это время развивает целую философию полов в зависимости от строения тела и «делает наблюдение» при этом, что в мужской форме намного отчетливее проявляется «истинное человечество», чем в женской, как начали утверждать за сорок лет до этого Руссо и другие (Гумбольдт, 305). Текст Руссо внес значительный вклад в создание дискурса и обоснование нового концепта мужской и женской «природы», «характера пола».

---

⁶ Ср. HONEGGER, STEINBRÜGGE 1983. Новая антропология, разработанная медиками-философами, представляет тот психофизический монизм, который пришел на смену картезианскому дуалистическому разделению души и тела, характерному для раннего Просвещения. Вызванная к жизни и находящаяся под влиянием более или менее материалистического сенсуализма и медицинских открытий, новая антропология представляет точку зрения, согласно которой телесная конституция, если не полностью определяет, то по крайней мере накладывает отпечаток на весь духовно-душевный склад человека. Только в рамках такого понимания «человека в целом» могло развиваться убеждение о двух полярно противопоставленных полах, которое Руссо со всей последовательностью формулирует в начале пятой книги. Прежняя модель полов, которая наделяла женщину равной с мужчиной способностью разумно мыслить, основывалась, напротив, на картезианском дуализме. В 1726 г. немецкий писатель и критик Иоганн Кристоф Готтшед эксплицитно заявляет: «Душа не разделяется по полу, // И дух един в различных двух телах!» «Encyclopédie», важнейший орган французского Просвещения, была близка к идеям новой антропологии медиков-философов и способствовала распространению их взглядов (ср. и сн. 11).

Книга Руссо в контексте своего времени

Коренное изменение концепции женщины, которое мы наблюдали на примере изображения Адама и Евы, является лишь частью того общего изменения представлений, которое характеризует смену эпох с наступлением исторического нового времени («буржуазного»). Для рассмотрения моей темы мне кажется важным иметь в виду весь комплекс этих обстоятельств. Это время возникновения современного индивидуума; время глубоких изменений основных представлений, связанных с образом жизни и работой мужчин; время возникновения новой семьи в связи с разделением трудовой деятельности и семейной жизни⁷; время, когда ребенок становится важным прежде всего как ребенок, а не как несовершеннолетний; время, когда по-новому тематизируется «материнский инстинкт», – и эти последние два пункта вновь возвращают нас к Руссо.

Вероятно, необходимо объяснить, почему я без сомнений включаю Руссо в контекст немецкой культуры. Широко известно его влияние на крупных писателей и мыслителей последующей эпохи; но, кроме того, его основные произведения, непосредственно вслед за их появлени-

---

⁷ Ср. в связи с этим основополагающий трактат Карин Хаузен (HAUSEN). Она объясняет дифференцирование характеров полов разделением сфер трудовой деятельности и семейной жизни. Эта концепция полов играла роль обязательной основы нового общественного порядка в условиях разделения труда (ср. и сн. 4). Женщина рассматривалась как гарант сохранения буржуазной малодетной семьи, которая, в свою очередь, понималась как зародышевая клетка буржуазии. Создание Руссо модели нежной, самоотверженной, внешне привлекательной женственности отвечало поэтому общественной потребности. Теоретические положения в этой области базируются, как правило, на развитии западного буржуазного общества, т. е. на феномене, который для России, по крайней мере в синхронном срезе, не обладает той же объяснительной силой. (Прим. ред.)

ем, нашли удивительное распространение среди немецких читателей⁸.

В особенности это касается 5-й книги романа. Светская жизнь, против которой – вследствие ее влияния на женщину, отчуждающего ее от природных обязанностей, – направлено страстное перо Руссо, была в Германии гораздо менее развита, чем во Франции. «Светская дама» встречается в обществе немецких бюргеров пока еще относительно редко. Вследствие этого от адептов Руссо отказ от светской жизни требовал, наверное, меньше жертв, чем во Франции. При этом в результате такой жертвы их ограниченный образ жизни получал большую ценность, происходило как бы его «преображение». Сам Руссо говорит о том, что в протестантских областях семейные связи намного сильнее, чем в католической Франции (491)⁹. Больший, чем во Франции, отклик нашли в Германии и сентиментальные семейные драмы Дидро¹⁰.

В смысле изменения концепта женщины текст Руссо интересен не только тем, что автор впервые воплощает новые идеи в художественном образе (наряду с Софи во второй части «Новой Элоизы» выступает Юлия), но и тем, что в нем существуют три явно разграниченных регистра: во-первых, утверждения о «природе» женщины, из которых делается вывод об изначальной подчиненности женщины мужчине; затем – наиболее важное для образующихся психических структур – учение о воспитании, практические рекомендации которого показывают, каким образом можно получить то, что было постулировано как женская «природа», т. е. как из потенциального дерева вырастает плюш; и в-третьих, – регистр «пре-

---

⁸ Широкий анализ значения Руссо отсутствует и для русского культурного пространства. То, что его произведения стали достоянием широкой публики в России, неоспоримо. Однако прежде всего его идеи оказывали влияние за счет их переработки в произведениях тривиальной литературы того времени. (Прим. ред.)

⁹ Цитируется по изданию: Jean Jacques Rousseau: *Emil ou de l'éducation*. Introduction par Francois et Pierre Richard. Paris 1964.

¹⁰ Что касается России, то это требует своего обсуждения. (Прим. ред.)

ображения», который окружает сиянием новый созданный образ женщины и провозглашаемое счастье домашней жизни (маленький роман в конце книги, когда Эмиль и Софи находят друг друга, почти полностью относится к этой третьей тональности). Подавление и «преображение», таким образом, еще жестко и четко противопоставлены, чего мы больше не находим в соответствующих текстах классицизма.

При этом между частью книги, посвященной Эмилю, и частью книги, посвященной Софи, – особенно в последней – есть явные противоречия и в высшей степени сомнительная аргументация, к примеру поразительно произвольное обращение с «волей природы». С первого взгляда на текст становится очевидно, что Эмиль, и в еще большей степени Софи, являются идеальными образами, которые противопоставляются как заклинания травматическим переживанием самого Руссо, что, вероятно, способствовало убедительности его книги.

Я не могу в рамках данной работы осветить все это более подробно. Моя задача – попытаться показать наиболее важные аспекты той психической организации, которая программируется здесь для женщины, сравнив это с тем, что отводится в этом смысле для Эмиля, и кратко указав на историю влияния и исторический успех артикулируемой здесь концепции женственного. Этот успех показывает, что Руссо, обозначив своей книгой «Софи, или Женщина» поворот в ряду литературных женских образов, одновременно явился лишь рупором мощных тенденций, развивавшихся в этом направлении. (Так, «Энциклопедия», которая отражала общепринятые прогрессивные взгляды того времени, обнаруживает сходные взгляды в том, что касается демографических опасений физиократов¹¹:

---

¹¹ Физиократы (Du Quesnay, Turgot и др.), отвергавшие абсолютистский меркантилизм, придерживались мнения, что богатство страны состоит не в накопленных в ней деньгах, а в производительности ее почвы. Чем интенсивнее обрабатывается почва, тем больше человек она сможет прокормить, а, в свою очередь, большее народонаселение сможет опять-таки повысить плодородность почвы за счет увеличения ее обработки и т. д. Так возникает «демографическое богатство»: только растущее народонаселение гарантирует своей полезной деятельностью во всех областях благополучие и

с поразительным усердием, в деталях, подробно сообщается обо всем, что касается материнства; в то же время работа женщин вне дома, которая имела уже в то время во Франции большое значение, оказывается едва отмеченной.)

Женщина как «другое» мужчины, человека?

Руссо также начинает свои рассуждения о «Софи, или Женщине» с вопроса, в какой мере женщина является существом рода «человек», правда, хорошо закамуфлированного в вводном вопросе о схожести и различии полов. Он отвечает на этот вопрос со справедливой логикой: во всем, что не касается пола, женщина равна мужчине, т. е. человеку («la femme est homme», 445); во всем же, что касается половой принадлежности, они различны. Несколькими страницами дальше показывается, что мужчина играет роль самца лишь в определенные моменты, в то время как женщина является самкой в течение всей своей жизни, точнее говоря, пока она не становится слишком стара для этого: все ее существование, ее конституция, не исключая и ее духа, темперамента и характера, определяются ее половыми функциями (450). То, что женщина приравнивается к полу («le sexe») как та-

---

богатство страны. Под полезной производительностью женщины понималась в этой связи ее способность к деторождению. Исключительным смыслом жизни женщины становилась поэтому роль матери. «Энциклопедия» (Encyclopédie) была близка к этим взглядам (Прим. Э.-Х., ср. сн. 6).

В связи с этим материнским добродетелям приписывалась особая ценность, что принимало иногда формы рекламной кампании с целью привлечения женщин к выполнению ими их демографических обязанностей. Политическая обусловленность некоторых характеристик половых ролей и сегодня очевидна. Так, сегодня во всем мире считается совершенно нормальным то, что женщины работают лишь тогда, когда необходима рабочая сила. Во время перенасыщенности рынка труда женская занятость напрямую связывается с подростковой преступностью. (Прим. ред.)

ковому, является лишь следствием этого логического построения. Это означает, с другой стороны, что не остается ничего из того, что объединяло женщину и мужчину. И на этой основе выстраивается весь дальнейший текст¹².

Последствия такого разделения полов вновь и вновь рассматриваются в тексте, причем в разных аспектах. Руссо постулирует, что совершенный мужчина и совершенная женщина должны так же мало быть сходными духом, как они мало схожи своим внешним обликом (446). Поэтому чем больше разделены их жизни, тем лучше и для них обоих, и в целом; современное же сближение и смешение полов в обществе, не говоря уже о равенстве, являются лишь свидетельством происходящего упадка (451–454 и далее). Отсюда и идеальное сообщество Кларанс в «Новой Элоизе» организовано таким образом, что мужчины и женщины встречаются лишь в особых случаях. Далее: если ранее, в народной традиции *Weiberschelte*¹³ (которая у Зайлера прорывается в преувеличенной долготе гневной арии Евы), специфически «женским» порокам противостояли общие для мужчин и женщин добродетели, то Руссо утверждает, что для женщины является добродетелью то, что для нас, мужчин, было бы недостатком, и наоборот; способности обоих взаимно «дополняются» (*se compensent*; 453 и далее); женщина, которая развивает в себе мужские способности, перестает быть женщиной и превращается в нечто несуразное (454, 488). Таким образом, у мужчины и женщины не остается больше ничего общего, равного; различия начинаются с еды – женщине природа отвела молоко и сладости (501) – и кончаются специфической для каждого пола моралью.

---

¹² Сильвия Бовеншен показала, что и у Канта в контексте дискуссии о гражданских правах используются те же формы имплицитного исключения женщины из общей категории «человек».

¹³ *Weiberschelte* (дословно: женская ругань, порицание) – возникшая в XIV в. традиция, для которой были характерны также «женские пирушки» с «вынесением приговора» мужчинам, что сегодня сохранилось в форме «женского карнавала». (Прим. ред.)

Здесь напрашиваются два замечания. В рамках этой философии, находившейся под влиянием упомянутой выше новой антропологии полов, женщины вычленяются буквально как «другое»; они становятся в прямом смысле объектом мужского дискурса. Это видно на примере речевой стратегии в первой части пятой книги, рассматривающей общие теоретические положения: это мужской разговор между «нами, Вами и мной» (*pous, vous et moi*) о «них» (*elles*) – лишь изредка он обращается с советами непосредственно к «рассудительной матери» (*mère judicieuse*, 454). Насколько женщины являются «другим», ясно показано в небольшом сочинении Дидро «О женщинах» (*DIDEROT: Sur les femmes*, 1772). Женские недомогания, начиная с периода полового созревания, во время последующих беременностей и вплоть до климакса, превращают женщин в достойных сожаления больных; добавив к этому случаи проявления истерии, Дидро с каким-то восторженным ужасом говорит о них как о «настоящих дикарях в глубине их существа» (*de vraies sauvages en dedans*, там же, 35) и в итоге, соединив восхищение перед ними с их уничижением, называет их «довольно необычными детьми» (*les enfants bien extraordinaires*)¹⁴! Таким образом, трижды вытесненные за пределы мира мужского разумного порядка, они в конечном счете оказываются «тайной» (*mystère*, там же, 48) – «загадкой женского», над которой, как позднее считал Фрейд, мужчинам приходится «ломать голову» (*FREUD 1933, 545*). Женщинам, говорит он, достаточно быть этой загадкой. Схема осталась той же. (Что понятая, как «тайна», женщина становится идеальной плоскостью для проекций, показывает хотя бы представление о скрытой в женщине специфической дикой природе, которое впоследствии нередко встречается в литературе: только женщины превращаются у Шиллера «в гиен»¹⁵; а у Лессинга опять же лишь женщины [Марвуд, Ор-

---

¹⁴ Там же, с. 33. Руссо тоже называет женщин «*de grands enfants*» (большими детьми; 245). Разумеется, Дидро создавал за пятнадцать лет до того и совсем другие женские образы, к примеру самостоятельную, сильную Констанцию в «*Fils naturel*».

¹⁵ Friedrich SCHILLER: *Das Lied von der Glocke*, Vers 367, S. 440.

сина] неистовствуют и готовы «разорвать на куски» свои жертвы. Клаудия Галотти «рычит» как «львица, потерявшая детенышей»)¹⁶. Это отграничение женщины как чужеродного «другого», с которым мужчину не связывает эмпатия, объясняет, возможно, ту подчас удивительную жесткость и безразличие, с которыми Руссо обрекает женщину на статус подчиненного существа, а маленькую девочку на разработанную им в соответствии с волей природы дрессировку.

Предназначенная к тому, чтобы нравиться: жизнь в зеркале

Исходный пункт в дифференциации мужчины и женщины Руссо видит в «общей цели природы», акте оплодотворения. В соответствии с представлениями о любовной войне Руссо поясняет, что мужчина должен быть для этого активным, сильным, готовым к наступлению; что же касается женщины, то достаточно, если она не оказывает большого сопротивления; ее конституция, таким образом, является слабой, пассивной, робкой (446 и далее). Из этого он выводит все последующее.

Для компенсации своих слабостей женщина должна пытаться понравиться мужчине и стать для него милой, с тем чтобы получить в его лице господина («elle doit se rendre agréable à l'homme /.../ pour être subjuguée», 446) и чтобы затем сделать его жизнь внутри дома настолько приятной, что он не будет искать удовольствий вне семьи (469); однако прежде всего она должна добиться его расположения, чтобы он захотел дать ей и ее (!) детям то, в чем они нуждаются для жизни: «Уже по самой своей природе женщины, как сами, так и их дети, зависят от отношения к ним мужчин» (Par la loi même de la nature, les femmes, tant pour elles que pour leurs enfants, sont à la merci des jugements des

---

¹⁶ Марвуд из пьесы «Мисс Сара Сампсон» (1755), Орсина и Клаудия Галотти из пьесы «Емилия Галотти» (1772). Ср. LESSING 1755, 1772 с. 26, 41, 173, 189. (Прим. ред.)

hommes; 455). То, что женщина в поисках средств существования оказывается полностью отданной на волю мужчины, его отношения к ней, полностью лишает ее какой бы то ни было почвы, на которой она могла бы «стоять», – в этом уже угадывается ибсеновская Нора, боязливо-настойчиво вымаливающая у своего супруга с помощью лести деньги на ведение хозяйства¹⁷.

Руссо нигде не анализирует исторически относительно новые предпосылки этой зависимости (разделение трудовой деятельности и семейной жизни и его последствия); напротив, он провозглашает их в почти библейском тоне как данные природой: «Женщина, почитай твоего господина; это тот, кто работает для тебя, кто добывает твой хлеб, кто дает тебе пропитание: это мужчина.» (*Femme, honore ton chef; c'est lui qui travaille pour toi, qui te gagne ton pain, qui te nourrit: voilà l'homme*; 558). Ей настойчиво внушают: то, что она делает (а это немало, как мы увидим), называется не «работа», а «заботы, дела, занятия» (не «*travail*», а «*soins*»; 461, 467 и далее) – языковое установление, влекущее за собой важные последствия.

Таким образом, очень многое зависит от того, удастся ли женщине понравиться мужчине, угадать его желания, покориться его воле: ее собственное существование, целостность и счастье семьи и тем самым – не устает уверять Руссо – также благополучие общества.

При этом предыдущие 450 страниц книги Руссо возвещают революционные идеи о необходимости предоставлять растущему ребенку ту счастливую свободу, которую предусмотрела природа, для того чтобы ребенок по собственной инициативе, следуя собственным импульсам, смог развить полностью силу тела и духа и, став взрослым, достичь настоящей автономии: «Чтобы он смотрел своими глазами, чувствовал своим сердцем; чтобы им не управлял никакой авторитет, кроме его собственного разума» (*qu'il voie par ses yeux, qu'il sente par son coeur; qu'aucune*

---

¹⁷ Нора из пьесы норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906) «Кукольный дом» (1879). (Прим. ред.)

autorité ne le gouverne hors celle de sa propre raison; 306). Утопическая модель воспитания Эмиля в искусственно поддерживаемом «естественном» одиночестве имеет лишь одну цель: предотвратить его слишком раннее «обращение к внешнему миру»; его надо уберечь от аффективных столкновений и зависимостей внутри сети человеческих отношений, от «соперничества, ревности, страха, зависти» (*les rivalités, la jalousie, la crainte, l'envie*; 250, 528); сделать это можно, если он лишь тогда вступит в человеческое сообщество, когда приобретет сильную, спокойную уверенность в себе: самая унижительная из всех зависимостей – зависимость от мнения другого – будет ему тогда чужда. «То, что о нем думают, его не волнует» (*Se qu'on pense de lui ne l'inquiète pas*; 419).

В начале 5-й книги, однако, выясняется, что этот ребенок, чье счастливое развитие к самостоятельной личности было нам представлено автором, может быть лишь мальчиком; для Софи действуют другие правила, в большинстве своем прямо противоположные. (При этом здесь опять проявляется та нечеткость дискурса, о которой шла речь выше: то, что говорилось вначале о развитии детей в раннем возрасте и о закаливании младенцев, очевидно, касалось обоих полов; на каком этапе происходит отграничение, остается неясным.)

Поскольку для женщины не предусматривается самоопределение, поскольку ее жизнь протекает во всевозможных ориентациях на мужчину, ее «хозяина» (*maître*; 511) и «господин» (*chef*), Руссо приветствует все, что указывает на то, что такая «ориентация на других» заложена в самой природе женщины и, таким образом, нуждается лишь в развитии. Главный момент он открывает в предпочитаемых девочками детских играх. Практически с рождения, говорит он, девочки любят «украшения, наряды, уборы» (*la parure*, 450), «то, что служит украшению; зеркала, побрякушки, тряпочки, особенно кукол» (*ce qui sert à l'ornement; des miroirs, des bijoux, des chiffons, surtout des poupées*; 450). Итак, в первую очередь зеркало; интересно, что и игру в куклы Руссо описывает не как, к примеру, подготовку к материнству, а чисто нарциссически. Кукла является альтер эго девочки, которая ее как свое собственное зеркальное отражение неутомимо переодевает и украшает, с возрастающей завороченностью делает ее все красивее (459); с наслаждением

теряется она в этом образе самой себя, предназначенном к тому, чтобы нравиться другим. Ее игра является самоотчуждением в результате того, что она идентифицирует себя с объектом чужого желания. Руссо видит в этой игре в куклы-зеркала проявление женской природы. Точно так же и для Фрейда женственность будет связана с нарциссизмом; «наиболее частый и, вероятно, наиболее чистый и истинный тип женщины» для него характеризовался особенным «нарастанием изначального нарциссизма /.../. Ее потребность состоит не в том, чтобы любить», а в том, чтобы приводить в восхищение и «быть любимой» (FREUD 1914, 55). Сегодня напрашивается, скорее, вопрос, в результате какого поведения матери, особенно по отношению к маленькой девочке, у этой последней может затрудняться формирование ее чувства самости (Selbstgefühl).

Однако затем Руссо показывает, каким образом это «женское» желание понравиться может быть развито и отработано в различных областях. Назову лишь две. В то время когда Эмилю позволено скакать, как резвому жеребенку, носиться и прыгать, развивая свои силы (71), физическое развитие уже даже маленькой девочки проходит под знаком привлекательности (456).

Девочку нельзя просто предоставить ее импульсам, ее собственному ощущению тела; движения и осанка должны быть как бы под наблюдением «со стороны», в расчете на их воздействие; *эта* привлекательность является навязанной извне, своего рода эстетическим отчуждением тела: девочка учится «украшать себя, жеманиться» в расчете на взгляд наблюдателя. Вплоть до того, что пристрастие Софи к тому или иному занятию – и Руссо замечает это с похвалой – часто зависит от того, насколько хорошо она при этом выглядит: она любит плести кружева на коклюшках, потому что это придает привлекательность ее позе; она охотно играет на клавикордах, поскольку при этом обращают на себя внимание ее нежные пальцы (499)¹⁸. В то время как Эмиль может свободно и практически действовать («Чтобы ребенок

---

¹⁸ Об эстетизации женских домашних занятий ср. DUDEN, особенно с. 135 и д.

не делал чего-либо из-за того, что его видят или слышат, чего-либо /.../, ориентированного на других» – *Qu'un enfant ne fasse rien parce qu'il est vu ou entendu, rien /.../ par rapport aux autres*; 81), девочка должна как можно основательнее научиться постоянно иметь в виду удовольствие и одобрение другого – недаром «приятная» (*agréable*) является важнейшим параметром оценки.

Особенно интересен приводимый Руссо пример искусства ведения беседы – оно, конечно, важно, если речь идет о том, чтобы понравиться (470). В противоположность Эмилю, говорящему скуп и по существу (177, 419) – от него не ожидаются любезности, уже для маленьких девочек характерна «милая болтовня» (*un p'tit babil agréable*; 470), и эта противоположность развивается дальше: «Мужчина говорит то, что знает, женщина то, что нравится» (*l'homme dit ce qu'il sait, la femme dit ce plaît*; 471). Это тоже необходимо отрабатывать. Руссо предлагает для девочек своего рода игру, по правилам которой они должны сказать каждому из присутствующих то, что ему приятно и, кроме того, является правдой. Искусство ведения любезной беседы вызывает похвалу автора, и все же здесь особенно ярко проявляется недооценка женщины: речь мужчины содержательна, ибо он говорит по существу; речь женщины рассматривается как «смазка» в отношениях, как «любезности», содержание не так уж и важно. «Болтовня, к которой едва прислушиваешься» (*Un babil /est ce/ qu'on écoute point*; 177), говорится в начале книги «Эмиль». Происходит отказ от возможности настоящего диалога между ними и от межсубъектности, что особенно печально, если принять во внимание значение диалога и беседы в идеях и стиле жизни эпохи Просвещения.

Милое неведение и послушание
(*l'aimable ignorance, la soumission*):
ни думать, ни действовать самой

То, что Эмиль может свободно развивать свои интересы и учиться на собственном опыте находить свое место во все расширяющемся окружающем мире, является основой его

непоколебимого самоуважения и его творческой энергии; с полным правом он считает себя способным на многое. Девочке отказано и в том, и в другом. Конечным итогом ее учебы является умение нравиться будущему мужу. При этом в первую очередь встает вопрос, чему и в какой мере необходимо ее обучать, чтобы это сочеталось с той простотой и наивностью, которая пристала девушке (482). Прекрасно, если она будет развивать «милые таланты» (*talents agréables*; 469), будет учиться петь, танцевать, рисовать, но только цветочные мотивы и узоры для вышивания, «этого им достаточно» (*cela leur suffit*; 460) – этим она сделает домашнюю атмосферу для мужа приятной и нескучной. Ни в коем случае это не должно становиться настоящим занятием искусством; ей не нужен ни учитель, ни – при занятиях музыкой – ноты (469 и д.). Поскольку, далее, ее ум является женским, ему не присуще все то, что относится к «рассуждению» (*raisonnement*), т. е. абстракция, обобщение, принципы. Соответственно «точные науки» (*sciences exactes*), с которыми Эмиль знакомится уже во время детских игр, остаются вне круга ее занятий, так же как и «физические знания» (*connaissances physiques*), ведь эти знания приходят извне, а не из дома (488 и д.). Но и от чтения в целом Руссо советует воздерживаться: очевидно, он опасается последствий чтения романов (460 и д.). Эмиль тоже вначале растет без книг, за исключением «Робинзона»; только позже, в более сознательном возрасте, в пятнадцать лет, это будет компенсировано. Софи же черпает свою мудрость и знание людей из разговоров с отцом и матерью (501); лишь случайно ей в руки попадает «Телемах» Фенелона¹⁹.

---

¹⁹ Чтение этой единственной книги необходимо Софи для того, чтобы в ее душе сформировался идеал благородного мужчины, которого она позже откроет в Эмиле. Fénelon, François de Salignac de la Mothe (1651–1715), французский теолог. Его самое известное произведение «Приключения Телемаха», роман о путешествиях и любви, представляет воспитание принца и при этом создает идеальный образ мудро управляемого королевства, из которого изгнаны война, деспотизм и роскошь. (Прим. ред.)

Этим отсечением от всех областей знания девушка одновременно вторично отказывается в «отделении от матери»; она лишена возможности следовать своей любознательности в открытии мира, пусть хотя бы из книг, и благодаря радости приобретения знаний укрепить уверенность в себе: ей остается лишь чувство – соответствующее реальности – полной беспомощности и бессилия в отношении всего, что лежит за пределами домашнего мира.

Единственная область знаний, которая настойчиво рекомендуется женщине, – это знание людей, вернее не людей вообще (Руссо тут же проводит ограничение: это естественное дело мужчины), а тех людей, т. е. мужчин, с которыми она имеет дело («которые ее окружают и которым она подчинена» – *qui l'entourent /.../ /et/ auxquels elle est assujettie*; 489). В искусстве понимания человека за счет «проникновения, вживания в него» (*pénétration*) и «тонкого наблюдения» (*observations fines*, 489), которые не опираются ни на какие знания, женщины являются непревзойденными. К этому мы вернемся чуть позже.

Как девочку нужно обучать, Руссо показывает единственно на примере религии и морали. Поскольку женщина по недостатку рассудительности (*raisonnement*) не может самостоятельно разбираться и в вопросах религии («не в состоянии самостоятельно судить, они должны получать решения от отцов и мужей» – *hors d'état d'être juges elles-mêmes, elles doivent recevoir la décision des pères et des maris*; 473), необходимо уже девочке, не вдаваясь в причины, коротко и ясно изложить то, что она должна знать и во что должна верить (472 и д.). Для Эмиля, конечно, нужно другое: воспитатель «не должен предписывать правила, он должен способствовать их открытию» (*ne doit point donner de préceptes, il doit les faire trouver*; 26). Софи же должна принимать готовое знание, ей нельзя учиться думать, ей нельзя учиться учиться. И ее родители всякий раз мудро пресекали ее вопросы: «Ее родители приучили ее к уважительному подчинению, всегда говоря ей: Дитя мое, эти знания не для Вашего возраста, Ваш муж, когда придет время, расскажет Вам об этом» (*Ses parent /.../ l'ont accoutumée à une soumission respectueuse, en lui disant toujours: Ma fille, ces connais-*

sances ne sont pas encore de vorte âge, votre mari vous en instruira quand il sera temps; 502).

Таким образом упорно перекрывается источник внутренней живости, самостоятельности, возможной интеллектуальной творческой деятельности. Соответственно в описании Софи перед ее встречей с Эмилем говорится: «О милое неведение! Счастлив тот, кому предназначено передать ему знания!» (O aimable ignorance! Heureux celui qu'on destine à l'instruire!; 520) И опять она объект в руках мужчины, он формирует и определяет ее ум. Так что и в этом смысле все сделано для того, чтобы плющ еще плотнее обвился вокруг дуба. Очевидно, было бы нехорошо, если бы она выступала против него со своими собственными представлениями и мнениями, как субъект мышления. Софи же была, к счастью, так воспитана, что приспособление к мужу для нее не только само собой разумеется, но и является ее потребностью; ее образцовый женский ум Руссо описывает следующим образом: «Софи обладает милым умом /.../, умом, о котором ничего не скажешь, поскольку его находишь в ней всегда не больше и не меньше, чем в себе. Он у нее всегда тот, который нравится людям, беседующим с ней» (Sophie a l'esprit agréable /.../, un esprit dont on ne dit rien, parce qu'on ne lui en trouve jamais ni plus ni moins qu'à soi. Elle a toujours celui qui plaît aux gens qui lui parlent; 501).

Отказ от субъектности поэтому касается не только учения, знания, мышления – гораздо важнее для психической конституции девочки, что она не должна иметь возможности даже узнать себя как субъекта собственного действия. Быть воспринятой и признанной «как центр собственной активности», эта важная предпосылка аутентичного чувства самобытия, главная составляющая плана воспитания Эмиля, для нее не предусмотрена. Ведь девочки – и Руссо особенно настаивает на этом – никогда не должны быть предоставлены самим себе. «Девочки должны иметь лишь немного свободы» (Les filles /.../ doivent avoir peu de liberté; 461); «имейте основания для заданий, которые вы возлагаете на девочек, но возлагайте их всегда!» (justifiez /.../ les soins que vous imposez aux filles, mais les imposez-leur-en toujours!; 461) Всегда должна ощущаться воля другого: «девоч-

ки должны всегда подчиняться чужой воле» (*que les filles soient toujours soumises /.../ aux volontés d'autrui*; 461, 463), даже девочке, которая, уже по собственному желанию хотела бы продолжать данную ей работу, нужно препятствовать в этом и прервать ее (461). Возможность по собственной инициативе начать что-либо и заниматься этим, эта углубленность ребенка в его игру, когда он, экспериментируя, придумывает что-то свое и осознает это как свое, т. е. матрица будущей творческой деятельности, такой возможности девочки полностью лишаются. Поскольку течение их жизни будет часто «прерываться различными заботами» (*entrecoupée de soins divers*; 460), они должны быть приучены к этому заранее: «приучите их видеть себя прерываемыми в разгар игры и переключенными безропотно на другие заботы» (*accoutumez-les à se voir interrompre au milieu de leurs jeux, et ramener à d'autres soins sans murmurer*; 463). Благодаря такой профилактической дрессировке, направленной на то, чтобы быть всегда готовой отдать себя в распоряжение другого, – «пока еще для этого достаточно одной привычки» (*la seule habitude suffit encore en ceci*; 463), заверяет Руссо, – им скоро не будет приходить в голову, что они могли бы сами чего-то хотеть или предпринять что-то свое; быть нужными для других, быть всегда готовыми помочь – в конце концов, это станет потребностью и будет тогда их «природой».

Что касается конкретного содержания этих «забот» (*soins*), уже здесь проявляется среди прочего фатальная функция так называемого «женского рукоделия», т. е. вышивания гладью и крестом по канве и плетения кружев (460), которое стало обязательным и осталось таковым вплоть до конца XIX века, особенно в состоятельных буржуазных семьях, среди тех читателей, к которым обращается Руссо, и где женщины не были больше заняты исключительно домашней работой. Кажется нормой, если девочка «целыми днями» (*tout le jour*) сидит так с иглой около матери – «не скучая» (*sans ennui*), уверяет Руссо (462), в течение всего времени, пока она ее любит. Вспомним также знаменитые «английские утреники» (*matinée à l'anglaise*) в «Новой Элоизе»: Юлия вышивает у окна, экономка Фан-

шон плетет кружева на коклюшках, маленькая Генриетта рядом с ней шьет; оба мальчика в это время рассматривают книжку с картинками, двое мужчин читают газеты за чайным столом. (ROUSSEAU 1960, 544)

Воспитание к само-отверженности:
Отказ от собственных чувств
и потребностей

Быть оторванной от игры для выполнения поручений и не роптать (*sans murmurer*) – это ведет к следующему важному пункту. Насколько бы ни была огорчена девочка, оторванная от игры, это не должно быть заметно. От девочки требуется полный отказ от собственных чувств, т. е. от всех чувств, которые каким-либо образом сигнализируют «нет» и самоутверждение в трудной ситуации: протест, гнев, печаль, ярость... И Руссо показывает, как этого можно достичь. «Нужно сначала приучать их к принуждению, чтобы затем оно им ничего не стоило» (*Il faut les exercer d'abord à la contrainte, afin qu'elle ne leur coûte jamais rien*; 461); из этого «привычного принуждения» (*contrainte habituelle*; 463) получается затем «послушание» (*docilité*; 463), покорность, а она, в свою очередь, превращается в «мягкость /.../ первое и самое главное качество женщины» (*douceur /.../ la première et la plus importante qualité de la femme*; 463). Нежность, кротость становятся обязательными качествами женщины. На примере Софи, которая, будучи ребенком, не совсем достигла желаемой «абсолютной ровности характера» (*parfaite égalité d'humeur*; 501), показывается, как родители могут этому помочь:

«Ей скажут что-то, что ее ранит, она не показывает обиды, но ее сердце разрывается; она пытается уйти, чтобы выплакаться. И в тот момент, когда она плачет, отец или мать зовут ее и говорят ей лишь одно слово, и она тут же возвращается играть и смеяться, вытирая ловко глаза и стараясь подавить свои рыдания.»

(Qu'on dise un seul mot qui la blesse, elle ne boude pas, mais son cœur; elle tâche de s'échapper pour aller pleurer. Qu'au milieu de ses pleurs son père ou sa mère la rappelle, et dise un seul mot, elle vient à l'instant jouer et rire en s'essuyant adroitement les yeux et tâchant d'étouffer ses sanglots. (501 и далее)

Софи, единственное сокровище и утешение ее родителей (507, 526), «знает», что они не выносят печального или разгневанного, упрямого ребенка; она быстро учится полностью скрывать эти чувства даже от себя самой. Ту же виртуозность в подавлении аффектированного состояния посоветует вскоре своим читательницам женщина – Софи Ля Рош в «Письмах Розальены»²⁰; такие «переходные периоды частого жертвования собой» необходимы для того, чтобы женщина могла проявлять ту «неизменную ровность духа», которую от нее требует счастливый брак. Руссо упоминает и другие способы отучения девочки от «негативных» аффектов; используя риторический прием амплификации, он говорит о женщинах следующее: «Небо дало им такой нежный голос совсем не для брани; и эти тонкие черты лица оно дало им не для того, чтобы они искажались от гнева» (Le ciel /.../ ne leur donna point une voix si douce /.../ pour gronder; /.../ il ne leur fit point des traits si délicats pour les défigurer par la colère; 463). Реализованное в конкретной ситуации, как, скажем, выше, в случае с Софи, это означает: «Посмотри, какая ты некрасивая, когда ты сердиться!» – утонченная стратегия для того, чтобы объявить недействительным оскорбление *человека*, спрятав его

---

²⁰ LA ROCHE, Marie Sophie von (1731–1807) – писательница, считается первой представительницей развлекательной литературы в Германии. Ее содержательно и формально находящиеся под влиянием Ричардсона и Руссо романы в письмах сочетают просветительскую разумную мораль и чувствительный энтузиазм по отношению к добродетели. Главное произведение – «Das Fräulein von Sternheim», меньшим успехом пользовались «Rosalines Briefe an ihre Freundin». (Прим. ред.)

за «прославлением» привлекательности, которая так необходима *женщине!*

Немногом дальше в тексте Руссо кротость, которая, как показывают приведенные выше отрывки, является результатом подавления, превращается в «женскую природу». Софи «терпеливо сносит несправедливость других, такова милая природа ее пола. Женщина создана для того, чтобы уступать мужчине и чтобы не жалуясь переносить даже его несправедливости» (*souffre avec patience les torts des autres /.../ tel est l'aimable nature de son sexe/.../*. La femme est faite pour céder à l'homme et pour supporter même son injustice /.../ sans se plaindre; 463, 502). У мужчин, разумеется, это совсем иначе: «Никогда не унижайте (!) мальчиков в той же мере. Внутреннее чувство поднимается и протестует в них против несправедливости; природа не создала их для того, чтобы терпеть ее» (*Vous ne réduirez /!/ jamais les jeunes garçons au même point; le sentiment intérieur s'élève et se révolte en eux contre injustice; la nature ne les fit point pour la tolérer; 502*). Для Руссо тоже понятно, что подавление порождает в мужчинах ненависть (565): здесь становится видно, каким преимуществом может быть то, что женский пол выделяется просто как «другое» из собственного бытия как человека; они «ведь чувствуют не так, как мы...» – аргумент, который известен и из других, расистских, контекстов.

Таким же важным, как вытеснение и заглушение собственных чувств, является отказ от собственных желаний и потребностей, который требуется от девочки. В то время как для Эмиля тщательно проводится различие между его желаниями и потребностями, которые должны немедленно выполняться, и его всевозможными «фантазиями», которые должны оставляться без внимания (71), для девочек существуют лишь одна категория: «Нужно их упражнять в обуздывании всех их фантазий, чтобы подчинить их воле других» (*Il faut les exercer à dompter toutes leurs fantaisies, pour les soumettre aux volontés d'autrui; 461*). У них все – «фантазии», для которых существует лишь принципиальное воспитательское «нет»: «научите их прежде всего побеждать себя» (*apprenez-leur surtout à se vaincre; 462*), всегда и везде.

Порой Руссо признает, что то, чего требует от женщин «природа», – жестоко (450, 495). Он знает лишь одно средство от этого: недостаточно лишь тщательно искоренить и подавить упрямство, гневливость или желания, женщины должны научиться *любить* свои обязанности (467, 368). Он дает понять, что это воспитание может быть осуществлено лишь за счет любви между матерью и дочерью. Из любви к матери девочки готовы на все, не только на сидение за вышиванием. Даже принуждение, которое мать должна применять, лишь усиливает эту связь (*la gêne mère où elle la tient, bien dirigée, loin d'affaiblir cet attachement, ne fera que l'augmenter*; 482). Мы знаем эти ситуации вытесненной амбивалентности, когда именно в конstellации глубокой любви и тесной связи всякое неподчинение должно быть подавлено, подавленное сопротивление вызывает чувство вины, а из него, в свою очередь, опять возникают всепобеждающая любовь и потребность самопожертвования. И если совершается, как в примере с девочками, так много подавляющих вмешательств, то сколько же вытесненных протестов и какое чувство вины необходимо преобразовать в любовь! Какую же чуткость разовьет Софи, чтобы угадывать желания матери и опережать ее требования! Сколько раз мы видим, как она ищет ориентира или одобрения у матери в некоем бессловесном антеннообразном контакте (535, 536). В пятнадцать лет она словно становится матерью своей матери: «Все ее внимание направлено на то, чтобы услужить своей матери и освободить ее от части ее забот» (*Son unique vue est de servir sa mère, et de la soulager d'une partie de ses soins*; 499). Такая всепоглощающая ответственность за благополучие самого близкого человека, конечно, является благоприятной предпосылкой для брака Софи, который здесь предвосхищается. Чужие требования в виде некоторой длительной самоидентификации с любимым материнским агрессором запечатлеваются в ее душе как собственное идеальное «я». В такой степени любить свои обязанности, заглушать свои желания и при этом испытывать потребность в самопожертвовании – в этом ряду кажется достаточно предпосылок для развития «женского мазохизма». Это обнаруживается и в специальных упражне-

ниях, которые проделываются с Софи, чтобы она научилась отказываться от своих импульсивных влечений. От ее любви к сладостям в детстве (которая без оговорок допускается у мальчиков) мать отучает ее с помощью порицания, наказания и поста, причем аргументирует это – уже тогда – тем, что чрезмерная еда портит фигуру; и вот Софи находит вкус в умеренности (500 и далее) – тема, которая получит широкое развитие позже в «добродетели», в отказе от импульсивных влечений, что является конечной целью. Но и в целом женщине постоянно внушается, что она должна найти собственное осуществление в альтруистических уступках. «Счастье добропорядочной дочери в том, чтобы составить счастье добропорядочного мужа» (*Le bonheur d'une honnête fille est de faire celui d'un honnête homme*; 506), – поучает Софи ее отец, «ее удовольствия – в счастье ее семьи» (*ses plaisirs sont dans le bonheur de sa famille*; 519) и т. д.

Здесь нужно указать на своего рода риторическое «преображение»²¹, указание на которое, проходя в многообразных вариациях через всю пятую книгу, пытается подтолкнуть подразумеваемую читательницу к некоторого рода мазохистской переоценке. Те жизненные обстоятельства, которые еще в начале были изображены с правдивой жесткостью, превозносятся впоследствии с риторическими заклинаниями как единственный способ обеспечения истинного счастья и истинного достоинства женщины. Им кажется, что их угнетают? Но ведь все у них в руках; если они полностью и с радостью берут на себя свои обязанности, то награда не заставит себя ждать. «Разве это трудно – постараться быть любезной, для того чтобы быть счастливой, постараться высказывать уважение, чтобы быть почитаемой?» (*Est-il pénible /.../ de ce rendre aimable pour être heureuse, de*

---

²¹ Понятие «преображение» употребляется здесь не в религиозном смысле, а как форма поэтической идеализации, при которой негативно коннотируемый факт интерпретируется как нечто особенно позитивное. В том же смысле, что и принцесса в «Торквато Тассо» Гёте уговаривает уже себя сама: «Должна я эту боль опять превозносить как счастье и спасение?» (GOETHE, *Vers 1776f*).

se rendre estimable /.../ pour être honorée? 493). Примечательно здесь, как Руссо освобождает мужчину от всяких семейных обязанностей: даже деньги на содержание себя и детей женщина заслуживает угождением (450); но в особенности то, что касается построения отношений внутри семьи, является полностью ее делом; она должна приписывать своему поведению то, как муж проявляет себя в домашней обстановке²². В этом нарушенном порядке, где только подчиненный отвечает за устройство общей для обеих сфер, женщина оказывается расположенной к латентному чувству вины или испытывает моральное и мазохистское давление, принуждающее ее к постоянным «достижениям» (*moralisch-masochistischer Leistungszwang*), – это мы видим на примере многих женских биографий и персонажей последующего времени. Именно в этом направлении подспудно толкает их риторическое «преображение». Это же совсем неправда, что женщина просто подчиняется мужчине: за счет своей неприятельности она будет управлять, «она правит мягкостью своего характера» (*elle règne par la douceur de son caractère*; 493); ее угодность является ее господством, ее ласки являются приказами, ее слезы – угрозой (517). Что же касается строгой уединенности ее домашней жизни, то ее уверяют, что мир ей вовсе не нужен, «ее достоинство в том, чтобы быть неузнаваемой, ее слава – в уважении мужа: ее удовольствия – в счастье ее семьи» (*sa dignité est d'être ignorée, sa gloire est dans l'estime de son mari: ses plaisirs sont dans le bonheur de sa famille*; 519). Импульсивные влечения Софи преобразуются в истинный «энтузиазм» добродетели (503). Вновь и вновь –

---

²² В отличие, к примеру, от моделей семьи у Дидро и Лессинга изображение здесь показывает сдвиг к патриархально управляемой, однако в конкретных жизненных проявлениях все же централизованной вокруг матери семейной структуре. В отношении России этот феномен также нуждается в обсуждении. Так, Михаил Рыклин пытается осмыслить прошлое, говоря об «экспансии женского принципа в Советском Союзе» и о «символической массовой кастрации мужчин» (в частности, в *Lettres internationales*).

картины счастливой семьи как единственного места «самых нежных чувств природы» (*des plus doux sentiments de la nature*; 452 и дальше), как единственной области, где «сердце может расцвести» (19). Особенно ясно это прочитывается в последней части книги, маленьком романе двух молодых людей. В рамках этой работы я не могу подробно остановиться на этом аспекте текста, однако он сыграл, несомненно, важную роль в том влиянии, которое оказала книга, – точно так же, как и представление в «преображенном» виде семейной идиллии Кларанс в «Новой Элоизе», идиллии, полностью пронизанной духом Юлии, супруги и матери, хотя она – или, скорее, *потому что она!* – во всем следует директивам своего мудрого супруга. Это риторическое «прсображенне» в целом работает как великолепная манипуляция законодателя Руссо, который хочет восстановить правильный порядок в отношении полов и при этом пытается заранее опровергнуть возможные возражения со стороны женщин и увлечь их своими прозрениями; он называет это «восстановлением природных чувств» (*rétablir les sentiments naturels*; 493). Так через сам текст осуществляется еще раз то, что должны осуществить рекомендуемые им практики социализации.

Double-bind-структуры: кто я?

Мы проследили, каким образом в конструктах женского у Руссо девочкам отказывается в важных переживаниях, способствующих образованию аутентичного чувства «самости» и, с другой стороны, как зато поощряются структуры фундаментальной зависимости; как многие ее основополагающие чувства и потребности последовательно подавляются, тогда как другие (напр., веселость) поощряются; какие идеалы самопожертвования действительно предлагаются. Образцовая молодая девушка, описываемая как девушка на выданье, полная «нежности», «скромности» (*douceur* и *modestie*) и «целомудренности» (*décence*), предстает перед нами, если я могу суммировать все сказанное выше, как результат многостороннего воспитания «ложного Я» (*falsches*

Selbst). Идеал «само-отверженной» (т. е. забывшей себя, отказавшейся от себя) супруги-матери, прокламируемый Руссо, хочется понимать дословно. Неудивительно, что Юлия после замужества, т. е. когда она стала тем, чем она должна была стать, больше не говорит о себе. В этом руководстве по воспитанию есть и другой механизм, который формирует особую неуверенность в самоощущениях (Selbstgefühl) и который особенно мешает узнать, «кто я»: эти предписания, в основе которых лежит скрытая double-bind-структура²³, проявляющаяся в противоречивости предъявляемых ожиданий, требований, предписываемых правил. Упомянутые выше дискурсивные неясности: насколько «человек» подразумевает также «женщину»; насколько советы по воспитанию в раннем детстве касаются девочек, — уже обнажают данную структуру.

Важнейшим методом является «сдерживание», которому девочка должна всегда подчиняться. (Собственную причину этого мы оговорим в главе о женской сексуальности.)

«Не давайте девочкам слишком увлекаться игрой. Эта увлеченность должна сдерживаться. Не запрещайте ей веселье, смех, шум, свободные игры; но и не допускайте, чтобы она хотя бы на какой-то момент своей жизни дала бы волю своим чувствам, не ощущая узды.»

(Empêchez que les filles /.../ ne se passionnent dans leur amusements /.../. Cet emportent /dans leurs jeux/ doit être modéré. /.../ Ne leur ôtez pas la gaieté, les ris, le bruit, les folâtres jeux; mais /.../ ne souffrez pas qu'un seul instant dans leur vie elles ne connaissent plus de frein; 462 и д.)

---

²³ Double-bind в смысле «ловушки в отношениях», когда более слабый партнер постоянно конфронтирует с инконсистентными, противоречивыми требованиями, на которые он, с одной стороны, должен реагировать, но которые, с другой стороны, не оставляют ему выхода. Какому бы требованию он ни следовал, он всегда оказывается виноват перед более сильным партнером. (Прим. ред.)

Мы видим маленькую девочку, которая, забыв обо всем, пробует что-то сделать, хочет полностью отдаться своей игре: всегда ее импульс должен тормозиться, всегда ее нужно останавливать, развивать в ней «сдержанность»; всегда рядом мать, которая дает ей понять: это разрешено, но не слишком много, не так громко, не так резко; тебе можно, но только в виде исключения. Таким образом, девочка постоянно сталкивается с двумя разными посылами; уже скоро она не будет сама точно знать: хочу я этого, собственно говоря, или все же лучше не надо? Неуверенность в самой глубине ее существа, все более усиливающая ее зависимость от чужого взгляда, от чужой воли. Это тоже одна из причин, почему быть «в распоряжении других» (*disponible*), предоставлять себя другим становится для нее потребностью. Для Эмиля все действует с точностью до наоборот: он должен свободно, до предела своих сил или пока он не натолкнется на сопротивление объекта, следовать своим играм и замыслам: разрешение, приказ, запрет, вообще «посыл» здесь полностью исключены (71, 78–80). Скрытого наблюдения воспитателя (его осуществление является само по себе проблемой) Эмиль не замечает, он осознает себя свободным. Он знает, чего он хочет, и делает это; для него важно следующее: «Чтобы в жизни что-то значить, чтобы быть и оставаться самим собой, нужно всегда быть уверенным в том, какую сторону выбрать и дальше следовать принятому направлению» (*Pour être quelque chose, pour être soi-même et toujours un /.../ il faut être toujours décidé sur le parti /à/ prendre /.../ et le suivre toujours*; 10). То, что мать или воспитатель всегда должны наблюдать за ребенком, относится к новой концепции детства; для Эмиля это необходимо, чтобы уберечь его от «противоестественных» влияний испорченного окружения; цель наблюдения за девочкой оговаривалась выше и будет еще оговорена в следующем отрывке о сексуальности.

Лежащая в основе принципа сдерживания женщины *double-bind*-структура проявляется также в фундаментальной противоречивости некоторых определений женского у Руссо вообще. Так, женщина создана для того, чтобы нравиться мужчине, и она должна учиться этому во всевозможных об-

ластях; однако, конечно, нужно избегать «фальшивого» желания нравиться, например желания нравиться всем мужчинам, а не одному, или чрезмерного расточительства в покупке нарядов и т. п. Она должна развивать «милые таланты» (*talents agréables*), но ни в коем случае не доводить их до занятий искусством. Высшим требованием к ней являются сдержанность, стыдливость, но, с другой стороны, она должна быть кокетливой и уметь использовать свои женские искусства, чтобы привязать мужчину к дому. К особым ее достоинствам относится умение выбирать обходные пути, для того чтобы умиловать разгневанного мужчину или хитростью установить согласие между детьми; «природная» женская хитрость однако не должна перерождаться в неискренность и т. д.

Женщина не только становится в качестве «другого» чем-то чужеродным для мужчины, не только обозначается им как «тайна» (*mystère*). Для нее самой, зависящей от построенного на противоречиях мужского дискурса, притягательного, однако, на то, чтобы определить ее сущность, для нее как проекционной плоскости противоречивых мужских желаний и страхов необыкновенно трудно быть убежденной в самой себе. Тот факт, что лицо Юлии в конце концов скрывается за вуалью²⁴ (как уже давно грезилось Сен-Пре), получает здесь больше значения, чем ему приписывал Руссо. «Кто я?», «Чего я хочу, в чем моя проблема?» или, в ответ на фрейдово «Чего хочет женщина во мне?», – подобные этим вопросы вновь и вновь повторяются в новой женской прозе, свидетельствуя и сегодня еще о существовании этих фундаментальных трудностей.

Отчуждение женской сексуальности

Что же касается женской сексуальности, то здесь, возможно, наиболее ярко проявляется указанное противоречие в предписываемой женщине роли: хотя Руссо и признает, что женское бытие и сущность определяются ее полом, однако ее собственное сексуальное желание должно по возможности

²⁴ Rousseau 1761, Ч. 5, письмо 9; Ч. 6, письмо 11.

оставаться скрытым от нее (неудивительно, что именно в этой области противоречия многообразнее, чем где бы то ни было; я ограничусь лишь некоторыми главными моментами).

Благовоспитанно-сдержанная, нежная женщина, являющаяся конечным итогом всех воспитательских усилий, находится в противоречии с теми природными задатками, которые Руссо перечисляет в начале 5-й книги. Ведь женщины обладают «des désires illimités» (неограниченным желанием, 448), в отличие от мужчин, которые в этом смысле ограничены самой природой (Руссо довольно грубо говорит, что мужчина не всегда «может»). В своих склонностях и страстях женщины были бы «всегда и во всем доходящими до крайностей, возбужденными» (*toujours extrêmes en tout /.../ outrées*, 462, 473), если бы природа не надела на них узду стыда («honte», «pudeur», «réserve», «modestie» etc.; 447). Руссо рисует пугающие картины общества, где отсутствовал бы этот стыд и женщины в короткое время довели бы обессилевших мужчин до смерти, и все погибли бы в результате злоупотребления тем, что дано человеку для размножения (447). Женственность как всепоглощающая сверхсила: замечательно, что в начале становления буржуазного порядка в отношениях полов, в котором постепенно женское сексуальное желание все более и более ступеневывается, стоит представление о безудержности именно этого ее желания. И не только у Руссо. Также и Дидро, имеющий гораздо более спокойное отношение к сексуальности и женщине, находится под большим впечатлением от необузданной инстинктивной силы влечения и страстности женщин. Если они, внешне более цивилизованные, чем мужчины, внутри являются все же дикими, то это объясняется тем «диким животным» (*bête féroce*) в них, «страшные судороги» (*des spasmes terribles*) которого вызывает сенсационный феномен истерии (DIDEROT, 32). Этот феномен поражал просвещенный разум в той же мере, как и экзотические животные южных морей (ср. WEIGEL).

С женским стыдом обстоит дело так же, как и с «нежностью» (*douceur*); хотя он и дан женщине от природы (448), Руссо показывает, каким образом воспитание должно его развить:

«Девушек надо приучать стыдиться уже в раннем возрасте. Эта печальная судьба, если только она таковой для них является, неотделима от их пола, /.../ они будут в течение всей жизни находиться под гнетом стыда, самого продолжительного и самого жгучего, — стыда благовоспитанности, /.../ под гнетом самого пристального внимания к их поведению, к их манерам, к их выдержке /.../.»

(Les filles doivent être gênées de bonne heure. Ce malheur, si c'en est un pour elles, est inséparable de leur sexe /.../ elles seront toutes leur vie asservies à la gêne la plus continuelle et la plus sévère, que est celle de la bienséance (461), /.../ à l'attention la plus scrupuleuse sur leur conduite, sur leurs manières, sur leur maintien.) (451)

Смысл этого установления будет понятен позже, хотя и тогда не будет высказан открыто: в тот момент, когда Софи вынуждена будет подчиниться правилам приличия:

«Софи, естественно, весела, в детстве она даже буйно резвилась; однако ее мать потихоньку принимала меры для того, чтобы приглушить эти пары (!) *из страха*, что в недалеком будущем слишком быстрое изменение может выдать тот момент, когда это станет действительно необходимым. Итак, она стала скромной и сдержанной еще до того времени, когда она должна была такой стать; и теперь, когда это время пришло, ей легче удастся сохранить выбранный ею раньше тон, чем это удалось бы ей сделать без материнского объяснения причин этого изменения. Забавно (!) видеть, как иногда она предается детской живости, но затем, вдруг опомнившись, опускает глаза и краснеет.» (Выделено Э.-Х.)

(Sophie a naturellement de la gaieté, elle était même folâtre dans son enfance; mais peu à peu la mère a pris ses évanouissements /!/, *de peur que* bientôt un changement trop

subit *n'instruisit* du moment qui l'avait rendu nécessaire. Elle est donc devenue modeste et réservée avant le temps de l'être; et maintenant que ce temps est venu, il lui est plus aisé de garder le ton qu'elle a pris, qu'il ne lui serait de le prendre *sans indiquer la raison de ce changement*. C'est une chose plaisante /1/ de la voir se livrer quelquefois par un reste d'habitude à des vivacités de l'enfance, puis tout d'un coup rentrer en elle-même, basser les yeux et rougir.) (501).

Спонтанная живость ребенка должна уступить место навязанной извне и постепенно прочно усвоенной принужденной благовоспитанности; естественные ощущения и проявления живого тела должны быть подавлены самообладанием, нацеленным исключительно на «приличное поведение» и «хорошие манеры».

Для чего же нужно это раннее, даже заблаговременное («avant le temps») принуждение к благовоспитанности? Намерения Руссо достаточно прозрачны: для того, чтобы позже волнения периода полового созревания прошли по возможности менее заметно, не осознавались бы девушкой; для того, чтобы не возникло необходимости говорить об этих изменениях. В этом месте необходимо сделать несколько замечаний:

1. Просыпающаяся сексуальность Эмиля также должна удерживаться в допустимых рамках, и для этого используется мощная оборонительная стратегия. Это объясняет смену методов, описанную в начале четвертой книги (предлагается посещение и осмотр сифилитиков в госпитале). Однако это пугающее предостережение происходит эксплицитно и, таким образом, касается только сексуальности, которая при этом открыто признается и тематизируется; свободная живость тела Эмиля не ограничивается тем самым в остальных своих проявлениях, и его спонтанная импульсивность сохраняется (526, 574). Софи же должна полностью пожертвовать своей спонтанностью, и недоступное ее пониманию табу отчуждает ее собственное тело, с тем чтобы ее сексуальность осталась скрытой от нее самой. Вот в чем причина того обуздания, которое необходимо уже с раннего детства для девочек.

2. Итак, ее собственная сексуальность должна по возможности оставаться скрытой от Софи; ее место должно занять другое: она знает, что она «обладает залогом, который трудно сохранить» (*chargée d'un dépôt difficile à garder*; 503). Она ничего не знает о своих сексуальных желаниях, зато знает о «залоге», который она носит в себе, – таким образом, в интимной сфере ее тела расположено чужое Нечто, сопряженное со страхом («трудно сохранить» – *difficile à garder*), которое ее как «любящее существо» превращает всего лишь в исполнителя чужого поручения; сексуальное желание подменяется девственностью, которую она должна вверить своему супругу. Ее сексуальность забирается у нее и превращается в инструмент семейной законности, которая – это кажется Руссо в данном сочинении само собой разумеющимся – имеет существенное сходство с наследованием имущества (450). Здесь проявляется другой аспект семьи – как патриархальной организации имущественных интересов, который обычно отступает на задний план за картиной добродетельной домовитости и приюта «самых нежных естественных чувств» (*plus doux sentiments de la nature*, 452 и д.). То обстоятельство, что прочность семьи существенно зависит от женщины, вызвано не только восхваляемой Руссо самоотдачей женщины в поддержании семейных уз (450, 465), но и наличием двойной морали; для женщины верность является абсолютной заповедью, тогда как измены мужчины, хотя и не поощряются, однако они все же не ставят на карту законность его семьи (450 и далее).

Таким образом, брак (как предназначение женщины) не имеет ничего общего со счастливой чувственной любовью. С одной стороны, Руссо одаривает Эмиля и Софи в заключение счастьем связать свои судьбы на основе взаимной любви – немного *amour passion*, красочно изображенной, имеет здесь право на существование (это единственное краткое время в жизни женщины, когда она в качестве «возлюбленной» (*maîtresse*, 540) играет первую скрипку в игре в отказы, отсрочки, обещания и т. д., которой подчиняется возлюбленный). Однако, с другой стороны, Руссо убежден, что наслаждение страстью будет недолговечным; доверие, уважение, привычка создают фундамент брака (607, 613).

Юлия в «Новой Элоизе» ясно показывает, что имеется в виду: ее достойным положением супруги и матери она обязана отказу от сексуального желания, от «чувственной любви» к Сен-Пре. Показательно также, что домашнее уединение женщины сравнивается с монастырем (489). Материнство, к которому все сводится, – «нормальное состояние женщины – быть матерью» (*l'état de la femme /est/ d'être mère*; 451) – отделено от сексуального желания: идеальным образом является образ «асексуальной матери».

3. Эмиль управляет своей сексуальностью с помощью рассудка, который вписывает чувство долга в понятие совести; то, что он, опираясь на рассудок, становится господином своей (единственной) страсти к Софи, окончательно превращает его в свободную, самоопределяющуюся личность (567 и далее). Поскольку, однако, рассудок женщины («*esprit*», а не «*raison*») связан с ее половой принадлежностью, поскольку она не может подняться до соблюдения принципов и законов и ее познавательные способности связаны с чувствами, то в отношении к ней на это нельзя положиться. Энтузиазм Софи по отношению к добродетели имеет другое, в тексте несколько размытое, обоснование. Руссо говорит о присущем именно женщинам внутреннем чувстве (*le sentiment intérieur*, 482 и д.) и о том, что они «находят удовольствие» в добродетели (448, 470) – за этим стоят английские *moral-sense*-теории, которые в данном случае служат для дифференциации полов. Важен также и страх перед вердиктом общества – Руссо со всей доступной ему выразительностью приветствует тот факт, что «честь» женщины полностью зависит от общества, как будто бы недостаточно контроля со стороны родителей и супруга (455, 530). Самым главным, однако, является стыд, которым «природа» у женщин заменила присущий животным инстинкт (477) или, в другом регистре, который материнская социализация прочно укрепила в сознании дочери: в любом случае этот стыд оказывает действие подсознательного сдерживающего фактора, который останавливает женщину. Для нее не существует самоопределения, свободно признающего закон, которое сделало бы из нее нравственную личность. Представление о дефиците морали является важной составной

частью складывающегося здесь дискурса о женщине²⁵ – фрейдово представление о неразвитом «сверх-я» женщины оказывается подготовленным задолго до его формулировки.

4. Этот пункт кажется мне особенно значимым. Пубертатный период должен быть пережит Софи без того, чтобы ей, как цитировалось выше, пришлось «указать причину этих изменений», без того, чтобы что-либо «выдало бы тот момент, когда /.../.». То, что собственное тело должно быть отчуждено от девушки за счет подспудной работы стыда («gêne»), то, что обращение женщины со своей собственной сексуальностью должно регулироваться не ее решениями, а слепой, автоматизированной обороной стыда, оказывается связанным с особым речевым запретом, который проявляется в тексте Руссо. То, что должно, по возможности, остаться неузнанным, также должно, по возможности, не доходить до сознания: оно должно быть исключено из языка женщины. Мать говорит об обязанностях, пороках, добродетелях женщины (503), но никогда – о возможном вожделении; «нескромные вопросы» (questions indiskrètes) запрещены таким образом (427), что Софи наверняка их не задаст. Женское сексуальное желание (те самые «désirs illimités») подлежит здесь речевому запрету, и он передается от матери к дочери; Софи «лучше бы умерла», чем созналась бы, что она, может быть, хочет выйти замуж (510); она ощущает непреодолимый стыд не только и не столько перед первым сближением или прикосновением, сколько перед каждым словом, которое бы дало матери понять, что «это» вообще является предметом ее мыслей. «Стыд мешал ей говорить, и ее скромность не находила подходящих слов» (La honte l'empêchait de parler, et la modestie ne trouvait point de langage; 511). То, что женщина не имеет права вербализо-

---

²⁵ Ср. то, что пишет Кант о «прекрасных добродетелях» (schöne Tugend) женщины и «благородных добродетелях» (edle Tugend) мужчины (KANT, 231). Ср. также рассуждения Шиллера в связи с «прекрасной душой» (SCHILLER 1793, 469). Также JEAN PAUL, 693, 698.

вать свое сексуальное желание, об этом Руссо неоднократно говорит в книге как об одном из законов для женского пола (486, 610, 447). Он знает только одно исключение, Нинон де Л'Анкло (Ninon de Lenclos, 1620–1705), которая хотя и стала известна благодаря своей откровенности, но за это должна была служить отпугивающим примером мужеподобной женщины (488).

Абсолютно очевидно, что встречающийся в книге Руссо речевой запрет, который является новым аспектом программируемого здесь «лишения женщины автономности», имел далеко идущие последствия. Лишь современное женское движение критически переосмыслило эти положения. В своей книге Норберт Элиас наглядно показал развитие барьеров стыда в процессе цивилизации (ELIAS); возникает вопрос, не установил ли такой речевой запрет в целом для женщин того времени как бы новый порог стыда, новый стандарт женского самоконтроля и самоотчуждения?

Вопрос, насколько новый порядок в отношениях полов, воссоздать который помогает текст Руссо, действительно включает это «онемение» женщины в том, что касается ее сексуальности, является предметом отдельного исследования. Однако то, что несет такое онемение самой женщине, понятно уже из текста Руссо. В той мере, насколько ей запрещено что-либо знать и говорить о собственном желании (даже – и особенно – между женщинами, даже между матерью и дочерью), в той же мере ей отказано в существовании как субъекта в этой области: лишь ее муж имеет право решать, что она узнает из области своей женской сексуальности, какую степень своего собственного сексуального желания она сумеет открыть. Сюда же относится упоминаемое Фрейдом в «Табу девственности» представление о том, что женщина вынуждена оставаться в сексуальной зависимости от ее первого мужчины (FREUD, 213). Так женское сексуальное желание полностью переходит в управление мужчиной (FISCHER, 310). Руссо открыто говорит о нарциссическом удовлетворении (*amour-propre*), которое при таком установлении дополнительно увеличивает наслаждение мужчины, если мужчина как бы помимо ее личности выманивает из тела женщины то, что ей запрещено знать и признавать.

Если же женщина, которой добивается мужчина, покажет ответное желание, она тут же потеряет для него всю свою привлекательность (446, 486).

Существуют также свидетельства того, что в связи с лишением женщины возможности говорить о своем сексуальном желании, оно в итоге вообще может быть вытеснено из общественного сознания: для Руссо понятно, что женщина носит в себе скрытые желания сексуального характера, «имеет те же потребности, что и мужчина» (*les mêmes besoins que l'homme*, 486); однако, к примеру, в книге Фихте «Природное право» (1796), которая сильно ориентирована на Руссо в том, что касается господства и подчинения, в главе о браке уже отказывается женщине в таких желаниях:

«В неиспорченной женщине не проявляются половые стремления, в ней вовсе нет этих половых влечений, а есть только любовь; и эта любовь является природным побуждением женщины удовлетворять мужчину. /.../ Для женщины это является лишь удовлетворением сердца. Ее потребностью является лишь потребность любить и быть любимой. /.../ Любовь же — это самоотречение во имя другого вследствие природного побуждения.» (Fichte, 310)

В качестве «природного побуждения» женщине остается лишь самоотречение. Здесь женская сексуальность действительно превращается в «темный континент».

Мать и дочь

Текст Руссо показывает значение связи матери и дочери, в особенности значение глубины зависимой любви, которая здесь привязывает дочь к матери и, вероятно, мать к дочери: новый вид подавления патриархальным обществом, препятствия в развитии и становлении личности, отчуждение сексуальности и т. д. девушка узнает не с мужчиной, а прежде всего и в основном с матерью. Примечателен следующий пример: переполненный любовью, Эмиль стремится расска-

зять Софи как можно больше из того, что он знает; однако она молча пропускает то, что не подобает знать женщине: социализация, осуществленная матерью, пустила более глубокие корни, чем то, с чем она позже встречается в общении с мужем. Какие последствия это имеет для отношений дочери и матери и для отношения женщин между собой, стало предметом исследований также лишь недавно²⁶.

Женщина и золотой век:
материнство – для мужчины

Немецкий литературовед Сильвия Бовеншен упрекает, кроме прочего, Руссо в том, что он не отводит места женщине в своей историко-философской концепции (BOVENSCHEN, 175–177). Она могла бы быть коротко сформулирована так: за естественным (природным) состоянием, когда человек свободно живет один в лесах, следует «эпоха, самая счастливая и самая продолжительная» (*l'époque la plus heureuse et la plus durable*) во всей истории человечества²⁷, эпоха первоначального становления общества, когда небольшие группы семей живут вместе, не обладая частной собственностью; все дальнейшие достижения цивилизации порождают, наряду с развитием индивидуума, одновременно растущее обобществление, растущую несвободу, растущее моральное разложение. Эмиль представляет собой идеал высшей естественности; он остается свободным в окружении развитого общества, что требует новых подходов к воспитанию. В этом концепте, говорит Бовеншен, Руссо не оставляет женщине ни места, ни возможности развития, по-

---

²⁶ В связи с этой темой в последнее время появились работы SPODOROW, OLIVIER, MURARO. (Прим. ред.)

²⁷ ROUSSEAU: *Contrat* 1762, 72. Хотя Руссо здесь избегает обозначения «золотой век», поскольку он находит уже в первоначальном становлении общества корни последующей испорченности, однако позже в его тексте происходит последовательное повышение оценки «золотого века».

сколько она определяется лишь супплементарно по отношению к потребностям мужчины. Штайнбрюгге, напротив, выделяет те места в тексте, которые показывают, что Руссо как бы «возвращает» женщину к состоянию золотого века. (STEINBRÜGGE 1987, 67–96). Это подтверждается – в контексте дискуссии эпохи Просвещения о градации человеческого познания – тем, что способности к познанию у женщины остаются чувственными и не развиваются до уровня абстракций; ей присущи вкус, нравственные переживания (вместо автономии совести), проникновение в сущность вещей, не опирающееся на знания, и т. д. К этому можно отнести и то, что выше обсуждалось в связи с «умеренностью»; счастье того раннего человечества покоилось на природной простоте и ограниченности потребностей, отношений, знаний, желаний. Женщина не должна участвовать в развитии человечества, выходящем за пределы золотого века; ограничение раскрытия ее способностей и ее личности означало бы попытку удержать ее на этой стадии высшего человеческого счастья. В этом смысле отъезд Эмиля из Парижа в деревенскую глушь, где он находит Софи, может быть прочитан как историческое движение вспять. Мне кажется, что обе эти интерпретации в достаточной мере отражают имплицитные намерения Руссо (показательно, что они здесь остаются довольно неопределенными, в то время как его намерения относительно Эмиля не раз четко формулируются), а именно, что он в течение 5-й книги все очевиднее и со все возрастающим восторгом склоняется к версии «золотого века». «Кажется, что вокруг дома Софи возрождается 'золотой век'» (*L'âge d'or /.../ semble renaître autour de l'habitation de Sophie*; 606), говорится в конце книги (534). О работе над 5-й книгой Руссо сообщает: «В этом полном и восхитительном одиночестве, среди лесов и ручьев, под пение самых разных птиц, в непрерывном упоении я сочинял пятую книгу "Эмиля" (*C'est dans cette profonde et délicieuse solitude qu'au milieu des bois et des eaux, aux concerts des oiseaux de toute espèce /.../ je composai la cinquième livre de l'Emile dans une continuelle extase*)»²⁸.

---

²⁸ ROUSSEAU 1782, 513.

Кажется, что Руссо с его необыкновенной чувствительностью, как, может быть, никто из его современников, страдал от той конкурентной войны всех против всех, которая велась в современном ему обществе. Он словно предчувствовал в этом поведении «хорошего общества» то, что позже должно было приобрести широкий размах уже в экономическом смысле. Сияние золотого века, разлитое во всей последней части 5-й книги, а также над идиллией Кларанс, дает нам представление о глубине и боли его тоски по убежищу, где сердце могло бы доверительно предаться простым и приятным природным чувствам и где ничто не «стояло бы на его пути». Только так можно понять ту слепую жестокость, с которой он пытается в позднюю эпоху смоделировать из Софи хранительницу и поручительницу счастья ранней эпохи человечества – с тем, чтобы мужчина, «выходя с усталой головой из кабинета» (*sortant de son cabinet la tête épuisée*), мог найти «отдохновение» (*récréation*) в атмосфере семейной любви (469). Формулировки Руссо поражают своей актуальностью; они напоминают нам, что в это время и в жизни мужчины происходили глубокие изменения в образе жизни и условиях работы, которые ставили его перед новыми требованиями и иногда были для него невыполнимыми.

В своем семейном убежище такой мужчина не выносит, очевидно, никакого «визави», лишь существо, которое покорно ластится к нему и окружает его мягкой приветливостью. «Муж, люби свою спутницу: Бог дает тебе ее, чтобы утешить тебя в твоих трудах, чтобы облегчить твои страдания: вот – женщина» (*Homme, aime ta compagne: Dieu te la donne pour te consoler dans tes peines, pour te soulager dans tes maux: voilà ta femme*; 564). Смягчать и утешать – никто не может этого так хорошо, как Софи, в которой было развито все, что обеспечивает возможность ее проникновенного и заботливого внимания к другим. То, что позже будет воплощено в образе и понятии «чувства (инстинкта) материнства», например в Лотте из романа Гёте «Страдания юного Вертера» (1774), которая как раз не является матерью, – здесь это поначалу конструируется как идеальный образ женщины, которая призвана восстановить для муж-

чины в рамках семьи нежное счастье «золотого века». Интересно, что Руссо на протяжении всего текста не рассматривает женщину с точки зрения потребностей детей; конечно, забота и любовь к детям названа среди ее обязанностей, однако различные аспекты ее существа разрабатываются Руссо относительно ее мужского партнера, его потребностей и желаний (сравнение с дубом и плющом в данном случае очень точно). Слово «Mütterlichkeit» (чувство материнства, материнский инстинкт), которое во французском отсутствует, как, впрочем, и в русском (прим. пер.), впервые появляется в философско-педагогическом трактате немецкого поэта Жана Поля (1763–1825) «Левана»:

«Если природа предназначает женственность для материнского инстинкта, то она и закладывает сама необходимое для этого развития» (JEAN PAUL, 694).

Историко-философское отнесение женщины к периоду «золотого века» становится эксплицитным и наполняется значением в антропологии полов в классицизме; особенно четко оно сформулировано, скажем, в стихотворении Шиллера «Würde der Frauen» (Достоинство женщин). Мужчине, который уходит «во враждебную жизнь» и «жадно» при этом «стремится вдаль», «машет вослед» женщина: «В материнском простом домишке / Остались они, стыдливые и добронравные, / Верные дочери благочестивой природы» (SCHILLER 432, 219). Поскольку в женщинах заложена гармоническая цельность, присущая первым временам, и эта цельность одновременно представляет собой цель истории, то женщинам вовсе не нужно проходить вместе с мужчинами весь полный конфликтов исторический путь. В конкретном выражении это означало в 1800 году: та новая концепция поиска и становления, путей развития, в результате которого индивидуальность только и может раскрыться, не имеет отношения к женщинам. Их задачей будет «по-матерински» поддерживать мужчину на пути его становления. При этом в текстах Шиллера слышится (почти) лишь регистр «преображения»: ничто больше не указывает здесь на те меры подавления, которые гарантируют возможность

«оставить» женщину в «золотом веке» – не потому ли, что они, в силу своей непреложности, перестали осознаваться как таковые?

Этим сиянием идеализирующего преобразования можно, вероятно, объяснить и то, что женщины одобряли, даже с восторгом относились к сконструированному здесь для них образу. Нельзя, однако, забывать и то мощное насилие, которое оказывали аргументы из области антропологии полов: женщина, которая выходит за рамки навязанного ей образа, в особенности интеллектуальная женщина, художественная натура (*la fille savante et bel esprit*; 518), просто-напросто перестает быть женщиной, – кем она тогда должна была себя чувствовать и осознавать? Руссо не знает меры в очернении того, что противоречит созданному им образу, и не только он; стоит задуматься над тем, как быстро понятие «природа», которое было противопоставлено «произвольно установленным» человеком нормам и властным отношениям, в свою очередь может быть использовано нормативно и подавляюще.

Еще раз о поляризации полов

В заключение мне кажется необходимым наметить некоторые перспективы. Мы видели, каким образом конструктор Руссо, выступившего как рупор мощных исторических тенденций, ограничил женщину в ее человеческих возможностях. Поскольку отношение полов независимо от аспекта господства/подчинения понимается как взаимодополняющее, то не должен ли и мужчина при таком разделении способностей и характеристик терять в чем-то существенном?

У Руссо, однако, мужчина не лишается тех качеств, которые отводятся женщине; «разделение» проявляется здесь скорее как остановка женщины на более низкой ступени в развитии способностей, в то время как мужчина добавляет к этим способностям новые (245). Страницы 5-й книги, которые должны показать, что с точки зрения взаимного дополнения «общественное соотношение полов превосходно» (*la relation sociale des sexes est admirable*; 472), словно пред-

восхищают изображение идеального сотрудничества между шефом и секретаршей, в котором начальник не чувствует себя обделенным в той практической и человеческой компетенции, которой обладает подчиненная. И в установке по воспитанию Эмиля все меры – и воздержания от них – нацелены на то, чтобы гарантировать раскрытие всех сил и способностей, которыми он в конечном итоге, благодаря достигнутой автономии рассудка, свободно располагает; он задуман как идеал совершенного человека.

Между тем уже у Шиллера в некоторых местах интонация ностальгической жалобы указывает на проблемность такого разделения. То, что тепло, «нежность» и «красота» чувств, даже сама любовь полностью находятся в компетенции женщины, хотя и возвышает мужчину, однако все же причиняет ему боль. На долю мужчины приходится борьба, и для всевозможных видов этой борьбы он должен себя «закалять» – впервые это слово появляется у Шиллера и метафорически обозначает приобретение «психической и физической твердости»²⁹.

Если мы теперь еще раз посмотрим на текст Руссо, то обнаружим, что уже у Эмиля есть задатки этого развития. Самодостаточность – принцип его взросления. У него нет семьи, нет друга, и это хорошо, что еще в 15 лет его сестра имеет для него такую же ценность, как его часы, а друг – как его собака (256), ведь – всегда один среди людей и рассчитывающий только на себя – он был до сих пор свободен и счастлив (244). Эмиль не должен быть связан какими-то отношениями с людьми (за исключением вездесущего гувернера) до тех пор, пока он не встретит Софи. Тем самым оказывается запрограммированным «дефицит» в характере Эмиля: в нем старательно воспитывается «мужская некомпетентность в межличностных вопросах». Показательно, что он, став отцом, обращается за советом и помощью к гувернеру, он, который должен был научиться всегда и везде сам искать решений и пробовать действовать самостоятельно.

---

²⁹ Как еще Натан Мудрый возражал бы против подобного! (LESSING 1779)

но. Учитывая исключительную направленность его детского внимания (опять же до 15 лет) на конкретные детали окружающего мира, становится понятно, что его несдерживаемая творческая энергия оказывается чисто технической, находящей решения для всех практических проблем. В итоге мы уже предчувствуем того изобретательного инженера-покорителя, который, не останавливаясь перед межличностными проблемами, возьмет вскоре техническое «освоение» мира в свои руки.

«Закаляться», не придавать значения связям между людьми и т. д. – не наше время впервые обнаружило, что с буржуазной поляризацией полов и в мужчине тоже подавляется и убивается живое, блокируется раскрытие того, что заложено в человеке. Трудная работа по освобождению от этих идеологем мужской и женской «природы» отвечает интересам и мужчин, и женщин.

Перевод Наталии Носовой

В оригинале

Verena Ehrich-Haefeli: Zur Genese der bürgerlichen Konzepte der Frau: der psychohistorische Stellenwert von Rousseaus *Sophie*. In: Freiburger literaturpsychologische Gespräche 12 (1993), S. 89–134.

Список литературы

- BOVENSCHEN Silvia: Die imaginierte Weiblichkeit. Exemplarische Untersuchungen zu kulturgeschichtlichen und literarischen Präsentationsformen des Weiblichen. Frankfurt a.M. 1979.
- CHODOROW Nancy: Das Erbe der Mütter. Psychoanalyse und Soziologie der Geschlechter. München 1994. [The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender. 1978.]
- DIDEROT Denis: Sur les femmes [1772]. In: Œuvres complètes. Bd. 10. o.O. 1971, S. 31–53.

- DUDEN Barbara: Das schöne Eigentum. Zur Herausbildung des bürgerlichen Frauenbildes an der Wende vom 18. zum 19. Jahrhundert. In: Kursbuch 47 (1977), S. 125–142.
- ELIAS Norbert: Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt a.M. 1978.
- FICHTE Johann Gottlieb: Das Naturrecht [1796]. Zitiert nach: Sämtliche Werke. Bd. 1. Berlin 1845.
- FREUD Sigmund: Zur Einführung des Narzißmus [1914]. In: Studienausgabe Bd. III. Frankfurt a.M. 1975, S. 37–68.
- FREUD Sigmund: Das Tabu der Virginität [1918]. In: Studienausgabe Bd. V. Frankfurt a.M. 1972.
- FREUD Sigmund: Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse [1933]. In: Studienausgabe Bd. I. Frankfurt a.M. 1972.
- GARBE Christine: Die «weibliche» List in «männlichen» Text. Jean-Jacques Rousseau in der feministischen Kritik. Stuttgart 1992.
- GOETHE Johann Wolfgang von: Torquato Tasso [1790].
- HAUSEN Karin: Die Polarisierung der «Geschlechtscharaktere» – Eine Spiegelung der Dissoziation von Erwerbs- und Familienleben. In: Sozialgeschichte der Familie in der Neuzeit Europas. Hrsg. von Werner Conze. Stuttgart 1967, S. 363–393.
- HAYDN Joseph: Die Schöpfung [1798]. Die Jahreszeiten. Stuttgart 1982.
- HOFFMANNSTHAL Hugo von: Buch der Freunde [1922]. Wiesbaden 1949.
- HONEGGER Claudia: Die Ordnung der Geschlechter. Die Wissenschaften vom Menschen und das Weib 1750–1850. Frankfurt a.M./New York 1991.
- HUMBOLDT Wilhelm von: Über die männliche und weibliche Form [1795]. In: Werke in fünf Bänden. Bd. 1. Darmstadt 1980, S. 196–336.
- JEAN PAUL [Johann Paul Friedrich Richter]: Levana [1806]. In: Werke in zwölf Bänden. Bd. 10. München 1975.
- KANT Immanuel: Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen [1764]. In: Werke. Akademie-Textausgabe. Bd. 2. Berlin 1968.
- LA ROCHE Sophie: Rosaliens Briefe an ihre Freundin Mariane von St.** [1782/82]. o.O. 1791.
- LESSING Gottfried Ephraim: Emilia Galotti [1772]. In: Werke. Bd. 2. München 1971.

- LESSING Gottfried Ephraim: Nathan der Weise [1779]. In: Werke. Bd. 2. München 1971.
- LESSING Gottfried Ephraim: Miss Sara Sampson [1755].
- MURARO Luisa: Die symbolische Ordnung der Mutter. Frankfurt/New York 1993. [L'ordine simbolico della madre. Rom 1991.]
- OLIVIER Christiane: Jokastes Kinder. Psyche der Frau im Schatten der Mutter. Düsseldorf 1984. [Les enfants de Jocaste.]
- ROUSSEAU Jean Jacques: Emile ou de l'éducation [1762]. Paris 1964.
- ROUSSEAU Jean Jacques: Du contrat social ou Principes du droit politique [1762]. Paris 1962.
- ROUSSEAU Jean Jacques: Julie ou la Nouvelle Héloïse [1761]. Paris 1960.
- ROUSSEAU Jean Jacques: Les confessions [1782; 1788]. Paris 1947.
- SAILER Sebastian: Die Schöpfung [1743]. Stuttgart 1969.
- SCHILLER Friedrich: Über Anmut und Würde [1793]. In: *Sämtliche Werke*. Bd. 3. München 1973.
- SCHILLER Friedrich: Die Würde der Frauen [1796]. In: *Sämtliche Werke*. Bd. 1. München 1973.
- SCHILLER Friedrich: Das Lied von der Glocke [1800]. In: *Sämtliche Werke*. Bd. 1. München 1973.
- STEINBRÜGGE Lieselotte: Die Aufteilung des Menschen. Zur anthropologischen Bestimmung der Frau in Diderots *Encyclopédie*. In: *Frauen in der Geschichte IV: «Wissen heißt leben...»*. Beiträge zur Bildungsgeschichte von Frauen im 18. und 19. Jahrhundert. Hrsg. von Ilse Brehmer. Düsseldorf 1983, S. 51–65.
- SWIETEN Gottfried van: vgl. HAYDN.
- WEIGEL Sigrid: Topographie der Geschlechter. Reinbek 1990.

ГЕНДЕР КАК КАТЕГОРИЯ НОВОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблематика традиционного написания истории литературы

Любая историография в значительной степени определяется взглядами самого пишущего, а также формами представления, которые находятся в его распоряжении. При этом на образ видения историографа накладывают отпечаток не столько личные, сколько типичные для его времени или определенной группы людей схемы восприятия. Способ представления исторических событий особенно зависит также от надындивидуальных норм научных дискурсов. Работы по теории историографии неопровержимо доказали это и тем самым сделали очевидным тот факт, что «история», которая является лишь одной из версий истории, нуждается в последовательном пересмотре.

Все это касается и истории литературы. Знакомые картины литературного прошлого с их делением на эпохи, иерархией произведений, направлениями и контекстуальными образцами должны постоянно подвергаться критической перепроверке и обновлению. В противном случае они не будут соответствовать актуальному уровню знаний в литературоведении. Перед такой альтернативой стоят в настоящее время Gender Studies, с позиций которых традиционные труды по истории литературы можно лишь «тактично

игнорировать» или же, как настаивает Джудит Феттерлей (FETTERLEY 1978), включить их в программу «сопротивительного чтения».

В большинстве своем труды по истории литературы создавались в те времена, когда значение различия полов в литературной жизни и в литературоведении еще не было осознано в достаточной мере. В истории литературы, как и в других историографических дисциплинах, игнорирование действительности категорий гендера привело к тому, что «мужское» – мужские нормы поэтики, мужские способы письма, созданные мужчинами мужские и женские образы – приравнивалось к «общечеловеческому», в то время как характерное женское присутствие просто не замечалось. Исключение критерия различия полов из научных работ не приводит, как предполагалось и все еще предполагается, к нейтральным в половом отношении результатам. Скорее авторы таких работ, как правило, проецируют, не рефлектируя, общепринятые полоролевые стереотипы на объект их исследования.

Таким культуральным стереотипом в литературе является определение пишущего субъекта как «мужского», в то время как позиция описываемого объекта коннотируется с «женским». Этот стереотип, с одной стороны, постоянно давал привилегии авторам-мужчинам, облегчал их литературную деятельность и способствовал изданию их произведений. С другой стороны, он с тем же постоянством затруднял литературную деятельность женщин. Этот же стереотип во многом определял и восприятие исторического процесса написания и прочтения произведений. Если письмо, особенно художественное, письмо, является мужским, то история литературы должна быть историей авторов-мужчин. Пишущих женщин, соответственно, – как показывает беглый просмотр практически любой истории литературы – легко игнорируют или отводят им место на заднем плане. При этом часто бросаются в глаза пренебрежение и предубеждение к литературной деятельности женщин, а также стремление оценивать их письмо относительно мужских литературных достижений.

2. Историчность понятия пола

Определение мужчины и женщины, различий между женственностью и мужественностью меняется с течением времени. Разнообразные представления существуют одновременно, приобретая большую или меньшую значимость; их комбинируют, соотносят друг с другом, чтобы через различия между полами дать характеристики человека вообще. Осознание факта этих исторических изменений произошло не так давно. Долгое время мы полагались на то, что значения слов в этой области остаются неизменными. [...]

Также и феминистская критика патриархата слишком некритично переносила свое представление об антагонизме полов на прошлые столетия. Так, шекспировские героини, переодевавшиеся в мужское платье, понимались ею как проявление эмансипации, а в Елизавете I исследовательницы видели лишь аргумент для самооправдания мужчин (женщину-алиби)¹. При этом упускалась из виду та специфическая власть, которой могла обладать в патриархальном обществе жена влиятельного мужчины или незамужняя/овдовевшая аристократка. Точно так же эссенциалистские и психоаналитические женские исследования абсолютизировали свои представления о женской идентичности. Анахроническое чтение текстов прошлых эпох привело, как было осознано в рамках постепенно развивавшегося исторического феминизма, к недооценке женской литературы раннего Нового времени. Причиной этого было несоответствие этой литературы нормам женственности женщин-литературоведов второй половины XX века. [...]

Различение по признаку пола не задано и не закреплено природой; оно осуществляется человеком. Оно является культурным конструктом и изменяется вместе с культурой. Этот конструкт – как показывают современ-

---

¹ Елизавета I, дочь Генриха VIII и Анны Болейн, королева Англии (1558–1603). (Прим. ред.)

ные исследования – включен в исторический процесс развития менталитета и общества. В его создании в каждом отдельном случае может играть значительную роль литература данной эпохи. Таким образом, история литературы обнаруживает двойную связь с исторической динамикой понятия пола. С одной стороны, литература в своих концептах человека документирует меняющиеся представления о мужском и женском, а авторы – мужчины и женщины – идентифицируют себя с определенными специфически мужскими или женскими нормами письма и пытаются соответствовать обусловленному временем нормам восприятия полов предполагаемого читателя и читательницы. С другой стороны, литературные произведения активно содействовали изменению представлений о характере полов: достаточно вспомнить о влиянии таких текстов, как «Кларисса» Самюэля Ричардсона, «Эмиль» и «Новая Элоиза» Жан-Жака Руссо, «Люцинда» Фридриха Шлегеля или «Орlando» Вирджинии Вульф². Исследования по истории литературы должны учитывать наличие этих двух тенденций: изменение литературы под влиянием новых концептов различения полов и изменение самих этих концептов под влиянием новых литературных моделей женского и мужского.

---

² Samuel Richardson (англ. писатель, 1689–1761). *Clarissa Harlowe*, главная героиня его одноименного произведения (1748), стала прототипом преследуемой невинности. О Жан-Жаке Руссо см. текст В. Эрих-Хэфели в данном сборнике. Friedrich von Schlegel (нем. эстетик и поэт, 1772–1829). *Lucinde* (1799) вместе с ее возлюбленным Юлиусом воплощает представление о жизни, которое было характерно для эпохи раннего романтизма и заключается в том, что поэзия, любовь и жизнь едины. Орlando является фантастическим образом англ. писательницы Вирджинии Вульф (Virginia Woolf, 1882–1941), который в течение своего 350-летнего пребывания на земле стареет только на 20 лет и неоднократно меняет свой пол. (Прим. ред.)

3. Пол с точки зрения истории ментальности

3.1. Телеологический концепт мужественности раннего Нового времени

Представления о различении полов и связанные с ними нормы поведения выражаются чаще всего в форме разъяснений особых качеств и обязанностей, преимуществ и ограничений, свойственных женскому полу. Сущность же, природа и предназначение мужчины лишь изредка оказываются сужены рамками специфики пола. Эта двойственность в подходе лежит и сегодня в основе современных трудов по истории литературы, когда общее описание литературы содержит особую главу о «женской литературе».

Вплоть до XVII века такое мышление узаконивалось антропологической гипотезой, которая своим авторитетом была обязана Аристотелю: мужчина есть мера человека (MACLEAN). Стадии развития человека ведут от ребенка к юноше и женщине, а затем к взрослому мужчине, полностью развившему свои способности. Следовательно, женщина является существом, которое определяется через недостаток мужественности. Специфически женских биологических, физиологических или психологических атрибутов не существует, все особенности «слабого» пола являются скорее проявлением дефицита того, что свойственно «сильному» полу. Женские половые органы объясняются и изображаются как менее развитые, инвертированные варианты мужских органов; характер женского пола является следствием недостаточности и низкого качества ее телесных соков. «Темпераменту» женщины не хватает теплоты, которая означает полную жизненную силу. Женская кротость есть недостаток мужской смелости, женская приспособляемость и миролюбие есть недостаток мужской способности к утверждению своих позиций. Ввиду ориентации этого концепта полов исключительно на мужчину как на полноценного человека, исследователи называют его *моделью одного пола* (one-sex-modell, LAQUEUR) или концепцией телеологической мужественности (GREENBLATT).

Очевидно, что провозглашение женщины неполноценным человеком позволяет оправдать ее дискриминацию и женоненавистничество. Особенно религиозная литература и сатира на женщин периода Средневековья и раннего Нового времени изображают подчиненную позицию женщины в обществе и браке как следствие ее неполноценности и этим обосновывают свое презрение к женскому телу (несмотря на его значение для продолжения человеческого рода) и к женскому слову как к бессодержательной болтовне.

Все же телеологическое восприятие женщины, ориентированное на мужчину, допускает для нее один – хотя и исключительный – положительный концепт женственности. Так как нет прочной границы между мужским и женским, а женское развитие имеет в идеале мужской образ существования, не исключена возможность, что особые женщины, женщины в чрезвычайно благоприятных условиях или женщины в необычных ситуациях могут достигнуть уровня мужчин и стать «человеком».

Так, феминизм эпохи Возрождения культивирует идеал «героической» женщины, женщины-«вираго»³, сильной телом и духом, отличающейся стойкостью, способностью защищаться, смелостью и уверенностью в своих интеллектуальных способностях. То, что идеал может стать действительностью, доказывали, прежде всего, амазонки, которыми восхищалась литература того времени (SCHLEINER, SHEPHERD, DUGAW), а также женские фигуры из Ветхого Завета, имевшие успех в политике и в ведении войн. Такие женщины, как королева Англии Елизавета I и голландская ученая Анна Мария ван Шурман, доказывают, что подобные возможности существовали и в период раннего Нового времени.

Модель одного пола является ступенчатой моделью, в рамках которой женщины могут подняться до мужественности, а юноши являются «женственными» и в отдельных случаях могут остаться «женственными» или стать таковыми в старости. Вследствие этого модель одного пола подра-

---

³ Вираго» (Virago) – мужеподобная женщина. (Прим. ред.)

зумекает разграничивающий, способствующий формированию половой идентичности дуализм мужского/женского полов не изначально, а лишь там, где более низкая по рангу позиция женщины в порядке бытия абсолютизируется как воля Божья или как неизбежное наказание женщин, являющихся дочерьми Евы. Таким образом, тексты этого времени предвосхищают сомнения деконструктивизма и деконструктивистского феминизма в существовании однозначной, определяемой полом идентичности личности (BELSEY, Greenblatt).

3.2. Рационализм: интеллектуальное равенство полов

Теория познания Декарта, хотя и не ориентированная феминистски сама по себе, послужила однако импульсом для движения за эмансипацию женщин⁴. Дуалистическая гипотеза Декарта о радикальном разделении сфер материи и духа дала возможность выделить категорию пола из области чистого мышления и отнести ее к области физического существования и социальной роли (женщины). В то же время религиозно обоснованный постулат прямого духовного доступа к очевидным основополагающим истинам привела к тому, что возросло значение самостоятельного мышления по отношению к знаниям, передающимся из поколения в поколение.

Франсуа Пулен де ла Бар в своем программном труде «О равенстве полов» (DE LA BARRE) обнаруживает феминистский потенциал картезианской философии. Это сочинение с его тезисом «разум не имеет пола» (L'esprit n'a point de sexe) быстро и на продолжительное время распространилось во Франции и Англии. На основе убеждения, что не существует специфических ограничений женского ума по признаку пола и что разум женщин имеет преимущество, так как он не подвергался деформирующему влиянию традиционного школьного и университетского образования,

---

⁴ О связи картезианской философии с мужским опытом психоаналитической работы BORDO.

происходит солидаризация феминистски настроенных мужчин и женщин, уверенных в развитости их самосознания. Возможности образования и обучения для девочек, научные академии для женщин, свободное пространство для не подчиненной определенным целям духовной деятельности женщины за рамками ее биологического назначения и ее общественных обязанностей – вот требования, которые формулировались и уточнялись в целом ряде сочинений того времени (SCHABERT).

Вплоть до времени Антипросвещения⁵ принцип эгалитарности эпохи Просвещения отстаивался образованными и пишущими женщинами как узаконивающий их существование: в контексте дискуссий о правах человека конца XVIII столетия в таких сочинениях, как «Реабилитация прав женщины» Мэри Воллстоункрафт (1792) и «О гражданском исправлении женщин» Теодора Готтлиба фон Гиппеля (1792), этот принцип был расширен в демократическом смысле и распространен также на общественную идентичность женщины.⁶ Оба сочинения, если и получили резонанс, то, скорее, отрицательный; лишь в конце XIX века их идеи были включены в концепции женского движения (HONEGGER).

3.3. Поляризация характеров полов в XVIII – XIX веках

Требования равноправия со стороны феминистов – мужчин и женщин – в более поздний период XVIII века встречались с возрастающим отрицанием. «Эти тщеславные имитации

---

⁵ Этот термин принят в немецкой культурологии для обозначения периода, являющегося реакцией на эпоху Просвещения и отрицающего его идеалы. (Прим. ред.)

⁶ Mary WOLLSTONCRAFT (1759–1797), зам. Mary GODWIN – англ. писательница ирландского происхождения, одна из первых в Великобритании выступала в защиту прав женщин. Theodor Gottlieb von HIPPEL (1741–1796), нем. писатель, друг И. Канта, способствовал распространению идей Канта. Является автором многочисленных трудов по политическим и правовым вопросам. (Прим. ред.)

(другого) пола являются вершиной безрассудства» (*Ces vaines imitations de sexe sont le comble de la déraison*), – проповедует «Новая Элоиза» Жан-Жака Руссо (ROUSSEAU, 83). Природа женщины, используя выражение Вирджинии Вульф, полностью изменилась вскоре после 1750 года. (WOOLF). Она (женщина) стала существом, которое определяется признаками, диаметрально противоположными мужскому. «Слабый пол» превратился в «противоположный пол». Проанализированный Мишелем Фуко переход от познавательного процесса эпохи Возрождения, основанного на выявлении корреспонденций, к логике эпохи Просвещения, оперирующей взаимоисключающими категориями противоположности, приводит к противопоставлению мужчины и женщины в бинарной оппозиции (FOUCAULT 1973). Различия между анатомией и физиологией мужского и женского тел, а также между мужской и женской ментальностью, казавшиеся раньше незначительными, теперь становятся принципиальными. Женщины устроены иначе, они мыслят, чувствуют, действуют, едят (если вообще едят) иначе, они любят и испытывают желание (если вообще испытывают его) иначе, чем мужчины. Из абсолютизированных женских недостатков, упоминаемых в *модели одного пола*, из потерявших силу сентиментальных добродетелей и ставших общественно необходимыми функций «дополнения» (см. главу 2.3) составляется каталог женских отличительных черт. Естественность (против культуры) и нравственное чувство (против мужского интеллекта) являются центральными пунктами такого каталога. Однако в отдельных случаях новому образу женщины может быть дана довольно положительная оценка: учение Руссо о естественной, еще не извращенной нравственности женщины в контексте его критики цивилизации имеет историческое значение, как утверждает Лизелотте Штейнбрюгге в противоположность упрощенному феминистическому восприятию (STEINBRÜGGE). И все же чаще вместо похвалы женщины слышится осуждение ее неполноценности, второстепенности (Фихте) и отсталости (Дарвин).

Вплоть до XX века наиболее эффективным оказалось соединение нравственных и психологических качеств, при-

писываемых женщине, и ее особой антропологии. Согласно аргументации, якобы подкрепленной с медицинской и естественно-научной точек зрения, на самом же деле имеющей в высшей степени сомнительный характер, признаки и функции женского тела – маленький мозг, легко раздражаемые нервы, матка – объявляются основой женского инобытия и неполноценности, а биология женщины провозглашается ее судьбой. Как раз тогда, когда историческая переменчивость представлений о полах проявляется особенно ярко, для создания новых конструктов используется антропологическая константа: «Мужчина и женщина – изначальный дуализм во вселенной» (HONEGGER).

3.4. Различение полов в XX веке

В области политики, права, образования и в трудовой жизни широко утвердилось – по крайней мере теоретически – демократически-эгалитарное отношение к полу, которое до 1800 года выдвигалось феминистами в дебатах о правах человека, в XIX веке сознательно поддерживалось утилитаристами⁷ (Bogalevi), а на рубеже XIX и XX веков с воинственностью отстаивалось представителями движения за права женщин.

Не требует, однако, доказательств то, что противоположное этому представление о диаметральных различиях между характерами двух полов остается в силе, начиная со времени после эпохи Просвещения и до сегодняшнего дня. Используя результаты новых научных исследований и псевдонаучные выводы, поляризация мужского и женского продолжает опираться на биологические данные (FAUSTO-STERLING).

В системе представлений, определяемой контрастом между мужчиной и женщиной, который совпадает с контрастом между разумом и чувством, духом и телом, культурой и природой, гуманитарные науки идентифицировали себя с

---

⁷ Утилитаризм – философское учение, считающее пользу основой нравственности и критерием человеческих поступков.

«мужской» стороной. Например, в трудах по истории литературы различие полов не играло почти никакой роли вплоть до 1980-х годов. «Мужчина новейшего времени, как-то, окончательно воспринимается как “современный человек вообще”», – считает Хонеггер (HONEGGER, 6). [...] Другая, ранее оставленная без внимания «женская» сторона оказалась в центре изучения благодаря психологическим исследованиям женственности (SPODOROW 1978, GILLIGAN) с их моделью женской идентичности, женской этики и женского мышления. При этом психоанализ, начиная с Фрейда, Эриксона и до Лакана⁸, который, по мнению женщин-психологов, основывался на мужском опыте и мужских интересах, был подвергнут радикальной переоценке (MITCHELL, SPODOROW 1989). Все же теория женской идентичности могла быть развита только за счет реактуализации схемы поляризующего толкования пола.

С раннего Нового времени, однако, обнаруживаются и явные симптомы пресыщения той нормой личности, которая связывала оба пола односторонне, способом, ставшим уже неплодотворным. Во многих отношениях граница между мужским и женским смягчается, если не стирается вовсе. Медицинские исследователи предложили рассматривать человека в спектре важных в половом отношении признаков, где «мужчину» отделяют от «женщины» пятнадцать промежуточных ступеней, названия которым часто трудно найти в наших языках (KAPLAN/ROGERS). Благодаря снятию табу с гомоэротики и гомосексуальности оказались под вопросом стереотипы контрастного сексуального поведения разных полов. С конца XIX века в общественном отношении становится модным «нарушение границ» при помощи ролей *денди* (dandy) и *новой женщины* (New-Woman)

---

⁸ Sigmund Freud (1856-1939) – австр. врач и психолог, основатель теоретического и практического психоанализа. Erik Erikson (*1902), нем.-америк. психолог, ученик З. Фрейда, ведущий теоретик в области психологии молодежи. Jacques Lacan (1901-1981), психоаналитик, представитель французского постструктурализма. (Прим. ред.)

(FELDMAN)⁹. Культура модернизма ориентируется на идеал андрогинного как в смысле проблематичной андрогинии, при которой человек претендует на включение в свой пол признаков другого пола (HESSE, 1984 и 1991), так и в смысле творческой открытости и динамической ссылки на тот опыт противоположного пола, который невозможно полностью ассимилировать. (Мoi 13-16). [...]

Постмодернизм включает различение полов в общий тезис постструктуралистов, что бинарные оппозиционные пары, которые задают контуры системы представлений человека и его языка, создают порядок, референциальное отношение которого к действительности является более чем сомнительным. Поскольку таким образом теоретически отменяется объективная действенность категорий пола в теоретическом плане, освобождается взгляд на действительно другие конструкты пола в историческом прошлом; результаты исследований в области истории ментальности подтверждают и углубляют деконструктивистское отрицание общезначимости и вневременности дуализма мужского и женского. Это особенно касается работ по истории медицины и сексуальности XVIII века (см. FOUCAULT 1979, JOHANNOVA, LAQUEUR). Изображая происходившие в то время принципиальные изменения в восприятии и репрезентации женского тела, они опровергают утверждение, что различение полов возникает в процессе присоединения «вторичной» характеристики пола (гендера) как культурного конструкта к «первичным», неизменным параметрам маркированного по признакам пола тела. Скорее напротив, *гендер*, определяемый со-

---

⁹ Имидж денди основывается на противопоставлении себя массе и буржуазной повседневности. Свое презрение к нормам толпы и подчеркнуто утонченный образ жизни денди выражает прежде всего при помощи элегантной, экстравагантной манеры одеваться (эстетика, неконформизм, нарциссический культ Я, элитарное сознание). New Woman – «новая женщина» – противница сексуальной морали XIX в., борец за предоставление женщинам избирательного права и за независимое самоопределение в жизни. (Прим. ред.)

знанием, накладывает «отпечаток на тело», как это образно отражено в немецком переводе книги Лакера «Making Sex»: «Auf den Leib geschrieben» (LAQUEUR). В силу этого категориальное различие *гендера* и *пола* теряет смысл, ведь оба имеют характер конструктора: Gender Trouble!¹⁰

4. Различение полов и социальная история

Во избежание одностороннего, социально-экономического, характера толкования пола, в третьей главе был дан обзор истории развития ментальности в этой области. Все же нет сомнения в том, что выдвигаемые, например, экономикой или демографической политикой общественные требования и задачи, затрагивающие интересы того или иного класса или нации, имеют большое значение для толкования различий между полами и его изменения в процессе истории. В рамках исторических формаций изменяется «природа» женщины, смещаются черты характера полов. Процессы изменения общества и идеологии, находящиеся в тесной причинной связи, способствуют процессу переконструирования полов. Такое взаимодействие проявляется, например, в трудах о воспитании девочек, в большом количестве выходящих в свет в XVIII и XIX веках. Программы воспитания и нормы женственности в таких трудах обосновывались с точки зрения религии, морали, психологии и биологии; вместе с тем, однако, они явно ориентировались на экономические требования, выдвигаемые данной эпохой для определенного сословия.

4.1. Социально-исторические толкования дуалистической модели полов

Начало социальной истории полов положила Карин Хаузен в программной работе «Поляризация характеров полов – Отражение диссоциации трудовой деятельности и семейной жизни».

---

¹⁰ Таково название нашумевшей книги Джудит Батлер. (BUTLER 1990) Подробнее об этом см. в статье Ренаты Хоф в данном сборнике. (Прим. ред.)

ни» (Hausen). Острый дуализм характеров мужского и женского полов, как доказывает Хаузен, был «изобретен» в последней трети XVIII века, чтобы иметь возможность объективно обосновать вытеснение женщины из области трудовой деятельности в задуманную как контраст сферу частной семейной жизни с помощью аргументов о соответствующих женскому существу наклонностях и этическом предназначении женщины. Будучи провозглашенной надежной хранительницей той добродетели самоотречения, от которой мужчина, ввиду конкурентной борьбы, вызванной условиями капитализма, должен был отказаться, женщина берет на себя психологически важную компенсационную роль. Классово-экономическая обусловленность поляризующей модели полов проявляется, по мнению Хаузена, прежде всего в том, что это противопоставление имело силу только для буржуазного сословия или, может быть, также для некоторой части промышленных рабочих и не распространялось на – еще не знающие разделение труда – крестьянские семьи и домашнюю прислугу.

Общественные ограничения характера женского пола приводят в конце XVIII века в плане истории развития идей к резкому взаимному противодействию революционной идеологии свободы человека и буржуазной идеологии несвободы женщины. В социально-психологическом плане это противоречие можно рассматривать как компенсационное построение: принципиальная неуверенность в будущем перед лицом угрозы нарушения сословного порядка в эпоху французской и индустриальной революций смягчается тем более догматичным требованием сохранения строгой иерархии полов (HAUSEN, 371). Уте Фреверт (FREVERT) пришла к выводу, что неустойчивое в экономическом отношении положение мужчины, стремящегося возвыситься за счет духовной деятельности, оказывало дополнительное влияние на лишение женщины ее интеллектуальной самостоятельности. У тех авторов (например, Кант, Фихте или Гегель), которые стремились к таким буржуазным ценностям, как безопасность и признание, антагонистическая версия различения полов характеризуется мизогенной направленностью, тогда как авторы, ориентирующиеся, скорее, на аристократические нормы (например, Фридрих Шлегель и Адам Мюллер), которым желание сделать карьеру

и конкурентное мышление были чужды, могли себе позволить андрогинный идеал, снимающий эти противоречия¹¹.

Английский и американский опыт подтверждают связь между раздвоением мира в экономическом отношении и раздвоением человечества в отношении полов (COTT). В Англии времен французской революции и наполеоновских войн, когда распространяется сильное недовольство идеями Просвещения, все более жесткая доктрина разделенных сфер (divided spheres) приобретает, наряду с моральным, и национальный пафос. Положительное значение женщины как «нравственного пола» здесь выражено особенно ярко (ARMSTRONG). В викторианскую эпоху ее авторитетное влияние на общественную жизнь становится все сильнее. Сара Стикней Эллис в своем сочинении «Женщины Англии», которое в течение двух лет после первой публикации переиздавалось 16 раз, пишет: «Современное положение наших государственных дел показывает, что активное влияние женщин против растущего зла в обществе требуется более, чем когда-либо.» (ELLIS 1986, с. 1639). Таким образом – это подчеркивают новейшие исследования (VICKERY) – используемое понятие *разделенных сфер* как норма описания исторической реальности становится неубедительным, тем более что сами викторианские женщины умели ловко использовать в своих политических призывах аргумент их личностного, участливого восприятия по отношению к каждому отдельному случаю. [...]

4.2. Об общественной обусловленности ранних гендерных конструктов

Написание социальной истории различения полов, анализирующей связи между полом и обществом в ходе истории и учитывающей национальные различия, на которую

---

¹¹ Immanuel Kant (1724–1804), Johann Gottlieb Fichte (1762–1814), Georg Wilhelm Friedrich Hegel (1770–1831) – немецкие философы. Adam Müller (1779–1829) – нем. специалист в области теории государства и общества. Friedrich von Schlegel (1772–1829) – нем. эстетик и поэт. (Прим. ред.)

могли бы опираться авторы трудов по истории литературы, является насущной задачей.

В имевшем большой успех сочинении «Нормы современной системы женского воспитания», которое пропагандирует модель двух полов как проявление божественного установления и вневременную реальность, Ханна Мор уже в 1799 году, говоря о «героически-мужском» концепте женственности, к которому она относилась с враждебностью и объявила фикцией, приводит в качестве аргумента экономические причины его возникновения¹². Этот концепт, считает Мор, вызван к жизни недостаточным количеством женщин-меценаток, готовых финансировать или хотя бы кормить горячим обедом художников; аристократки эпохи Возрождения добились от поэтов создания образа великой женщины, играя на их материальной зависимости (MORE 1834, 196 и сл.). На этом же уровне аргументации можно было бы возразить, что недостаток престолонаследников мужского пола в Англии XVI века имел следствием прекрасное воспитание молодых женщин-дворянок, которое приближало их к героическому идеалу, так что хвала поэтов вполне имела свои основания (WARNISKE). «Мужские» обязанности, выполнение которых брали на себя женщины во время Гражданской войны в XVII веке, например управление имениями, руководство ремесленными предприятиями, военный шпионаж, еще раз подтверждали героический образ женщины, и именно в тот момент, когда его философские и медицинско-теоретические основы подвергались пересмотру (NADELHAFT, EZELL).

Было дано также социально-историческое объяснение промежуточной фазы «интеллектуалистской» эгалитарной философии. После переворотов, связанных со следующими друг за другом Гражданской войной, Реставрацией и Великой революцией, в конце столетия появляется большое число женщин – дворянок и мещанок – вне социальной сети патриархальной семьи, которые были вынуждены требовать права на образование и возможности зарабатывать умственным трудом (SMITH). В числе прочего некоторые ро-

---

¹² Hannah More (1745–1833) – англ. писательница, борец против социального неравенства. (Прим. ред.)

маны и наброски Даниеля Дефо подтверждают предположение о существовании такой связи между экономическими трудностями и картезианским феминизмом¹³. Группировки образованных женщин-англичанок – особенно группа «Синие чулки»¹⁴ – являются в то же время обществами материальной взаимопомощи (BODEK). В противоположность этим тенденциям во французских салонах времен абсолютизма картезианское женское самосознание сливалось с образом придворной женщины, результатом чего являлась элегантная инсценировка ориентированной на мужчин, галантно-«другой» женственности (LOUGÉE). Работа, которая, вслед за исследованиями Верены фон дер Гейден-Ринш (HEYDEN-RYNSCH), сравнила бы салонную культуру XVIII века разных европейских стран, несомненно могла бы представить те важные структуры, в которых обнаруживается взаимодействие социальной динамики и концепций различения полов.

Перевод Элины Майер

В оригинале

Ina Schabert: Gender als Kategorie einer neuen Literaturgeschichtsschreibung. In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von Hadumod Bußmann und Renate Hof. Stuttgart 1995. S. 163–204.

---

¹³ Daniel Defoe (1660–1731) – англ. писатель, автор знаменитого романа «Робинзон Крузо». (Прим. ред.)

¹⁴ Насмешливое прозвище, применяемое по отношению к ученым женщинам и женщинам-писательницам, выставляющим свою ученость на показ. Выражение это возникло в Англии в середине XVIII века и первоначально относилось к кружкам мужчин и дам, которые ставили себе целью замену карточной игры на беседу о научных и художественных вопросах. Душой таких кружков был натуралист Штиллинфлит (Stillingfleet), который неизменно являлся в синих чулках. В 20-х годах XIX века это название получило распространение и в Германии. (Прим. ред.)

Список литературы

- ARMSTRONG Nancy: *Desire and Domestic Fiction. A Political History of the Novel*. New York 1987.
- BARRE François Poullain de la: *De L'égalité des deux Sexes* [1673]. o.O. 1984.
- BELSEY Catherine: *The Subject of Tragedy. Identity and Difference in Renaissance Drama*. London 1985.
- BODEK Evelyn G.: *Salonieres and Bluestockings. Educated Obsolescence and Germinating Feminism*. In: *Feminist Studies* 3 (1976), p. 185–199.
- BORALEVI Lea C.: *Utilitarianism and Feminism*. In: Ellen Kennedy (Hrsg.): *Women in Western Political Philosophy*. Brighton 1987, p. 159–178.
- BORDO Susan: *The Cartesian Masculinization of Thought*. In: *Signs* 11 (1988), p. 439–456.
- BUTLER Judith: *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. London 1990.
- CHODOROW Nancy J.: *Feminism and Psychoanalytic Theory*. New Haven 1989.
- CHODOROW Nancy J.: *The Representation of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley 1978.
- COTT Nancy F.: *The Bonds of Womanhood. «Woman's Sphere» in New England, 1780–1835*. New Haven 1977.
- DUGAW Diane: *Warrior Women and Popular Balladry 1650–1850*. Cambridge 1989.
- ELLIS Sarah Stickney: *The Women of England. Their Social and Domestic Habits* [1839]. In: *The Norton Anthology of English Literature*. Bd. 2. New York 1986.
- EZELL Margaret J. M.: *The Patriarch's Wife. Literary Evidence and the History of the Family*. Chapel Hill 1987.
- FAUSTO-STERLING Anne: *Myths of Gender. Biological Theories about Women and Men*. New York 1985.
- FELDMAN Jessica R.: *Gender on the Divide. The Dandy in Modernist Literature*. Ithaca 1993.
- FOUCAULT Michel: *Archäologie des Wissens*. Frankfurt a.M. 1973. [L'archéologie du savoir. Paris 1969.]
- FOUCAULT Michel: *Sexualität und Wahrheit*. Bd. 1: *Der Wille zum Wissen*. Frankfurt a.M 1979. [Histoire de la sexualité. Bd. 1: La volonté de savoir. Paris 1978.]

- FREVERT Ute: Bürgerliche Meisterdenker und das Geschlechterverhältnis. Konzepte, Erfahrungen, Visionen an der Wende vom 18. zum 19. Jahrhundert. In: Bürger und Bürgerinnen. Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert. Hrsg. von U. Frevert. Göttingen 1988, S. 17–48.
- GILLIGAN Carol: In a Different Voice. Cambridge, Mass. 1982.
- GREENBLATT Stephen J.: Fiction and Friction. In: Shakespearean Negotiations. Ed. by S. Greenblatt. Oxford 1990, p. 66–93.
- HAUSEN Karin: Die Polarisierung der «Geschlechtscharaktere» – Eine Spiegelung der Dissoziation von Erwerbs- und Familienleben. In: Sozialgeschichte der Familie in der Neuzeit Europas. Hrsg. von W. Conze. Stuttgart 1976, S. 363–393.
- HESSE Eva: Die Schwestern in Apoll. Ein eigener Raum. In: Der Aufstand der Musen. Hrsg. von E. Hesse. Passau 1984, S. 97–135.
- HESSE Eva: Zur Grammatik der Geschlechter. In: Die Achse Avantgarde-Faschismus. Hrsg. von E. Hesse. Zürich [1991], S. 141–210.
- HEYDEN-RYNSCH Verena von der: Europäische Salons. Höhepunkte einer versunkenen weiblichen Kultur. München 1992.
- HIPPEL Theodor Gottlieb von: Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber [1792]. Frankfurt a.M. 1977.
- HONEGGER Claudia: Die Ordnung der Geschlechter. Die Wissenschaft vom Menschen und das Weib, 1750–1850. Frankfurt a.M. 1991.
- JORDANOVA Ludmilla: Sexual Visions. Images of Gender in Science and Medicine between the Eighteenth and Twentieth Centuries. New York 1989.
- KAPLAN Gisela T. / Lesley J. ROGERS: The Definition of Male and Female. Biological Reductionism and the Sanctions of Normality. In: Sneja Gunew: Feminist Knowledge. London 1990, p. 205–228.
- LAQUEUR Thomas: Making Sex. Body and Gender from the Greeks to Freud. Cambridge, Mass. 1990 [Auf den Leib geschrieben. Frankfurt a.M. 1992.]
- LOUGÉE Carolyn C.: «Le Paradis des Femmes». Women, Salons, and Social Stratification in Seventeenth-Century France. Princeton, N.J. 1976.
- MACK Phyllis: Women as Prophets During the Civil War. In: Feminist Studies 8 (1982), p. 195.

- MACLEAN Ian: *The Renaissance Notion of Woman. A Study in the Fortunes of Scholasticism and Medical Science in European Intellectual Life*. Cambridge 1980.
- MITCHELL Juliet: *Psychoanalysis and Feminism*. Freud, Reich, Laing and Women. New York 1975.
- MOI Toril: *Sexual/Textual Politics. Feminist Literary Theory*. London 1985.
- MORE Hannah: *Strictures on the Modern System of Female Education* [1799]. In: *Works*. Bd. 3. London 1834.
- NADELHAFT Jerome: *The Englishwoman's Sexual Civil War. Feminist Attitudes Toward Men, Women, and Marriage 1650–1740*. In: *Journal of the History of Ideas* 43 (1982), p. 555–579.
- ROUSSEAU Jean-Jacques: *Julie ou la Nouvelle Héloïse* [1761]. Paris 1967.
- SCHABERT Ina: *Der gesellschaftliche Ort weiblicher Gelehrsamkeit. Akademieprojekte, utopische Visionen und praktizierte Formen gelehrter Frauengemeinschaft in England 1660–1800*. In: *Europäische Sozietätsbewegung und demokratische Tradition*. Hrsg. von K. Garber. Tübingen 1995.
- SCHLEINER Winfried: *Divina Virago. Queen Elizabeth as an Amazon*. In: *Studies in Philology* 75 (1978), p. 163–180.
- SHEPHERD Simon: *Amazons and Warrior Women. Varieties of Feminism in Seventeenth-Century Drama*. Brighton 1983.
- SMITH Hilda L.: *Reason's Disciples. Seventeenth-Century English Feminists*. Urbana 1982.
- STEINBRÜGGE Lieselotte: *Das moralische Geschlecht. Theorien und literarische Entwürfe über die Natur der Frau in der französischen Aufklärung*. Stuttgart 1992.
- VICKERY Ananda: *Shaking the Separate Spheres. Did Women really descend into graceful Indolence?* In: *Times Literary Supplement*, 12. März 1993, p. 6f.
- WARNICKE Retha M.: *Women of the English Renaissance and Reformation*. Westport, Conn. 1983.
- WOLLSTONECRAFT Mary: *A Vindication of the Rights of Woman* [1792]. In: *The Works of Mary Wollstonecraft*. Bd. 5. London 1989, p. 79–266.
- WOOLF Virginia: *Ein Zimmer für sich allein*. Berlin 1978. [A Room of One's Own. London. 1929; *Своя комната*. В: *Литературное обозрение* (1989) 6. Стр. 168–190.].

ПОЛ ИСТОРИИ

[...] Многие труды по истории общества переносят нас в сугубо мужской мир. [...] Появление женских имен в подглавах учебников, в качестве тем на отдельных лекциях и в тематических указателях монографий часто является лишь исключением из норм этого мужского мира. Сам факт постановки вопроса о женщинах относится к историографическим «достижениям» последней четверти нашего столетия. Однако эмансипационное стремление вдохновленных феминизмом женщин-историков в последние три десятилетия придать полу как классификационной категории общества такую важность, как категориям класса, вероисповедания, этноса поддерживается только небольшим кругом ученых, преимущественно женщин. Почему же научный подход, предлагаемый историей полов, вызывает лишь такой ограниченный резонанс и распространение? Каким образом он связан с новыми и новейшими научно-историческими подходами?

В соответствии с этими основополагающими вопросами в данной статье сначала будет в общих чертах представлен процесс возникновения и развития истории полов. Затем будут освещены возможности и границы «лингвистического поворота», с одной стороны, а также заслуги и упущения социальной истории в отношении истории полов, с другой стороны. В заключении статьи

будет представлен концепт класса, который расширен за счет включения понятий культуры и гендерной дифференциации.

1. От истории женщин к истории полов: трудное расставание с нишей

Представительницам женской истории, за которой утвердилась сомнительная репутация экзотической науки, уже с первых ее шагов отводилась роль рыночных торговек-зазывал. Если к началу 70-х годов речь шла еще о новом «продукте», к которому нужно было привлечь внимание историкографов, то сейчас их самоапофеозы отражают разочарование и возмущение тем, что во многих случаях все еще остается не услышанным требование признания пола как одной из центральных категорий общественного устройства, имеющей значение для каждой сферы исторического мышления и поведения. Здесь господствует своеобразное несоответствие между оживленной и заключающей в себе большой научный потенциал исследовательской деятельностью, с одной стороны, и маргинализацией и даже частичным игнорированием результатов этой деятельности, с другой стороны. Причина этого кроется не в последнюю очередь в самой истории возникновения и развития женской истории и истории полов. Получив импульс от нового женского движения начала 70-х годов и находясь в тесной связи с ним, некоторые историки затруднялись, а другие считали ненужным настаивать на четком разграничении между политическими программами и научными исследованиями. Поиски собственной истории, которые способствовали появлению первых работ, написанных преимущественно женщинами, вызывали иногда не совсем несправедливые упреки в недостатке объективности. И все же мы до сих пор пользуемся первыми успехами женского движения, в частности открытием новых областей и источников исторической науки, которые специалисты ранее не принимали во внимание или пренебрегали ими как исторически нерелевантными. В этих первых исследованиях делался особен-

ный акцент на различные женские движения, на формы организации и жизненные концепты женщин, а также на «женские сферы». Необходимо было дать «героиням» возможность быть увиденными и услышанными. Выявлялись и объяснялись факты угнетения женщин.

Однако заострение внимания на данной тематике вскоре привело к изоляции этого подхода, а с трудом достигнутая самостоятельность – к «зацикленности». Эти исследования зачастую создавали впечатление, что роль женщины как жертвы является антропологической константой. Кроме того, долго господствовавший концепт «разделенных сфер» – общественной и частной жизни – способствовал сохранению существовавших дихотомий и разделения обязанностей между ними вплоть до историографии настоящего времени¹. Все вышесказанное ускорило обособление этих исследовательниц. Таким образом, следствием автономии было вытеснение в гетто, что вызвало состояние, «которое “с успехом” мешает феминисткам добиться изменения исторической науки» (Frevert 1993, 26).

Не в последнюю очередь для того, чтобы избежать такого «островного положения», большинство историков-женщин уже в середине 70-х годов переключилось от истории женщин, заполняющей пустующие ниши, к более широко понимаемой истории полов. Американские женщины-историки Герда Лернер, Джоан Келли и Натали Земон Дэвис² первыми выступили за замену понятия *women's history* (история женщин) понятием *gender history* (история полов). Однако если при таком терминологическом расширении и чувствуется сознательная готовность к компромиссам с це-

---

¹ В настоящее время правильность этого концепта, для западно-европейского контекста связанного с формированием характеров полов в результате диссоциации трудовой и семейной жизни, поставлена под сомнение (см. DAVIDOFF). В новых исследованиях прежде всего отмечается «открытость» границ между сферами, причем постоянными «нарушителями» границ являются представители обоих полов. (Прим. ред.)

² Gerda Lerner, Joan Kelly, Nathalie Zemon Davis.

лью добиться более широкого признания в ученом мире, все же оно подразумевает гораздо больше, чем просто кажущуюся менее субъективной и, таким образом, «более политкорректной» версию истории женщин. Смена названия означала смену парадигмы. История женщин считалась теперь лишь переходным феноменом, который был необходим для процесса осознания и доведения до широкого сознания и, в конечном итоге, должен был быть заменен историей отношений полов. Речь шла не только о том, чтобы постепенно, посредством все возрастающего количества исследований, теперь обращавших внимание на женщин, устранить «половинчатость науки о полах» (HAUSEN/WUNDER, 10), но и о постоянном учете мужского фактора, даже если исследования все еще часто концентрировались главным образом на женщинах. Для этого нужно было разрушить прочный фундамент якобы «всеобщей» истории, в которой женщины до сих пор брали на себя роль особого случая, и, принимая во внимание специфику полов, создать новый. [...]

Такой подход вызвал широкое одобрение во многих странах. Начались оживленные дебаты по поводу определения «пола», которые опровергли все разговоры о том, что история полов не обладает достаточной теоретической базой. Сознание того, что под «женственностью» и «мужественностью» нужно понимать не природно-онтологические категории, а социокультурные конструкты бытия, созданные в рамках дискурса, меняющиеся и изменяемые в зависимости от контекста культуры и истории, пробило себе путь вопреки представлению о изначально заложенной половой идентичности, которой невозможно избежать. В результате замены природно заданной классификации на созданную культурой принадлежность к определенному полу была освобождена от ее биологического детерминизма и включена в канон социально обусловленных критериев классификации. Это привело к отказу от универсальной категории «женщина» как описания коллективной идентичности, которая употреблялась недифференцированно и, вследствие этого, при ближайшем рассмотрении обнаруживала свой дискриминационный характер в отношении клас-

са и расы. «Женственность» и «мужественность» изменяются в зависимости от различных исторических контекстов и пересекаются с другими дискурсивно созданными идентичностями, такими как класс, поколение, вероисповедание, региональная или этническая принадлежность. Таким образом, пол становится одним из ведущих понятий для осещения исторической действительности.

Программой для такой позиции послужила опубликованная в 1986 году статья Джоан Скотт «Гендер: Категория, необходимая для исторического анализа», в которой она предложила два исходных момента в определении гендера. Пол понимается, во-первых, как основополагающий элемент социальных отношений, которые базируются на гендерной дифференциации, и, во-вторых, как средство для обозначения и оправдания властных отношений (Скотт 1986, 1068). Гендер в этом значении нормируется и передается по традиции при помощи созданных культурой символов и нормативных концептов; он конструируется и внедряется в сознание во всех, даже в якобы «нейтральных в отношении полов» общественных сферах.

Скотт придавала большое значение конструированию. Это было еще раз подчеркнуто Джудит Батлер в ее спорном произведении «Неудобство полов» (Gender Trouble). Она отказалась от принятого деления на биологический пол (sex) и сконструированный культурой пол (gender): для нее даже «считающиеся естественными признаки пола», которые кажутся предписанными телом, являются «дискурсивно созданными». Вследствие этого тело предстает как неопределенный артефакт, как чистый лист, на который лишь посредством идеологически и дискурсивно созданных знаков «наносится культурное значение» (BUTLER 1991, 26)³. Существование двух биологических полов становится иллюзией, а половая идентичность результатом непрерывного «перформанса».

---

³ Ср. тексты Ренаты Хоф и Ины Шаберт в данном сборнике.

2. Новые и старые задачи

2. 1. История полов и «linguistic turn» – верная дорога или деконструктивистский тупик?

Ведущая роль, которая здесь отводится историческим дискурсам в процессе конструирования половой идентичности, подчеркивает близость истории полов к другому, тоже довольно новому научному подходу – «linguistic turn»⁴. Тот факт, что речь, как правило, идет о влиянии «языкового поворота» на историю полов, вновь свидетельствует об относительно слабой позиции последней в общей историографии. На самом же деле задолго до того, как идеи французских философов Мишеля Фуко и Жака Дерриды⁵ нашли отклик в социальной истории, защитницы истории полов уже указывали на значение языка и дискурса как систем социальных знаков и значений, «а также на то, что в их власти устанавливать в социальных практиках и общественных институтах систему социальных, символических и психических соотношений, в которой женщины и мужчины занимают неравные позиции» (CONRAD/KESSEL, 27)⁶.

Кроме того, эти два научных подхода сближает ряд общих черт. Во-первых, оба возникли в то время, когда границы внутри наук стали более расплывчатыми и идея междисциплинарных и интернациональных исследований заво-

---

⁴ Под термином «лингвистический поворот» в исторической науке понимается довольно новый научный подход, основное положение которого заключается в том, что язык и дискурс принимают активное участие в моделировании социальной действительности. Язык рассматривается как часть дискурса о власти. Обращение к «языку» является попыткой поставить под вопрос традиционную логику интерпретации, которая основывалась только на экономических, социально-исторических или политических аспектах. (Прим. ред.)

⁵ Michel Foucault (1926–1984), Jacques Derrida (*1930). (Прим. ред.)

⁶ О новаторской роли истории полов см. также CANNING.

евала большую популярность. Оба резко критиковали изоляцию дисциплин, оба требовали расширить поле деятельности, выходя за пределы отдельных наук и стран. *Во-вторых*, они обладают сходством методов и оказываемого на науку воздействия. Для обоих важно сместить центр научных интересов и полностью пересмотреть привычные представления. Таким образом, феномены, рассматривавшиеся когда-то как исключения, теперь приобретают значимость, а доминировавшие до этого сферы отступают на задний план. При учете мужского и женского полов многие результаты историографических исследований должны рассматриваться как относительные, а нередко должны быть модифицированы. Благодаря этому эмпирически обоснованному выводу, история полов, которая уже с первых своих шагов использовала метод деконструкции, оказалась восприимчивой к требованию Дерриды о полном преобразовании и новом определении общепринятых представлений. В силу этого оба научных подхода требуют, *в-третьих*, расширить методы, проверить основные концепты, заново сформулировать вопросы и цели. И, *наконец*, оба подчеркивают значение фактора власти для конструкции и восприятия исторических реальностей и приступают к разоблачению стратегий господства.

Однако имплицитный девиз *linguistic turn* «вся власть языку», в конечном счете обозначает ограничение, которое и для многих исследователей истории полов является необоснованным. Такие ключевые исторические концепты, как дискурс, опыт, идентичность и практика, включаются в иерархическую пирамиду абсолютного господства, причем дискурс приобретает неограниченную гегемонию. При этом другие исторические измерения попадают просто в отношения зависимости, действующие лица истории низводятся до марионеток, с «виновников» снимается ответственность, «жертвы» обречены молчать. Здесь кроется не только угроза умаления опасности и неоправданной релятивизации ценностей, но и противоречие положению истории полов о том, что история создается не в последнюю очередь и «gendered subjects» (субъектами, маркированными полом). Ведь одной из главных задач тех, кто

стоял у истоков этой науки, было обнаружение за структурами женского субъекта. В то время, как половая идентичность субъектов является предметом все новых компромиссов, договоров и инсценировок в повседневной жизни и, вследствие этого, постоянно актуализируется, а связанное с полом знание, полученное на основе опыта, используется и приумножается, речевая коммуникация о поле превращается в процесс «doing gender» (создание гендера)⁷.

В философских дебатах о категории пола, ориентированных, в первую очередь, на теорию познания, исторический субъект полностью лишается материальности и рассматривается как продукт языковых отношений. Эта концепция обнаруживает свои границы самое позднее при эмпирической проверке. Приведем только один пример: в 60-х годах XIX века в Германии как результат проявившейся заботы общества о будущем незамужних дочерей бюргеров на повестку дня был вынесен так называемый «женский вопрос». Несмотря на утверждения в обратном, число этих женщин едва ли заметно возросло. Таким образом, можно было бы заключить, что феномен стал проблемой лишь в результате дискурса. На самом же деле дискурс действительно создал «женский вопрос», а не «реальность», как хотелось бы утверждать корифеям лингвистического поворота. Этот дискурс отражал, скорее, новую форму восприятия и познания действительности буржуазной общественностью. Изменившиеся социально-экономические условия жизни бюргеров затрудняли положение незамужних родственниц в качестве «нахлебниц». Они, в свою очередь, сознавая все уменьшающуюся приемлемость этого положения и учитывая возрастающие возможности получить образование, видели альтернативу в профессиональной сфере и искали ее, не в последнюю очередь, с помощью женского движения, которое стало их рупором. Пришла пора по-новому определить женскую роль, в чем приняли участие все «заинтересованные стороны». Итак, здесь мы имеем дело со взаимодействием и взаимовлиянием дискурса, опыта, прак-

---

⁷ Подробнее об этом см. WEST/ZIMMERMANN.

тики и идентичности. Причем однозначно выявить преобладание того или иного фактора оказывается невозможно. Можно привести целый ряд примеров неразрывности содержания, носителей и последствий дискурса.

Однако здесь возникает вопрос о пригодности такого, явно неисторического метода, ведущего к дематериализации субъекта. Ведь история полов, как справедливо подчеркивает немецкая исследовательница Уте Фреверт, занимается «проблемой того, как общества прошлого и живущие в них женщины и мужчины относились к дифференциации полов, как они описывали эту дифференциацию, какое значение они ей придавали» (FREVERT 1995, 14). До тех пор, пока в науке категория пола не утвердилась, историкам кажется довольно щекотливым участие в потенциально подрывающих ее дискуссиях, пусть и интересных с интеллектуальной точки зрения.

Несмотря на эти ограничения, нельзя упускать из виду и недооценивать заслуги лингвистического поворота для истории полов. Эти заслуги заключаются в обогащении социальных и экономических детерминаций за счет других исторических форм выражения, таких как язык, ритуал и символ. Сюда относится и особая осмыслительность при выборе и анализе источников, которые позволяют увидеть прежнюю односторонность исторического знания, обнаружить в нем белые пятна и открыть новые аспекты.

Идея лингвистического поворота затрагивает, хотя и косвенно, как роль создателей источников, так и роль их толкователей. При этом то, что признается исторически значимым и достойным передачи будущим поколениям, является не столько вопросом об «имеющихся в наличии источниках», сколько об их выборе, классификации и иерархизации последующими пользователями. Несмотря на то что историки, *per se* и *qua definitione*, якобы проявляют сейсмографическое чутье, когда речь идет о выявлении новых источников, они, тем не менее, долгое время проходили мимо свидетельств, которые могли бы прояснить вопрос о положении женщин и о форме отношений между полами. Это объясняется не столько тем, что «клад» таких источни-

ков труднее найти, сколько теми критериями, которые выдвигались при поиске.

Хотя теперь все больше исследователей признают, что наряду со структурами область повседневного опыта также достойна исследования, все же еще преобладает более или менее эксплицитно сформулированная иерархия значимостей, которая переносится и на оценку жанров используемых источников. Объективное и субъективное оказываются расположенными на оценочной шкале. Это приводит к тому, что такие жанры источников, как письма, дневники, автобиографии или вообще высказывания о самом себе, авторами которых сравнительно часто являются женщины, привлекаются, как правило, лишь очень осторожно и неохотно. Но именно эти источники свидетельствуют о женском образе жизни, женских жизненных концептах и опыте, а кроме того, относятся к тем немногим документам, которые могут обеспечить сопоставимость истории женщин и мужчин вследствие равного числа их свидетельств. Это именно то, к чему стремится история полов. При этом негативное впечатление, вызванное нарочитой субъективностью этого вида источников, нередко затрудняет критический взгляд на мнимо объективные источники. То, что источники нельзя рассматривать как открытые окна в прошлое, является прописной истиной науки. Тем не менее, долгое время сохранялось предубеждение, что одни из них ставят ловушки на пути исторического анализа, в то время как другие передают факты относительно достоверно. Однако при ближайшем рассмотрении многие тексты прошлого, считающиеся серьезными, теряют свою «объективность». Как свидетельствует множество исторических документов – приведем здесь лишь один яркий пример, – отсутствие эксплицитного названия мужчин и женщин часто не подразумевает оперирования универсальными категориями. Вполне сознавая это, проницательная Луиза Отто-Петерс уже в 1876 году создала радужный образ будущего, «в котором люди не смогут даже представить, что когда-то говорили и заботились о “народе”, работали “для народа”, но имея в виду при этом только мужчин. Несмотря на широкое движение за предоставление “всеобщего права голо-

са”, половина населения при этом была оставлена ни с чем и, мало того, в отличие от других параграфов закона, здесь не было сделано даже соответствующей приписки: “за исключением женщин и несовершеннолетних”! Ведь это считалось “само собой разумеющимся”.»⁸

Основные исторические понятия также нуждаются в подобной деконструкции, если за видимостью их универсализма мы хотим не только раскрыть их обусловленность временем, местом и классом, но и выявить их глубокую связь с признаком пола. Почти все историографические термины обладают в отношении женщин значением, диаметрально противоположным тому, которое они имеют в отношении мужчин. Из многочисленных примеров укажем здесь лишь на «наемный труд», который для мужчин всех социальных слоев был не только экзистенциальным, но и почетным, тогда как для женщин низших слоев он часто понимался как вынужденная мера, а для женщин из буржуазной среды в любом случае считался задевающим ее честь. Если учесть также конфронтацию между общественной и субъективной оценкой, то уровень различия еще более возрастает.

Обострение чувствительности к такого рода языковым тонкостям несомненно относится к заслугам «лингвистического поворота». Он углубил понимание того, что язык не только отражает действительность, но и создает ее, а в связи с этим и сознание необходимости в целом более критического восприятия текстов и использования понятий. Тем самым лингвистический поворот способствует выявлению языковых несоответствий, скрытых намеков, стратегических ухищрений и фиктивной точности в исторических текстах. Такая деиерархизация источников и «демократизация» их исторической значимости означает обогащение историографии новой методикой. Как показывают выводы,

---

⁸ Louise Otto-Peters (1819–1895) – нем. писательница и журналистка, стояла у истоков движения за эмансипацию женщин, одна из основателей Немецкого объединения женщин (1865). (Прим. ред.)

сделанные при помощи литературоведческой интерпретации, статистики обладают не большей, а другой «степенью правдивости» по сравнению с автобиографическими свидетельствами. Знание о дискурсивной сконструированности всех исторических источников усилило также внимание к тому влиянию, которое оказывает половая дифференциация на язык. Не столько лингвистический поворот, сколько описанное выше обращение к языку, вероятно, и есть тот научный подход, от которого выигрывает история полов.

2.2. История полов и социальная история – проблема «великих» теорий

С точки зрения истории полов лингвистический поворот, или, по крайней мере, его претензия на абсолютность, имеет в немецкой историографии лишь ограниченный успех. Более близкое родство история полов обнаруживает с социальной историей. Соответственно более сложно протекают процессы сближения и разграничения между ними, что можно сравнить с близостью и дистанцированием в отношениях между отцом и подрастающей дочерью. Социальная история в том виде, как она складывалась с 60-х годов, претендует, и не без основания, на признание ее заслуг в пробуждении особого интереса к новым областям исторической действительности, а также в новой постановке вопросов и предоставлении инструментария, что, в конечном итоге, способствовало появлению женщин в поле зрения ученых. По крайней мере объекты, с которыми работали специалисты по социальной истории, включали, как правило, представителей обоих полов. Под кровом социальной истории, как уже неоднократно утверждалось, достаточно места и для категории «пол».

Но как раз это в последнее время подвергается сомнению со стороны исследователей истории женщин и истории полов. Такой скепсис подкрепляется тем, что социальная история и история общества пишутся все еще без учета «гендерного» аспекта. Однако большинство женщин-историков, которые занимаются историей полов, едва ли соби-

раются поставить под вопрос идеи и методы социальной истории. Напротив, для большинства немецких исследований в области истории полов характерно то, что они лишь привлекают новые звуки, играя на клавиатуре социальной истории, используя ее темы, инструментарий и методы.

Все же этот факт вряд ли дает право социальной истории самодовольно почивать на заслуженных лаврах. [...] Так в истории полов пробил себе дорогу сознание, обнаруживающее ревизионистский характер: сознательный отход от «великих» теорий, от периодизации и от классификационных концептов в их наиболее распространенных вариантах, развитию которых не в последнюю очередь способствовала социальная история.

Между тем многие исследования показали, что теория модернизации, понятая как модель целенаправленного развития и имеющая силу якобы для общества вообще, при учете обоих полов быстро наталкивается на свои границы. Это имеет место особенно тогда, когда модернизацию более или менее эксплицитно отождествляют с прогрессом, что характерно для большинства представителей социальной истории.⁹ Касающаяся всего общества модернизация обладала для мужчин и женщин во многих областях принципиально разными последствиями, которые, кроме того, расходились по времени их протекания, темпам и возможным переломным моментам.

---

⁹ Теория модернизации является заимствованной из социологии концепцией анализа общественного развития. В ней рассматриваются эпохальные, долговременные, носившие зачастую насильственный характер изменения, которые начались в Западной Европе в конце XVIII века в связи с индустриализацией и демократизацией. Таким образом, модернизация характеризует переход от аграрного общества к промышленному обществу. Она часто отождествляется с прогрессом, который понимается как развитие общества, каждая последующая стадия которого превосходит предыдущую по совершенству. Под влиянием оптимистической веры в самоусовершенствование человека теория модернизации видит в идее прогресса смысл истории. (Прим. ред.)

Приведем только несколько примеров: «современная» модель нуклеарной семьи¹⁰, которая была выдвинута в конце XVIII и в XIX веке была реализована буржуазией, закрепила структуры неравенства, прежде всего в ущерб женщинам. Женщины долгое время с трудом добивались возможности участвовать в политике, о чем можно судить по формулировкам закона об избирательном праве¹¹. Наблюдаемые на рынке труда специализация, дифференцированность и мобильность либо совсем не касались женщин, либо касались их только частично и имели другие последствия для них. Показательной в этом отношении является многоступенчатая профессиональная группа домашней прислуги и дворовых людей, которая в XIX веке пережила процесс слияния функций, в результате чего появилась чисто женская «профессия» служанки, выполняющей любую работу. В своей диссертации «Причины неравной оплаты труда мужчин и женщин» Алис Саломон уже в 1906 году доказала следующее: во-первых, проникнутая марксистскими идеями теория, согласно которой привлечение женщин к наемному труду является решающим условием их эмансипации, недостаточна; во-вторых, все большая дифференциация трудового процесса и сфер деятельности сопровождается все большим разделением по признаку пола на рынке труда и «чрезвычайно затрудняет сравнение» (SALOMON, 27). В процессе разделения труда мужчины выбирали новые, технизированные и «лучше оплачиваемые сферы труда», в то время как женщины занимали «освобождаемые мужчинами низкооплачиваемые рабочие места». «Разность критериев, применяемых при оплате труда мужчин и женщин», заключает Алис Саломон, «может быть устранена лишь

---

¹⁰ Специальный термин истории и социологии, обозначает образ жизни, который с конца XVIII века получал все большее распространение в западноевропейском буржуазном обществе. Современная семья-ядро включает в себя только супругов и их детей, в отличие от так называемой патриархальной семьи, где несколько поколений живут под одной крышей. (Прим. ред.)

¹¹ См. приведенную выше цитату Луизы Отто-Петерс.

посредством изменений в духовной жизни народов» (SALOMON, 99)¹².

Свойственное теории модернизации заострение внимания на процессе развития привело к тому, что не были учтены устаревшие традиции и казавшиеся неизменными соотношения, такие как соотношения полов. В соответствии с результатами многочисленных исследований, нормы, касающиеся полов, скорее становились более жесткими, чем подрывались или ослаблялись. Социальный контроль над их выполнением происходил не бюрократически, а на личностном уровне. «История женщин никуда не годится. Она нарушает гладкое течение прогресса», – с иронией комментирует современный английский историк Изабел Халл (HALL, 282).

Концепт класса, которому отдается предпочтение в социальной истории, должен быть пересмотрен. Исходя из основного положения о том, что сословное общество эпохи абсолютизма примерно с 1800 года последовательно перерастает в классовое общество, специалисты по социальной истории отводили таким критериям, как пол, лишь второстепенную роль по отношению к классовой принадлежности. При этом игнорировались феномены, которые препятствовали стиранию классовых различий и касавшиеся преимущественно женщин, например отсутствие или нерегулярность трудовой деятельности, а также дальнейшее существование сфер деятельности, не определяемых как наемный

---

¹² Многие примеры подтверждают, что наемный труд наемному труду рознь. Приведем здесь только два из них: 1) появление женщин в качестве профессоров гуманитарных наук в немецких университетах сразу негативно сказалось на статусе этих наук и их финансовой поддержке; 2) противопоставление «мастера машинного доения» просто «дойрке» указывает на то, что в России в свое время для мужчин эта профессия была более престижной, чем для женщин. Профессия врача в России является низкооплачиваемой (а значит, женской), что нельзя сравнить со статусом и зарплатой «полубогов в белом» на Западе, где врачами являются в основном мужчины. (Прим. ред.)

труд. Процессуально разработанные модели образования классов подразумевают следующее типическое развитие: классовое положение – классовая идентичность – классовое поведение. Включение женщин в такие модели было затруднено, поскольку женщины на некоторых из этих ступеней вообще не представлены, а на других представлены лишь незначительно. Однако этот факт считался «побочным противоречием». Говорилось о «классе рабочих с их женами и детьми» (TILLOMPSON), и таким образом создавалась иерархия значимостей, которая позволяла устранить как исключение из правила любые отклонения от модели поведения.

Процесс переосмысления начался, когда категория «класс» стала привлекать внимание истории женщин и истории полов. В ряде эмпирических исследований о ситуации работниц был выявлен особый ритм женского труда. При этом отсутствие женских организационных структур объяснялось не столько недостаточной готовностью работниц к их созданию, сколько мужским безразличием. Кроме того, исследования выявили области, отрасли и периоды времени, в которых женщины проявляли политическое сознание. То, что оба научных подхода поставили в один ряд вопрос о «классе и поле», способствовало, с одной стороны, их плодотворному сближению. Однако, с другой стороны, вместо «и» зачастую подразумевалось «или», что приводило к тому, что обе категории социального неравенства становились конкурирующими факторами, из которых в итоге один или другой воспринимался как главный. Однако таким образом создавался фиктивный исторический субъект, который выбирал между возможностью чувствовать и действовать либо «прежде всего как женщина», либо «прежде всего как рабочий». Но работница не оставляла своей женственности за воротами завода, так же как и учитель мужской гимназии в своем чисто мужском заведении не действовал и не размышлял как нейтральный в отношении пола гражданин. [...] Самооценка, мировосприятие, формы коммуникации, образцы поведения были результатом *сплетения этих двух* – и других – идентичностей. [...]

3. Категориальное равновесие пола и класса: «Gendering Class»

История полов поставила перед специалистами по истории рабочего движения новые задачи. С одной стороны, историки согласились с тем, что мужчины и женщины играли различные роли в процессе образования классов, а также признали важность таких аспектов за пределами сферы наемного труда, как семья, родственники, соседи и свободное время. Но с другой стороны, все еще сохраняет актуальность призыв американской исследовательницы Натали Земон Девис к тому, чтобы историк всегда учитывал не только последствия принадлежности к определенному классу, но и – в той же мере – последствия принадлежности к определенному «полу» (DAVIS, 127).

В исследованиях общественных групп «класс» вполне обоснованно остается традиционной категорией социального неравенства. Однако, чтобы избежать упрощений, необходимо освободить эту категорию от фиксации на экономическом аспекте, в понимании Маркса и Вебера. Это дало бы возможность учитывать категории класса и пола, не выделяя какую-либо из них как единственно значимую. [...]

Чтобы наметить пути изменения традиционной классовой схемы, приведем пример, который показывает, какие общественные группы не вписываются в ее рамки. Этот пример описывает судьбу жены первого президента Веймарской республики Фридриха Эберта:

«Положение жены президента оказалось госпоже Эберт по плечу. Она была высока и хороша собой, отличалась естественной простотой и прекрасными манерами. Ее образование не выходило за пределы “народной школы”, но она владела искусством вести беседу. На празднике, устроенном одним государственным секретарем, госпожа Эберт рассказала мне, что в молодости она была служанкой, так как ее родители относились с предубеждением к работе на фабрике, несмотря на то, что такая работа была бы для нее легче. [...] Один высокий чиновник старого

режима, который в последствии лояльно относился к республике, сказал мне однажды, что он никогда в своей жизни не видел королевы, которая соответствовала бы своему месту в обществе лучше, чем это делала госпожа Эберт.» (ср. SALOMON, 175)

По своему происхождению, как мы видим, госпожа Эберт принадлежала к низшим социальным слоям. Благодаря своей работе в качестве служанки она приживается в буржуазной среде, а выйдя замуж за буржуа, сама становится членом этого мира. Ее поведение здесь кажется даже аристократическим. К какому же классу следует отнести госпожу Эберт? Женщины, не занимавшиеся наемным трудом, считались, как правило, не самостоятельными личностями, а дочерьми или женами представителей определенного класса. Таков вывод многих исследований из области социальной истории. Однако у современницы госпожи Эберт, которой мы обязаны приведенной выше характеристикой, мы встречаем ключевое слово, которое подчеркивает личностную активность человека и делает необходимым пересмотр чисто «экономического» определения категории класса: госпожа Эберт не только заняла определенное место в обществе вследствие замужества, но и должна была «соответствовать» ему. [...]

Категория класса только тогда будет применима ко всему обществу и будет обладать большим объяснительным потенциалом, когда она будет содержать как мужской, так и женский аспекты. Поэтому в процессе выделения классов необходимо учитывать и класс как положение в обществе, и класс как поведение¹³. Таким образом, классовая идентичность возникает: 1) из положения в обществе, обусловленного в первую очередь экономически; 2) из поведения

---

¹³ Классовое положение (или классовая позиция) понимается как комплекс всех признаков, которые возникают посредством многосторонних связей человека с обществом (статус, пол, этнос и местоположение, образование и культурная социализация, социальные отношения). (Прим. ред.)

(культуры), которое способствует конституированию и стабилизации этого положения; 3) из (коллективного) поведения (классовых действий), которое может стать результатом этого положения. Еще Макс Вебер подчеркивал, что общая принадлежность к определенному классу еще не означает совместных действий в рамках политической организации или движения (WEBER, 532ф). [...] В отличие от привычных моделей образования классов, три выше перечисленных аспекта не являются ступенями развития, а, являясь равнозначными, находятся в тесном взаимодействии. Этот концепт отличается от концепта Пьера Бурдьё¹⁴. С одной стороны, Бурдьё подчеркивает взаимозависимость структуры и практики при образовании класса, а с другой стороны, действующие лица истории в его теории находятся в плену бессознательно усвоенного «хабитуса» (Habitus)¹⁵. Предлагаемый в данной статье концепт учитывает наряду с «сознательным» и «продуктивным» также «бессознательное» и «репродуктивное».

3.1. Социокультурное понятие класса

[...] Для большинства женщин XIX и начала XX века, которые либо вообще не принимали участия в трудовой и политической жизни, либо делали это лишь нерегулярно, культурный уровень класса, к которому они принадлежали, имел большое значение. В исследованиях о буржуазии уже неоднократно подчеркивалось влияние аспекта культуры на процесс формирования классов, поскольку класс буржуазии нельзя назвать однородным с точки зрения положения в обществе его представителей. При этом стало легче включить в рассмотрение и родственниц буржуа, что иногда при-

---

¹⁴ Bourdieu, Pierre (*1930) – франц. культуролог. (Прим. ред.)

¹⁵ Определение из истории ментальностей обозначает образцы восприятия, мышления и действий, которые возникают в процессе социализации. Как вид «генеративной грамматики социального» эти образцы направляют действия индивидов, причем последние следуют этим образцам бессознательно. (Прим. ред.)

водило к тому, что категория класса не столько дополнялась, сколько заменялась категорией «культуры». Что же касается историографии рабочего класса, которая исследовала в основном структуры, то здесь аспекты культуры долгое время вообще не учитывались.

Итак, если категория культуры, понимается слишком узко и рассматривается отдельно от других общественных сфер, то она скорее конкурирует с категорией класса, а не дополняет ее. Для расширения этой категории имеет смысл обратиться к заимствованному из антропологии пониманию культуры и необходимо более гибко и динамично определить это понятие, иначе действующие лица истории из пленников структуры превратятся в пленников культуры. Таким образом, под «культурой» нужно понимать взаимодействие традиционных и новых знаков, которое передается из поколения в поколение и варьируется в зависимости от класса и пола, а также в зависимости от таких критериев, как этнос, вероисповедание, регион. Такое взаимодействие знаков (то есть культура) сознательно и бессознательно создается и используется действующими лицами истории для осмысленного истолкования действительности, делает возможной их коммуникацию а также служит базисом для их самоидентификации и обособления от других. Культура в этом смысле формирует и нормирует ментальные, моральные и эстетические категории, оказывает влияние на восприятие человеком действительности и на связанные с этим восприятием мнения и действия, причем они в значительной мере различаются в зависимости от принадлежности к определенному полу и к определенному классу.

Расширенное в отношении категории культуры понятие класса, назовем его социокультурным, позволяет учесть все разнообразие идентичностей, не упуская из внимания принадлежность к определенному классу. Вследствие этого такие критерии классификации общества, как вероисповедание, этнос, местоположение и др., выступают теперь не как противоречия, а как возможные варианты, имеющие одинаковую ценность. Принадлежность к определенному социальному классу не означает одинаковости по всем параметрам; под одной этикеткой может оказаться разнообразие вариантов. [...]

Социокультурная классовая идентичность формируется, познается и передается на микроуровне в различных сферах, например на предприятии, в объединении, в семье, среди соседей, в партии, в профсоюзе или в общине. В протекающих в этих сферах процессах общения, а также в результате накопления опыта формируется как классовая, так и половая идентичность. При этом ни одна из них не является главной. Даже в тех сферах, в которых уже господствует исключительно один пол, речь идет о сохранении этого господства и, таким образом, об осознании и отграничении своей половой идентичности. Собственно женские ниши и сети уже исследовались с этой точки зрения, прежде всего специалистами по истории женщин. Что же касается истории политики и экономики, то она еще почти не изучалась с учетом гендерного аспекта и представляет собой многообещающий материал для новых исследований с позиций истории мужчин.

Несмотря на маркированность исторических мест, их границы остаются неустойчивыми в процессе развития истории. [...] Эти места существуют не как автономные женские или мужские «острова», а тесно связаны между собой посредством взаимодействия, сотрудничества и конфликтов. Поэтому такие дихотомии, как частная и общественная сферы, семья и работа, которые долгое время поддерживались историографией, искажают наше представление об истории, тем более что эти дихотомии почти всегда ассоциируются с другой парой понятий: центральное-периферийное.

Уделяя больше внимание аспекту взаимосвязанности, можно добиться соединения категорий «класс» и «пол». Различия между мужчинами и женщинами, между рабочими и буржуа создаются не в последнюю очередь посредством конструирования воображаемого «другого» и становятся понятными только при их сопоставлении. Во взаимном общении действующие лица истории дискурсивно создавали сходства и различия по признаку класса и пола. Они на собственном опыте испытывали эти сходства и различия, перепроверяли их, закрепляли, передавали по традиции и, таким образом, усиливали сознание своего неравенства. [...]

История классов и история полов должны пойти по пути постоянных сравнений. Для обоих подходов характерны методы соотношения и сравнения. Однако не следует стремиться к созданию универсальной величины для сравнения и соотношения, при помощи которой можно было бы установить лишь степень сходства и различия. Скорее необходимо исследовать варианты проявления классовой и половой дифференциации и их отношения между собой. [...]

Реформа вместо революции – такой путь мог бы привести к интеграции предлагаемого историей полов научного подхода в немецкую социальную историю, если последняя не окажет сопротивления. Вообще времена, когда между отдельными дисциплинами возводились прочные стены и с их высот проповедовалась «истина», должны отойти в прошлое. [...] Напротив, нужно стремиться соединить социальную историю и историю полов в «общей истории общества», которая бы обходилась без иерархии категорий и значимостей, принимала бы во внимание как женскую, так и мужскую часть истории, а также модифицировала бы уже существующие соответствующие теории. [...]

Перевод Э. Майер и Н. Носовой

В оригинале

Gunilla-Friederike Budde: Das Geschlecht der Geschichte. In: Geschichte zwischen Kultur und Gesellschaft. Beiträge zur Theoriedebatte. Hrsg. von Thomas Mergel und Thomas Welskopp. München 1997, S. 125–150.

Список литературы

BUTLER Judith: Das Unbehagen der Geschlechter. Frankfurt 1991.
[Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity.
London 1990.]

- CANNING Kathleen: Feminist History after the Linguistic Turn: Historiz-ing Discourse and Experience. In: Signs 19 (1994), p. 368–404.
- CONRAD Christoph / Martina KESSEL (Hrsg.): Geschichte schreiben in der Postmoderne. Beiträge zur aktuellen Diskussion. Stuttgart 1994.
- DAVIDOFF Leonore: Regarding Some «Old Husbands' Tales»: Public and Private in Feminist History. In: Worlds Between. Historical Perspectives on Gender and Class. Ed. by L. Davidoff. New York 1995, p. 227–276. [Alte Hüte. Öffentlichkeit und Privatheit in der feministischen Geschichtsschreibung. In: L'Homme 4 (1993) 2, S. 7–36.]
- DAVIS Natalie Zemon: Gesellschaft und Geschlechter. Vorschläge für eine neue Frauengeschichte. In: Frauen und Gesellschaft am Beginn der Neuzeit. Hrsg. von N.Z. Davis. Berlin 1986, S. 117–132.
- FREVERT Ute: Frauengeschichte – Männergeschichte – Geschlechtergeschichte. In: Lynn Blattmann u.a. (Hrsg.): Feministische Perspektiven in der Wissenschaft. Zürich 1993, S. 23–40.
- FREVERT UTE: «Mann und Weib, und Weib und Mann». Geschlechter-Differenzen in der Moderne. München 1995.
- HAUSEN Karin / Heide WUNDER (Hrsg.): Frauengeschichte – Geschlechtergeschichte. Frankfurt a. M. 1992.
- HULL Isabel: Feminist and Gender History Through the Literary Looking Glass. In: Central European History 22 (1989), p. 279–300.
- KELLY Joan: Women, History and Theory. The Essays of Joan Kelly. Chicago 1986.
- OTTO Louise: Frauenleben im Deutschen Reich. Leipzig 1876.
- RILEY Denise: Am I that Name? Feminism and the Category of «Women» in History. London 1988.
- SALOMON Alice: Die Ursachen der ungleichen Entlohnung von Männer- und Frauenarbeit. Leipzig 1906.
- SCOTT Joan Wallach: Gender: A Useful Category of Historical Analysis. In: American Historical Review 91 (1986), p. 1053–1075. [Gender. Eine nützliche Kategorie der historischen Analyse. In: Selbst Bewußt. Frauen in den USA. Hrsg. von Nancy Kaiser. Leipzig 1994.]

- THOMPSON Edward P.: Die Entstehung der englischen Arbeiterklasse. Frankfurt a.M. [The making of the English working class. Harmondsworth 1974.]
- WEBER Max: Machtverteilung innerhalb der Gemeinschaft: Klassen, Stände, Parteien. In: Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. Tübingen 1972.
- WEST Candace / Don H. ZIMMERMANN: Doing Gender. In: Gender and Society 1 (1987), p. 125–151.

Рenate фон Хайдебранд
и Симоне Винко¹

РАБОТА С ЛИТЕРАТУРНЫМ КАНОНОМ: ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРИ ВОСПРИЯТИИ (РЕЦЕПЦИИ) И ОЦЕНКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ²

1. Введение (пример исследования)

«Ведущее положение среди поэтесс современности занимают совершенно различные по стилю и типу мышления женщины: немецкая баронесса Аннетэ фон Дросте-Хюльсхофф и австрийка Бетти Паоли [...]. В *Стихотворениях* баронессы фон Дросте-Хюльсхофф чувствуется что-то своенравное, резкое, даже мужское; [...] Бетти Паоли, напротив, всегда женственна в своей манере мыслить и чувствовать и край-

---

¹ В оригинале: Renate von HEYDEBRAND und Simone WINKO: Arbeit am Kanon: Geschlechterdifferenz in Rezeption und Wertung von Literatur. In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hg. von H. BUßMANN und R. HOF. Stuttgart 1995. S. 206–260. Части 1 и 3 написаны Рenate фон Хайдебранд, часть 2 написана Симоне Винко.

² Под *канон*ом здесь понимается совокупность литературных достижений, избранных в качестве общепринятых и обязательных образцов. Составление канона взятых за образец авторов и произведений лежит в основе всех литературно-исторических исследований, а также в основе преподавания литературы (ср. глава 3.1 в этом тексте). Под *рецепцией* понимается восприятие определенного текста, автора или литературного направления и их воздействие на отдель-

не корректна и гармонична в своих стихах. [...] Лирика чувства, которую Аннете фон Дросте-Хюльсхофф пренебрежительно отвергает или допускает лишь в крайних случаях, проявляется у Бетти Паоли во всей своей силе и в совершенных с художественной точки зрения образах.» (GOTTSCALL, 286, 290)³.

Так отзываясь о творчестве писательниц Рудольф Готтшалл⁴ в первом издании написанной им в 1855 году истории литературы, выходявшей многочисленными тиражами и оказавшей большое влияние на литературный процесс XIX – начала XX века. На одну чашу весов он ставит здесь двух поэтесс: одну, которая благодаря своему «мужскому уму» смогла избежать оценки «женщина» и была включена в канон выдающихся немецкоязычных поэтов, и другую, «насквозь женственную», чье имя если и упоминается сегодня, то лишь на ее родине в Австрии. Эта цитата делает очевидным тот факт, что рецепция и оценка литературных про-

---

ного читателя, группу читателей или читателей в целом. *Рецепция* представляет собой совокупность взаимоотношений между автором/текстом и читателем/обществом. В принятом понимании, которое Хайдебранд/Винко расширяют и уточняют в настоящей статье, *оценкой* считается суждение об эстетических качествах и степени художественности определенного литературного произведения. *Оценка* является не только задачей литературной критики, но и одной из важных и сложных задач литературоведения. (Прим. ред.)

³ Аннете фон Дросте Хюльсхофф (Annette von Droste-Hülshoff, 1797–1848) считается одной из виднейших поэтесс своего времени. Ее творчество незначительно по объему, но разносторонне: наряду с лирикой ее перу принадлежат четыре эпоса в стихах и новелла «Еврейский бук» (Die Judenbuche 1842). Бэтти Паоли (Betty Paoli, 1815–1894), псевдоним Барбары Элизабет Глюк – австрийская писательница, которая работала воспитательницей в России и Шлезии. Кроме строгих по форме, частично элегических стихотворений, она писала новеллы и биографии. (Прим. ред.)

⁴ Рудольф Готтшалл (Rudolf Gottschall, 1823–1909) – влиятельный немецкий писатель, драматург, критик и историк литературы. (Прим. ред.)

изведений носит отпечаток гендерной дифференциации. Хотя это явление характерно не только для XIX века, однако почти неизвестно, какие черты оно имело в другие эпохи. Это означает, что «работа с каноном» должна прежде всего заключаться в исследовании того, каким образом гендерная дифференциация определяет индивидуальное и профессиональное чтение и оценку художественного произведения. Не подлежит сомнению, что коллективные оценочные процессы, ведущие к канонизации писателей, определяются мужским взглядом на литературу и что именно это приводит к поразительно низкой репрезентативности женщин-писательниц в канонах мировой и национальных литератур. Даже тогда, когда у женщин появилась возможность писать, путь к канону для них открывался лишь в том случае, если они выходили за рамки приписываемого им характера женского пола. Как конкретно протекали эти процессы и какие механизмы ими руководили, еще совсем не исследовано, по крайней мере в Германии; некоторые из тезисов предлагаемой работы должны дать импульс для дальнейших исследований литературного канона.

Данная работа, тем не менее, не ограничивается констатацией недостаточной репрезентативности женщин в каноне. Скорее напротив: здесь должны быть описаны и представлены на обсуждение средства, позволяющие услышать голос женщин не только в самом каноне, но и в процессе его формирования и при его критике. Это стало бы целью феминистской «работы с литературным канонам.»

2. Гендерная дифференциация при восприятии и оценке художественного произведения

Вышеизложенные замечания в общем виде показали, что канонизацию литературы можно определить как результат процессов чтения, оценки и интерпретации, при которых происходит сложное взаимодействие как индивидуальных, так и институциональных факторов. При анализе формирования канона должны прежде всего исследоваться механизмы восприятия и оценки литературы.

Хотя уже существуют модели процесса чтения и процесса оценки, однако при традиционном исследовании чтения вопросу о влиянии на него гендерной дифференциации не уделялось должного внимания⁵. Поэтому в большинстве случаев вместо достоверных результатов приходится довольствоваться всего лишь гипотезами. Феминистские исследовательницы занимались вопросом о том, как гендерная дифференциация проявляется в этих процессах, тоже значительно реже, чем, например, проблематикой женского писательского творчества. В исследованиях на эту тему можно условно выделить три подхода: 1) эмпирический; 2) критико-идеологический и 3) деконструктивистский. Первые исследования непосредственно описывают или реконструируют читательское поведение, вторые занимаются раскрытием и преодолением мужских стратегий чтения, а третьи ставят своей целью разрушение бинарных оппозиций, определяющих нашу культуру и влияющих на чтение.

2.1. О понятии гендерная дифференциация в данном исследовании

Для понятия гендерная дифференциация в данном исследовании релевантными являются три следующих аспекта. Во-первых, различие «природных» полов (sex). Хотя биологическое обоснование присущих мужчине или женщине характеров является проблематичным с точки зрения идеологии, ни в коем случае не следует отказываться от этого аспекта в чисто классификационном смысле. Например, если речь идет о том, действительно ли писательницы имели меньше шансов быть причисленными к канону, чем писатели, или если нужно провести исследования различий в «женском» и «мужском» чтении и оценке литературы, то в

---

⁵ *Исследование чтения* занимается физиологическим, психологическим и социологическими механизмами и условиями понимания текста как профессионального, так и непрофессионального читателя. (Прим. ред.)

первую очередь подход к этому нужно искать на уровне биологического разделения полов.

Второй аспект понятия гендерная дифференциация можно приравнять здесь к англо-американскому термину *гендер*. При этом необходимо учесть культурные и социальные конструкторы пола и описать различия в общественном кодировании понятий маскулинности и феминности. Определение гендерная дифференциация будет использоваться в дальнейшем – при отсутствии поясняющих сносок – в рамках концепта *гендера*⁶. При необходимости описать с помощью одного определения как биологический, так и общественный аспекты конструкторов полов, мы будем употреблять термин «система пол/гендер» (*sex/gender-System*; RUHN, 159).

И, наконец, третья возможность определить понятие пол обнаруживается в трудах феминисток, базирующихся на постструктурализме и рассматривающих пол как риторику (VINKEN, 19). Мужественность и женственность рассматриваются здесь отнюдь не как биологическая, социологическая или культурная, а как риторическая категория. Большое значение именно в дискуссии о литературном каноне имеет аргументирование постструктуралистов с позиций критики языка и субъекта, например критика бинарного схематизма концепта *гендера* с его иерархическим принципом, а также их возражения против идеализации универсального субъекта⁷.

2.2. Чтение непрофессиональное и профессиональное

Чтение как культурная техника, как приобретенная и исторически видоизменяемая форма обращения с литературой может быть дифференцировано по контекстам, в которых оно осуществляется, и по результатам, в которых оно проявляется. В дальнейшем понятие «чтение» мы используем

---

⁶ В феминистских исследованиях существуют различные определения понятия *гендер*. (ср. NOF)

⁷ Мы не будем приводить здесь сложную и базирующуюся на множестве предпосылок аргументацию постструктуралистов; введение в постструктуралистский феминизм см. WEEDON; введение в деконструктивистский феминизм см. VINKEN.

для «обычного», непрофессионального чтения, которое либо вовсе не артикулируется, либо артикулируется в частной сфере, например в разговорах или письмах. Чтение в рамках литературных институций, больше ориентированное на теорию, базирующееся на повторном прочтении, письменно документируемое в специального рода текстах, мы называем «профессиональным чтением». Профессиональное чтение в литературной критике и в литературоведении в значительной мере соответствует процессу приписывания смысла в соответствии с различными теоретическими и методологическими предпосылками, называемому по традиции «интерпретацией». Хотя оба вида чтения тесно связаны, – при каждом чтении производятся толкующие соотнесения и каждое профессиональное чтение, или интерпретация, основывается на первичном прочтении, – эта эвристическая классификация кажется более разумной, чем недифференцированное использование понятия «чтение», так как категория *гендера*, как будет показано, имеет разные значения для профессионального и непрофессионального чтения⁸.

В современных исследованиях чтения и понимания в области когнитивной психологии чтение воспринимается в основном как интеракция между читателями и текстами (об этом CRAWFORD/CHAFFIN; VILHOJT). При чтении взаимодействуют процессы, которые исходят от текста (bottom-up), и процессы, которые исходят от читателя (top down). Материальной отправной точкой текста является его языковая структура, а отправной точкой читателей является угол зрения, устанавливаемый каждый раз по отношению к тексту, и так называемая «система предпосылок», т. е. знания читателей, приобретенные в процессе социализации, их эмоциональные

---

⁸ Разумность такого различия становится очевидна, если принять во внимание тот факт, что понятие «чтение» именно в теории и практике постструктурализма обесценилось в результате частого употребления. Назовем лишь некоторые способы его употребления, которые позволяют переформулировать «чтение» как «восприятие соотношений в реальности», «приписывание особенностей», «(неспецифическое) понимание текста», «(специфическое) прочтение текста» или «текст».

предрасположения, намерения, мотивации и убеждения, основанные на определенных ценностях, а также социальные традиции и нормы, которыми они осознанно или неосознанно руководствуются (SCHMIDT, 29 и след.; CRAWFORD/CHAFFIN, 4-13). Субъективная отправная точка читателей определяет восприятие текстовых структур и их переработку. Результатом работы над текстом считается понимание текста или, иначе говоря, ментальная репрезентация текста в читателе.

Три тесно связанных фактора в процессе чтения, в которых может проявляться гендерная дифференциация, по этой модели разделяются на: 1) систему предпосылок и ситуативно обусловленный угол зрения читателей, 2) восприятие текста и 3) понимание текста как результат процесса чтения (этот фактор следует отличать от восприятия только в целях анализа).

2.2.1. Система предпосылок и угол зрения читателей

В системе предпосылок читателей, по всей вероятности, находят отражение конструкты половых ролей, причем в двух аспектах. С одной стороны, они осуществляются как интериоризованные стереотипы «мужественности» и «женственности», которые частью сообщаются в социальной интеракции (BILDEN 1991, 283 и след.) и частью передаются через символические системы. Примером могут служить бытовые мифы, определяющие восприятие и понимание представителей обоих полов с помощью различных средств информации и жанров текстов, от рекламных роликов к фильмам до литературных и философских текстов, или через метафорические базисные концепты в живой речи⁹. Субъективные факторы личностной

---

⁹ Первое было исследовано BOVENSCHEN и – для различных средств массовой информации – THEWELEFF (1977/78), второе, правда, без учета гендерного аспекта при классификации и оценке произведения, исследовали LAKOFF/JOHNSON. О мужских и женских фантазиях в области языка и символических традиций см. GILBERT/GUBAR (1992).

структуры и социального положения (происхождение, образование, семейные отношения и т. п.), по всей вероятности, ответственны за то, что в культурно реконструируемые образцы *гендера* в системе предпосылок могут быть внесены изменения читателями. Кроме того, следует учитывать, что не только соотношение с ролью, специфичной для определенного пола, но также и степень самоидентификации с ней (*gender typing*) являются решающими для обработки информации и, тем самым, несомненно, оказывают влияние на чтение.¹⁰ С другой стороны, четкое отмежевание от этих стереотипов, которое основывается на рефлексировании внедряемого обществом конструкта половых ролей и на формулировке противоположной позиции, может влиять на систему предпосылок человека. Если в первом случае представление *гендера* неосознанно влияет на процесс чтения, то во втором случае оно может осознанно руководить чтением.

Посредством сжатого обзора различных исторических проявлений концепта *гендера* мы уточним, какое влияние оказывало и оказывает определенное понимание *гендера* на моделирование процесса чтения – вид чтения и его целевую установку. Можно выделить – очень упрощенно – шесть моделей *гендера*, с которыми соотносятся шесть видов чтения. Так как эти «виды чтения» выведены из основных предположений или постулатов моделей *гендера*, то они имеют скорее умозрительный, чем описательный, характер: действительно ли на процесс чтения влияют различные понимания *гендера*, нужно еще исследовать. Первые три модели имеют исторически-реконструктивный статус, последние три относятся к теоретическим позициям феминизма.

Модель I относится к эпохе, предшествующей модерну, и с помощью антропологической аргументации представляет женщину как градуальное отклонение от мужчины, принимаемого за основной тип (LAQUEUR, 18). В трудах

---

¹⁰ Ср. Вем, которая, однако, говорит о «sex typing». Поскольку здесь речь идет об общественном кодировании полов, понятие «gender typing» кажется мне более подходящим.

эпохи Просвещения можно обнаружить эту схему, например в высказывании о женщинах как о наделенных от природы разумом существах с познавательными и моральными способностями, которых только следует обучать (BOVENSCHEN, 82 и след.). Дидактики исходят из того, что женщины как читательницы имеют с мужчинами один и тот же угол зрения, однако их чтение является неполноценным, поэтому ими необходимо руководить и ограничивать материал для чтения (MARTENS; SCHUMANN).

Модель II сформировалась приблизительно в конце XVIII века и действенна по сегодняшний день. Последующие модели, которые будут обрисованы здесь, основываются – соглашаясь или отмежевываясь – на ней. В рамках этой модели мужчина и женщина противоположны друг другу, и эта противоположность определяется как естественная (ср. напр., HAUSEN; FREVERT; HOFFMANN 1983). Соответствующая модель чтения постулирует, таким образом, другое женское чтение: в то время как мужчина читает, размышляя и отстраняясь, и для него при чтении доминирует эстетический аспект, женщины читают, идентифицируясь с текстом, эмоционально, отдавая первенство этическому аспекту, и это предопределяет для них особые виды текстов, а именно дидактические произведения, но также и развлекательные романы и особенно такие субъективно-эмоциональные виды текстов, как лирику.

Эмпирические исследования чтения подтверждают действенность этой модели и по сегодняшний день: с одной стороны – своими результатами, но с другой стороны – ко-свенно, уже самим фактом проведения исследований, которые дают эти результаты и тем самым вызывают потребность в дифференциации этих результатов. Это можно продемонстрировать на примере одного из немногих эмпирических исследований, в котором половые различия принимаются во внимание хотя и систематически, но лишь с точки зрения биологического пола (HANSEN). Исследуются эмоции, которые возникают при чтении стихов и прозы. Выясняется, что эмоциональная реакция находящихся под наблюдением женщин была сильнее, чем у испытуемых мужчин. Также была подтверждена традиционная точка

зрения, что женщины, по крайней мере при чтении стихов, обращают больше внимания на содержание, в то время как мужчины скорее интересуются формальными деталями. Эти результаты могли бы быть проинтерпретированы как частное подтверждение модели II (вывод, который Hansen не делает), однако лишь в том случае, если сама модель предполагается как интерпретационный образец: исходя из понятия «естественного пола» читателя, и различия кажутся «естественными». Для того чтобы соотнести их – не только как топос – с конструктами половых ролей, была бы необходима более дифференцированная постановка вопроса, а чтобы прийти к далеко идущим выводам о причинах разного чтения, было бы необходимо включить также и другие социальные и индивидуально-психологические факторы.

Модель III можно коротко охарактеризовать как усвоение женщинами образцов мужского восприятия и поведения. По мнению феминистских теоретиков, успешная социализация женщин в системе высшего образования влечет за собой такие последствия. Они выявляются, среди прочего, в усвоении женщинами литературного канона, чаще всего исключаящего женщин, а также в господствующих и поныне в образованной буржуазной среде андроцентристских стратегиях чтения, интерпретации и оценки, санкционированных институтами, которые занимаются распространением литературы (ср. гл. 2.2.3.).

Моделью IV мы называем тот вариант феминизма, в котором парадигму задает имя Симоны де Бовуар (BEAUVOIR) и который стремится к общественному освобождению, точнее говоря, к равноправию женщин. Эта модель стремится показать, что «субъектом» западной культуры является мужчина и что за кажущимися общечеловеческими, гуманистическими идеалами скрыты мужской угол зрения и интересы. Женщинам должен быть открыт доступ к универсальности, которая до сих пор была привилегией мужчин (SCIOR). «Читать как женщина» здесь может пониматься двояко: с одной стороны, чтение на основании женского опыта, который принимается за данное, с другой стороны, – более осторожно – чтение с намерением избежать мужской точки зрения и с ориентацией на женскую иден-

тичность, которая должна быть сформирована (CULLER, 49-62). Соответствующее феминистское сознание проявляется во внимании к текстовым или авторским стратегиям, включающим женщин, и в их осуждении при интерпретации и оценке литературного текста (как образец, у MILLETT; FETTERLEY; KOLODNY 1980; WEIGEL 1989; также ESKER).

Модель V основывается на втором варианте феминизма, который может быть охарактеризован понятием «гиноцентризм». Противопоставление полов сохраняется, однако социальные оценки перераспределены: постулируется – отчасти в обновленной антропологической аргументации – «привилегированность» женщины. Если влияние модели IV на профессиональное чтение ведет к повышению роли «женского» текста и способов интерпретации, что необходимо для равноправия, т. е. по стратегическим причинам, то модель V проявляется в принципиально более высоком оценивании «женского» текста и женского чтения (напр., SNOWALTER 1977 и 1981; GILBERT/GUBAK 1977; ср. MUNICH и JEHLEN).

Последняя модель – **Модель VI** – ориентирована на деконструктивистские варианты феминизма и разделяет критику субъекта, характерную для модели IV, но при этом аргументация из области критики языка и психоанализа позволяет прийти к более радикальным выводам. «Нейтральный» субъект, универсальность, как и связанные с этими представлениями гуманистические ценности, не могут рассматриваться больше как цель (ср. FELMAN; также SCHOR.). «Женственность», как было указано в гл. 2.1., воспринимается как риторическая категория, «женское» – как дифференциальный момент, который подрывает фаллоцентрический язык и тем самым разрушает противопоставление мужское/женское. «Женское чтение» в этом смысле пытается «сорвать с фаллоцентризма маску “истины”, за которой он прячет свои фантазии» (VINKEN, 1). В противоположность к соотношениям, производимым в модели II, при чтении, которое названо здесь «мужским», происходят процессы самоидентификации, причем даже с элементами нарциссизма. В то же время чтение, названное «женским», лучше «справляется» с литературным текстом, так как оно мо-

жет соответствовать их «само- деконструктивистскому» характеру (там же, стр. 18).

Ясно, что эти шесть моделей могут влиять на обращение с литературой, однако они должны быть отнесены к разным уровням: в то время как модели I – III проявляются в первую очередь неосознанно при чтении и интерпретации литературных текстов, деконструктивизм вследствие своей абстрактности играет роль исключительно в рефлектирующем, профессиональном чтении. Ратующая за равноправие модель IV и «гиноцентрическая» модель V, по всей вероятности, оказывают влияние на чтение на обоих уровнях. К тому же вполне вероятно, что *гендер* и соответствующие ему способы чтения могут накладываться друг на друга в системе предпосылок читателей и читательниц.

В какой мере *гендерные* модели воздействуют на процесс чтения, зависит также от непосредственной ситуации, которая определяет угол зрения при чтении. В спектр таких ситуативных факторов входят и конкретные психологические состояния читателя, и игровая подмена угла зрения, и институциональные рамки, в которых происходит чтение. Эти институциональные условия – чтение в школе, в университете – имеют, по всей вероятности, особое значение. Различия в чтении, которые могли бы проистекать из различия *гендерных* черт в системе предпосылок, могут посредством институциональных рамок снова смягчаться или усиливаться (Ср. гл. 2.2.3.; CRAWFORD/CHAFFIN).

2.2.2. Восприятие текста

Оба фактора, которые обсуждались выше, влияют на восприятие текста, являющееся всегда селективным: какие элементы структуры текста вообще воспринимаются, зависит от системы предпосылок и угла зрения читателей. Для приватного чтения пример умышленно селективного угла зрения на литературный текст можно сравнительно легко симулировать, если читательницы или читатели, сознательно соблюдая ролевую дистанцию, пытаются читать текст «как мужчина или как женщина» (SCHOLLES). И даже если при этом в значительной степени воспроизводятся собст-

венные ролевые стереотипы, внимание, по всей вероятности, будет обращено на иные, чем обычно, текстовые признаки. Критикуя стандартные интерпретации канонизированной литературы как специфически мужские (напр., FETTEREY; SCHWEISKART), феминистские исследовательницы привлекли внимание к избирательности в академическом подходе к литературе. [...]

Тексты писательниц, как нам кажется, читаются в большей степени селективно. Этому есть два объяснения: с одной стороны, на что указывает Колодни (KOLODNY 1981), читатели-мужчины и интерпретаторы не имеют опыта в расшифровке кодов символической системы авторов-женщин и поэтому не замечают соответствующих структур в их текстах. С другой стороны, ограниченные требования, предъявляемые профессиональными читателями и читательницами к «женской литературе», могут функционировать как фильтр восприятия, что и было показано прежде всего в англо-американских исследованиях о неканонизированных писательницах: формальные структуры, которые вполне могли бы привести к более высокой оценке, были незамечены современной критикой вследствие заниженных ожиданий, связанных с жанром «женский роман» (ср. KOLODNY 1980).

2.2.3. Понимание текста

Вследствие восприятия определенного текста гендерная дифференциация может оказывать влияние и на понимание текста, т. е. результат чтения. Чтобы проверить эту гипотезу, необходимо коротко остановиться на механизмах понимания, ссылаясь при этом опять-таки на модель, хотя и критикуемую, но в значительной мере принимаемую всеми, а именно, на так называемую «схематическую теорию понимания». В соответствии с этой моделью читатели и читательницы конструируют для себя подходящий вариант чтения текста путем применения определенных схем. Эти схемы определяются как «познавательная структура, которая организует восприятие индивида и руководит им» (ВЕМ, 355). Схемы фильтруют информацию и определенным образом

направляют обработку этой информации и текста в целом, создают те рамки, внутри которых мы вообще способны понимать что-либо (CRAWFORD/CLAFFIN). Схемы представляют собой абстрактную репрезентацию нашего опыта, т. е. они формируются в ходе нашей социализации. Вполне вероятно, что ввиду различий в социализации в зависимости от пола в развитии схем есть отклонения, определяемые *гендером* (ср. напр., SPINOLOGOW, особенно 169 и след.; также HARE-MUSTIN/MARESEK, особенно 14 и след.; BILDEN). Кроме того, центральная когнитивная функция организации и обработки информации отводится схемам самого гендера у определенного индивидуума. Феминистские исследования, декларирующие равноценность или более высокую ценность «другого» чтения женщин, используют сходную аргументацию, указывая на релевантность различных сфер опыта читателей и критиков разного пола.

Колодни, например, чтобы показать, как функционирует понимание литературных текстов, использует тезис, согласно которому конституирование значений и понимание языка зависят от общих предпосылок у носителей одной языковой общности. Общий опыт, общие образцы восприятия и общая литературная традиция создают предпосылки к тому, чтобы мужские и женские читатели могли придать тексту одинаковые или, что менее спорно, сходные значения. Так как женщины и мужчины не имеют общей основы опыта, по-разному участвуют в канонизированной литературной традиции, то женщины и понимают литературный текст иначе, чем мужчины (КОЛОДНУ 1980).

Обращение представительниц данной позиции к общим житейским связям включает их в герменевтическую парадигму (напр., FETTERLEY; SCHWEISKART), хотя их аргументы и отличаются от традиционных концепций герменевтического литературоведения. С одной стороны, вместо универсальной предлагается идея только частичной достижимости общих «горизонтов»: в каждом отдельном случае лишь некоторые группы обладают общим опытом, и *гендер* представляет собой один из отличительных признаков этих групп. С другой стороны, в целях отмежевания от традиционного профессионального чтения, которое следует пони-

мать как применение дискурсивно ориентированных стратегий чтения и толкования, сводящих к минимуму участие читателя в конституировании значения и игнорирующих толовую дифференциацию (KOLODNY 1981), требуется некоторое приближение к непрофессиональному чтению, в большей мере основанному на опыте, которое допускает эти различия в понимании, но которое однако – и это опять относится к «профессиональной сфере» – нуждается в рефлексии по поводу собственных условий. Это требование соответствует следующему, ставшему теперь уже стандартным, положению всех феминистских течений (ср. JACOBUS; JOHNSON, 124): герменевтические теории рецепции используют в скрытом виде андроцентрические аргументы, поскольку их нормативные конструкты адекватного или имплицитного читателя¹¹, традиционно базируются на литературоведо-мужчине, ориентированном на автономную эстетику. Причем эта андроцентрическая фиксированность в теории влечет соответствующие последствия в интерпретационной практике. «Сопротивленческое» чтение литературоведов-феминисток, как оно практикуется, начиная с Кейт Миллет, использует концепт *гендера* двояким образом: с одной стороны – дескриптивно, акцентируя внимание на зависимости любого понимания текста от *гендера* (что является правоммерным, если учесть релевантность «донаучного», т. е. основанного на опыте чтения в герменевтической парадигме); с другой стороны – нормативно, когда требуется разработать определенные виды чтения литературных и литературоведческих текстов в соответствии с определенными методическими установками, например для разоблачения скрытого проявления в текстах патриархатных структур и патриархатного мышления с позиций критики идеологии. Соответственно двояко описывается и «взаимодействие» между текстом и читателем или читательницей в

---

¹¹ Обозначение реализуемой в процессе чтения читательской роли, предусмотренной текстом. Сюда входят все включенные в структуру текста мыслительные операции, которые необходимы для адекватного восприятия со стороны читателя.

двух *гендерных* аспектах: читательницы канонизированных, маскулинных текстов, прошедшие традиционную литературную социализацию – то есть читательницы в смысле модели III, не рефлектирующие свои предпосылки с позиций феминизма, – вынуждены перенимать андроцентристский взгляд, характерный для этих текстов. В противоположность этому «сопротивленческое» чтение не подчиняется авторским стратегиям этих текстов и выявляет их скрытое мизогинное «послание» (ср. напр., FETTERLEY).

2.3. Оценка

2.3.1. Краткое описание оценочной процедуры и ее компонентов

В приведенном выше анализе чтения неоднократно указывалось на то, что восприятие или понимание текстов тесно связаны с оценочными процессами. Чтобы прояснить эти связи и влияние гендерной дифференциации на оценку литературы, следует сначала рассмотреть сам процесс оценки, или оценочную процедуру. Это будет сделано на примере, приведенном в начале статьи. В нем историк литературы Готтшалл говорит о сочинениях Бетти Паоли, что они «[...] не обладают пластичной силой, но, углубляясь в душевные переживания, [...] характеризуются самоотверженной благородной женственностью.» (GOTTSCHALL 286)

Оценочная процедура, которая осуществляется этим высказыванием, абстрагированно может быть описана следующим образом (подробнее об этом см. у VON HEYDEBRAND 1984, 832 и след.; WINKO, 34 и след., 119 и след.): читатель, т. е. субъект оценивания, связывает с объектом, т. е. с понятым текстом или отрывком текста, определенные ценностные свойства при определенных условиях (ситуация оценивания и система предпосылок) и на основе определенных ценностных критериев. При этом читатель исходит из признаков текста, которые сами по себе «нейтральны» по отношению к ценностям и становятся «ценностными» признаками только в привязывании их к оценочным критериям. Сказанное означает, что сами тексты не яв-

ляются носителями каких-либо ценностей, как и не обладают *одним* значением, но что те признаки, которые обнаруживает текст, можно описать как потенциальные ценности, так же как приписать ему потенциально разные значения (MORRIS). В этом примере мы имеем дело с оценением, произведенным с помощью языка, однако гораздо чаще оценивание происходит в неязыковой форме, например в невербальном акте предпочтения или отказа. В этом смысле и описанный в главе 2.2.2. селективный подход, и умолчание определенных персонажей в интерпретации литературного текста, и отведение определенного места автору-мужчине или автору-женщине в литературоведческом изложении (Готтшалл анализирует творчество Дросте-Хюльсхофф и Паоли в отдельном разделе «Поэтессы», изначально отделяя их таким образом от их мужских современников), так же как замалчивание определенных текстов или целых групп текстов, – все это можно рассматривать как оценки и их как таковые анализировать (WINKO, 135-139).

Объект оценивания у Готтшалла – прочитанные и понятые стихотворения Паоли. То есть оцениваемый текст всегда уже сам по себе следует понимать как результат селективных, а значит, оценивающих процессов (оценка в квадрате). Этот тезис имеет два последствия: с одной стороны, два суждения об одном и том же тексте фактически никогда не касаются «одного и того же» объекта оценивания, что затрудняет не только взаимопонимание в области оценок, но и их анализ. С другой стороны, уже на уровне конституирования объекта, т. е. до эксплицитно или имплицитно проведенного оценивания, в известной степени следует считаться с влиянием *гендера*. То, что было сказано выше о влиянии гендерной дифференциации на восприятие и понимание текста как при профессиональном, так и при непрофессиональном чтении, можно, таким образом, предположить и анализу оценок: результат чтения более или менее явно определяется *гендером*, на него в той или иной мере влияет принятие «мужского»/«женского» угла зрения или же отмежевание от него.

Текстовыми признаками, на которые опирается оценка Готтшалла, являются содержательная и формальная сто-

рона стихотворений, в особенности – проблематизация чувств и глубоко эмоциональный язык Паоли, в котором чувства выражаются «непосредственно». [...] Его оценочными критериями являются «выражение глубоких чувств» и, что еще важнее, «правдивость» в смысле «аутентичности». Последнее, однако, вызвано тем, что речь идет о «женских» текстах. Оценочный процесс как приписывание ценностей также определяется и субъективными предпосылками, и положением оценивающего. От системы предпосылок зависит ряд факторов, которые в оценочной процедуре в большинстве случаев остаются имплицитными.

1) Выбор именно эмоциональной стороны в качестве «лейтмотива» при анализе произведений Паоли не является единственно возможным. Характерным для ее лирики можно было бы также назвать красочность описаний природы. Не всегда осознание главной темы, угла зрения, а также модальности при характеристике произведения зависит от субъективных предпочтений читателя и его критериев оценки. Вне зоны восприятия часто остается то, что не является предметом позитивного и негативного интереса. Как раз в этой невербализованной сфере оценивания, по всей вероятности, сказываются различия, которые можно объяснить на основе *гендера* и которые, например, зависят от различной ценности жизненных сфер, считающихся «специфичными для женщин» и «специфичными для мужчин» (ср. гл. 3.2., тезисы 5, 7 и 9).

2) Пример с Паоли показывает, что отнесение тех или иных критериев ценности к признакам текста зависит от субъективных предпосылок оценивающего. [...] Феминистское «повторное чтение» канонизированных текстов, которым занимаются различные течения феминистского литературоведения, дает важные примеры вариативности возможных приписываний. Исходя из этого, становится очевидным, что «одни и те же» текстовые структуры, которые в традиционном литературоведении оцениваются эстетическими мерками, могут быть рассмотрены так же и с этической или социальной точки зрения и получить при этом совсем другую оценку (BRINKLER-GABLER, 22; JENSEN). Но и тогда, когда в этих новых интерпретациях не происхо-

дит эксплицитного оценивания, можно заметить различающиеся подходы и критерии селекции.

3) Разные люди могут подразумевать содержательно разные вещи под одними и теми же критериями ценности: Готтшалл вкладывает в понятие «аутентичность» – по крайней мере, в процитированном примере – специфическое, далеко не само собой разумеющееся значение, связывая ее с определенным представлением о женственности и сужая тем самым значимость этой ценности. Напомним также о различном понимании таких ценностей, как равенство и справедливость, которые в традиционной практике интерпретации считаются гуманистическими ценностями универсального значения (по крайней мере, в западной культуре), в то время как феминистский анализ обнаружил распространение этих ценностей исключительно мужского субъекта (см. выше модели IV и V). Если эти ценности должны быть сохранены в анализе, им придется дать новую интерпретацию.

4) От системы предпосылок оценивающего зависит то, какую иерархию оценочных критериев он принимает. Хотя Готтшалл положительно оценивает стихотворения Паоли как выражение аутентичной женственности, он все же дает «мужским» стихотворениям Дросте-Хюльсхоф более высокую оценку. «Оригинальность» и «изобразительная сила» – те критерии, по которым он оценивает творчество Дросте и которые он считает реализованными в ее творчестве, имеют для него более высокий ранг, чем ценности «аутентичность» и «выражение глубокого чувства», которые он подчеркивает в текстах Паоли. Такая иерархия может варьироваться в зависимости от ситуации оценивания (см. ниже гл. 3.2.1., тезис 1).

«Ситуация оценивания» представляет собой второй, на этот раз внешний фактор, который может влиять на оценку. Необходимо учитывать, например, историческую ситуацию, которая изначально облегчает выбор определенных решений при оценивании или исключает их. Так, Готтшалл в своей истории литературы игнорирует большинство поэтесс, а незначительному меньшинству принимаемых всерьез писательниц посвящает лишь короткий специаль-

ный раздел. При этом он сравнивает их тексты с поэтическими достижениями мужчин. Такой подход в полной мере соответствует литературоведческим традициям, существовавшим еще долгое время после Готтшалла, поэтому вряд ли можно ожидать от него иного: в середине 50-х годов XIX века такая ценность, как «выражение глубокого чувства» не могла занимать главной позиции в ценностной иерархии литературоведа, придерживавшегося эстетической концепции автономии литературы. С другой стороны, следует учитывать индивидуальную ситуацию оценивающего, которая, вероятно, все же важнее для литературной критики, чем для историографии литературы, сильнее подчиняющейся институциональным нормам. К этим ситуативным факторам относятся, например, позиция оценивающего в литературной системе его времени, личные симпатии или антипатии к авторам, предпочтение определенных видов литературных текстов, а также субъективное, зависящее от биографических факторов отношение к той или иной теме и т. д. Учитывая, что исторические обстоятельства и индивидуальные жизненные условия мужчин и женщин различны, к этому вопросу также надо подходить с позиций гендерной дифференциации.

2.3.2. Коллективный аспект оценивания

Для проблемы канонизации или неканонизации имеют значение не только описанные выше индивидуальные оценочные процедуры, связанные с отдельным субъектом. Еще большее значение имеет межсубъектный аспект процесса оценивания. Сначала мы попробуем выяснить, как можно теоретически описать соотношение между ценностями, которых придерживаются отдельные профессиональные и непрофессиональные читатели, и ценностями, которые передаются коллективно, социальной и культурной средой. Затем постараемся изложить, каким образом гендерная дифференциация проявляется и в ценностях литературных институтов.

С социологической точки зрения ценности отдельного человека можно интерпретировать как «точку пересече-

ния» индивидуальных потребностей и социальных требований (ср. напр., Rorion; Winko, 75 и 82). К этим социальным требованиям относятся ценности и нормы культуры, общества или группы, на которые человек ориентируется. Так как ценностям можно приписывать – также по отношению к социальным системам – среди прочих стабилизирующую функцию, которая обеспечивает идентичность, успешная социализация индивида часто приравнивается к усвоению социальных ценностей (Winko, 79-82). Это усвоение, однако, понимается не как одномерное перенимание или до известной степени рефлектирующее усвоение (интериоризация), а, напротив, субъекту предоставляется простор в «интерпретации» и комбинации ценностей. Учитывая эти, очень упрощенно представленные предпосылки, надо исходить из того, что оценки отдельных литературных критиков или литературоведов пересекаются в «некоторой общей для всех» области, в которой помещаются центральные ценности литературной системы или ее институтов в определенный момент времени.

Тот факт, что *гендерные* образцы могут оказывать и оказывали влияние и на коллективные критерии ценностей литературных институтов, станет очевидным, если рассматривать генезис критериев в рамках эстетики автономии литературы. Исторически этот генезис протекает в контексте вышензложенной модели II и ее антропологических предпосылок. Критерии возникают на базе текстов, написанных мужчинами, и ведут, как известно, к вытеснению развлекательной и дидактической литературы из сферы «высокой» литературы и, тем самым, к вытеснению целой группы текстов, которые, с точки зрения пола и *гендера*, связывались с женщинами (см. главу 3.2., тезисы 3 и 10). При этом, вполне вероятно, следует считаться с различиями между литературоведческими институтами, которые в значительной мере репродуцировали постулаты автономии литературы, хотя и в разных вариантах (VON HEYDEBRAND 1984, § 7, 8), и литературной критикой, поскольку в рецензиях категория пережитого, или категория опыта, играет более важную роль (KIENECKER, 167). Поэтому система предпосылок отдельного критика и его *гендерные* представления наряду с

ценностями, стабилизирующими систему (такими, как инновативность, оригинальность и т. д.), приобретает в некотором роде большее институционально санкционированное значение, чем в литературоведении.

Итак мы показали, что при системном подходе к проблеме в каждой модели оценивания есть несколько моментов, в которых различие между полами может привести к разным толкованиям и оценкам. На вопрос, каким образом в оценках профессиональных и непрофессиональных читателей и читательниц в каждом случае проявляется различие между полами, нельзя ответить без подробных эмпирических и исторических исследований. И все-таки уже общий взгляд позволяет с относительной вероятностью предположить, что процессы канонизации литературы находились и находятся под влиянием различия полов. Это мы будем рассматривать в следующем разделе.

3. Гендерная дифференциация и литературный канон

В феминистских исследованиях, так же как и в исследованиях литературоведов-германистов, до сих пор редко ведутся дискуссии о литературном каноне с позиций гендерной дифференциации. Интерес литературоведения 70-80-х годов к восприятию и оценке литературного произведения почти без исключений был направлен на уже причисленных к канону авторов-мужчин и на их произведения; идея же сравнительного анализа не развивалась. В исследованиях, посвященных процессам формирования канона, никогда не учитывалась возможность половой специфики.

Намного дальше ушли в этом смысле англо-американские исследовательницы. Представительницы нового женского движения совместно с группами различных меньшинств в начале 70-х годов проанализировали и подвергли жесткой критике канон, который в Америке в еще большей степени, чем в Германии, определяет и направляет литературное образование (LINDENBERGER). Их результаты явились исходным пунктом нижеследующих размышлений.

Но для начала все же попытаемся определить, что мы понимаем под словом *канон*? В какой степени озабоченность низкой представленностью женщин в каноне позволяет считать, что сегодня все еще существует общепризнанный канон, принадлежность к которому означает для авторов и их произведений некоторую гарантию пережить свое время. Представления об этом необходимо уточнить с разных точек зрения, дифференцировать и проблематизировать. При этом станут очевидными систематические случаи оценочного поведения и отношения к канону, в которых проявляется гендерная дифференциация.

3.1. О понятии канон, его свойствах и проблематике

Собрание текстов, сохранных и переданных в устной (например, мифы) или письменной форме, т. е. корпус произведений и их авторов, считающихся особо ценными и потому достойными передачи из поколения в поколение, обозначается как канон. Важнейшими функциями канона являются узаконение ценностей, создание идентичности и определение ориентиров для действия. Если эти ценности, идентичности и ориентиры для действия связаны с гендерной дифференциацией, то шансы причисления к канону и заинтересованность в признании этого канона должны быть у женщин и мужчин разными. (ср. VON HEYDEBRAND 1993, 4-8; подробнее VON HEYDEBRAND/WINKO 1994)

Как было показано в связи с процессом оценки литературы, каждый существующий канон проявляется двояко. Во-первых, это корпус текстов, передаваемый из поколения в поколение и изменяющийся в ходе истории, что можно назвать «материальным каноном». А во-вторых, это те представления о ценностях, которые действуют как критерии отбора, отражаются в литературном произведении и воплощаются в «материальном каноне». Данные представления о ценностях, содержащиеся в материальном каноне лишь потенциально, могут быть обозначены как «канон критериев и толкований» (VON HEYDEBRAND 1993, 5). Исходя из положения о влиянии гендера на восприятие, потребности и интересы тех, кто занимается литературой, оценочные крите-

рии отбора в канон, как и интерпретации, особо выделяющие определенные ценности во входящих в канон произведениях, можно признать второй сферой влияния гендерной дифференциации на формирование канона.

Канону вообще присуща тенденция к универсализации: охватывая все эпохи, он должен быть значимым для каждой из них, т. е. он должен быть основан на вневременных и общекультурных ценностях, а также на антропологических константах, представленных в самих произведениях. Хотя эти притязания на универсальность нередко связываются с литературным каноном, они давно вызывают возражения. Совсем недавно их неправомерность была показана с помощью аргументов из трех научных областей. Обращение к истории канона показывает, что он является величиной, исторически обусловленной и изменяемой. Обращение к настоящему не оставляет сомнений в том, что он больше не в силах сохранять притязания на нормативность в связи со множественностью канонов, которые можно выявить лишь эмпирически (HERRNSTEIN SMITH 1983, 1988; WOESLER 1980; LINDENBERGER 1990). Философский анализ показывает, кроме того, что и сам концепт не является прочным (напр. JOHNSON 1-7; WINDERS 1991, 3-23 и 143-149). Феминистские исследования в США восприняли все критические замечания относительно универсалистских притязаний канона и еще более радикализировали их. Они показали, что притязания на универсальность оказываются невыполнимы, если учитывать гендерную дифференциацию, обусловленную культурой.

Конечно, нельзя отрицать, что и сегодня существует некоторый нежесткий корпус более или менее канонизированных литературных произведений и их авторов, а также то, что число входящих в него женщин невелико, и чем глубже мы заглядываем в прошлое, тем скромнее это число становится. В ходе нового женского движения писательницы прошлого были возрождены из небытия, и это сопровождается возникновением особого канона. Однако он является достоянием лишь ограниченного круга и не имеет такого престижа, как общепринятый «универсальный» канон. При необозримом количестве литературной продук-

ции возможность «выживания» связана именно с этим каноном. Под выживанием подразумевается присутствие литературного произведения на рынке (в единичных изданиях или специальных сериях), в истории литературы или в упоминаниях литераторов, в дискуссиях критиков и в информационнх средствах, распространяющих литературу, в писаных и неписаных канонах школ и университетов и в их интерпретациях и, тем самым, в сознании литературной культуры. Почему женщины, не только в литературных произведениях, но, очевидно, и в литературном творчестве умирают чаще, чем мужчины?¹²

3.2. Дискриминация женщин в материальном каноне и в каноне критериев и интерпретаций

Джоанна Русс в одном из своих остроумно и сатирически написанных исследований, названном *How to Suppress Women's Writing* (RUSS 1983), используя результаты англо-американского анализа, составляет список причин низкой представленности женщин в каноне. Ее работа сопровождается подтверждающим материалом из разных эпох. В числе причин она называет: практические помехи в творчестве женщин-писательниц (*prohibitions*), иррациональное, но основанное на определенных интересах предубеждение относительно способности женщин писать (*bad faith*), непризнание написанного под предлогом сомнения в том, что тексты написаны не самой писательницей (*denial of agency*), презрительное или насмешливое отношение к женскому творчеству (*pollution of agency*), умаление значимости предметов изображения женского письма как безынтересных и не представляющих особой ценности (*double standart of content*), умаление значимости самих произведений за счет —

---

¹² В своей книге *Только через ее труп. Смерть, женственность и эстетика* Элизабет Бронфен (BRONFEN) показывает, как при помощи мотива «красивого трупа», т. е. мертвого тела женщины, вырабатываются и подтверждаются культурные и общественные нормы. (Прим. ред.)

оправданного и неоправданного – отнесения их к менее значимым видам и жанрам литературы (женская, региональная, тривиальная развлекательная литература, а также дневники и письма) или умаление оценки самих авторов-женщин за счет негативных стереотипов (*false categorizing*), канонизация не всего творчества, а лишь отдельного произведения или только частичных аспектов творчества писательницы (*isolation*), изоляция женщины при причислении ее к мужскому канону, поскольку она воспринимается как исключение (*anomalousness*), упущение или отсутствие женских творческих традиций (*lack of models*). Этот список должен быть дополнен важным для формирования, особенно западноевропейского, канона аспектом, который можно назвать двойным стандартом формы (*double standard of form*): этический и социальный аспекты содержания находятся гораздо ниже на шкале ценностей, чем эстетический аспект формы, определяющий произведение искусства именно как таковое, а не в соотношении его с реальностью.

Труд Джоанны Русс является актуальным и для немецкой истории литературы. Это касается его исходных тезисов, в которых автор излагает трудности, возникающие у женщин на пути к авторству. Однако сами процессы оценки писательниц и их творчества у нас еще недостаточно исследованы. Поэтому в дальнейшем вместо точных результатов будут высказаны предположения, которые должны будут показать причины низкой представленности женщин в каноне, с использованием тезисов Дж. Русс и с учетом особенностей генезиса и сохранения западноевропейского канона (с конца XVIII века). Эти размышления должны будут привести к предварительным выводам, которые касаются в первую очередь релевантных для канона механизмов исключения женского письма и женского чтения, а также дискриминации женских авторов литературной критикой, общеобразовательной школой и университетами при формировании канона.

Конец XVIII века является решающим моментом как для формирования самого канона, так и для трудностей, возникающих при этом на пути женщин-писательниц. К этому времени разрабатываются актуальные до сегодняшнего

дня критерии канонизации, и условия для женского образования улучшаются настолько, что принимать участие в литературном процессе могут не только привилегированные женщины. Поэтому именно это время находится в центре внимания в наших рассуждениях.

Два исторических обстоятельства начала XIX века имеют решающее значение для шансов женщин быть в будущем зачисленными в канон: с одной стороны, это то, что на пороге XIX века создается модель комплементарных отношений между полами, содержащая парадоксальное противоречие. Она обоснована «природой», но одновременно требует настойчивых воспитательных усилий с использованием строгих норм женственности и мужественности. Согласно этим нормам литературская деятельность, и в особенности выход в социальную сферу, никак не соответствовали «сущности» женщины, сфера ее деятельности и круг знаний четко отграничивались от мужских (HAUSEN; COCALIS/GOODMAN, 10).

С другой стороны, почти в то же время возникает «литература как автономная социальная система» (LUIPMANN; SCHMIDT 1989). При ее возникновении в данных обстоятельствах уже изначально закладываются основы последующей дискриминации писательниц и их произведений. Первое препятствие заключается в выдвигании идеала литературы как «чистого искусства», т. е. в автономизации литературы. Передававшаяся со времен античной культуры из поколения в поколение поэтика *prodesse et delectare* (полезного и приятного) была заменена эстетикой отсутствия заинтересованности и свободы от целеполагания. Все остальные препятствия более или менее непосредственно вытекают из введения одного формального принципа – принципа отличия от предшествующего как ведущего оценочного принципа (STANITZEK). Это имело последствия в гендерном аспекте на всех уровнях: для авторов, для читающей публики, критики и поддерживающих традицию институтов. Вышеизложенные тезисы требуют последовательных комментариев.

(1) Автор должен быть гением, чья обязанность заключается в созидании нового по отношению к предшеству-

ющему и оригинального по отношению к современному. Поскольку инновативность и оригинальность выявляются в сравнении с определенным стандартом, писателям необходим канон, на фоне которого они могли бы выделяться. После того как античная культура перестала быть авторитетом, каждый автор формирует «свой собственный» канон, примерно следуя общему мнению. Женщины-писательницы, тем не менее, «эстетикой гения» не предусмотрены. Даже с теми женщинами, которые в начале XIX века находились в непосредственном диалоге с представителями литературной элиты и творчество которых было порой одобрено, в этом духовном дискурсе из-за «специфически женских черт характера» не только не обращались как с равными, но и не считали их равноценными¹³.

Первый тезис: понятие «гений» коннотируется исключительно с мужским субъектом (KITTLER, 146-154), а канон, на который – пусть и через отрицание – ориентируется оригинальность, был и остается каноном с позиции мужчины (*bad faith*)¹⁴.

(2) Материальный канон, от которого отталкиваются писатели, достался нам в наследство от античной культуры и был позже расширен за счет авторов, ставших «классиками» мировой и национальных литератур (SCHULZ-BUSCHHAUS 1988). Ориентированная на девочек программа чтения (за редким исключением) не включала в себя знакомства ни с этим античным каноном, ни с каноном

---

¹³ Это касается и литературного круга ранних романтиков, где женщинам в области литературы придавалось сравнительно большое значение (SCHMID-BORTENSCHLAGER). В качестве примеров, список которых не составило бы труда расширить, можно назвать произведение Фридриха Шлегеля *О философии. Доротея* (Friedrich SCHLEGEL: Über Philosophie. An Dorothea; 1799), в котором он отводит мужчине роль благоговейного слушателя и читателя.

¹⁴ Это становится очевидным у Хэролда Блума (BLOOM 1973; 1975), сводящего модель отрицания предшествующего – как модель литературной продукции по отношению – к тезису «отцеубийства».

национальной классики, на который ориентируется современный автор при создании произведения искусства. В то же время мальчики в обязательном порядке знакомились с этими канонами в гимназиях.

Второй тезис: вплоть до учреждения совместного обучения (в конце XIX века) исходные позиции пишущих женщин, если они не входили в ведущие литературные кружки, например в кружок Гете или романтиков, были намного хуже, чем у мужчин, уже хотя бы вследствие их недостаточного знакомства с мужским каноном в рамках формального образования (*prohibition* через *lack of models*). Для сознательного отхода от канона, которое происходило позже от случая к случаю, необходимо его точное знание.

(3) Общим для тех писателей и критиков, которые хотели видеть литературу как искусство, была догма об автономии литературы, т. е. о свободе от целеполагания. Однако для пишущих женщин образцом служили писательницы Франции, Англии и Германии, которые начали публиковать свои романы в период эпохи Просвещения и писали исключительно в занимательно-поучительном жанре, т. е. следовали гетерономной эстетике пользы и развлечения, что, между прочим, являлось прямой предпосылкой для признания их как авторов. Только в XX веке по мере очень медленного ослабления социализации, связанной с полом (в нашей культуре!), расширяется поле для самостоятельного решения проблемы самоидентификации в области гендера (*gender typing*), и тем самым растет возможность для женщин сознательно ознакомиться с мужским каноном и использовать его критерии как масштаб для собственного творчества или, напротив, отказаться от них как от чуждых.

Третий тезис: то, что женская литературная традиция опирается на образцы времен гетерономной эстетики, имеет для нее в условиях господства эстетики автономии литературы фатальные последствия и ведет к тому, что позже литературные посредники (критики, издатели, ученые, учителя) исключают ее из списков значительных литературных произведений. Чтобы быть «достойными» включения в канон, писательницы должны ориентироваться на мужскую традицию.

(4) В рамках «литературы как автономной социальной системы» позиция «читатель» отводится одинокому читателю, а еще чаще – читательнице, которым необходимо приходится следовать за всеми изобретениями уникального гения. Это требует, конечно, предварительного воспитания читающей публики, необходимы правила, что и как читать (SCHÖN; KOSCHORKE; VON KÖNIG). Вместе с расширением слоя читающей публики и, прежде всего, с увеличением числа женщин среди читателей, в ходе борьбы с неграмотностью и началом производства массовой продукции на книжном рынке, встает проблема выбора и появляется необходимость в сдерживании «запойного» чтения (KOSCHORKE)¹⁵. Возникает институт литературной критики. Ее основные критерии носили формальный характер: канонической признается та литература, которую можно неоднократно перечитывать, в отличие от пригодных лишь для однократного «проглатывания» развлекательных романов. Причем повторное прочтение должно соответствовать требованиям модели подготовленного углубленного чтения, которая ориентируется в первую очередь на формально-стилистические особенности (STANITZKE). Способность к такого рода чтению признавалась за женщинами лишь в редких случаях, если они принадлежали к кружкам литературной элиты; за остальными женщинами (а также за незрелыми юношами) закреплялось «проглатывание» развлекательных романов и рекомендовалось внимательное чтение

---

¹⁵ Против возникавшей мании чтения принимались строгие контрмеры. Чтение женщин воспринималось мужчинами-современниками не без критики. Это проявлялось в увещеваниях и рассуждениях теологов и литераторов, которые беспокоились о добродетельности женщин, о том, является ли их чтение морально приемлемым. Кроме того, все чаще высказывались опасения по поводу т. н. «запойного чтения» у женщин. Высказывалась критика, что женщины читают поверхностно и «экстенсивно», что они «проглатывают» большое количество книг, особенно написанных в новом жанре (любовного) романа, часто считавшемся «аморальным». (Прим. ред.)

дидактических литературно-художественных текстов (SCIPION). Если же женщины все же читали канонизированные произведения авторов-мужчин, то за пределами литературных кружков это расценивалось как некое своеобразие личности или как времяпровождение для поднятия престижа в обществе.

Четвертый тезис: модель подготовленного углубленного чтения направляла внимание читателя прежде всего на стилистические особенности и вводила критерий инновативности в процессы как продуктивного чтения, так и литературного производства. Эта модель женщинам (и читательницам, и потенциальным писательницам) не рекомендовалась, поскольку они из-за отсутствия высшего образования не были с ней знакомы. Вследствие этого они были также не в состоянии удовлетворить притязаний, связанных с этой моделью (*prohibition*). Однако и сама модель не отражала интересов женщин, связанных с их полоролевой принадлежностью (*double standard of form and content*).

(5) Принципу дифференциации, таким образом, оказывается подчинен как старей материальный канон, так и канон критериев: при каждом повторном прочтении произведения, достойного включения в канон, должны открываться его новые стороны. Это является актуальным до сегодняшнего дня. Принцип дифференциации – это тот принцип, который конституирует канон литературы, претендующей на художественность и замещающей – в качестве эстетического медиума познания и этики – потерявшую авторитет религию. Он распространяется лишь на литературную элиту, состоящую из авторов и критиков, а также на круг читателей, которые проявляют особый и постоянный интерес к литературе как к специфическому средству эстетической коммуникации. Из их интереса вырастает канон мировой литературы (SCHULZ-BUSCHHAUS, 58), который должен обеспечить бесконечный процесс рефлексии, т. е. дальнейшей работы с текстом и его интерпретациями со все новых точек зрения. Таким образом, возникает видимость «вневременности» литературных произведений.

Пятый тезис: продуктивное освоение авторами и критиками важнейших художественных текстов и дальнейшая ра-

бота с ними велась лишь в кругу мужчин, поскольку женщине ввиду «характера ее пола» отводилась пассивная и частная роль, роль читательницы в неформальной коммуникации (*bad faith*; KITTLER). В соответствии с принципом дифференциации, являвшемся критерием канона мировой литературы, написанные женщинами произведения вплоть до XX века либо не воспринимались вовсе (*false categorizing, isolation*), либо зачислялись в разряд исключений (*anomalousness*).

(6) В Германии по сравнению, например, с Англией формирование канона в мужской генеалогии выражено особенно ярко. Здесь могут быть названы следующие исторические и социально-психологические причины: затянувшаяся раздробленность страны на малые государства компенсировалась за счет преувеличенного подчеркивания значимости всего немецкого для европейской культуры, что могло быть представлено только с позиций мужчины¹⁶. Понятно, что для придания законности этим притязаниям необходимо было сослаться на результаты мужской деятельности в сфере культуры. Революционные устремления ранних романтиков поставить вопрос о гендерных ролях, а также активно задействовать женщин в автономной литературе остались лишь робкими попытками, а позже от них и вовсе отказались. (SCHMID-BORTENSCHLAGER)

Шестой тезис: помимо внутрилитературного принципа дифференциации основой для формирования литературного канона являются социально-исторические факторы, также ставящие женщин в невыгодное положение: конкуренция в европейском культурном пространстве дает

---

¹⁶ В XIX веке Германия состояла из небольших суверенных территорий, которые противостояли национальному объединению. Эта сильная раздробленность осуждалась в рамках немецкого движения за объединение, Германия считалась «нацией отстающей модернизации». Однако мелкое государство считалось также оплотом самобытной, оригинальной культуры (прим. изд.). Сходное привилегированное положение мужчины в каноне в США возникло в результате социально-психологического влияния «мифа Америки/мифа об Америке». (BAUM, 1981.)

авторам и критикам «нации отстающей модернизации» дополнительный повод предлагать для канона мировой литературы только мужские имена.

(7) В стороне от выкроенной по мужской мерке эстетики автономии искусства возникла и существовала собственно женская литературная коммуникация (сформировавшаяся не без помощи советов со стороны мужчин), которая, правда, еще недостаточно исследована. Можно предположить и здесь существование канона, а не только бессистемного собрания текстов: поток произведений, появившихся с начала XIX века – прежде всего романов и лирики, написанных женщинами (и для женщин), сделал необходимым отбор внутри них. Об иерархической лестнице в этом каноне, так же как и о критериях отбора в него, практически ничего неизвестно. Скорее всего, здесь были сохранены прежние, гетеронормные, требования к художественной литературе независимо от того, из-под чьего пера – мужского или женского – вышли эти произведения: литература должна доставлять удовольствие, поучать, а также критиковать с позиций дискриминированного класса. Наиболее вероятно, что большое значение при этом играл автобиографический аспект. О коммуникационных процессах, в ходе которых развивался данный канон, и о позициях, с которых принимались решения, мы почти ничего не знаем. Возможно, это были позиции рецензентов видных литературных журналов (в редких случаях ими были также и женщины) или многочисленных женских журналов (среди рецензентов были и мужчины, и женщины), пишущих чаще всего под псевдонимом, или же просто неформальная коммуникация. Если рецензии, написанные женщинами публиковались, то касались они произведений не-автономных жанров, и к тому же писались под псевдонимом (*denial of agency*)¹⁷. И хотя в ходе женского

---

¹⁷ Так, Август Вильгельм Шлегель предлагает издателю Йенской общей литературной газеты (*Jenaische Allgemeine Literaturzeitung*) Айхштедту, который не может найти рецензентов-мужчин для малозначительной, написанной частично женщинами беллетристики, взять в качестве анонимной рецензентки жену Каролине.

движения середины XIX века женщинам несколько чаще предоставлялось слово, они, тем не менее, либо представляли мужскую точку зрения, либо занимали в спектре раннего феминизма «антиканоническую» позицию. Широкое исследование суждений литературной критики о вышедшей из-под женского пера литературе пока еще отсутствует. При выборочной проверке подтверждаются и тезис о гендернодифференцированном характере восприятия и оценки, и многие названные Дж. Русс причины недооценки женской литературы либо ее оценки по особым критериям.

Седьмой тезис: возникновение собственно женской сферы литературной коммуникации, которое происходило как под воздействием советов мужчин, так и за счет предпочтения женщин, смирившихся с отводимой им ролью, привело к тому, что такие критерии, как инновативность и оригинальность, литературной критикой, ориентированной на мужской канон, здесь не использовались, соответствующие качества не ожидалось и не воспринимались, а может быть, и не могли быть восприняты (*double standard of form and content, isolation*). Исследование и придание большей значимости этой сфере стало возможно лишь в результате нового женского движения.

(8) Формально-эстетические критерии являлись доминирующими в «литературе как автономной социальной системе», вследствие чего сформировалось пренебрежительное отношение ко многим областям литературной коммуникации. Это касалось не только традиционно гетерономных жанров разлекательной и поучительной литературы, но и всей литературы, которая более или менее прямо была связана с жизнью и со временем (*false categorizing*). «Пострадали» от этого прежде всего дискриминированные группы людей, для которых было важным обсуждение их проблем в литературе как наиболее действенном и чутко реагирующем средстве коммуникации. В этом пункте совпадают и интересы социальных, национальных и региональных меньшинств, и интересы многих писательниц.

Восьмой тезис: умаление значимости гетерономных литературных жанров, а также литературы, непосредственно связанной с жизнью, и сопутствующее принижение роли

этических и политических ценностных критериев уменьшает шансы женщин на включение в канон (VON HEYDEBRAND 1986). По мнению американских исследователей, это вообще касается групп людей, социально и этически ущемленных вследствие их принадлежности к определенным классу или расе (ср. LAUTER).

(9) Принцип дифференциации (т. е. отличия от уже существующего) хотя и управляет формированием канона в «литературе как автономной социальной системе», однако он определяет не все процессы его формирования. Общеобразовательная школа и широкий круг «обывательской» публики ожидают от авторов и критиков не такого подхода к отбору в канон и интерпретации, которые противоречат традиции и зависят от творческого потенциала и индивидуальных предпочтений этих авторов и критиков. Публика, как и прежде, ждет того, что ей будет предоставлен канон, который облегчит долгосрочную ориентацию и положительную идентификацию. Канон должен представлять – и на уровне стиля, и на уровне ценностей – общепризнанное и закреплять за произведениями также толкования, которые будут иметь силу еще в течение, по крайней мере, некоторого промежутка времени. Таким образом, от канона ждут репрезентации существенного. При этом, как и в более ранних канонах, в каноне литературы Нового времени важен критерий передачи и распространения основных эстетических и этических ценностей, а также прагматический критерий использования канона на уроках литературы. Обывательская публика и школьная практика значительно ограничивают возможность включения в канон произведений с присущими Новому времени элементами инновативного, экспериментального и аморального.

Однако и это не увеличивает возможности женщин быть зачисленными в канон. Так, в Германии на уроках немецкого языка и литературы в гимназиях, этих образовательных заведениях, доступных на протяжении веков исключительно для мальчиков, программа по чтению из прагматических соображений ориентировалась на мужские интересы. Сюда включалось и введение в риторiku, и воспитание на примере произведений «гениев» как образцов

гуманистического мышления, и приобщение к литературному наследию христианского мира, и знакомство с авторской литературой.

Девятый тезис: включение девушек в систему высшего образования, которое началось со второй половины XIX века, приводит к их приобщению к уже установленной традиции канона, ориентированной на интересы мужчин и на мужские представления о ценностях. Хотя с точки зрения школьной программы по литературе и полученных в школе основ профессионального чтения они больше не ограничены рамками специфически женской социализации, однако же ни в материальном каноне, ни в каноне критериев и толкований не находится места для отражения их жизненного опыта, определяемого их положением в обществе. Существенно это не меняется и тогда, когда преподавателями литературы становятся преимущественно женщины, поскольку они также проходят социализацию в рамках этих учебных заведений.

(10) В Германии в течение XIX и начала XX веков, учитывая потребности школы и образованных бюргеров, создается канон национальной литературы, произведения которого публикуются в многотомных издательских сериях и антологиях, а также национальная историография литературы. Эталон для них служит, прежде всего, эпоха классицизма и романтизма. С одной стороны, отбор литературных произведений согласуется с каноном авторов, критиков и любителей литературы, в котором решающими критериями служат инновативность произведения и отличие его от предшествующих. Чем полнее отбор, тем больше вероятность найти женщин среди включенных авторов. Однако, с другой стороны, особенно для зачисления в канон истории литературы, решающим критерием является не сама инновативность, а ее роль в развитии литературы, т. е. насколько ее можно считать одним из таких шагов в развитии, последовательность которых, по мнению историков литературы (зачастую очень разных), структурирует историко-литературный процесс.

Десятый тезис: издательские серии, антологии и литературная историография опираются на мужскую точку

зрения при отборе в канон инновативных, и в то же время характерных для определенной эпохи произведений. Этот канон объявляется универсальным и представляющим общечеловеческие интересы. При этом, во-первых, жанры, предпочитаемые женщинами, как было указано выше, практически не учитываются, тогда как специфически мужским жанрам, например роману воспитания, уделяется большое внимание. Во-вторых, категории исторической периодизации выделяются на основании истории мужчины, поэтому то, что было инновативным или характерным для определенного времени с точки зрения истории женщин и женского письма, не может быть оценено по достоинству, если границы исторических эпох уже определены (LAUTER, 33-35).

(11) В тот же период под влиянием известных критиков, на основании комментариев в изданиях для школьников и в результате подчеркивания историками литературы тех или иных аспектов в характеристике произведений и их авторов формируется канон критериев и толкований, стереотипы которого не подвергались сомнению вплоть до середины XX века. С помощью этого канона, который еще необходимо подробно исследовать, вероятно, можно было бы выявить общественные нормы XIX века, которые довольно долго сохраняли свою действенность, в частности те, что касаются гендерной дифференциации и универсализации мужчины. Феминистские исследования в Америке на многочисленных примерах показали, что восприятие и понимание литературных текстов, как правило, придерживаются мужского взгляда, который не распознает определенных аспектов в произведениях как женщин, так и мужчин (в качестве примеров приведем Сафо, Бальзака и Вирджинию Вульф). Кроме того, предполагается, что и теории читательской эстетики восприятия, и постулат адекватной тексту интерпретации, используемые также в школе, имеют ввиду именно мужского читателя (FELMAN; FETTERLEY; KOLODNY 1980; WEIGEL 1990; DEJEAN, RUSS).

Одиннадцатый тезис: традиционное комментирование и толкование канона, называемое здесь каноном критериев и толкований, исходит из предполагаемой универсальности мужчины; оно также непригодно для выявления тех

характерных особенностей женщины и мужчины в литературе и читательском поведении, которые сложились под влиянием гендера.

(12) При исследовании развития американского материального канона было выявлено, что включение в программу высших учебных заведений профессиональных курсов литературы, которые читались, конечно же, белыми мужчинами, пережившими гомогенную социализацию в высшей школе, внесло изменения в уже существовавший к тому времени канон. Именно тогда, в 20-е годы XX столетия, были вычеркнуты известные английские романистки XIX века, которые – особенно в женских литературных обществах и клубах – до тех пор включались в канон. Их позиции и взгляды больше не вызывали интереса. Вместо этого распространение получили характерные национальные поведенческие нормы, сложившиеся в период основания Соединенных Штатов, такие как тип мужчины-завоевателя, с одной стороны, и строго формалистская эстетика замкнутого в себе произведения – с другой (LAUTER; KOLODNY 1980; ВЛУМ). Такие методы, как *new criticism* или *close reading*, используемые для имманентной интерпретации текста, в первую очередь ориентированы на тот тип текстов, который возник под влиянием постулата автономии литературы. Эти методы приписывают особую значимость тем текстам из литературного наследия, которые могут восприниматься как автономные и оцениваться по исключительно эстетическим критериям¹⁸. Так как литературные произведения дискриминированных меньшинств и маргинальных

---

¹⁸ New Criticism (англ. – новая критика), возникшее в 1910 году обозначение для направления в литературоведении США и частично Англии, в рамках которого происходит чисто формально-эстетическая оценка произведений. Представители этого направления исследуют вопросы формы и стиля, ритм и образы, исходя, в первую очередь, из автономности литературного произведения как органичной эстетической целостности, и не допускают никакой идеологической, социологической, психолого-биологической, исторической или философской интерпретации литературы. (Прим. ред.)

групп отвечают скорее принципам коллективистской и гетерономной эстетики, в данном каноне им не находится места. (LAUTER). [Это также является релевантным для средней и высшей школ Германии и нуждается в более точном исследовании.]

Двенадцатый тезис: университеты наравне с общеобразовательными школами, книгоиздательством и историографией литературы непосредственно участвуют в сохранении и передаче мужской традиции литературного канона. Это относится как к материальному канону, так и к канону критериев и толкований (WEIGEL 1990).

Обзор причин, препятствующих канонизации женской литературы в условиях господства эстетики автономной литературы и мужского, ошибочно принятого за общечеловеческий, взгляда на все существенные проблемы в передаче литературной традиции, требует решить, как на это следует реагировать. Такие решения уже подготовлены в рамках англо-американских дискуссий.

3.3. Результаты феминистского подхода

Обзор положений феминистской критики канона в США был сделан Лилиан Робинсон (ROBINSON 1985). Предлагаемые стратегии коррелируют с тремя гендерно ориентированными моделями, которые описывались выше в системе предпосылок восприятия, понимания и оценивания текстов читательницами и которые соответствуют различным направлениям как раннего, так и современного феминизма (см. выше гл. 2.2.1).

3.3.1. Антикано́н и критика критериев

Первый, он же самый ранний, подход к решению проблемы состоит в следующем: мужской канон необходимо подвергнуть критике, ему должен быть противопоставлен канон писательниц. Причем речь идет как о материальном каноне, так и о каноне критериев и интерпретации (SCHWEISKART, 44-56; LAUTER; TOMPKINS). Тем самым могут быть решены проблемы, сформулированные выше в двенадцати тезисах.

Такая возможность создания антиканона могла бы опираться на тот литературно-исторический факт, что рядом с канонем мировой или национальной литературы всегда одновременно существовали и другие каноны, тем самым ставя под сомнение его универсальность. Эти каноны, например фольклор или пролетарская литература, формируются в соответствии с другими оценочными критериями или за счет перераспределения их значимости и требуют иного восприятия и интерпретации. Следовательно, множественность канонов – совершенно нормальное явление, тем более в современном обществе, в котором нет элиты, формирующей вкусы (VON HEYDEBRAND/WINKO, 1994, гл. 3.3.1.).

Подготовка корпуса материального антиканона является и в Германии главной задачей так называемых «женских исследований»: неканонизированная женская литература воскрешается из забвения. Кроме того, документируются свидетельства условий ее возникновения и распространения. Уже появились библиографии, ряд работ по истории женской литературы, сборники материалов, продуманы критерии отбора в канон (GNIG/MIRMAN; BRINKER-GABLER, I, 11-36). Антиканон мог бы обладать самодостаточностью и, как этого хотелось бы некоторым исследовательницам, вытеснить ориентацию на мужской канон (BUCH; GILBERT/GUBAR 1977; SHONWALTER 1977, 1989).

Требованию и формированию собственного канона критериев предшествовало изучение вопроса особенностей «женского письма», восприятия и осмысления действительности женщиной. Этот вопрос является спорным для феминисток различных направлений. Если принять во внимание тот факт – и это явилось частичным результатом исследований, – что многие писательницы, особенно XIX века, по вышеприведенным причинам создают в большей или меньшей степени дидактически направленную развлекательную литературу или же критическую, даже сатирическую «обвинительную» литературу (т. е. в любом случае гетерономную), то канон критериев автономной литературы должен быть опровергнут как несостоятельный. Об этом сказано в восьмом тезисе. Джейн Томпкинс задала диффе-

ренцированные параметры анализа массовой развлекательной литературы, поскольку такая литература выражает в типизированной и за счет этого в действенной форме легитимные потребности читателей и тревожащие их проблемы. Как показали исследования Ричардс (RICHARDS), женщины представлены намного лучше в списке бестселлеров, чем в каноне автономной литературы. Вопрос, представим ли канон этим спискам, можно оставить открытым. Для остальных видов женской литературы следовало бы учитывать также и другие, не только выдвинутые Томпкинс, критерии (ТОМКИНС, XI-XIX и 120-201).

Поскольку мужское восприятие не может адекватно оценить литературу женщин (как показано в тезисе 7), были созданы свои методы интерпретации женской литературы (*гинокритика*). Тезис о том, что только женское прочтение может оценить достоинства этой литературы, хотя и подвергается критике, однако остается важным, поскольку процесс чтения и сейчас идет в условиях продолжающейся гендерной социализации (SCHWEISKART).

Этот первый подход в феминистской критике канона в своих трех направлениях опирается на так называемый «гиноцентризм» в рамках биполярной *системы пол/гендер* и еще раз подтверждает актуальность внутри этой системы модели II, тем самым сложившихся в XVIII веке полоролевых клише. Заслугой такого антиканона, как материального, так и канона критериев и интерпретации, является то, что он предоставил в качестве первого шага возможность не только многочисленным читательницам, но и ученой обществу ознакомиться с корпусом произведений писательниц и вынес на суд результат литературного творчества женщин, а также предложил новые аспекты в оценке их произведений через призму феминистской критики. Таким образом, антиканон является базисом для дальнейших исследований вопроса о том, существуют ли (и если да, то какие) специфические нормы женской литературной коммуникации в конкретных исторических условиях, нормы, которые позволили бы выделить конкурирующие критерии для «другого канона». Этот антиканон служит резервуаром для более строгого, проводимого по этим конкурирующим

критериям отбора в более узкий канон в рамках корпуса женской литературы.

Проблема заключается в следующем: подобный антиканон утверждает тем самым однородность женщин и несет в себе опасность возвращения к субстанциональному пониманию женственности, а также к абсолютизированию культуры белых женщин среднего и высшего класса. А ведь в таком антиканоне должно было бы найти место все многообразие женских ролей самых разных конструктов *гендера* в их литературном отображении, причем это многообразие должно представлять как фактическую реальность, так и концепт. Но этот антиканон, созданный только в рамках данного подхода, вызывает сомнения, поскольку он ведет к изоляции феминизма и сам опирается на критикуемый им в мужском каноне механизм исключения, теперь уже в отношении мужчин¹⁹.

3.3.2. Расширение традиционного канона за счет включения писательниц

Второй подход к решению проблемы канона гласит: материальный канон должен быть сохранен и одновременно расширен за счет включения «лучших» представительниц женской литературы (ROBINSON 1986, 1992; FISCHER, 20).

Тем самым провозглашается более высокая представленность в каноне женщин, определяемых первоначально по биологическому полу (*sex*), которая позволила бы утверждать, что женщины имеют возможность в рамках каждой системы *пол/гендер* выразить свой, женский, взгляд на мир. Такой подход кажется прагматически разумным, если при этом писательницы смогут попасть в поле зрения более широкой, в том числе мужской, общественности, поскольку осознание «женского» отличия и подчиненного положения ведет к пониманию «мужской» доминантности, которая

---

¹⁹ В пользу одного канона, но открытого для шедевров различных субкультур, выступает Ренате фон Хайдебранд (VON HEYDEBRAND 1993, с. 17–19).

подвергается критике из-за ее притязаний на универсальность. При этом, однако, некоторым писателям-мужчинам пришлось бы уступить место женщинам, например в учебных программах и в истории литературы, и, кроме того, необходимо было бы определять переломные моменты истории с учетом гендерной дифференциации. Все это могло бы повлечь за собой новые размышления по поводу канона, как это и происходит уже в американских колледжах и университетах.

До сих пор нерешенным является вопрос, что же должны представлять «лучшие» писательницы: включенность автора-женщины (или ее персонажа) в конкретную систему *пол/гендер* (т. е. свою специфическую «женственность» в смысле этой системы) или же ее протест против системы (т. е. свой «женский» потенциал протеста в соответствии с различными феминистскими ожиданиями); конкурентоспособность женщины с точки зрения критериев «мужского» канона или же их репрезентативность в рамках собственной «женской» истории литературы в соответствии с собственными критериями. Ответа на эти вопросы нет. Прежде чем принять какие-либо решения, необходимо в любом случае провести «гинокритическую» работу в отношении литературы женщин.

3.3.3. Подрыв «мужского» канона интерпретации

Этот подход основан на тезисе, что оцениваются не написанные, материальные, а понятые тексты (т. е. толкования) и что один и тот же материальный канон может быть предметной формой правления совершенно разных религиозных, этических, политических и эстетических ценностей (см. VON HEYDEBRAND/WINKO 1994). Этот факт удается скрыть только за счет существующего согласия среди пользующихся авторитетом критиков и других посредников или при помощи специальных усилий по направлению толкования в определенное русло. В этой ситуации и могут быть применены новые феминистские подходы к интерпретации. Здесь есть две возможности. Вначале это происходит еще в

рамках системы *пол/гендер* путем интерпретации текста, которая мотивируется феминистским агрессивным отношением к тексту или феминистским интересом к предмету изображения (MILLETT; FETTERLEY; STEPHAN/WEIGEL). При таком прочтении острый взгляд осознавшей свое угнетенное положение женщины разоблачает постоянное присутствие в литературных текстах мужской точки зрения и мужских интересов.

Это необходимый шаг, расширяющий восприятие художественных текстов. Данный путь является единственным для довольно долгого, вплоть до конца XVIII века, отрезка времени в истории литературы, когда женщины не имели возможности, хотя бы в силу отсутствия доступа к образованию, проявлять себя в качестве писательниц. Было бы абсурдным и вытеснение из канона выдающихся с точки зрения самых разных критериев авторов более позднего времени. В то же время интерпретация их произведений с точки зрения изображения отношений между полами является как инновативной, так и многообещающей. При таком подходе необходимо, тем не менее, избегать ловушки отождествления биологического пола автора с половыми ролями, определяемыми *гендером* и принимать во внимание *gender typing* автора, так как среди литераторов существуют и «мужские феминисты».

Еще дальше ведут – и это вторая возможность – интерпретации текстов с феминистско-деконструктивными намерениями, которые ставят под сомнение саму систему *пол/гендер* (FEILMAN 1975; JOHNSON; MUNICH). На основании, прежде всего, работ Пола де Мана²⁰ неразрешимость противоречий возможных интерпретаций текста, которые возникают в результате попытки выявления его смысловой структуры и возможностей ее деконструкции, доводится до тезиса о «нечитаемости» текста (JEHLEN; JACOBUS; VINKEN). Поскольку каждый контекст дает другие возможности понимания, а контексты в принципе не могут быть

---

²⁰ Американский теоретик литературы Пол де Ман (Paul de Man, 1919–1983; прим. ред.). О де Мане ср. МАРТУН, МЕНКЕ.

ограничены, то любое прочтение, которое закрепляет определенный смысл за текстом, является, по де Ману, «заблуждением», идеологией. Сама же литература из-за своей «нечитаемости» оказывается бунтом против идеологизации (DE MAN, 92). Задающее смысл, толкующее прочтение является в данном случае актом произвола, власти. С этой точки зрения не только любой канон интерпретации, но и любой авторитет канона вообще оказывается лишенным основания (ср. VON HEYDEBRAND/WINKO 1994). Ведь только идеологические «соглашения» могут приписывать нечитаемому тексту каноническую ценность (MARKYŃ, 17).

Однако замечено, что де Ман и его последователи-мужчины в своем деконструктивистском «чтении» опираются исключительно на канон, как литературный, так и философский. Так же как и у авторов и критиков на рубеже XVIII–XIX вв., протест против канона становится лишь новым его подтверждением. Деконструктивистские интерпретации являются лишь очередным «новым» и продуктивным способом отмежеваться от канона, в то же время подтвердив его.

Феминистская литературная критика и интерпретация дала этой идее два новых направления: с одной стороны, в деконструктивистской интерпретации канонизированных (мужских) текстов критика выявляет противоречия, касающиеся непосредственно фантазмов биполярного различия полов, и часто подкрепляет свои открытия результатами психоаналитических исследований. [...] Но и эти новые методы чтения с необходимостью ведут к тому же, что и любое повторное прочтение: они канонизируют «мужской» канон, хотя и в критической на этот раз форме.

По этой причине феминистки пытаются, с другой стороны, доказать, что с помощью деконструктивистского повторного прочтения могут быть канонизированы произведения забытых или находящихся на периферии белой культуры среднего класса писательниц. При этом они, как и де Ман, смиряются с тем парадоксом, что именно деконструкция смыслов, которые можно приписать тексту, способству-

ет в то же время его канонизации (JOHNSON; LAWRENCE). При работе со старым каноном, а также при неизбежной работе над созданием нового канона деконструктивистские феминистки не забывают о том, что хотя на самом деле ни один канон не имеет действительной силы, но вообще без канонов не обойтись.

Деконструктивистский феминизм как прием интерпретации является значимой и привлекательной альтернативой традиционной практике университетских исследований, хотя он отходит от требований критической герменевтики скорее по своим теоретическим положениям, чем по результатам. В адрес деконструктивистского феминизма с разных сторон раздается критика. По всей вероятности, он не выйдет за пределы университетов: в школах и среди широкой читательской публики этот процесс интерпретации вряд ли может практиковаться, а его результаты, скорее всего, не будут поняты.

Упрек в невозможности воздействовать на широкую общественность относится и к первому варианту работы над каноном интерпретации: «обычный читатель», а тем более, если верить исследованиям, «обычная читательница» оказываются все более исключенными из дискурса вследствие особой практики академической литературной критики. На этапе формирования метода *new criticism* концентрация внимания на формальных особенностях текста приближала к ним даже непрофессиональных читательниц и читателей. Однако постепенно мастерство и утонченность интерпретаторов приобретают главенствующее значение, в результате чего деконструктивистская интерпретация ставится на один уровень с литературным текстом и становится недоступной для обычного читателя. Учитывая именно такого читателя, становится понятно, что мужской канон, хотя и подвергнутый критике в рамках канона интерпретации, будет и дальше в нетронутом виде передаваться по традиции (в том, что касается самих произведений). Отсюда вытекает самый радикальный подход.

3.3.4. Постструктуралистское оспаривание любого канона

Четвертый подход к проблеме канона предлагает полностью распрощаться со всякой канонизацией. Если же из практических соображений необходимо создать некоторый канон, то он должен сочетать в себе все мыслимое разнообразие и проявлять особый интерес к тому, что до сих пор «подавлялось» и было «маргинализировано» (PARKER; LAWRENCE).

Исходя из этого, необходимо последовательно придерживаться деконструктивистской позиции. В соответствии с ней любая оппозиция «центр – периферия», как и любая другая иерархическая оппозиция, не имеет законной силы и поэтому не имеет права быть канонизированной (ср. VON HEYDEBRAND/WINKO 1994). Этот подход направлен в первую очередь *против* стратегии множественности канонов, против представлений, что женщины или другие до сих пор вытесняемые группы могут найти отражения своих потребностей и своих представлений о ценностях в собственном каноне (PARKER; LAWRENCE). Идея репрезентации ценностей отдельной группы с помощью ее собственного канона опирается, с точки зрения структуралистского понимания, на некоторые несостоятельные предпосылки. Прежде всего, на возможность существования некоторой идентичности группы, которую можно репрезентировать. Далее, что сам процесс репрезентации надежен, что авторы и тексты репрезентируют нечто определенное и только это и, наконец, что текстам можно однозначно приписывать интерпретации. Но как было уже показано, даже традиционный канон существует за счет иного, за счет столкновения различий: канон возможен лишь при наличии новых интерпретаций.

Логическим следствием из вышесказанного может быть попытка (поскольку иногда, например в преподавательской практике, неизбежен отбор текстов), «to present unrepresentativeness», представить нерепрезентируемое как в материальном отборе текстов, так и в интерпретации. Это вело бы к необходимости разоблачать любое

притязание любого отдельно взятого текста на репрезентацию хотя бы фрагмента многонационального общества. Это разоблачение должно было бы осуществляться с помощью деконструктивистской интерпретации самого этого текста, а затем в результате противопоставления его другим произведениям, что позволило бы отклонить любые притязания на репрезентативность. Необходимо было бы доказать противоречивость, несистематичность любого отбора (PARKER 101-107).

В этом предложении, идущем, впрочем, не от феминисток, выявляется логическое затруднение радикальной постструктуралистской критики канона и ее оторванность от жизни. Такую практику невозможно было бы внедрить даже в университетах. Чем меньше радикализма, тем больше эффективности.

3.3.5. Прагматические выводы²¹

Различные феминистские представления и меры, применение которых могло бы исправить ущемленное положение писательниц в литературных традициях, не должны конкурировать между собой. Разумеется, теоретически обоснованный – пусть и не без противоречий – отказ от любой канонизации совсем не отвечает потребностям общества и положению дел в сфере коммуникации (четвертый подход). Однако многочисленными убедительными аргументами он обращает внимание на несостоятельность любого формирования канона. Желательными являются деконструктивистские или новые с точки зрения феминистко-идеологической критики интерпретации канонических авторов (третий подход), так же как и в целом новаторские, развивающие сознание обоих полов интерпретации. Исследования произведений писательниц, не включенных до сих пор в канон (или же включенных частично), представляют

---

²¹ К вопросу о прагматическом разрешении проблемы канона см.: KOLODNY 1981, WINDERS; ROBINSON 1988, STANITZKE и др.

собой новый объект для изучения и поднимают такие вопросы, которые уже давно должны были быть поставлены литературоведением, если бы оно интересовалось социальной историей и историей ментальностей. Нужно еще много сделать для того, чтобы уточнить ответы на эти вопросы. Ведут ли эти исследования к созданию конкурирующего антиканона «женской» литературы (первый подход) или к расширению доминирующего «мужского» канона (второй подход), кажется поэтому вопросом второстепенного значения.

Перевод А. Левицкой, А. Буруновой и О. Ефремовой

В оригинале

Renate von Heydebrand und Simone Winko: Arbeit am Kanon: Geschlechterdifferenz in Rezeption und Wertung von Literatur. In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hg. von H. Bußmann und R. Hof. Stuttgart 1995. S. 206–260. Части 1 и 3 написаны Рenate фон Хайдебранд, часть 2 написана Симоне Винко.

Список литературы

- БАУМ Nina: Melodramas of Beset Manhood: How Theories of American Fiction Exclude Women Authors. In: American Quarterly 33 (1981), p. 123–139.
- BEAUVOIR Simone DE: Le deuxième sexe. Paris 1949 (dt.: Das andere Geschlecht. Sitte und Sexus der Frau. Reinbek bei Hamburg 1951).
- БЕМ Sandra Lipsitz: Gender Schema Theory: A Cognitive Account of Sex Typing. In: Psychological Review 88 (1981), p. 354–364.
- БИДЕН Helga: Geschlechtsspezifische Sozialisation. In: K. Hurreggemann/D. Ulich (Hrsg.): Neues Handbuch der Sozialisationsforschung. München/ Weinheim 1991, S. 281–303.
- BLOOM Harold: The Anxiety of Influence. A theory of Poetry. London/Oxford/New York 1973.

- BLOOM Harold: A Map of Misreading. Oxford/New York/Toronto 1975.
- BOVENSCHEN Silvia: Die imaginierte Weiblichkeit. Exemplarische Untersuchungen zu kulturgeschichtlichen und literarischen Präsentationsformen des Weiblichen. Frankfurt a.M. 1979.
- BRINKER-GABLER Gisela: Deutsche Literatur von Frauen. 2 Bde. München 1988.
- BRONFEN Elisabeth: Nur über ihre Leiche. Tod, Weiblichkeit und Ästhetik. München 1994.
- BUELL Lawrence: Literary History Without Sexism? Feminist Studies and Canonical Reconception. In: American Literature 59 (1987), p. 102–114.
- CHODOROW Nancy: The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley 1978.
- COCALIS Susan / Kay GOODMAN (Hrsg.): Beyond the Eternal Feminine: Critical Essays on Women and German Literature. Stuttgart 1982.
- CRAWFORD Mary / Roger CHAFFIN: The Reader's Construction of Meaning: Cognitive Research on Gender and Comprehension. In: Elizabeth A. Flynn / Patrocínio P. Schweickart (Hrsg.): Gender and Reading. Baltimore 1986, p. 3–30.
- CULLER Jonathan: On Deconstruction, Theory and Criticism after Structuralism. Ithaca 1982. (dt.: Dekonstruktion. Derrida und die poststrukturalistische Literaturtheorie. Reinbek bei Hamburg 1988).
- DEJESN Joan: Fictions of Sappho 1546–1937. Chicago/London 1989.
- ECKER Gisela: Der Kritiker, die Autorin und das «allgemeine Subjekt». Ein Dreiecksverhältnis mit Folgen. In: Inge Stephan u.a. (Hrsg.): «Wen kümmert's, wer spricht». Zur Literatur und Kulturgeschichte von Frauen aus Ost und West. Köln/Wien 1991, S. 43–56.
- FELMAN Shoshana: Woman and Madness: The Critical Phallacy. In: Diacritics 5/2 (1975), p. 2–10.
- FETTERLEY Judith: The Resisting Reader. A Feminist Approach to American Fiction. Bloomington 1978.
- FISCHER Karin u.a. (Hrsg.): Bildersturm im Elfenbeinturm. Ansätze feministischer Literaturwissenschaft. Tübingen 1992.
- FRIEVERT Ute: Frauen-Geschichte: Zwischen bürgerlicher Verbesserung und neuer Weiblichkeit. Frankfurt a.M. 1986.

- GILBERT Sandra M. / Susan GUBAR: Sexual Linguistics: Gender, Language, Sexuality. In: New Literary History 16 (1985), p. 514–543. (dt.: Sexuallinguistik. Gender. Sex und Literature. In: VINKEN 1992, S. 386–411).
- GNÜG Hiltrud / Renate MÖHRMANN (Hrsg.): Frauen Literatur Geschichte. Schreibende Frauen vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Stuttgart 1985.
- GOTTSCHALL Rudolph: Die deutsche Nationalliteratur in der ersten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts. Bd. 2. Breslau 1855.
- HANSEN Egon: Emotional Processes. Engendered by Poetry and Prose Reading. Stockholm 1986.
- HARE-MUSTIN Rachel T. / Jeanne MARECEK: Making a Difference. Psychology and the Construction of Gender. New Haven u.a. 1990.
- HAUSEN Karin: Die Polarisierung der »Geschlechtercharaktere«. Eine Spiegelung der Dissoziation von Erwerbs- und Familienleben. In: Werner CONZE (Hrsg.): Sozialgeschichte der Familie der Neuzeit. Stuttgart 1976, S. 363–393.
- HERRNSTEIN SMITH Barbara: Contingencies of Value. In: Critical Inquiry 10 (1983), p. 1–35.
- HERRNSTEIN SMITH Barbara: Contingencies of Value. Alternative Perspectives for Critical Theory. Cambridge Mass./ London 1988.
- HEYDEBRAND Renate VON / Simone WINKO: Geschlechterdifferenz und literarischer Kanon. Historische Beobachtungen und systematische Überlegungen. In: Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur 19 (1994), S. 96–172.
- HEYDEBRAND Renate VON: Probleme des »Kanons« – Probleme der Kultur- und Bildungspolitik. In: Johannes Janota (Hrsg.): Methodenkonkurrenz in der germanistischen Praxis. Vorträge des Augsburger Germanistentags 1991. Bd. 4 (Plenumsvortrag für Sektion 1: Hochschulgermanistik und aktuelle Kulturpolitik). Tübingen 1993, S. 3–22.
- HEYDEBRAND Renate VON: Ethische contra ästhetische Legitimation von Literatur. In: Kontroversen, alte und neue, Akten des VII. Internationalen Germanisten-Kongresses 1985. Bd. 8. Tübingen 1986, S. 3–11.
- HEYDEBRAND Renate VON: Literarische Wertung. In: Klaus Kanzog / Achim Masser (Hrsg.): Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. 2. Aufl., Bd. 4. Berlin/ New York, S. 828–871.

- HOF Renate: Die Entwicklung der *Gender Studies*. In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von H. Bußmann, R. Hof. Stuttgart 1995, S. 2–33. (russ.: Возникновение и развитие гендерных исследований. В: Шоре, Элизабет / Каролин Хайдер [изд.]: Пол – гендер – культура. Немецкие и русские исследования. Москва 1999, с. 23–53).
- HOFFMANN Volker: Elisa und Robert oder das Weib und der Mann, wie sie sein sollten. Anmerkungen zur Geschlechtercharakteristik der Goethezeit. In: Karl Richter / Jörg Schönert (Hrsg.): Klassik und Moderne. Die Weimarer Klassik als historisches Ereignis und als Herausforderung im kulturgeschichtlichen Prozeß. Stuttgart, S. 80–97.
- JACOBUS Mary: Reading Women. Essays in Feminist Criticism. New York 1986.
- JEHL Myra: Archimedes and the Paradox of Feminist Criticism. In: Signs 6 (1981), p. 575–601. (dt.: Archimedes und das Paradox feministischer Literaturwissenschaft. In: VINKEN, S. 319–359).
- JOHNSON Barbara: A World of Difference. Baltimore/London 1987.
- KIENECKER Michael: Prinzipien literarischer Wertung. Sprachanalytische und historische Untersuchungen. Göttingen 1989.
- KITTLER Friedrich A.: Aufschreibesysteme 1800/1900. München 1985.
- KÖNIG Dominik von: Lesesucht und Lesewut. In: Herbert G. Göpfert (Hrsg.): Buch und Leser. Hamburg 1977. S. 89–124.
- KOLODNY Annette: Dancing Through the Mine-Field: Some Observations on the Theory, Practice, and Politics of a Feminist Literary Criticism. In: Dale Spender (Hrsg.): Men's Studies Modified. Oxford u.a. 1981, p. 23–42.
- KOLODNY Annette: A Map for Rereading: Or, Gender and the Interpretation of Literary Texts. In: New Literary History 11 (1980), p. 451–467.
- KOSCHORKE Albrecht: Lesesucht und Zeichenidentität. Die Organisation der Einbildungskraft und die Kanonisierung der Klassik. In: Wahrnehmungswandel – Wertwandel. Der Weg der Moderne, Festschrift zum 60. Geburtstag von Renate von Heydebrand. München 1993. S. 67–108.
- LAKOFF George / Mark JOHNSON: Metaphors We Live By. Chicago/London 1980.
- LAQUEUR Thomas: Making Sex. Body and Gender from the Greeks to Freud. Cambridge Mass./London 1990. (dt.: Auf den Leib

- geschrieben. Die Inszenierung der Geschlechter. Frankfurt a.M. 1992).
- LAUTER** Paul: Race and Gender in the shaping of the American canon. A case study from the twenties. In: Judith NEWTON / Deborah ROSENFELDT (Hrsg.): Feminist criticism and social Change. Sex, Class and Race in Literature and Culture. New York/London 1985, p. 19–44.
- LAWRENCE** Karen R. (Hrsg.): Decolonizing Tradition. New Views of Twentieth-Century «British» Literary Canons. Urbana u.a. 1992.
- LINDENBERGER** Herbert: The History in Literature. On Value, Genre, Institutions. New York 1990.
- LUHMANN** Niklas: Das Kunstwerk und die Selbstreproduktion der Kunst. In: Delfin 3 (1984), S. 51–69. (erweiterte Fassung in: Hans Ulrich Gumbrecht / K. Ludwig PFEIFFER (Hrsg.): Stil. Geschichte und Funktionen eines kulturwissenschaftlichen Diskurselements. Frankfurt a.M. 1986, S. 620–672.)
- MAN** Paul DE: Allegories of Reading. Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust. New Haven/London 1979. (dt. Teilübersetzung (Teil I der *Allegories of Reading*): Allegorien des Lesens. Frankfurt a.M. 1988).
- MARTENS** Wolfgang: Leserezepte fürs Frauenzimmer. Die Frauenzimmerbibliotheken der deutschen Moralischen Wochenschriften. In: Archiv für Geschichte des Buchwesens 15 (1975), S. 1142–1200.
- MARTYN** David: Die Autorität des Unlesbaren. Zum Stellenwert des Kanons in der Philologie Paul de Mans. In: Karl Heinz Bohrer (Hrsg.): Ästhetik und Thetorik. Lektüren zu Paul de Man. Frankfurt a.M. 1993, S. 13–33.
- MENKE** Bettine: Verstellt – der Ort der «Frau». Ein Nachwort. In: VINKEN, S. 436–476.
- MILLETT** Kate: Sexual Politics. Garden City/New York. (dt.: Sexus und Herrschaft. München 1971).
- MORRIS** Charles: Signification and Significance. A Study of the Relations of Signs and Values. Cambridge, Mass. 1964.
- MUNICH** Adrienne: Notorious Signs, Feminist Criticism and Literary Tradition. In: Gayle GREENE / Coppelia KAHN (Hrsg.): Making a Difference – Feminist Literary Criticism. New York 1985, p. 238–259. (dt.: Bekannt, allzubekannt: Feministische

- Literaturwissenschaft und literarische Tradition. In: Barbara VINKEN (Hrsg.): Dekonstruktiver Feminismus. Literaturwissenschaft in Amerika. Frankfurt a.M. 1992., S. 360–385).
- PARKER Robert Dale: Material Choices: American Fictions, the Classroom, and the Canon. In: American Literary History 5 (1993), S. 89–110.
- RICHARDS Donald R.: The German Bestseller in the 20th Century. A Complete Bibliography and Analysis 1915–1940. Bern 1968.
- ROBINSON Lillian S.: Treason Our Text. Feminist Challenges to the Literary Canon. In: Elaine Showalter (Hrsg.): The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature, and Theory. New York 1985, S. 105–121.
- ROBINSON Lillian S.: Canon Fathers and Myth Universe. In: Karen R. LAWRENCE (Hrsg.): Decolonizing Tradition. New Views of Twentieth-Century »British« Literary Canons. Urbana u.a. 1992, S. 23–36.
- ROPOHL Günter: Ein systemtheoretisches Beschreibungsmodell des Handels. In: Hans Lenk (Hrsg.): Handlungstheorien – interdisziplinär, Bd. 1. München 1980, S. 323–360.
- RUBIN Gayle: The Traffic in Women. Notes on the Political Economy of Sex. In: Rayna R. Reiter: Toward an Anthropology of Women. New York/London 1975, p. 157–200.
- RUSS Joanna: How to Suppress Women's Writing. Austin 1983.
- SCHLEGEL Friedrich: Über die Philosophie. An Dorothea (1799). In: Friedrich Schlegel: Dichtungen und Aufsätze. Hrsg. Von Wolfdieter Rasch. München 1984, S. 444–468.
- SCHMIDT Siegfried J.: Grundriß der Empirischen Literaturwissenschaft. Bd. 1: Der gesellschaftliche Handlungsbereich Literatur. Braunschweig/Wiesbaden 1980.
- SCHÖN Erich: Weibliches Lesen: Romanleserinnen im späten 18. Jahrhundert. In: Helga Gallas / Magdalene Heuser (Hrsg.): Untersuchungen zum Roman von Frauen um 1800. Tübingen 1990, S. 20–40.
- SCHOLES Robert: Reading Like a Man. In: Alice Jardín / Paul Smith (Hrsg.): Men in Feminism. London/New York 1987, p. 204–218.
- SCHOR Naomi: This Essentialism that is none. Coming to Grips with Irigaray. In: Differences 2/1 (1989), p. 38–58. (dt.: Dieser

- Essentialismus, der keener ist – Irigaray begreifen. In: VINKEN 1992, S. 219–279.
- SCHULZ-BUSCHHAUS Ulrich: Kanonbildung in Europa. In: Hans-Joachim Simm (Hrsg.): Literarische Klassik. Frankfurt a.M. 1988. S. 45–68.
- SCHUMANN Sabine: Das «lesende Frauenzimmer». Frauenzeitschriften im 18. Jahrhundert. In: Barbara Becker-Cantarino (Hrsg.): Die Frau von der Reformation zur Romantik. Die Situation der Frau vor dem Hintergrund der Literatur- und Sozialgeschichte. Bonn 1980, S. 138–169.
- SCHWEICKART Patrocínio P.: Reading Ourselves: Toward a Feminist Theory of Reading. In: Patrocínio P. SCHWEICKART / Elizabeth A. FLYNN: Gender and Reading. Baltimore 1986, p. 31–61.
- SHOWALTER Elaine (Hrsg.): Speaking of Gender. New York 1989.
- SHOWALTER Elaine: A Literature of Their Own: British Women Novelists from Brontë to Lessing. Princeton, N. Y. 1977.
- STANITZEK Georg: «0/1», «einmal/zweimal» – der Kanon in der Kommunikation. In: Bernhard J. Dotzler (Hrsg.): Technopathologien. München 1992. S. 111–134.
- STEPHAN Inge / Sigrid WEIGEL: Die verborgene Frau. Sechs Beiträge zu einer feministischen Literaturwissenschaft. Berlin 1983. (Zitiert nach der Ausgabe: Berlin 1988).
- THEWELEIT Klaus: Männerphantasien. 2 Bde. Frankfurt a.M.: 1977/78.
- TOMPKINS Jane P.: Sensational Designs. The Cultural Work of American Fiction 1790–1860. New York/Oxford 1985.
- VIEHOFF Reinhold: Literarisches Verstehen. Neuere Ansätze und Ergebnisse empirischer Forschung. In: Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur 13 (1988), S. 1–29.
- VINKEN Barbara (Hrsg.): Dekonstruktiver Feminismus. Literaturwissenschaft in Amerika. Frankfurt a.M. 1992.
- WEEDON Chris: Feminist Practice and Poststructuralist Theory. Oxford 1987. (dt.: Wissen und Erfahrung. Feministische Praxis und poststrukturalistische Theorie. Zürich 1990).
- WEIGEL Sigrid: Die Stimme der Medusa. Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen. Dülmen-Hiddingsel 1987. Zitiert nach der 2. Ausgabe: Reinbek b. Hamburg 1989.
- WINDERS James A.: Gender, Theory, and the Canon. Madison 1991.

- WINKO Simone: Wertungen und Werte in Texten. Axiologische Grundlagen und literaturwissenschaftliches Rekonstruktionsverfahren. Braunschweig/Wiesbaden 1991.
- WOESLER Winfried: Der Kanon als Identifikationsangebot. Neue Überlegungen zur Rezeptionstheorie. In: Winfried Woesler (Hrsg.): Modellfall der Rezeptionsforschung. Droste-Rezeption im 19. Jahrhundert, Dokumentation, Analysen, Bibliographie. Bd.2. Frankfurt a.M./Bern/Cirencester U.K. 1980, S. 1213–1227.

ОТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ
К ФЕМИНИСТСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ:
СМЕНА РАМОК¹

Феминистской истории искусств не существует, по крайней мере не существует такой самостоятельной научной дисциплины с ясно сформулированными методами. Причина этому кроется отчасти в упорстве, с которым научно-образовательные заведения отказываются принять к сведению исследовательское направление, рассматривающее специальные вопросы в их взаимосвязи с гендерной дифференциацией. В университетах, по крайней мере в Германии, несмотря на большой интерес со стороны учащихся, лишь немногие преподаватели занимаются феминистскими исследованиями и включают их в свои программы. [...]

Предположение о том, что гендерная дифференциация определяет творческий процесс и восприятие произведений искусства, а также накладывает отпечаток на суждения о них, позволяет обозначить новые рамки научного исследования и требует пересмотреть традиционные темы

---

¹ В оригинале – игра слов: новые рамки (исследований) и новая рама (дающая возможность по-новому оценить картину). Beate Söntgen: Den Rahmen wechseln. Von der Kunstgeschichte zur feministischen Kulturwissenschaft. In: Rahmenwechsel. Kunstgeschichte als Kulturwissenschaft in feministischer Perspektive. Hrsg. von Beate SÖNTGEN. Berlin 1996. S. 7–23.

этой дисциплины. Наряду с классическими методами истории искусств в гендерных исследованиях практикуются самые разные теории и модели: теория восприятия, психоанализ, семиотика, дискурсивный анализ, критика идеологии и модели чтения, которые были разработаны в литературоведении (прежде всего, метод деконструкции). Хотя внутренние противоречия и разветвленность используемых методов затрудняют доступ к гендерным исследованиям, сила заключается именно в разнообразии методов: оно не только препятствует «геттоизации» феминистских исследований, но и доказывает их значимость, их критический потенциал, необходимый для создания основ истории искусств, которая в ходе формирования междисциплинарной культурологии должна заново осмыслить свои предпосылки и условия. Гендерные исследования предоставляют метод описания способа существования и артикуляции культуры, базирующейся на дифференциации по признаку пола. В результате исследования причин того, почему число художниц, даже несмотря на сделанные в последнее время открытия, незначительно, возник ряд важных вопросов, а именно: какие общественные и политические механизмы привели к вытеснению женщин из художественного творчества? Какие представления о «женственности» и сущности художника лежат в их основе, как и в каких дискурсах они сложились? Существуют ли сферы женственного в искусстве? И если да, то что в них входит? Какие фантазии воплощены в отдельных произведениях, какие порождены ими? Каков эффект созданных преимущественно мужскими художниками картин, которые можно было бы описать как материализованные фантазии о женственности и в особенности о женском теле? Можно ли на этом фоне определить женскую (художническую) идентичность, да и должно ли это являться целью? Какие последствия имеют вопросы такого рода для понимания того, что есть картина, для анализа повествовательной структуры и изобразительной техники? [...]

В XIX и начале XX века в рамках буржуазного устройства общества были определены и установлены позиции полов, которые до сих пор являются действительными. Однако эти позиции в понимании гендерно-ориентированной

культурологии ни в коем случае не являются естественными. Их скорее можно определить как продукт символического порядка, который мы обычно согласны считать «естественным». Вопрос о гендерной дифференциации требует междисциплинарной работы с научными моделями. Феминистский научный подход расширяет историю искусства до общего знания о культуре. Эта новая область знания выходит за рамки отдельных дисциплин, не отрицая при этом их специфики. Обзор развития гендерных исследований в области истории искусств призван продемонстрировать методические приемы и их трансформации, вызванные их применением в различных контекстах.

Английская феминистская история искусства совмещает связанную с критикой идеологии постановку вопросов, которую мы находим прежде всего у Луи Альтюссера², с методами психоанализа, деконструктивизма и семиотики (PARKER/POLLOCK 1987, GOUMLA-PETERSON/MATTHEWS, ROSE). Важные идеи она почерпнула из исследований американских ученых, таких как Линда Нохлин и Люси Липпард (Linda NOCHLIN, Lucy LIPPARD). Однако настойчивое соединение категории класс и гендер направило ее в то русло, которое, хотя и было заложено в США, но не развивалось там с такой же последовательностью. Американские исследовательницы работают, прежде всего, над деконструкцией литературных и зрительных образов, которые при рассмотрении их в новом контексте могут образовать новые конфигурации (ср. VINKEN). Упрощенно говоря, если внимание американских ученых направлено на язык образов, то английский феминизм постоянно обращается к вопросу о проявлении власти, устанавливая при этом его прямую связь с производством смыслов как в изобразительном искусстве, так и в литературе (ср. TICKNER 1988).

В статье, посвященной феминистской критике истории искусств, Талиа Гума-Петерсен и Патриция Мэтьюс исследовали пути англо-американского феминизма и выде-

---

² Louis Althusser (1918–1990) – французский философ. (Прим. ред.)

лили две его стадии (Gouma-Peterson/Matthews). В начальной стадии феминистская история искусств выступала единым фронтом с четко обозначенными целями и определенными политическими требованиями. Призывая к справедливости, представители этого направления настаивали на переоценке истории, которая, по их мнению, писалась мужчинами, исключавшими из нее женское. На этой ранней стадии феминистская наука занималась выявлением художниц, их произведений и изучением обстоятельств их жизни (Sutherland Harris/Nochlin, Gouma-Peterson/Matthews). Не умаляя заслуг авторов этих исследований, Гума-Петерсен и Мэтьюс указывают на то, что они включали женщин в уже существовавшие структуры и тем самым перенимали, не ставя под сомнение, старую систему оценок. Главная цель этих исследований заключалась в доказательстве того, что художницы наравне с художниками-мужчинами могли бы претендовать на «величие» и «гениальность», если бы только их произведения были представлены на суд общественности.

Поворотным моментом в развитии феминистской истории искусств стала опубликованная в 1971 году статья Линды Нохлин *Почему в истории нет великих художниц* (Linda Nochlin: *Why Have There Been No Great Women Artists?*). Нохлин подчеркивала важную роль, которую играли художественные институты в образовании художника (речь идет об образовании в широком смысле). Она указывала на то, что женщинам был закрыт доступ к институциональной художественной практике. Сначала они вообще не допускались к обучению в художественных академиях, а затем, в конце XIX века, им все еще запрещалось посещение класса рисунка с обнаженной натуры. Вследствие этого женщины не могли обладать одной из важных предпосылок так называемого высокого искусства – умением изображать человеческое тело. На социальном уровне, в общении с заказчиками, коллекционерами и торговцами, возможности женщин были также ограничены правилами приличия. Хотя Нохлин и не затронула вопроса об авторитете и действенности категорий «величие» и «творческое достижение», она развенчала миф о художнике как порождении духа гения. Она выявила тактику

и практику художественных институтов, которая способствовала формированию «Художника» и одновременному вытеснению женщин из художественного процесса.

Переход от женской истории искусств к гендерным исследованиям в рамках истории искусств осуществили Розика Паркер и Гризельда Поллок, опубликовавшие в 1981 году сборник статей с выразительным двусмысленным названием «Old Mistresses»³. Задача этого сборника заключалась не в описании обстоятельств жизни и творчества художниц, а в критике самих основ понимания того, чем должна быть история искусств. Паркер и Поллок ставят под вопрос категории, критерии и ценности, которые до сих пор являются основой для написания истории искусств. Они сознательно избегают представления творчества художниц как борьбы против их вытеснения и дискриминации, поскольку одинокая борьба за признание является в искусстве топосом, отвечающим стандартам мужского мира. Написание истории искусств Паркер и Поллок рассматривают скорее как идеологическую работу, в которой «женственное» образует структурирующую категорию. Читатель сборника с изумлением узнает, что женщины исчезли из историографии искусства лишь в XX веке, т. е. как раз тогда, когда женское художественное творчество стало утверждаться. В это время укореняется общеизвестная идеология мужского доминирования, идеология, которая берет свое начало в эпохе Ренессанса, развивается в эпоху Просвещения и широко проявляется в XIX веке.

Это произошло в результате дифференциации полов по биологическим признакам и функциям. Художник наделялся чертами, которые со времени Просвещения приписывались только мужской половине человечества: большая сила воображения, которая позволяет переносить наблюдаемый объект на метафизический уровень; самостоятельность в способах выражения при соблюдении в то же время правил высокого искусства; свободный дух, который, однако, не на-

---

³ PARKER/POLLOCK 1981. «Mistress» обозначает в английском языке и (домо)хозяйку, и мастерицу, и любовницу, и ученицу. (Прим. ред.)

рушает этических норм. Этими качествами, соединенными в образе «гения», женщина не может обладать уже в результате присущей ей биологической функции размножения. Заявлялось, что ее дух, занятый происходящими в ее теле процессами, находится во власти материального и полового (SHAW 1991, BIRMINGHAM 1993, GARV 1985). Наиболее яркое выражение биологизированный дискурс о женском нашел в истерии, «открытой» психоанализом и медициной (ср. FOUCAULT 1961, DIDI-HUBERMAN 1982). Истеричка якобы не признает свою природную женскую роль, она не хочет принять, согласиться со своей половой идентичностью и находится во власти бессознательных сексуальных желаний, которые допускаются только для мужчин (EIBLMAYR 1993). Нет ничего удивительного в том, что нижняя часть живота (*hystera* в переводе означает матку) считалась источником этой болезни, которая проявлялась в судорожных приступах.

Обозначение «художница» является не столько названием профессии, сколько служит стереотипом, который закрепляет за художницами и их произведениями признаки и качества, выводимые из биологических различий между полами. В качестве дальнейших структурирующих категорий дифференциации с конца XVIII в. используются «природа» и «культура». Стереотип «художница» позволяет отграничивать женское искусство, умаляя его значение, от «большого», т. е. «мужского» искусства, и вытеснять его в область скромных жанров (прежде всего, в жанр цветочного натюрморта), или в декоративно-прикладное искусство. Точное изображение природы и служащее практическим целям рукоделие считалось надлежащим полем деятельности для женщины, которая в силу выполняемой ею функции размножения относилась к сфере «природного». Вопрос о том, почему работа женщин по дому обладала более низким статусом, чем работа мужчин за пределами дома, находится в компетенции феминистской антропологии и, в частности, структурного анализа, опирающегося на работы Клода Леви-Стросса⁴.

---

⁴ Claude Lévi-Strauss (под. 1908) – французский теоретик культуры. (Прим. ред.)

Несмотря на это, или, как считают Паркер и Поллок, именно в результате этого художницы существовали. Говорить о них как о группе непросто, поскольку при этом существует опасность оказаться во власти старых или новых стереотипов. Исследовательницы не стремятся к закреплению обобщенного образа художницы, а описывают изменяющиеся возможности, сферы, а также границы художественного творчества женщин в ходе истории. Поллок и Паркер не упускают из виду подчиненного положения женщин во властных структурах общества и культуры, не пытаются создать женскую идентичность как противоположность доминантной и не нуждающейся в определении мужской идентичности. Однако они постоянно подчеркивают, что женщины находятся не вне истории и культуры, а лишь занимают другие позиции, проявляют себя в других сферах по сравнению с мужчинами. Несмотря на то что женщины почти не могли влиять на язык и официальные коды искусства, они все-таки имели возможность высказаться.

В статье *Нарисованные дамы* Поллок и Паркер рассматривают трудности этой артикуляции (PARKER/ROLLOCK, 1981: Painted Ladies). Они указывают на неизбежность того изобразительного языка, который развивался в процессе коммуникации между авторами преимущественно мужского пола и зрителями. Сопоставление автопортретов Модерсон-Беккер и Валадон⁵, где художницы изображают себя обнаженными, и портретов обнаженных женщин на картинах Гогена и Ренуара показывает, как трудно уйти от традиционно и конвенционально фиксированного значения изобразительных знаков или наделить их другим значением. Поллок и Паркер сомневаются в том, что если автором картины будет женщина, то произойдет сдвиг сексуальных коннотаций, вызванных сравнением фруктов с женской грудью, а в обычной иерархии отношений наблюдателя и

---

⁵ Paula Modersohn-Becker – немецкая художница (1876–1907); Suzanne Valadon – французская художница (1865–1938). (Прим. ред.)

наблюдаемого (мужской субъект и женский объект) мужчина и женщина поменяются ролями.

Вопрос знаковой кодировки изображения и ее инверсии затрагивает важную стратегию феминизма – маскарад, которому приписывается функция маркировки (BUTLER 1990, 1993; WEISSBERG). Произведения, обыгрывающие традиционные образцы, фигуры и обозначения, разоблачают их именно в этом качестве, лишают их «естественного» значения и таким образом не допускают прежнего способа их толкования. «Перевертыши» и маскарады являются средствами, при помощи которых нарушаются традиционные схемы восприятия (например, мужская обнаженная натура представляется не в контексте героики, а в ее волнующей чувственности; а женская обнаженная натура, обычно представляющая собой пассивный объект суверенного мужского взгляда, здесь смотрит в глаза зрителя). Однако маскарад не фиксирует новых значений, он делает очевидным, что закрепление значений является делом зрителя и зависит от его ожиданий, исходных позиций и представлений.

В то время как в Англии выдвигались тезисы об избирательном искусстве как совокупности фаллически кодированных знаков и о конституировании значения при восприятии художественных произведений, в США проводились феминистские гиноцентрические исследования (GOURMA PETERSON/MATTHEWS, PARKER/POLLOCK 1987, SCHULTE). Не оспаривая того, что коды изображения в западноевропейском искусстве формировались на оси мужского желания, авторы американских исследований иначе акцентируют свой научный интерес. Стратегиям, направленным на выявление гендерных конструкторов, они противопоставляют попытку положительного описания женственности. Авторы настаивают на возможности существования «женского искусства». При этом решающая роль отводится телу и способам, позволяющим выражать это тело или себя через него (SHOWALTER). По их мнению, женское искусство за счет смещения угла зрения и нарушения привычного визуального восприятия достигает статуса «диссидента» и «подрывателя устоев» в фаллоцентрической системе репрезентации (ROSE).

Лиза Тикнер рассматривает «женское искусство» как эффективное средство борьбы с утверждениями о женской неполноценности и «зависти к пенису», которые основываются на распространенных психоаналитических положениях (ТИКНЕР 1978). Попытку создания монографии о художницах предпринимали как авторы, использующие метод деконструкции, так и исследовательницы истории искусств, отыскивающие в художественных произведениях следы «женского». [...]

Обратившись к методам деконструкции и психоанализа и соединив их с критикой идеологии, Поллок и Паркер тем самым изменили постановку вопросов в феминистской истории искусств. С 80-х годов во главу угла ставится само написание истории искусств, хотя обстоятельства жизни и творчества художниц, а также общественные и политические механизмы их вытеснения по-прежнему являются важными темами исследований. Речь идет не о включении художниц и их произведений в историю искусств согласно привычным историографическим образцам, а о разоблачении идеологий и предположений, которые лежат в основе нашего понимания искусства, а также о сложном комплексе желаний и страхов, которые определяют художественное творчество и восприятие искусства. В результате такого анализа открываются новые перспективы для рассмотрения и описания отдельных произведений.

История рецепции является важным инструментом для феминистской историографии искусств. В художественной критике формулируются и устанавливаются представления об искусстве, которые быстро признаются непреложной истиной. Анализ критических трудов показывает, что подобные рассуждения являются и рассуждениями о полах. Искусство как область производства смыслов и истины оказывается местом борьбы за власть и репрезентации⁶.

---

⁶ Понятие репрезентации, которое используется в философии, теории искусства и политике, можно в широком смысле определить как процесс конституирования смысла. Репрезентация является процессом представления (замещения) чего/кого-то *через* что/кого-то *для* чего/кого-то. Репрезентация является составной частью знаковых систем в искусстве, литературе и музыке. (Прим. ред.)

Мишель Фуко охарактеризовал XIX век как время новой спецификации индивида (FOUCAULT 1976, 1966, 1961). Сексуальность индивида становится признаком, с помощью которого расшифровывается его облик, жесты и действия. Под предлогом запрета конституируется сексуализированное тело и умножаются желания. Сексуализация индивида сопровождается расхождением полов, которые теперь при описании их признаков и функций четко разделены. Это разделение осуществляется посредством отграничений и предписаний. В них проявляются новые формы власти. По мнению Фуко, власть в XIX веке оперирует не правом и репрезентацией, а стратегическими техниками. Если раньше она считалась привилегией, которую нужно было удерживать, то теперь она представляет собой систему постоянно напряженных и активных отношений. Вопреки представлениям о власти как лишь вытесняющей, подавляющей и маскирующей, Фуко указывает и на ее продуктивность: она порождает знание и не только использует его, но и создает дискурсы, которые с тактической точки зрения являются вполне поливалентными; кроме того, власть разнообразными способами связана с чувственным желанием.

Феминистская история искусств, опираясь на выводы Фуко, распространила их на отношения между властью, полом и искусством. Отказ от представления о власти как о силе, которая сознательно формируется и насильственно берет верх, означает конец риторики жертвы. Исследование технологий власти, ее тактик и практики подтвердило доминирование мужского. Однако вместе с тем при описании сфер действительности и ритуализации истины проявилась функция женского как структурирующей категории. В XIX веке принадлежность к определенному полу была решающим признаком, который ограничивал жизнь каждого человека определенными рамками, отводил ему определенные роли, предоставлял или делал для него недоступными определенные сферы. Принадлежность к тому или иному полу регулировала и те области, которые казались нейтральными, не зависящими от пола и подчиненными другим правилам. Например, искусство всегда считалось областью производства общих, обязательных истин, а художник рас-

сма тривался как – хотя и несколько необычный в силу своей гениальности – носитель высших человеческих качеств и способностей. Феминистская позиция разоблачила фигуру художника как конструкт, который возник из не подвергаемых сомнению предположений об искусстве и мужественности и опирался на специфическое понимание субъекта. Представление о когерентном, идентичном самому себе субъекте, которое складывалось со времен эпохи Просвещения, разоблачается как мужская проекция, как эффект нарциссического желания; произведение искусства как продукт субъекта, по мнению исследовательниц, было призвано доказывать истинность этой проекции. Отсюда становится очевидной необходимость деконструкции положения о единстве художника и его произведений (ВАРТИЕС 1984, FOUCAULT 1969). Попытку такой деконструкции феминистская история искусств предпринимает при помощи психоанализа. Картина предстает не как продукт воли художника, не как индивидуальное выражение, а как место пересечения желаний, страхов и фантазмов. Сам художник превращается во фрагментарный, расщепленный субъект, в сознании которого скрещиваются – проблематизированные – идентичности. Лишь в результате рассуждений о нем он конституируется как когерентный субъект. Вместе с деконструкцией фигуры художника перестает существовать и большой нарратив «История искусств», разоблачается его фиктивный характер (WHYTE). Кроме того, возрождаются из небытия имена художниц, однако описания их жизни и творчества отличаются от привычных образцов биографического жанра. Цельный образ личности – создателя «произведения» – распадается на взаимно пересекающиеся и наслаивающиеся грани.

Доминирование мужского художника-мужчины закреплялось не только в дискурсах, которые – на основании биологической функции размножения – оспаривали наличие у женщин всякого творческого художнического потенциала. Строгая иерархия отношений наблюдаемого и наблюдателя представляла собой еще один важный регулятор художественного творчества, который в отношении женщин действовал на двух уровнях. Как показал Мишель Фу-

ко, в XIX веке индивиды квалифицировались в соответствии с категориями, которые церковь, медицина и психиатрия возвели в норму. Эти категории способствовали закреплению общественного положения индивида, которое аргументировалось ссылками на закономерность и природу и поддерживалось с помощью надзора и контроля (FOUCAULT 1975). Действия женщин в социальной жизни находились под постоянным наблюдением общественности, которая закрывала им доступ к важным формам художественной деятельности. Как наиболее часто представленный в изобразительном искусстве сюжет женщины являлся также объектом односторонних отношений «наблюдатель – наблюдаемое». Женщины – речь, разумеется, идет исключительно о представительницах низших слоев – предоставляют себя в качестве натурщиц в распоряжение мужчины, который изменяет облик их тела и лица, превращает женскую фигуру в материал и фон для самовыражения и предлагает ее взгляду зрителя.

Решающий шаг к анализу отношений между представленной женской фигурой и наблюдающим мужским взглядом осуществило киноведение семидесятых годов. Лаура Малви в своей многократно цитировавшейся работе *Визуальное желание и повествовательное кино* объясняет зачаровывающее действие фильма тем фактом, что он удовлетворяет двойное желание, служащее для образования мужского Я (MULVEY). Фрейд относил скопофилию, т. е. наслаждение от просмотра, к сексуальным инстинктам и описывал ее как стремление сделать других своим объектом и подчинить их своему любопытному и контролирующему взгляду. Основанный на иллюзии характер фильма как нельзя лучше отвечает связанному со скопофилией вуайеристскому поиску личного и запретного. В игре завораживающего сходства и узнавания и в предоставлении различных идеальных Я он удовлетворяет и второе желание – нарциссической идентификации. Жак Лакан описал идентификацию с (зеркальным) изображением как важный шаг в процессе образования Я. Ребенок в первый раз узнает себя в зеркале к моменту, когда он ощущает себя ограниченным в своих моторных способностях. Так, он восторгается

своим отражением в зеркале, которое по сравнению с его собственным несовершенным телом он представляет полноценным и совершенным. Имагинированное совершенство, однако, не может обойтись без признающего взгляда других. Поскольку на узнавание отражения собственного тела накладывается непризнание превосходства этого изображения, то субъект чувствует не собственную когерентность и единство с самим собой, а расщепленность и фрагментарность. Приобрести идентичность он может только в области воображаемого, матрицей которого является (зеркальное) изображение, первая артикуляция его Я (Lacan 1966).

Фильм удовлетворяет двойное желание зрителя – скопофилии и идентификации, но направлено это только на мужского зрителя. На примере Голливуда Малви показала, каким образом в фильме интерпретируется, утверждается и обыгрывается гендерная дифференциация. Несмотря на то что женщины постоянно присутствуют в фильме, они не имеют значения сами по себе, а только в связи с тем, что они репрезентируют или вызывают. Как подчеркивает Малви, фантастический мир экрана подчинен законам, которые он сам создает. В мире, порядок которого основан на сексуальном неравновесии, желание смотреть также делится на активное/мужское и пассивное/женское. Это значит, что женщина выполняет функцию экспоната, который является пищей для фантазий и навязчивых идей мужского зрителя. Идентификация зрителя с мужским героем приводит к тому, что женская фигура не только подчиняется взгляду зрителя на расстоянии, но и становится объектом воображаемого активного контроля. Являясь одновременно объектом сексуальных и властных фантазий, женская фигура обозначает не «женщину», а мужское желание и мужские страхи. В ней становится очевидным парадокс фаллоцентризма, который опирается на образ пассивной, беспомощной, т. е. кастрированной женщины, чтобы внести в свой мир порядок и придать ему значение.

Понятие фаллоса в том виде, как его разработал психоанализ (ср. WEBER), играет в феминизме ведущую роль (ROSE). Фаллос маркирует переход от воображаемого к

символическому, т. е. от области идентификаций, матрицей которых является образ (зависящий от признания «чужим взглядом», чаще всего взглядом матери), к миру репрезентаций и языка, законы которого устанавливаются от имени отца. При взгляде на женщину разрушается нарциссическая теория мальчика, нацеленная на достижение тождественности с собственным отражением. То, что он видит, описывается не как нечто другое, а как «ничто», как недостаток, который содержит самую страшную угрозу – угрозу потери пениса. Именно комплекс кастрации превращает фаллос в привилегированный знак символического порядка, заявляющий о различиях и одновременно вытесняющий их. Смешение категорий символического и биологического приводит к тому, что мужской пол оказывается репрезентантом фаллоса, а форма этой репрезентации становится субстанциональной. Мужчина как обладатель пениса становится владельцем фаллоса, а лишенная пениса женщина – знаком кастрации, недостатка как такового. Для мужского страстного стремления к идентичности женщина как воплощение недостатка представляет собой угрозу, которая устраняется путем обесценивания и фетиширования.

Киноведение показало, что в системе репрезентации, определяемой фаллосом, женская фигура выполняет функцию объекта, на который проецируются мужские желания и страхи. Оно показало, каким образом изображение полов регулируется иерархией отношений наблюдателя и наблюдаемого. История искусств предприняла попытку расшифровать проекции, содержащиеся в изобразительном знаке «женщина», и представить женскую фигуру как поле мужских маркировок. Отличие картины от фильма состоит в ее неподвижности, а также в отсутствии в ней основанного на иллюзии повествования. Нарративность уступает место иконности, что способствует фетишизации. Представления о женском наиболее ярко проявляются в изображении женского. Став видимыми, они не только обладают большей силой убеждения, но и утрачивают тот привкус идеологичности, который часто характерен для слова. Кроме того, благодаря красоте изображения они предстают во всем блеске, который делает идентификацию с репрезентируемыми

представлениями такой соблазнительной. Таким образом, картины можно описать как результат и как источник суждений о женском.

Женщина как знак была предметом исследований Гризельды Поллок, Розики Паркер и Марсии Пойнтон. Они опираются на феминистское толкование психоанализа, попытку которого предприняла Жаклин Роз. Критикуя психоанализ, Роз использует его же оружие и, таким образом, делает его плодотворным для интересов феминистской науки. Ее размышления об обстоятельствах возникновения психоаналитических гипотез и моделей, основанные на критике идеологии, позволяют описать политический аспект психоанализа (ROSE). Опираясь на работы Роз и применяя методы семиотики, Паркер, Пойнтон и Поллок показывают, как изображенное женское тело становится местом дискурса о поле и половой принадлежности. Их исследования объясняют также, каким образом женская фигура становится, с одной стороны, местом производства смыслов в искусстве вообще, а с другой стороны, позволяет поставить это производство смыслов под вопрос. Изобразительный знак «женщина» содержит как заявления о власти посредством презентации желанного женского тела, так и постоянную угрозу кастрации, которая имманентно присуща женскому. Значение этого изобразительного знака не поддается определению, поскольку он связан не с реальностью, отражение которой можно было бы обнаружить в нем, а с другими такими же неустойчивыми репрезентациями. Анализ женской фигуры в картинах указывает на то, что расшифровка изобразительных знаков требует обращения к бессознательному, которое структурирует создание и восприятие знаков. Полная деконструкция изобразительного знака «женщина» разрушает дающую хоть какие-то точки опоры иллюзию того, что знак непосредственно соотносится с референтом (TICKNER 1988). Знак является скорее элементом в цепи сигнификантов, его значение смещается в зависимости от места, которое ему отводят реципиенты, занимающие разные позиции.

По мнению Лизы Тикнер, феминистская история искусств должна обратиться к исследованию системы разли-

чий и различий, которая вызвала и упрочила гендерную дифференциацию. Она подчеркивает необходимость дискуссий об изобразительном языке, который служит для производства различий по признаку пола и является важной ареной борьбы за репрезентацию. В то же время она предостерегает от политического прагматизма, который отвергает деконструктивистские попытки, ссылаясь на то, что в них якобы нет указаний по их применению. Однако, как считает Тикнер, «феминистки не могут сделать окончательный выбор между потребностью выявлять различия по признаку пола и исследованием феминности.» (TICKNER 1988).

Феминистские исследовательницы истории искусств, с одной стороны, используют деконструктивистские методы, которые не допускают закрепления значений⁷. Пол рассматривается как социальная категория и продукт символического порядка. С другой стороны, они пытаются описать область женского опыта. [...] С 70-х годов художницы и женщины-искусствоведы работали над тем, чтобы сделать женщину субъектом взгляда и избавить ее от статуса образа. Именно дискуссии с художницами и зрительницами побудили феминисток к попытке по-другому заполнить поля «страсть» и «желание», где прежде доминировали мужчины.

Существуют феминистские исследования истории искусств, которые предпринимают попытку поставить под вопрос концепцию «идентичности». Авторы этих исследований показывают⁸, что то, что предстает как внутреннее единство, однородность или даже самотождественность, на самом деле является следствием разделения, исключения и подчинения. В противовес предположениям о существова-

---

⁷ Данная статья является предисловием к сборнику *Rahmenwechsel: Kunstgeschichte als Kulturwissenschaft in feministischer Perspektive*. И Беате Зёнтген говорит здесь в первую очередь о Л. Нохлин, Т. Гарб, Р. Паркер, Г. Поллок, М. Пойнтон и Л. Тикнер, работы которых представлены в вышеупомянутом сборнике. (Прим. ред.)

⁸ Имеются в виду авторы упомянутого сборника. (Прим. ред.)

нии когерентной идентичности они говорят о необходимости теории субъектности, которая бы учитывала бессознательное и видела субъект в его зависимости, с одной стороны, от его желаний, а с другой – от экономических условий. Идентичность распадается на несколько идентичностей в соответствии с осями «пол», «раса» или «класс». Тот факт, что феминистские искусствоведы связывают области своих исследований с вопросами о власти и идеологии, вытекает из их позиции, при которой они понимают теоретическую работу как политическое действие. [...]

Стремлению написать единую Историю и зафиксировать значения исследовательницы истории искусств противопоставляют выявление повествовательных образцов и условий, при которых происходит производство и приписывание смыслов. Их подход к картине свидетельствует о том, что они заинтересованы не в закреплении значений, а в рефлексии о выбранных рамках. [...]

Перевод Элины Майер

В оригинале

Beate Söntgen: Den Rahmen wechseln. Von der Kunstgeschichte zur feministischen Kulturwissenschaft. In: Rahmenwechsel. Kunstgeschichte als Kulturwissenschaft in feministischer Perspektive. Hrsg. von Beate Söntgen. Berlin 1996. S. 7–23.

Список литературы

- BARTHES Roland: Le bruissement de la langue. Essais critique IV. Paris 1984.
- BERMINGHAM Anne: The Aesthetics of Ignorance: The Accomplished Woman in the Culture of Connoisseurship. In: Oxford Art Journal 16/2 (1993), p. 2–20.
- BUTLER Judith: Gender Trouble. New York 1990. [Dt.: Das Unbehagen der Geschlechter. Frankfurt/M. 1991.]

- BUTLER Judith: Bodies that Matter. New York 1993. [Dt.: Körper von Gewicht. Berlin 1995.]
- DIDI-HUBERMANN Georges: Invention de l'hystérie. Charcot et l'iconographie photographique de la Salpêtrière. Paris 1982.
- EIBLMAYR Silvia: Die Frau als Bild. Der weibliche Körper in der Kunst des 20. Jahrhunderts. Berlin 1993.
- FOUCAULT Michel: Histoire de la sexualité, I: La volonté de savoir. Paris 1976. [Dt.: Sexualität und Wahrheit, Bd. I: Der Wille zum Wissen. Frankfurt/M. 1977.]
- FOUCAULT Michel: Surveiller et punir. La naissance de la prison. Paris 1975. [Dt.: Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses. Frankfurt/M. 1976.]
- FOUCAULT Michel: Qu'est-ce qu'un auteur? In: Bulletin de la Société française de Philosophie Juli-Sept. 1969. [Dt.: Was ist ein Autor? In: Michel Foucault: Schriften zur Literatur. München 1974, S. 7–31.]
- FOUCAULT Michel: Les mots et les choses. Paris 1966. [Dt.: Die Ordnung der Dinge. Frankfurt/M. 1971.]
- FOUCAULT Michel: Histoire de la folie à l'âge classique. Paris 1961. [Dt.: Wahnsinn und Gesellschaft. Eine Geschichte des Wahnsinns im Zeitalter der Vernunft. Frankfurt/M. 1969.]
- GARB Tamar: Renoir and the Natural Woman. In: Oxford Art Journal 8/2 (1985), p. 3–15.
- GOUMA-PETERSON Thalia / Patricia MATHEWS: The Feminist Critique of Art History. In: The Art Bulletin LXIX, 3 (1987), p. 326–357.
- LACAN Jacques: La stade du miroir comme formateur de la fonction de Je [1949]. In: Ecrits. Paris 1966, S. 93–100. [Dt.: Das Spiegelstadium als Bildner der Ichfunktion, wie sie uns in der psychoanalytischen Erfahrung erscheint. In: Jacques Lacan: Schriften, Bd. 1. Hrsg. von N. Haas / H.-J. Metzger. Freiburg 1973, S. 61–70.]
- MULVEY Laura: Visuelle Lust und narratives Kino. In: Gisind Nabakowski / Helke Sander / Peter Gorsen (Hrsg.): Frauen in der Kunst. Bd. I. Frankfurt/M. 1980, S. 30–46.
- NOCHLIN Linda: Why Have There Been No Great Women Artists? [1971] In: Women, Art and Power and Other Essays. London 1989.

- PARKER Rozsika / Griselda POLLOCK (Hrsg.): *Framing Feminism. Art and the Women's Movement 1970–1985*. London/New York 1987.
- PARKER Rozsika / Griselda POLLOCK: *Old Mistresses. Women, Art and Ideology*. London 1981. [Darin: *Painted Ladies*.]
- ROSE Jacqueline: *Sexuality in the Field of Vision*. London 1986. [Darin: *Femininity and its Discontents*.]
- SCHULTE Susanne: *Drei Grundpositionen feministischer Literaturwissenschaft*. In: Torsten Hitz / Angela Stock (Hrsg.): *Am Ende der Literaturtheorie? Neun Beiträge zur Einführung und Diskussion*. Münster 1995, S. 98–114.
- SHAW Jennifer L.: *The Figure of Venus: Rhetoric of the Ideal and the Salon of 1863*. In: *Art History* 14/4 (1991), p. 540–570.
- SHOWALTER Elaine (Hrsg.): *The New Feminist Criticism*. New York 1985.
- SUTHERLAND HARRIS Ann / Linda NOCHLIN (Hrsg.): *Women Artists: 1550–1950*. [Katalog zur Ausstellung 1976/77].
- TICKNER Lisa: *Feminism, Art History and Sexual Difference*. In: *Genders* 3, 1988. [Dt.: *Feminismus, Kunstgeschichte und der geschlechtsspezifische Unterschied*. In: *kritische berichte* 18/2 (1990), S. 5–36.]
- TICKNER Lisa: *The Body Politic: Female Sexuality and Women Artists Since 1970*. In: *Art History* 1 (1978), p. 236–251.
- VINKEN Barbara (Hrsg.): *Dekonstruktiver Feminismus. Literaturwissenschaft in Amerika*. Frankfurt/M. 1992.
- WEBER Samuel: *Rückkehr zu Freud. Jacques Lacans Ent-Stellung der Psychoanalyse*. Wien 1990.
- WEISSBERG Liliane (Hrsg.): *Weiblichkeit als Maskerade*. Frankfurt/M. 1994.
- WHITE Hayden: *Metahistory. The Historical Imagination in 19th.-Century Europe*. Baltimore/London 1973. [Dt.: *Metahistory. Die historische Einbildungskraft im 19. Jahrhundert in Europa*. Frankfurt/M. 1994.]

*Алла Кирилина
Любовь Маслова*

УСТНАЯ НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ГЕНДЕРА И СТАТУСА
КОМПЕТЕНТНОГО ЛИЦА

Несмотря на интенсивность гендерных исследований в отечественной и зарубежной гуманитарной науке, профессиональное общение в этом аспекте изучено недостаточно.

Профессиональным общением (или профессиональной коммуникацией) мы называем общение представителей одной и той же профессии в определенном общественном институте, представляющее собой взаимодействие на рабочем месте с целью решения конкретных профессиональных задач, в данном исследовании – научных.

Ш. Кендалл и Д. Таннен выделяют две основных группы исследований гендера в профессиональной коммуникации:

- 1) работы, изучающие общение представителей обоих полов в коллективе (how women and men interact in groups);
- 2) работы, посвященные выявлению того, как в профессиональной коммуникации происходит конструирование статуса эксперта, т. е. авторитетного и компетентного лица (how men and women enact authority in professional positions) (KENDALL, TANNEN, 1997, p. 81).

Кроме того, в ряде работ, относящихся и к первой, и ко второй группам, рассматривается, как **выбор вербальных средств, используемых мужчинами и женщинами, влияет на то, какую оценку они получают** (BARON, 1996, 1998, КоттнOFF, 1997).

В условиях так называемого лингвистического поворота в гуманитарном знании и расширения границ лингвистики особую актуальность приобретают идеи социоконструктивистского подхода к языку и коммуникации, а также к самому феномену науки и научного общения (BERGER, LUCKMAN, 1967, GUMIN, MEIER (Hrsg.), 1992).

Представление о знании как отражении реальности сменилось представлением о социальном конструировании реальности, где в фокусе рассмотрения находятся интерпретация и обсуждение значений в социальном мире. Социоконструктивизм, исходящий из того, что действительность не доступна «объективно», а создается или конструируется обществом, рассматривает язык в качестве одного из средств конструирования. Все параметры человеческой идентичности интерпретируются социоконструктивистами не как априорно заданные величины, а как коммуникативно конструируемые сущности. Это позволяет изучать язык как средство доступа к знанию о нелингвистических феноменах.

С позиций социального конструктивизма из целого ряда определений науки мы выбираем то, которое рассматривает науку как социальный институт, а научная коммуникация выступает в этом случае как институциональное общение, так как является неотъемлемой частью функционирования социального института науки.

Далее мы рассмотрим конструирование параметра *гендер* в устной научной дискуссии и коммуникативно-прагматические «последствия» этого процесса, связанные с параллельным конструированием так называемого «статуса эксперта», или статуса авторитетного лица¹.

Гипотеза исследования: гендерная специфика выражения согласия / несогласия в устной научной дискуссии проявляется в виде тенденций к выбору коммуникативных тактик, имеющих неодинаковую коммуникативно-прагма-

---

¹ О статусе эксперта см.: КОТТЮФФ 1997, ВАРОН 1996, БАРОН 2005; о понятии близкой ему категории авторитетности см.: БОЛДЫРЕВА, КАШКИН 2001; БОЛДЫРЕВА 2006.

тическую значимость, и выступает в неразрывной связи с вербальным конструированием статуса компетентного лица, называемого также категорией авторитетности.

Современные концепции исследования гендера (см. ВАРОН, 1996) требуют проводить собственно гендерный анализ на завершающей стадии исследования. Необходимым же предварительным этапом работы должно быть описание общих условий протекания коммуникации. В нашем случае это материал и способ его получения, жанр, институциональные особенности, способы выражения согласия/несогласия (С/НС) в устной научной дискуссии.

Материал исследования: для создания эмпирической базы методом *включенного наблюдения* собран корпус аутентичных аудиозаписей устных научных дискуссий, проводившихся на семи научных форумах гуманитарной направленности, проходивших в вузах г. Москвы в период с 2005 по 2006 год², общим объемом около 40 часов. Формат научного форума (конгресс, симпозиум, семинар, конференция, круглый стол) в данном случае не имел значения; единственным обязательным требованием было наличие дискуссии, протекающей в неподготовленном режиме. Далее термином *конференция* мы называем научный форум любой жанровой разновидности. Под дискуссией мы понимаем вид академической коммуникации, процесс обмена мнениями, происходящий после представления доклада на научном форуме.

Для письменной передачи собранного корпуса устных научных дискуссий выбрана орфографическая запись с использованием системы обозначений, принятых в трудах

---

² Конгресс «Философия – будущее цивилизации», симпозиум «Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности», семинар «Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения», конференции «Функциональные стили звучащей речи», «Языковые механизмы комизма», «Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы», «Эвристический потенциал концепций профессоров Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс».

по исследованию устной речи (Русская разговорная речь, 1978; МАКАРОВ, 2003).

Анализ критических реплик участников дискуссии выявил, что ведущей стратегией изучаемого вида коммуникации является стратегия неконфронтативности. Она требует от участников научной дискуссии смягчать категоричность критического выступления. Именно такой способ выражения несогласия является институциональной нормой вербального поведения в коммуникативной ситуации «Научная конференция» (наш материал, однако, фиксирует случаи нарушения этой институциональной нормы).

Научная коммуникация, представляющая собой совокупность различных видов профессионального общения представителей научного сообщества, является неотъемлемой частью функционирования науки как социального института. Данный факт позволяет рассматривать большинство видов научного общения как преимущественно институциональные.

Устной научной дискуссии посвящен ряд научных трудов: анализируется дискуссия как жанр (СЛАВГОРОДСКАЯ, 1986), исследуются способы выражения некатегоричности, принятые в научном диалоге, (ЩУКАРЕВА, 1980, 1985), изучаются синтаксические особенности языка научной дискуссии (СЛАВГОРОДСКАЯ, 1976; НИСТРАТОВА, 1985), рассматривается прагматика вопросов (ВИКУЛОВА, 1991), способы выражения оценки (АЛЕКСАНДРОВА, 1986). Материалом для данных исследований послужил английский (ЩУКАРЕВА, 1980, 1985; АЛЕКСАНДРОВА, 1986; ВИКУЛОВА, 1991) и немецкий языки (СЛАВГОРОДСКАЯ, 1986). В четырехтомной монографии «Современная русская устная научная речь» под редакцией О.А. Лаптевой (1985-1999) освещаются монологические выступления в устной научной дискуссии. Указанные труды выполнены, однако, с позиций системно-функциональной методологии. Социокогнитивистский же подход требует смещения акцента на характеристики участников и обстоятельств общения, а также на национально-культурную специфику научной коммуникации и традиции ее изучения. Особый интерес в связи с этим представляют институциональные особенности научного общения.

Институциональный характер научной коммуникации проявляется в регламентированности научной дискуссии. Академическая коммуникация наиболее высокой степени публичности и официальности обнаруживает значительно больше ограничений и регламентированности содержательного, временного и личностного характера, нежели менее структурированные коммуникативные ситуации.

В области выражения согласия/несогласия институциональность проявляется в преобладании косвенных способов выражения согласия и особенно несогласия, а также в зависимости средств выражения С/НС от статусных и ролевых характеристик коммуникантов. Так, обнаружена «асимметрия прав» докладчика и участника дискуссии – первый находится в более жестких рамках. Институциональность ситуации накладывает большее количество ограничений на поведение докладчика.

Зафиксированы, однако, весьма многочисленные нарушения институциональных рамок, что свидетельствует о нежестких границах изучаемой коммуникативной ситуации в отечественной академической традиции, а также демонстрирует расхождения в моделируемом и реальном вариантах научной коммуникации. Так, в теоретической модели научного профессионального общения главная роль отводится полемике и дискуссии как проявлениям организованного скептицизма, по Р. Мертону (Мертон, 1973). Эмпирия же показала иную расстановку приоритетов: материал содержит многочисленные нарушения институциональной рамки «доклад – дискуссия». Недостаток времени приводит к отмене дискуссий, но никогда к отмене доклада. Наблюдение также выявило, что бурная полемика, соответствующая общепризнанному императиву научного этоса, не всегда приветствуется. Продолжительная полемика также является довольно редким явлением и – по крайней мере, по нашим наблюдениям – свидетельствует о том, что полемизирующий не является истинным/признанным членом научного сообщества и, скорее всего, пришел «со стороны».

В исследовании институционального общения существенны статус и роль коммуникантов. В научной литерату-

ре нет единства в видении как самих этих понятий, так и границ между ними (Крысин, 1989; Стернин, 2001; Китайгородская, Розанова, 2003).

Наше понимание роли приближено к трактовке Т.А. ван Дейка, который при характеристике участников коммуникации предлагает выделять функции (например, «отец», «слуга», «судья» и т. д.), отношения (например, превосходство, авторитет), свойства (пол, возраст) и позиции (роли, статусы и т. д.) (ван Дейк, 1989, с. 23). Позиции в терминологии ван Дейка, таким образом, в определенной мере соотносятся с понятиями *роли* и *статуса* в трактовках других авторов, что также служит подтверждением того, что границы между обсуждаемыми понятиями довольно размыты. Наши наблюдения также демонстрируют нечеткость границ этих понятий и сложность их разграничения.

Вслед за Х. Коттхофф и Б. Барон (Коттхофф, 1997; Барон, 1998) мы разграничиваем такие понятия, как внешний и внутренний статус. Внешний (сформированный) статус создается в результате предшествующей деятельности, известной профессиональному сообществу; внутренний (формируемый ситуативно) статус возникает в результате взаимодействия в данной коммуникативной ситуации.

Специфика эмпирического материала потребовала выбора двухступенчатой операциональной единицы анализа – реплики и речевого акта, причем реплика соответствует формальным, а речевой акт – содержательным границам единицы в речевом потоке. Реплика – «фрагмент дискурса одного говорящего, отграниченный речью других» (Макаров, 2003, с. 184). Реплика может совпадать с речевым актом, а может содержать два и более речевых акта. Речевой акт интерпретируется традиционно, т. е. по иллокутивной цели.

Способы выражения согласия/несогласия в устной научной дискуссии

Анализ словарных дефиниций, критическое осмысление работ, посвященных согласию/несогласию (Поройкова, 1976; Галактионова, 1995; Лекант, 1991; Озаровский,

1974, 1976; и др.), а также применение индуктивного метода при исследовании эмпирического материала – аудиозаписей научных дискуссий – заставил нас разработать широкий подход к трактовке терминов *согласие* и *несогласие*. **Согласие** понимается не только как выражение совпадения мнений, позиций, точек зрения, но и как положительная оценка, одобрение. **Несогласием** считается любой вид критики, сомнение в правильности или приемлемости определенной позиции, возражение, опровержение. При идентификации согласия/несогласия в тексте научной дискуссии мы опирались на наше знание как узкого контекста ситуации, так и широкого (понимание институциональной специфики изучаемой ситуации).

Далее разработана классификация согласия/несогласия в устной научной дискуссии с опорой на два критерия: а) направленность на того или иного участника коммуникации; б) степень эксплицитности выражения.

В зависимости от первого критерия выявлены 5 видов согласия:

- 1) участника дискуссии с докладчиком,
- 2) одного участника дискуссии с другим участником дискуссии,
- 3) согласие докладчика с похвалой,
- 4) согласие докладчика с критикой,
- 5) согласие докладчика или участника дискуссии с третьим лицом;

4 вида несогласия:

- 1) несогласие участника дискуссии с докладчиком,
- 2) несогласие одного участника дискуссии с другим,
- 3) несогласие докладчика с критикой,
- 4) несогласие докладчика или участника дискуссии с третьим лицом.

По степени эксплицитности выражения выявлено прямое и косвенное согласие/ несогласие. *Прямым* считалось С/НС, содержащее соответствующие формальные маркеры. К *косвенному* отнесены речевые акты, которые не содержат языковых маркеров С/НС, однако имплицитуют

его. Распознавание такого С/НС обеспечивается включенным наблюдением и, прежде всего, знанием исследователя об актуальной коммуникативной ситуации.

Специфика анализируемого материала по сравнению с моделями, разработанными на доэмпирической стадии теоретизирования, состоит в следующем:

1) анализируемые виды согласия и, главным образом, несогласия в собранном аудиоматериале «в чистом виде» встречаются редко; практически всегда они полифункциональны;

2) обнаруживается очевидное и значительное преобладание косвенных видов выражения согласия и особенно несогласия.

Названные факты затрудняют идентификацию как операциональной единицы исследования, так и речевого акта согласие/несогласие, что требует выявления дополнительных невербальных и контекстуальных идентификационных признаков, которое, в свою очередь, может обеспечиваться лишь применением метода включенного наблюдения. Включенное наблюдение, таким образом, представляет собой неотъемлемую составную часть исследования и является обязательным методом при сборе и изучении аудиоматериала, позволяя получать актуальную невербальную информацию, создать необходимые для интерпретации материала фоновые знания, а также использовать рефлексию и интроспекцию носителя языка.

Институциональность научной дискуссии в плане выражения согласия / несогласия проявляется в предпочтении косвенных форм выражения. Значительное количественное преобладание речевых актов косвенного несогласия, обнаруженное в устной научной дискуссии, свидетельствует о том, что ведущей стратегией научной дискуссии является **неконфронтативность**. Таким образом, выявлена антинomia между целью научной дискуссии (полемика, спор, поиск истины) и формой проявления организованного скептицизма (по Р. Мертону). Несогласие, составляющее основу развития научного знания и являющееся, следовательно, обязательным атрибутом научной дискуссии, принято, однако, смягчать и даже маскировать.

Анализ речевых актов косвенного несогласия выявил две тактики, при помощи которых реализуется стратегия неконфронтативности в устной научной дискуссии: тактику *маскировки и смягчения несогласия* и тактику *предвосхищения критики*.

Тактика маскировки и смягчения несогласия реализуется с помощью следующих приемов.

- 1) Использование квазिवопросительных конструкций³, которые могут представлять собой:
  - единичный вопрос;
  - серию последовательных вопросов:

У1.⁴ Вопрос по основному термину// Э-э... мне кажется как носителю языка/ что многие единицы/ которые вы приводили в качестве примеров/ ограничиваются одним случаем употребления// Такие как «береги честь с молодую»/ и вот «под лежащую корову доярка не ползет»/ и так далее// Тогда возникает вопрос// А можем ли мы окказиональные выражения называть пословицами?

Д. <...>

У1. Тогда еще один вопрос по основному термину/ новые русские пословицы// Два эпитета/ которые сопровождают слово «пословицы»/ мгновенно вызывают реакцию с определенным социальным слоем// Социальным слоем/ который оценивается большинством носителей языка крайне негативно// Это сделано умышленно?

Д. <...>

У1. То есть вам бы не хотелось снять эту ассоциацию/ и назвать просто современными русскими пословицами? Так вот банально/ без игры//

Д. <...>

---

³ Квазिवопросами считались реплики, содержащие вопросительные конструкции или не содержащие таковых, но заявленные говорящим как вопросы, если последующий контекст подтверждает, что истинное намерение спрашивающего – несогласие, или если реплика воспринимается докладчиком как критика.

⁴ У – участник дискуссии, Д – докладчик.

У1. Вы знаете/ очень интересный доклад/ ничего не вызывает вопросов/ кроме названия//

Д. <...>

– утвердительную реплику, содержащую критику, квалифицируемую говорящим как вопрос:

У1. Вот у меня такой вопрос// Вот все/ что вы говорили о русском языке на примере «Евгения Онегина»/ наверно можно сказать про любой другой язык// Если мы имеем некоторое литературное произведение/ аналогичное «Онегину»// Вот очень интересно было бы на «Дон Жуана» взглянуть с этой точки зрения// Но тогда/ получается что это к языку не имеет отношения//

– повтор-переспрос, сопровождаемый экспрессивной интонацией:

У1. Для меня очень важно/ очень интересный доклад/ но мне важно выяснить// Вы в начале доклада заявили/ что вы будете говорить о проблеме концептуализации смеха и улыбки/ но фактически вы говорили о вербализации этого концепта// То есть вы не оговорились?

Д. Ну да/ я считаю что вербализация и определяет концептуализацию// Каждый язык по-своему концептуализует внеязыковую действительность/ и концептуализация определяется вербализацией//

У1. То есть вот эти все смеяться/ хохотать/ гоготать/ и так далее/ это что разные концепции?

Д. Да/ конечно//

У1. Это разные концепты?

Задавая квазивопросы, участники дискуссии часто используют формулы *У меня только краткий вопрос; Можно маленький вопрос? У меня только один вопрос; Единственный вопрос/ если позволите; Замечание маленькое; У меня такое маленькое соображение.* Используемые при этом лексемы *маленький, краткий, единственный, только один* смягчают категоричность критики.

Категоричность несогласия в устной научной коммуникации часто смягчается с помощью модальных средств, которые могут появляться также и в квазивопросах:

Но может быть лучше выбрать другой термин?
Может быть/ здесь просто неточность//
Может быть/ вы просто не очень корректно выразились//
Может быть/ здесь есть влияние именно ...?
А может быть дело не в .../ а в ...?
А не может ли...? и т. п.

2) Выражение несогласия под видом уточнения

В несогласии такого рода присутствует слово «уточнение» или близкие ему по значению лексемы: *Можно уточнить такую вещь//, У меня скорее уточняющий вопрос//, Скажите пожалуйста/ я хотел(а) уточнить просто//, Правильно ли я вас понял(а)//, Я наверное что-то не понял(а)//, Я просто (видимо) пропустил(а)//, Вы не оговорились?/ Вы возможно оговорились// и т. д.*

3) Применение формул снижения категоричности высказывания

К данным формулам были отнесены выражения типа: *по-видимому, по моим данным, насколько я знаю, насколько я понимаю, как мне представляется, как кажется и т. п.*

4) Выражение совета

В таких высказываниях присутствует слово *совет* или близкие по смыслу лексемы, а также говорящий часто эксплицитно указывает на возможную для докладчика пользу рекомендуемого действия: *Я надеюсь/ что это вам в общем-то поможет наверное в дальнейшем исследовании//; Вам наверное будет интересно узнать//; Может быть вам будет интересно//; Вам полезно сравнить//.*

5) Использование инициальной похвалы

Признаки этого вида несогласия - начальные, предшествующие критике формулы благодарности за *интересный доклад, интересное сообщение* и т. д. или характеристика выступления как *полезного, познавательного* и т. п.: *Спасибо большое за интересный доклад/ у меня вот такой вопрос//.*

Вторая из обнаруженных тактик – предвосхищение критики. Она, предположительно, является превентивной мерой против ожидаемых возражений, т. е. несогласия. Речевые акты (РА) такого рода чаще содержатся в тексте доклада, предшествующего дискуссии. Так, выступление может начинаться словами: *Я прошу прощения// Я э-э не претендую ни на какую законченную концепцию/ заранее говорю//.*

Приемами реализации этой тактики служат:

- 1) извинение как инициальная формула; извинение может не быть связанным с дальнейшим содержанием выступления;
- 2) перформативное высказывание с частицей *не* при глаголе, выражающем так сказать амбициозное желание: *я не претендую на..., я не обобщаю...* и т. п.;
- 3) предупреждение, выраженное моделью «наречие времени + глагол говорения»: *заранее говорю /сообщаю /информирую* и т. п., эксплицирующее незавершенность результата, о котором идет речь: *Я заранее извиняюсь/ что выводы неокончательны//;*
- 4) выражения с глаголами разнообразной семантики, которые однако объединены тем, что снижают значимость или результативность действия, о котором сообщает говорящий: *В докладе я попыталась обобщить <...>///* (вместо: *Я обобщила... или: В работе обобщаются...);*
- 5) кванторы с ограничивающей семантикой *один, немного, немножко, кратко, только, и т. п.*: *Я рассматривала только два произведения//;*
- 6) прямое указание на слабое место в докладе с формулировкой возможного критического замечания:

Это не притяннуто за уши, как может показаться//; Может возникнуть вопрос// Почему Шекспир/ и сколько можно//.

Приемы выражения косвенного несогласия могут применяться комплексно - в одной реплике их бывает несколько. Границы между отдельными приемами и даже тактиками часто размыты. Все названные приемы могут пересекаться и встречаться в комплексе.

Конструирование гендера в устной научной дискуссии

Гендер в границах теории социального конструктивизма рассматривается как один из параметров социальной идентичности, имеющий в большей степени социальную (CONNELL, 1987; WEST, ZIMMERMAN, 1987; GÜNTHER, 1992; КОТТХОФФ, 2001, Кирилина, 1999, 2004, Кирилина, Маслова, 2007), а не индивидуальную природу, что позволяет говорить об автономности гендера от биологического пола.

В качестве отправного пункта избрана разработанная для описания повседневного общения модель Д. Таннен, которая модифицирована для решения поставленных в исследовании задач (TANNEN, 1990). Применены также предложенные в трудах Б. Барон и Х. Коттхофф принципы выявления и анализа гендерной специфики устной научной дискуссии и конструирования статуса эксперта (BARON, 1996, 1998; КОТТХОФФ, 1997).

Согласно модели Д. Таннен, социализация в детском и подростковом возрасте способствует усвоению мальчиками и девочками противоположных норм коммуникативного (в том числе и речевого) поведения (TANNEN, 1990; ТАННЕН, 2005). Это приводит к тому, что вербальное поведение взрослых также обнаруживает гендерную специфику, представленную в терминах бинарных оппозиций, в которых левая часть соответствует мужскому стилю, а правая – женскому: статус / соревнование / независимость - связь / общность / солидарность. Д. Таннен подчеркивает, что лица

разного пола обнаруживают такие тенденции в поведении, так как именно это поощряется обществом.

На наш взгляд, выявленные Д. Таннен тенденции проявляются и в профессиональном общении, в частности в научной дискуссии, где выбор коммуникантами того или иного средства выражения согласия/несогласия из широкого репертуара, которым располагает русский язык, зависит от ряда факторов, в том числе и от стратегической цели говорящего. В ситуации «Научная конференция» таких целей обнаружено две:

- 1) демонстрация собственных достижений, повышение своего авторитета и статуса в научном сообществе;
- 2) ознакомление научного сообщества с полученными результатами исследования, продвижение науки вперед, коллективное обогащение знанием.

Первая цель преимущественно реализуется мужчинами, а вторая – женщинами. Труды Д. Таннен позволяют видеть в этом результат влияния именно гендера, а не пола, т. е. культурных норм, воспитания, социальных ожиданий.

Наблюдение ситуации «Научная конференция» обнаруживает взаимосвязь между названными коммуникативными целями, реализуемыми участниками научной коммуникации, и конструированием статуса эксперта, что обуславливает коммуникативно-прагматическую значимость гендерных различий в изучаемом институциональном контексте.

В этой связи необходимо обсудить соотношение понятий *статус*, *роль* и *гендер*. Эмпирически установлено, что не только гендер, как считалось ранее, но и другие параметры социальной идентичности конструируются в коммуникации. Обнаружено, что ни один из них не фигурирует в полной изоляции от остальных и все они характеризуются различной степенью интенсивности конструирования. В нашем исследовании различия в статусе, гендере и роли коммуникантов проявлялись следующим образом. Например, некоторые ученые обладают высоким внешним статусом, который в некоторой степени определяет и ситуатив-

ную роль коммуниканта – председательствующий, докладчик на пленарном заседании. Однако число таких лиц невелико, да и институциональные рамки научной конференции, как правило, не допускают дискуссии в ходе пленарного заседания. Лицо с высоким статусом может выполнять ситуативную роль ведущего секции. Однако наблюдения показали, что работа секции и условия коммуникации в ней значительно менее формальны и институционализированы, в меньшей степени ориентированы на воспроизводство статусных различий. Статусную иерархию в научной дискуссии также в некоторой степени нейтрализует и другой параметр – ситуативная роль: все присутствующие являются участниками секционного заседания. Роли участника дискуссии и докладчика, на наш взгляд, являются примерно симметричными. Руководитель секции также часто меняется, чем подчеркивается демократичный характер мероприятия. Все это позволяет сделать следующее допущение: подавляющее большинство присутствующих являются примерно равными по статусу коммуникантами. Это допущение позволяет, в свою очередь, построить исследовательскую модель с одной переменной, которой и является гендер⁵.

При обсуждении результатов также возникла необходимость рассмотреть актуальный для сегодняшнего научного дискурса вопрос о соотношении количественных и качественных методов описания материала. Устанавливается закономерное чередование качественных и количественных методов исследования, в частности первичность качественного подхода (классификации и иные систематизации) (MAYRING, 1988; СЕМЕНОВА, 1998).

Проведенный после качественной систематизации количественный анализ гендерной специфики выражения

---

⁵ Не все наблюдаемые нами ситуации характеризуются статусно-ролевой симметрией, ряд коммуникативных ситуаций отличается ярко выраженной иерархией. В ряде случаев они рассматриваются отдельно (как, например, выражение совета). В целом же статусные различия и конструирование гендера – перспективное направление дальнейших исследований.

согласия/несогласия выявил следующие особенности устной научной дискуссии:

- для женщин в большей степени, нежели для мужчин, характерно принимать критику;
- участницы дискуссии обнаруживают тенденцию к более частому использованию квазивопросительных конструкций при выражении несогласия;
- женщины склонны чаще выражать несогласие под видом уточнения;
- в паре женщина-женщина обнаружено максимальное количество формул выражения неуверенности;
- выражение совета представляет собой редкое явление и, в первую очередь, как показывает анализ, связано с высоким внешним статусом советующего. Вместе с тем следует отметить (пока без комментария) тот факт, что в адрес мужчин совет высказывался всего однажды, а в адрес женщин – шесть раз. Однако малое количество этого вида согласия/одобрения не позволяет сделать каких-либо обобщений;
- женщины чаще прибегали к использованию инициальной похвалы в критической реплике;
- тактика предвосхищения критики характерна почти исключительно для женских реплик;
- минимальную длительность критической реплики обнаруживает пара женщина-мужчина, максимальную – пара женщина-женщина;
- минимальную длительность ответной реплики обнаруживает пара женщина-мужчина, максимальную – пара женщина-женщина.

Количественный анализ гендерной специфики устной научной дискуссии обнаружил, что при общем преобладании стратегии неконфронтативности вклад участниц научной дискуссии в ее создание несколько больше, чем вклад участников.

Полученные количественные результаты показаны на диаграммах (рис. 1, 2).

В результате проведенного анализа гипотеза исследования подтвердилась. Установлено, что гендерная специфика выражения согласия/несогласия в устной научной

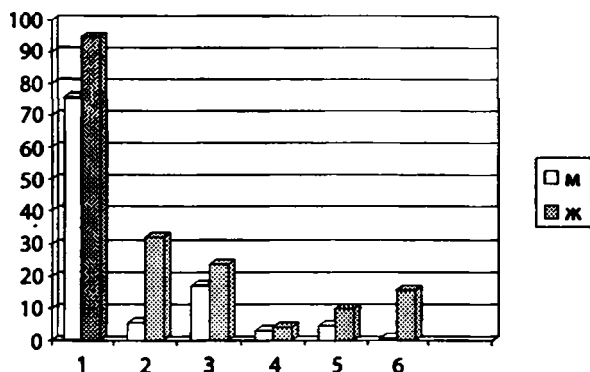

Рис. 1

Гендерная специфика реализации стратегии неконфронтативности
(с позиции адресанта):

1 – использование квазивопросов; 2 – выражение несогласия под видом уточнения; 3 – применение формул выражения неуверенности; 4 – выражение совета докладчику; 5 – использование инициальной похвалы; 6 – использование тактики предвосхищения критики

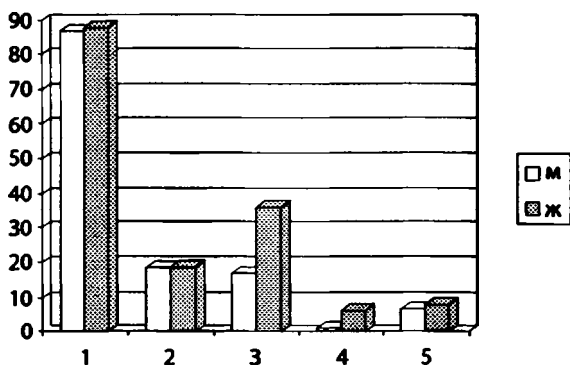

Рис. 2

Гендерная специфика реализации стратегии неконфронтативности
(с позиции адресата)

дискуссии проявляется в виде тенденций к выбору тактик, имеющих различную коммуникативно-прагматическую значимость, и выступает в неразрывной связи с вербальным конструированием статуса компетентного лица. Конструирование гендера участницами научной дискуссии происходит одновременно со снижением статуса компетентного лица, а конструирование гендера участниками дискуссии способствует поддержанию или повышению этого вида статуса.

Специфика нашего исследования, как отмечалось выше, состоит в изучении того, как конструирование гендера сказывается на создании статуса авторитетного лица (см. также: BARON 1996; КОТТНОФФ 1997). Исследование стратегии самопрезентации в научной дискуссии выявило гендерную специфику – для женского вербального поведения более характерна стратегия негативной самопрезентации. Негативный образ недостаточно компетентного ученого конструирует тактика снижения значимости собственного исследования, получающая реализацию при помощи формул, указывающих на:

– незавершенность проводимого исследования:

*это гипотеза, требующая более детальной проверки//;
у меня пока нет окончательного определения//;
я заранее извиняюсь/ что выводы неокончательны//;
но пока еще увы/ работа продолжается//*

– недостаточную степень разработанности проблематики:

Значит э встречается лексема «георгины»/только в пяти русских произведениях Набокова/ это так сказать полная выборка/ имеется художественного текста// Также есть в критике одно употребление/ в драматургии одно употребление/ и в стихах/ но тут я особо не просматривала//;

Мне показалось ... хотя в своем докладе я не претендую/ что мне удалось до конца исчислить этот набор признаков//

– сомнение в достоверности и обоснованности собственных рассуждений и выводов:

В тех терминах/ которые мне удалось рассмотреть/ я получила следующий перечень признаков//;

Но вот мне показалось/ что это возможный взгляд на проблему// То есть возможны и другие/ но мне показалось/ что можно обратиться к этому термину//

– ограниченный материал исследования:

был проведен небольшой психолингвистический эксперимент;

у нас пока очень узкое исследование/ мы берем только две составляющих/;

– узкий фокус исследования и, следовательно, его общую незначительность:

Я постараюсь кратко/ тем более что мое сообщение по сути это просто комментарий к одной реплике Витгенштейна//;

Я рассматриваю только два произведения/ роман .../ и роман ...// Другие произведения просто не обследовались/ то есть наверное там есть/ я про них не знаю/ еще//

– неточность при приведении данных:

Ну я уже сказала/ что я записывала э пословицу/ только если она мне встречалась несколько раз// У меня был критерий два-три раза/ сейчас я думаю/ что надо поднять планку до трех/ или даже увеличить// Потому что корпус действительно у меня разрастается просто с каждым днем//

– сомнение в объективности высказываемого мнения и подчеркивание субъективности предлагаемой точки зрения:

вот мне так кажется, конечно не без доли субъективизма; насколько я наблюдал(а);

это мой взгляд/ я не настаиваю на такой трактовке// и т. п.;

Ср., как, используя ту же самую формулу, завершает ответ на критическое замечание мужчина: *...Я конечно не настаиваю на своей правоте/ но ссылаюсь на информацию/ огромные статьи которые есть/ посвящены этому вопросу//*.

В этой связи необходимо отметить следующее. В записях аутентичных дискуссий, даже в записях большого объема, использование разными коммуникантами абсолютно идентичных наборов языковых единиц является редкостью. И даже если мы их находим, то общий контекст выступления, а также контекст окружения этих единиц часто делает их в мужском и женском варианте исполнения противоположными по значению. Это показывают фрагменты женских и мужских реплик, содержащих формулу *я не настаиваю на своей правоте*, которая в одном случае может использоваться в рамках стратегии положительной самопрезентации, а в другом случае – в рамках противоположной стратегии.

То же самое мы можем сказать о формулах типа *с моей точки зрения, я думаю, я полагаю* и т. п., которые не всегда звучат как сигналы сомнения в объективности высказываемого мнения и субъективности предлагаемой точки зрения. Если докладчик оформляет такие формулы особой интонационной манерой, они интерпретируются слушателями иначе: как сигналы уверенности, знания, компетентности, а также собственной, отличной от других, позиции, в правильности которой говорящий, однако, абсолютно не сомневается. Так чаще поступают мужчины.

Формулы, эксплицирующие сомнение в объективности высказываемого мнения, появляются в речи женщин, вероятно, под влиянием упомянутой выше тактики предвосхищения критики. Возможно, используя эти приемы, говорящий не преследует цель показать незначительность результата исследования или свою некомпетентность. Не исключен и иной мотив: забегая вперед, предвосхитить и предотвратить возникновение у аудитории мнения о докладчике как об амбициозном, не видящем границ исследо-

вателе⁶. Использование этой тактики дает возможность опередить возражение собеседника. Однако применение таких РА снижает статус говорящего как профессионала и компетентного специалиста быстрого согласия с критикой.

Наш корпус содержит также ряд ситуаций непонимания, когда участник дискуссии выражает несогласие с докладчиком по поводу того, что, как оказывается позже, он (участник дискуссии) просто не расслышал или же неверно интерпретировал. В таких ситуациях женщины склонны видеть в этом свою вину, тогда как мужчины обвиняют другого. Ср.:

Значит я плохо говорила//;

Вот не знаю/ понятно ли я сказала//;

В принципе/ да/ я и хотела выразить идею <...>//

Может быть я просто не очень ясно представила//;

Все-таки наверное надо как-то доклад...//

А также:

Д. Интересно/ ошибусь я или нет// Вы пришли на несколько минут позже начала моего доклада//

У1. Нет//

Д. Нет? Я ведь сказал об этом// Я сказал/ что <...>

В женских выступлениях также весьма частотны формулы, выражающие готовность строго соблюдать институциональные нормы коммуникации, особенно регламент:

я постараюсь быть очень краткой;

я понимаю/ что все уже устали, я постараюсь так сказать строго придерживаться регламента/ и даже может быть раньше закончить и т. п.

---

⁶ Указанное толкование получено путем коллективного обсуждения в группе женщин-исследовательниц и основано на интроспекции.

Если регламент не удалось выдержать, как правило, следуют извинения. К примеру, после выступления, длившегося 14 минут, докладчица произносит: *Извините/ если я вас утомила//*. Мужчина, выступавший до нее с докладом, продолжавшимся 23 минуты, перед аудиторией не извинился.

В этой связи показателен следующий диалог, имевший место на пленарном заседании. Согласно программе этой конференции регламент пленарных докладов составлял 20+5 минут, выступление, однако, заняло 27 минут. Во время выступления докладчица несколько раз информирует слушающих о сознательном контроле за временными рамками (*Совсем уже кратко скажу//; Значит и в завершении//; И завершая уже абсолютно/ скажу ... последняя тема/ которую могу только назвать <...>*).

На 26-й минуте председатель напоминает про регламент:

Д. <...> *И вот возникает вопрос// А что/ культура христианская/ и христианская жизнь/ что на самом деле не соединилась идея комизма//*

П. *И в завершение/*

Д. *И самое главное// Абсолютно// Последняя страничка у меня// <...>*

Завершив выступление, докладчица сама отказывается от возможности ответить на вопросы слушателей, даже несмотря на разрешение председателя (доклад посвящен пониманию комического и трагического):

Д. <...> *Прошу прощения/ я немножко не успела сжать//*

П. *Так/ спасибо// Доклад интересный// А вопросы сокращены//*

Д. *А да/ я сама уже заняла время//*

П. *Так/ про плач один/ а другой про смех// Про плач//*

Д. *А можно даже еще?*

П. *Нет/ вопросы//*

Д. А/ уже нельзя мне вопросы// Я же заняла это время//

П. Есть вопрос про <...>?

Д. Да/ нет я уже заняла/ это нечестно получается//

П. Так/ тогда спасибо//

Д. Простите//

В мужских репликах такие формулы, выражающие готовность выступающего соблюдать институциональные нормы коммуникации, в частности регламент, встречаются значительно реже – наш корпус содержит 15 подобных реплик в высказываниях женщин и 6 – в высказываниях мужчин.

Следует при этом отметить, что мужские реплики по поводу регламента выступления порой содержат иные импликации:

Ну коль скоро вы предоставили мне слово/ во-первых/ спасибо// Во-вторых/ я пока не знаю/ сколько буду говорить//<...>

Или:

Мне кажется/ я уложился//<...>

Да/ значит/ ну я для дисциплины замечаю время/ 11.27/ и начинаю читать//<...>

А также:

П. Вам 15 минут//

Д. Мне даже я думаю/ что столько не понадобится// Я как аккуратный человек/ сделал доклад точно на две страницы//

Примеры такого рода можно продолжить.

Изложенные наблюдения приводят к выводу: конструирование гендера тесно связано с конструированием статуса компетентного лица и по сути происходит одновременно с ним, что позволяет говорить о коммуникативно-прагматической значимости гендерного конструкта, проявляющейся в результате коммуникации и ведущей к восприятию говорящего как более или менее компетентного профессионала.

Конструирование так называемой «женственности», т. е. неконфликтности, готовности помочь, согласиться, проявлять эмпатию и самоограничение, не выпячивать свои достижения и т. п., одновременно является и конструированием низкого профессионального статуса в устной научной дискуссии и реализацией стратегии негативной самопрезентации.

Список литературы

- АЛЕКСАНДРОВА Н.А.:** Об оценке в научной дискуссии. В: Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1986. С. 153–158.
- БАРОН Б.:** «Закрытое общество»: Существуют ли гендерные различия в академической профессиональной коммуникации? В: Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 511–538.
- БОЛДЫРЕВА А.А.:** Категория авторитетности в научном дискурсе. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.
- БОЛДЫРЕВА А.А., КАШКИН В.Б.:** Категория авторитетности в научном дискурсе. В: Язык, коммуникация и социальная среда: Межвуз. сб. науч. тр. Вып.1. Воронеж, 2001. С. 58–70.
- ВИКУЛОВА С.В.:** Прагматика вопросов о причине явлений (на материале научных дискуссий). В: Научный и общественно-политический текст: Лингвистические и лингводидактические аспекты изучения. Отв. ред. А.М. Соколова. М.: Наука, 1991. С. 132–139.
- ГАЛАКТИОНОВА И.В.:** Средства выражения согласия / несогласия в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 16 с.
- ДЕЙК Т.А. ван:** Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. Под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- КИРИЛИНА А.В.:** Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.
- КИРИЛИНА А.В.:** Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М., 2004.
- КИРИЛИНА А.В.; МАСЛОВА Л.Н.:** «Гендер» и «статус эксперта» в устной научной дискуссии с позиций социоконструктивиз-

- ма. В: Научная коммуникация. Под ред. В.Б. Кашкина. Воронеж, 2007 (в печати).
- КИТАЙГОРОДСКАЯ М.В.; РОЗАНОВА Н.Н.: Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы). В: Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 103–126.
- КРЫСИН Л.П.: Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.
- ЛЕКАНТ П.А.: Несогласие как одно из модальных значений высказывания. В: Семантика грамматических форм и речевых конструкций: Межвуз. сб. науч. тр. М.: МОПИ, 1991. С. 41–44.
- МАКАРОВ М.Л.: Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
- НИСТРАТОВА С.Л.: Синтаксические средства выражения адресованности в устной научной речи. В: Научная литература. Язык, стиль, жанры. Отв. ред. М.Я. Цвиллинг. М.: Наука, 1985. С. 81–100.
- ОЗАРОВСКИЙ О.В.: Конструктивно-семантические связи как источник экспрессивности высказываний со значением несогласия. В: Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. С. 248–260.
- ОЗАРОВСКИЙ О.В.: Способы выражения согласия-несогласия в современном русском языке. В: Русский язык в национальной школе. М., 1974, № 6. С. 70–75.
- ПОРОЙКОВА Н.И.: Функционирование средств выражения согласия-несогласия в диалоге. В: Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976. С. 102–115.
- РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ: Тексты. Отв. ред. Е.А. ЗЕМСКАЯ и Л.А. КАПАНАДЗЕ. М.: Наука, 1978. 306 с.
- СЕМЕНОВА В.В.: Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998. 292 с.
- СЛАВГОРОДСКАЯ Л.В.: Научный диалог (лингвистические проблемы). Л.: Наука, 1986. 166 с.
- СЛАВГОРОДСКАЯ Л.В.: Некоторые синтаксические особенности языка научной дискуссии. В: Особенности стиля научного изложения: Сб. ст. Отв. ред. Е.С. Троянская. М.: Наука, 1976.

- Современная русская устная научная речь. Т. 1. Общие свойства и фонетические особенности. Под ред. О.А. ЛАПТЕВОЙ. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 336 с.
- Современная русская устная научная речь. Т. 2. Синтаксические особенности. Под ред. О.А. ЛАПТЕВОЙ. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 336 с.
- Современная русская устная научная речь. Т. 3. Текстовые, лексические, грамматические, словообразовательные особенности. Под ред. О.А. ЛАПТЕВОЙ. М.: Филология, 1995. 272 с.
- Современная русская устная научная речь. Т. 4. Тексты. Под ред. О.А. ЛАПТЕВОЙ. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 376 с.
- ТАННЕН Д.: Ты просто меня не понимаешь: Женщины и мужчины в диалоге. В: Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 235–510.
- ЩУКАРЕВА Н.С.: Возражение собеседнику и выражение сомнения по поводу высказанного мнения. В: Научная литература. Язык, стиль, жанры. Отв. ред. М.Я. Цвиллинг. М.: Наука, 1985. С. 57–66.
- ЩУКАРЕВА Н.С.: Способы выражения некатегоричности высказывания в английском языке. В: Функциональный стиль научной прозы. Проблемы лингвистики и методики преподавания. М.: Наука, 1980. С. 198–206.
- BARON B.: Geschlossene Gesellschaft: Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? В: Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe im Sommersemester 1996. Frauenrat der Universität Konstanz. Konstanz, 1996. S. 114–129.
- BARON Bettina.: Freiwillige Selbstkontrolle im Fachgespräch. В: Feministische Linguistik – Linguistische Geschlechterforschung. G. Schoental (Hrsg.). Hildersheim, Zurich: Olms, 1998. S. 175–201.
- BERGER Peter L., LUCKMANN Thomas: The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. N.Y.: Anchor Books, 1967.
- COATES Jennifer: Language, gender and career. In: Language and Gender: Interdisciplinary Perspectives. Ed. by S. Mills. London and New York: Longman, 1995.
- CONNEL Raewyn: Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge: Polity Press, 1987.

- GUMIN Heinz; MEIER Heinrich (Hrsg): Einführung in den Konstruktivismus. Beiträge von Heinz von Foerster, Ernst von Glasersfeld, Peter M. Hejl, Siegfried J. Schmidt und Paul Watzlawick – Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung. Band 5. Einführung in den Konstruktivismus. Piper Verlag GmbH, München, 1992.
- GÜNTHER Susanne: Sprache und Geschlecht: Ist Kommunikation zwischen Frauen und Männern interculturelle Kommunikation. In: Linguistische Berichte 138, 1992. S. 123–143.
- KENDALL Shari, TANNEN Deborah: Gender and language in the workplace. In: Gender and Discourse. Ed. by R. Wodak. London: Sage, 1997. P. 81–101.
- KOTTHOFF H.: Creating asymmetries by «Teaching conversational lectures» in TV discussions. In: Pragmatics and Beyond New Series. Vol. 42. Communicating Gender in Context. H. Kotthoff and R. Wodak (eds). Amsterdam/Philadelphia, 1997. P. 139–178.
- KOTTHOFF Helga: New perspectives on gender studies in discourse analysis. В: Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады Первой международной конференции. М.: МГЛУ, 2001. С. 11–32.
- MAYRING Philipp: Qualitative Inhaltsanalyse: Grundlagen und Techniken. Deutscher Studien Verlag, 1988.
- MERTON Robert, K.: The Sociology of Science. Chicago-London, 1973.
- TANNEN Deborah: You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. N.Y.: Ballantine Books, 1990.
- TANNEN Deborah: Talking from 9 to 5: Women and Men in the Workplace: Language, Sex and Power. N.Y.: Avon, 1994.
- WEST Candace, ZIMMERMAN Don, H.: Doing gender. In: Gender and Society, 1987, №1. P. 125–151.

II
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ

Корнелия Клингер

ПОЗИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ
В ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

1. Три ступени имманентной
феминистской научной критики

1. Несомненно, что в первую очередь феминистская научная критика направлена против явных нарушений принципа равноправного доступа к рациональному познанию и научной деятельности всех обладающих разумом человеческих существ. Многие из нарушений, являющихся объектом этой критики, существуют и по сей день. Спустя почти целое столетие после формального допуска женщин к академическому образованию и обучению мы все еще далеки от равного представительства полов во всех областях и на всех ступенях научных структур. К тому же путь к тем достижениям, которых женщинам удалось добиться за это время, был настолько тернистым, что это никак не отвечает представлениям о беспрепятственном доступе к познанию. Эти факты красноречиво подтверждает соответствующая статисти-

---

¹ В оригинале: Cornelia KLINGER: Erkenntnistheoretische Positionen und Probleme der Frauenforschung. In: Wie es Ihr gefällt. II. Hrsg. von S. Henke und S. Mohler. Freiburg 1991. S. 5–27.

ка². Поскольку всем это хорошо известно, то нет необходимости здесь еще раз об этом говорить.

Однако если женщинам удалось преодолеть мешающие их научной деятельности барьеры и они начинают заниматься исследованиями, то они сразу же наталкиваются на странные вещи, как только их внимание привлекает что-либо, связанное с женщиной/женщинами или с женственностью.

2. Неоднократно мы бываем вынуждены констатировать, что все связанное с бытием, сознанием, деятельностью и поведением женщины или попросту не учитывается в научных исследованиях, или не воспринимается в своей собственной закономерности.

Неупоминание женщин, частичное или полное отсутствие внимания по отношению к существованию и способам жизневыражения женщин обосновывается, как правило, двояко: это либо откровенное пренебрежение, которое выражается в том, что объявляются irrelevantными факты и данные, говорящие о специфике женщины и характеризующие ее, либо – что в итоге является не менее дискриминирующим – когда изначально предполагается, что мышление, чувства, поведение и действия мужчин следует рассматривать как «общечеловеческие», следовательно, мышление, чувства, поведение и действия женщин ничем не отличаются от них, то есть как бы являются их составной частью. В тех же случаях, когда выясняется, что это не так (когда, например, исследуется группа мужчин и результаты этих исследований распространяются на женщин как норма человеческого поведения), то это нередко дает основания видеть в поведении женщин отклонение от нормы и делать вывод о его несовершенстве.

---

² В западных странах по-прежнему ущемляются права женщин в общественных структурах. Женщины не занимают ключевых постов в политике, экономике, науке. Особенно актуальна эта проблема для Германии, где среди высокооплачиваемых сотрудников университетов преобладают мужчины. С 1980 по 1991 год число женщин-профессоров возросло всего лишь на 0,2%, с 4,5 до 4,7%. (Прим. ред.)

Феминистские исследования, которые в этом контексте представляют собой не что иное, как исследования, изучающие интересы женщин, смогли на протяжении последних двух десятилетий выявить бесконечно много таких умолчаний. Обобщенно эти умолчания можно обозначить как нарушение требований универсальности в научном описании действительности. Тот факт, что до недавнего времени женщины были практически исключены из процесса познания и до сих пор принимают в нем лишь незначительное участие, имеет не только социальное и моральное значение (в смысле ущемления прав женщин и несправедливости по отношению к ним), но и оказывает влияние на сам научный процесс. Картина мира, которую предлагает наука, не является всеобъемлющей, а следовательно не может быть объективной. Она отражает целый ряд ограничений, связанных с фиксированной точкой зрения, поскольку создавалась с позиций, характерных только для одного пола. Ограничения такого рода обозначаются в феминистских исследованиях понятием андроцентризма:

«Андроцентризм базируется на восприятии социальной жизни с точки зрения мужчин, логическим следствием чего является отсутствие понимания или описания поведения женщин»³.

3. Поскольку несоблюдение требований универсальности ведет к неполному и, тем самым, искаженному восприятию реальности, то его можно рассматривать как нарушение принципа объективности. От таких – в некоторой степени завуалированных⁴ – искажений в научной картине

---

³ «Androcentrism applies to the perception of social life from a male point of view with a consequent failure accurately to perceive or describe the activity of women.» (LONGINO u.a., 223)

⁴ Под завуалированными искажениями следует понимать случаи, когда недостаток объективности не может быть доказан на основании существующих высказываний, тезисов, теорий. Критике приходится идти дальше и анализировать сам факт наличия или отсутствия соответствующих высказываний.

действительности, обусловленных андроцентризмом, следует отличать явные ее искажения, которые являются следствием открытого сексизма. Понятие сексизм опирается на

«высказывания, позиции и теории, которые заранее предполагают, всячески отстаивают или имплицитно включают в себя мысль о неполноценности женщин, о правомерности их подчинения и предписывания им на основании принадлежности к женскому полу социальных ролей и моделей поведения»⁵.

Откровенный сексизм наиболее часто встречается в таких научных дисциплинах (или их разделах), которые специально занимаются вопросами половой принадлежности и гендерной дифференциации. С этим явлением можно столкнуться и в определенных разделах общественных наук, и в психологии, и особенно в биологии и медицине, то есть в тех дисциплинах, которые принадлежат к естественным наукам и поэтому в наибольшей степени обязаны соблюдать требование объективности.

У меня нет возможности останавливаться здесь на деталях, но многочисленные доказательства серьезных нарушений принципов универсальности и объективности, которые накоплены феминистской критикой в качестве аргументов, позволяют мне сделать вывод о том, что в тематическом комплексе «женщина, женственность и гендерная дифференциация» научная реальность оказалась в прямой противоположности к научным идеям и идеалам. Вместо того чтобы изобличить несостоятельность старых патриархатных, религиозных и суеверных предубеждений против женщин, различные науки не только снабдили новыми аргументами прежние утверждения о слабости, физической и психической неполноценности женщины, но и в

---

⁵ «statements, attitudes and theories that presuppose, assert or imply the inferiority of women, the legitimacy of their subordination, or the legitimacy of sex-based prescriptions of social roles and behaviours.» (LONGINO u.a., 223)

некоторой степени дополнили уже существовавший вздор новым и даже отчасти превзошли его. Современные науки, занимающие, по их собственному утверждению, нейтральную и объективную позицию, оказываются на грани объявления всего женского пола сферой патологии и психиатрии, то есть достигают той степени дискредитации женского, которой – как мы вынуждены признаться – не существовало ни в одной из самых темных эпох прошлого⁶. По отношению к тематическому комплексу «женщина, женственность и гендерная дифференциация» наука не только не подрывает и не опровергает идеологию, религию и предрассудки, а напротив, последовательно продолжает их линию, используя более эффективные методы.

2. Феминистская критика научной картины мира: наука как патриархатная и маскулинистская идеология

Чем полнее и основательнее аргументация феминистской критики против андроцентризма и сексизма в науке, чем отчетливее разрыв между желаемым и действительным, между идеей и идеологией, тем настойчивее высказываются сомнения в том, что причина этого кроется лишь в неправильном или недостаточном применении правильных по своей сути принципов. Возникает вопрос, действительно ли ошибка коренится в отсутствии универсальности и недостатке объективности в науке, где доминируют мужчины. Все чаще подозрения направляются против самих этих принципов. Предметом критики становится безусловное понимание науки как привилегированного доступа к свободному от любых исторических и социальных условий и условностей познанию.

Феминистская критика науки отнюдь не одинока в своем подозрительном отношении к позитивистской эпистемологии и намерении радикально ее пересмотреть. В

---

⁶ Ср. Fischer-Homberger; Masson; об истерии особенно von BRAUN.

этом она согласуется с тенденцией, которая в последнее время считается в широких кругах «наиболее распространенным и важным течением в западной философской мысли»⁷ и которую обобщенно называют постмодернистским мышлением. Это обозначение достаточно расплывчатое, поскольку речь идет о довольно гетерогенных подходах, имеющих, однако, общее ядро, присущее также и феминистской теории:

«[...] глубокий скепсис по отношению к универсальным (или универсализирующим) утверждениям о бытии, природе и силе разума, прогрессе, науке, языке и субъекте / самости»⁸.

В основе феминистской критики лежит не только общее мнение о том, что наука и знание появляются и существуют внутри исторического, культурного и общественного контекста. Для нее характерна и особая ориентация на взаимосвязь между отношениями власти и мыслительной деятельностью, поскольку на протяжении всей истории общественные отношения были отношениями господства. Таким образом, феминистская критика не только согласуется с общим постмодернистским скепсисом по отношению к позитивистской теории познания⁹, но и тесно связана с теми направлениями, которые выявляют иерархические структуры в принципах современного научного мышления. Наряду с

---

⁷ «[...] the most important and widespread movement throughout Western intellectualism.» (ALCOFF, 122)

⁸ «[...] a profound skepticism regarding universal (or universalizing) claims about the existence, nature and powers of reason, progress, science, language and the subject/self.» (FLAX, 322)

⁹ Позитивизм: Первоначально это понятие использовалось для обозначения направления научных исследований в XIX веке, которые ориентировали свой исследовательский интерес на явления и эмпирически доказанные факты чувственно познаваемого мира. Сегодня это понятие используется главным образом в научной полемике, начало которой положил в 60-е годы так называемый «позитивистский спор» между Карлом Поппером и Теодором Адорно (Karl Popper, Theodor Adorno). «Позитивистскими» в этом смысле обычно считаются критическое или неприязненное отноше-

признаками, связанными с полом, критике подвергаются, прежде всего, связанные с классом и расой элементы позитивистской теории познания.

Конечно, феминистская критика выделяется своеобразием голоса в этом хоре, ведь, с одной стороны, пол является социальной категорией, а с другой – отношения господства, основанные на половой принадлежности, обладают чертами, которые однозначно отличают их от других видов общественных отношений.

* * *

Для того чтобы доказать наличие специфических, характерных именно для мужчин исходных предпосылок не только в научной деятельности, ее определенных аспектах, направлениях или результатах, но и в самой концепции научного мышления, были предложены в основном два пути. Оба эти пути имеют общие корни в психоанализе, но представляют собой различные направления развития этой науки после Фрейда. В общем виде можно выделить французское и американское направления.

1. Важную роль для феминистской критики играет французский психоанализ, а точнее то его направление, которое сложилось под влиянием идей Жака Лакана¹⁰. Он отождествлял с фаллической структурой культуру, общест-

---

ние к теории, ограничение научной деятельности простым сбором фактов или отказ от методологической рефлексии. В данном тексте «позитивизм» употребляется в менее полемическом смысле и обозначает традиционную науку. (Прим. ред., цит. по: NÜNNING, 433)

¹⁰ Жак Лакан (Jacques Lacan, 1901–1981) – французский психоаналитик. При формировании субъектности и языка центральную роль, согласно Лакану, играет *фаллос* (который, однако, ни в коем случае нельзя приравнивать к пенису). Ребенок, изначально наделяющий мать «фаллическими» свойствами, узнает, что она «кастрирована». Первый опыт в установлении различия истолковывается ребенком как отсутствие чего-то, что имелося прежде. У матери нет собственного, другого полового органа, она – в восприятии ребенка – кастрирована. Отсутствующий фаллос является для ребенка первым воображаемым объектом (см. далее прим.

во и вообще всякий вид порядка, причем по сравнению с Фрейдом это отождествление проводилось им более широко, но было свободно от многих недоразумений, вызванных биологическим детерминизмом Фрейда. По мнению Лакана, закон Отца, которому, проходя эдипальную фазу¹¹ развития, должен подчиниться ребенок, составляет принцип реальности всякой культуры. Иными словами, лакановский психоанализ позволяет себе и нам высказать то, что в истории западного мышления замалчивалось и старательно пряталось за представлениями нейтрального в половом отношении субъекта и его объективного знания, а именно: что андро- и фаллоготцентрическая структура свойственна всем общественно признаваемым формам идентичности, мышления, языка, знания, социального порядка и т. д.

Теория объектных отношений), который скрывает опыт различия за утверждаемой идентичностью. В этом и заключается, по Лакану, функция языка. Таким образом, фаллос определяет истоки языка, он – «первый сигнификант», поскольку язык, по Лакану, есть не что иное, как бесконечный процесс конституирования воображаемых объектов, которые должны восполнить принципиальную нехватку идентичности, характеризующую человеческое существование. Женщины и мужчины, однако, занимают внутри символического порядка различные позиции по отношению к фаллосу, что вытекает из «закона Отца» (см. ниже). Лакан рассматривает женщину исключительно как символ «нехватки». Феминизм подвергает критике лакановский *фалло(го)центризм*, т. е. привилегированное положение фаллоса, которое в патриархатной (или фаллической) структуре языкового и культурного порядка является символом знания и власти. (Прим. ред., цит. по: NÜNNING, 303, 423f; LINDHOFF, 80)

¹¹ Эдипальная фаза (название восходит к мифу о царе Эдипе): в классическом психоанализе – это естественная фаза развития ребенка (в возрасте 4–5 лет), во время которой его сексуальные желания оказываются направлены на родителя противоположного пола, при этом родитель одного с ребенком пола воспринимается им как соперник. У девочек и мальчиков эта фаза протекает по-разному. Мальчик реагирует на свои инцестуальные желания страхом кастрации. Страх кастрации приводит в итоге к отказу от исполнения

На основании этого Люс Иригарэй¹² смогла ответить на поставленный ею же самой вопрос, «является ли субъект науки бесполом», следующим образом:

«[...] то, что хочет считаться универсальным, равняется на мужской идиолект, на воображаемое мужское, на мир, разделенный по признаку пола, в котором нет половой нейтральности».

Этот мужской идиолект¹³, согласно Иригарэй, характеризуется следующими признаками:

желаний инцеста и к идентификации с отцом и его запретом на инцест (т. е. подчинение «закону Отца»). Девочка, в отличие от мальчика, не подвержена страху кастрации. Поскольку у нее изначально отсутствует пенис, она ощущает себя уже «кастрированной», неполноценной (см. прим. выше: фаллос как знак нехватки). По мнению Лакана, с усвоением языка на завершающем этапе доэдипальной фазы между матерью и ребенком встает новая, двойная инстанция: реальный и «символический» отец. Понятие «символический отец» подразумевает язык вообще, т. е. «символический порядок», который в качестве абстрактного авторитета предшествует всему индивидуальному. Лакан обозначает это также словом «закон» или «другое(-ой)». «Символический отец» соответствует фрейдовскому сверх-Я. Хотя эта инстанция и является анонимной, абстрактной и потому нейтральной в смысле пола, но, согласно Лакану, ее может представлять только мужская фигура. Объясняется это тем, что западный «символический порядок» структурируется патриархатом. (Прим. ред., цит. по: RONDE-DACHSER, 310; LINDHOFF, 81)

¹² Люс Иригарэй (Luce Irigaray, 1932 г. р.) – французская лингвистка, психоаналитик, занимающаяся феминистской философией. Ее докторская диссертация *Зеркало другой женщины* (*Speculum de l'autre femme*, Paris 1974) является одним из главных основополагающих текстов феминистской теории. Иригарэй указывает на фаллоцентризм психоанализа от Фрейда до Лакана. Фаллос фигурирует здесь в качестве гаранта мужского господства, из-за чего представление о женщине формируется исключительно через мужское чувственное желание, она представлена как Другое, а не как аутентичное, самобытное существо. (Прим. ред., цит. по: NÜNNING, 243 и 424)

¹³ Идиолект: речевое поведение, словарный запас и способы выражения отдельного носителя языка (сравн. социолект). (Прим. ред.)

«– размещение мира перед собой, учреждение мира перед собой;

– навязывание миру модели, с тем чтобы присвоить его /.../;

– притязания на строго соблюдаемую отчужденность от модели, желание доказать, что модель строго объективна;

– доказательства стабильности модели, в то время как она всегда является предписанной, по крайней мере, за счет привилегированного положения зримого (явного), за счет отсутствия, удаления субъекта, скрыто существующего в ней;

– доказательство устойчивости модели благодаря использованию инструментария, задействованию техники, которая отделяет субъект от объекта его научного исследования;

– создание идеальной (в смысле идеи и идеала) модели, независимой от физического и психического облика ее создателя;

– доказательство универсальности модели, /.../, ее абсолютной силы, /.../ ее принадлежности к единому и всеобщему миру;

– учреждение этой универсальности посредством протоколов экспериментов, в которых, по крайней мере, два субъекта (идентичных?) должны придерживаться одного и того же мнения;

– доказательство, что открытие эффективно, продуктивно, рентабельно, может с успехом применяться /.../ и поэтому означает прогресс»¹⁴.

---

¹⁴ «Le sujet de la science est-il sexué» ... «[...] ce qui se veut universel équivaut à un idiolect des hommes, à un imaginaire masculin, à un monde sexué – sans neutralité» (IRIGARAY, 71) ... «– poser un monde devant soi, constituer un monde devant soi; // – imposer à l'univers un modèle pour se l'approprier [...] // – se prétendre rigoureusement étranger au modèle, prouver que le modèle est purement et simplement objectif; // – démontrer l'insensibilité du modèle alors qu'il est toujours prescrit au moins par le privilège du visible, par l'absence, la distanciation, d'un sujet pourtant subrepticement là; // – une insensibilité possible grâce à la médiation de l'instrument, à l'intervention d'une technique qui sépare le sujet de son objet

2. Американское направление мало отличается от французского результатами исследований: с приведенным Люс Иригарай списком признаков рациональности в науке, основывающихся на специфически мужских психических структурах, могли бы согласиться и американские критики науки. В большей степени различия состоят в методах, приводящих к этим результатам.

Американское направление опирается на теорию объектных отношений и особенно на современную ее форму, которая была разработана такими теоретиками феминизма, как Нэнси Ходоров и Дороти Диннерштайн (Nancy Chodorow, Dorothy Dinnerstein)¹⁵.

Решающим моментом для формирования специфических мужских структур рациональности является не идентификация ребенка с законом Отца в эдипальной фазе, а еще более ранняя привязанность к матери как к первичному объекту связи (Mutter als primäre Bezugsperson). Такую привязанность в культуре, где роль первичного объекта связи выполняют женщины, следует рассматривать как

---

d'investigation [...] // – construire un modèle idéal ou idéal, indépendant du physique et du psychique du producteur [...] // – prouver l'universalité du modèle, [...] et son pouvoir absolu [...] sa constitution d'un monde unique et total; // – étayer cette universalité par des protocoles d'expériences sur lesquels au moins deux sujets (identiques?) doivent être d'accord; // – prouver que la découverte est efficace, productive, rentable, exploitable [...], ce qui signifie un progrès.» (IRIGARAY, 72)

¹⁵ Теория объектных отношений – важная область исследований современного психоанализа, которая занимается внутриспсихическими репрезентациями объектных отношений индивидуума. «Объектами» являются при этом импульсы из внешнего мира (а значит, и «субъекты», другие люди – например, мать), которые воспринимаются и обрабатываются внутренними механизмами психики. К важнейшим представительницам теории объектных отношений относится Мелани Кляйн (Melanie Klein, 1882–1960). Американское направление опирается, прежде всего, на работы Дональда Винникота и Маргарет Малер (Donald Winnicott, Margaret Mahler). (Прим. ред., цит. по: RONDE-DACHSER, 310)

универсальную и видеть ее связь со специфическими проблемами в развитии ребенка мужского пола¹⁶.

В процессе отделения от матери мальчик должен проделать более длинный путь, чем девочка, так как он должен преодолеть идентификацию с матерью также и с точки зрения половой идентичности. Ему надо стать не только другим человеком, но и другим видом человека. Эти более высокие требования при формировании противоположной половой идентичности вызывают у мальчика более резкие «реакции отграничения», чем это требуется для процесса становления девочки. Ребенок мужского пола в значительно большей степени стремится к четкому разделению между собой и матерью или, если сформулировать это более обобщенно, к разделению между внутренним и внешним, между собственным «я» и миром, между субъектом и объектом. Чтобы преодолеть свое собственное изначальное желание слиться с матерью, мальчик должен развить механизмы самоконтроля или, соответственно, контроля над опасным «другим» в себе самом и вокруг себя. Так возникает тенденция к принижению, обесцениванию «другого», материнского и женского, и развитию противоположных этому притязаний на превосходство и доминантность.

3. Некоторые размышления с целью вселить неуверенность

Мы проследили за этапами развития феминистской критики до того момента, когда она поставила под вопрос все основы современной научной картины мира. В этом случае мы оказываемся перед проблемой, как сформулиро-

---

¹⁶ Закон Отца присутствует в теории объектных отношений лишь косвенно, а именно – в исходном положении о том, что в нашей культуре (или в других культурах), как утверждает Сандра Хардинг, женщина играет роль первичного объекта связи. Эксплицитно закон Отца не включается в теорию объектных отношений, речь идет скорее о законе Сына, т. е. о таком законе, которому он подчиняется.

вать по-новому понятия «мышление», «познание» и «наука» («знание») таким образом, чтобы они отвечали критической направленности феминистских исследований и размышлений. Прежде чем обратиться к этому вопросу и тем ответам на него, которые были даны в феминистской теории, мне кажется необходимым внести определенную поправку в уже сказанное выше. Не в последнюю очередь ради логики изложения я представила становление феминистской критики науки так, чтобы у читателя создалось впечатление, что оно происходило прямолинейно и представляло собой быструю смену логически взаимосвязанных стадий развития. Тем самым были искажены или опущены другие аспекты и позиции, которые важны в этом процессе и отчасти находятся с ним в противоречии.

Одно из противоречий касается критики недостаточной интеграции женщин в научную среду и более поздних этапов развития этой критики. Возможно, на первый взгляд нет существенного различия в том, ведется ли поиск причин затрудненного доступа женщин к научной деятельности и образованию только во вненаучных, то есть в разного рода исторических и общественных реалиях, или же (дополнительно к этому) выявляются андроцентристские и сексистские элементы в самой науке. Для вопроса определения стратегии, однако, это различие является весьма существенным. Пока мы предполагаем, что женщины не имеют возможности принимать участия в научной деятельности только по вненаучным причинам, мы можем ограничиться требованиями принятия компенсационных социальных и психосоциальных мер, которые устранят множество препятствий, стоящих на пути женщин. В этом случае сами женщины и их положение в обществе – это то, что подлежит изменению.

Если же мы, напротив, предположим, что андроцентристские и сексистские факторы играют определенную роль в самой науке, то нам придется дополнительно настаивать на соответствующих изменениях уже внутри нее. Для этого необходима, однако, уверенность в том, что такие коррективы действительно возможны. Феминистская критика настаивает на абсолютном признании и применении идеа-

лов объективности и универсальности и тем самым способствует лучшей и наиболее полной реализации науки и ее принципов. Поэтому такое направление феминистской критики получило в общей дискуссии название «аргументация в пользу лучшей науки» («better-science»-argumentation).

Между первыми тремя ступенями научной критики устанавливается своего рода взаимозависимость¹⁷, но картина принципиально меняется, когда мы разоблачаем не только андроцентристские и сексистские структуры в науке, но подвергаем критике и саму научную рациональность из-за ее маскулинности и патриархатности.

Эта ступень критики находится в прямом противоречии¹⁸ с предыдущими. Если подвергаются радикальной критике сами принципы науки, то речь уже больше не может идти об очищении науки от андроцентризма и сексизма с целью торжества принципов объективности и универсальности. В результате этого проигрывают не только традиционные науки, но в странном положении оказывается и та часть феминистской критики, которая ставила перед собой эту цель пересмотра принципов. То же самое основополагающее противоречие между различными ступенями критики касается, конечно же, и вопроса стратегии. Если наука и рациональность уже сами по себе идентифицируются с мужественностью, то все попытки интегрировать женщин в науку следует отклонять как не имеющие смысла или даже ошибочные.

---

¹⁷ Взаимозависимость означает, что, с одной стороны, можно исходить из того, что женщины представлены в науке в недостаточной степени, поскольку наука структурирована на позиций андроцентризма и сексизма, но, с другой стороны, можно с таким же успехом утверждать, что наука ориентирована на андроцентризм и сексизм именно потому, что в ней мало представлены женщины; кроме того, обе эти стратегии можно без особого труда объединить.

¹⁸ Именно этим и объясняется то, что я выделила предыдущие рассуждения в отдельную главу, чтобы таким образом провести границу между первыми тремя ступенями «имманентной критики» и следующим шагом, выходящим за рамки научной критики.

Правда, возникает вопрос, готовы ли мы считать доказанным тезис о том, что научная рациональность строится на мужском и патриархатном началах. Между перечисленными здесь ступенями феминистской критики науки и рациональности существует довольно значительная разница в смысле их доказательной силы. Чтобы не нарушать единства изложения, я до сих пор умалчивала этот факт. Для доказательства первой ступени критики – недостаточной интеграции женщин в научную сферу – достаточно лишь найти соответствующую статистику; упреки относительно андроцентризма и сексизма тоже можно четко и однозначно доказать. Более спорным является вопрос, можно ли из этого сделать вывод о том, что все категории научного мышления имеют корни в характере мужского пола. Во всяком случае, те обоснования, которые приводятся для доказательства этого, не являются однородными. Я хотела бы предложить, по крайней мере, временное прагматическое решение этих вопросов. Хотя мы и констатировали тот факт, что господствующая идеология и практика науки может и должна подвергаться радикальной критике и сомнениям, однако до сих пор мы не знаем, возможно ли – и если да, то как – выбраться на другой берег. Пока не будет найдено доказательство того, что вне действующих принципов мышления, говорения и познания можно найти надежную почву для феминистской (или хотя бы не мизогинной) теории познания, нам следует исходить из того, что стремления интегрировать женщин в заданный контекст, а также «аргументация в пользу лучшей науки» не теряют своей значимости. Сохраняя в силе прагматическое решение в пользу имманентных форм феминистской критики рациональности, я бы хотела подчеркнуть, что не менее прагматичной кажется мне обязательность поиска новых основ теории познания.

4. Реконструкция или деконструкция «более реальной реальности»?

Итак, в поисках радикально новых основ теории познания теми, кто не согласен с ныне действующими представлениями, можно выделить два направления (при этом снова воз-

никает риск грубого упрощения). Одно направление определяют позиции, которые в результате теоретической дискуссии получили название «*feminist standpoint epistemologies*» (дословно: «феминистски ориентированные эпистемологии», в дальнейшем – феминистская эпистемология)¹⁹; для обозначения другого направления используется собирательное понятие феминистского постмодернизма или постструктурализма.

4.1. Феминистская эпистемология

Как можно заключить из самого названия (*feminist standpoint epistemologies*), важнейший общий признак феминистской эпистемологии заключается в предположении о наличии женской, или феминистской, позиции в мышлении и познании, которая противопоставлена или которую можно противопоставить рациональности, поскольку последняя идентифицируется с мужчиной и, тем самым, сужается до продукта специфически мужской позиции. Различия проявляются в вопросе, как и по каким признакам определяется женская позиция по отношению к познанию.

В то время когда одни ищут объяснения этому в женском существе – понятии более или менее обоснованном природой и тем самым вневременном, другие находят тому объяснение в общественном и, тем самым, исторически

---

¹⁹ «*Feminist standpoint epistemologies*» делают акцент на позитивности женского различия, которое в патриархатной культуре подавляется. Это понятие включает в себя, с одной стороны, общее осознание того, что в науке не может быть действительно объективных познаний. Хотя всякая научная деятельность должна стремиться к объективности, но реально любая позиция (не только феминистская) формируется под воздействием каких-либо интересов. С другой стороны, это понятие демонстративно прокламирует собственную «точку зрения» (*standpoint*), а такое открытое признание своих интересов наталкивается в традиционной науке на осуждение. (Прим. ред.)

обусловленном опыте женщин. Из-за строгого разделения роли полов в патриархатном обществе опыт женщин довольно резко отличается от общественного опыта мужчин. Материальной основой для иного сознания являются специфические требования к работе, выполняемой женщинами (т. е. в основном к труду, связанному с продолжением рода и внутрисемейными отношениями). Таким образом, если одни обращаются к позициям, развиваемым радикальным феминизмом с конца шестидесятых годов, то другие следуют марксистской классовой концепции, чтобы обосновать другое мировоззрение и другую теорию познания общественным положением женщины.

Однако граница, отделяющая эти две позиции друг от друга, довольно расплывчата, тем более что в итоге все согласны с тем, что для женской позиции в любом случае характерно мировоззрение, признаками которого являются отказ от вытеснения и конфронтации, дуализма и иерархичности, т. е. цельность и гармония. Основные черты этого мировоззрения, и прежде всего его коренные отличия от мужского/патриархатного миропонимания, были сформулированы Нэнси Хартсок следующим образом:

«Опыт непрерывности и связей – с другими, с миром природы, между духом и телом – создает онтологическую основу для развития бесконфликтного социального синтеза, который не испытывает необходимости в отрицании тела, посягательстве на природу или в жестокой борьбе Я с Другим; социального синтеза, который независим ни от каких форм абстрактной маскулинности»²⁰.

---

²⁰ «The experience of continuity and relation – with others, with the natural world, of mind and body – provides an ontological base for developing a non-problematic social synthesis, a social synthesis which need not operate through the denial of the body, the attack on nature, or the death struggle between the self and other, a social synthesis which does not depend on any of the forms taken by abstract masculinity.» (HARTSOCK, 303 и далее)

Женщины/феминистки не только видят мир иначе, чем мужчины, но и воспринимают его «правильнее», поэтому ориентиры моделей поведения, связанные с этим правильным познанием, соответственно тоже лучше: «[...] женщины не заинтересованы в мистификации реальности и, тем самым, оказываются способны развить более ясное и заслуживающее доверия миропонимание.»²¹ Факт этот может быть объяснен (но это объяснение далеко не единственное) природным женским превосходством. Такая точка зрения чаще всего обосновывается по аналогии с марксистской теорией познания. Познавательная позиция угнетенного класса по многим причинам и во многих отношениях правильнее позиции правящего класса: «Точка зрения угнетенных является базой для формирования взгляда на реальность – более объективного, чем взгляд правящего класса, и, тем самым, более широкого.»²² Место пролетариата как субъекта с предпочтительной познавательной позицией занимают в феминистской теории женщины, которые обнаруживают все те признаки, которые марксизм приписывает рабочему классу, и даже в еще большей степени подвергаются угнетению.

Иными словами, феминистская эпистемология, так же как и марксистская теория познания, убеждена в следующем: 1) существует социальная обусловленность и относительность любой познавательной позиции; 2) предпочтение имеет такая позиция, которая помогает восстановить взятую прежде под сомнение концепцию неискаженного и всеобъемлющего мышления и знания. Релятивизм, угадываемый в высказывании «нет такой точки зрения, которая существовала бы вне классов»²³, вновь отбрасывается в ут-

---

²¹ «[...] women do not have an interest in mystifying reality and so are likely to develop a clearer and more trustworthy understanding of the world.» (JAGGAR, 384)

²² «The standpoint of the oppressed provides [...] the basis for a view of reality that is more impartial than that of the ruling class and also more comprehensive.» (JAGGAR, 370)

²³ «There is no standpoint outside all classes.» (JAGGAR, 378)

верждении о существовании «класса всеобщего страдания» (Klasse des universellen Leidens – определение, данное пролетариату Марксом), который благодаря собственному положению не заинтересован в защите или утверждении интересов господства и потому не заинтересован в искажении реальности.

* * *

Феминистская эпистемология связана со множеством проблем. Большинство критических замечаний касается содержательной стороны определения женственности, поскольку то, что идентифицируется с «женской субъективностью» является, с исторической точки зрения, не чем иным, как «социальным продуктом женственности; это [...] означает лишь идентификацию с мужским взглядом на женственность» (CONRAD/KONNERTZ, 11).

Среди проблем, возникающих в связи с феминистской эпистемологией, проблема женской идентичности, несомненно, является самой очевидной, но не единственной. Другие проблемы выявляются при более подробном рассмотрении.

Феминистская эпистемология исходит из того, что бытие определяет сознание, то есть что с биологической и/или социальной принадлежностью к мужскому или женскому полу связывается различный опыт, который по-разному влияет на формирование мировосприятия, мышления и поведения. С одной стороны, это исходное положение является абсолютно правильным. Утверждение о том, что человеческое познание обуславливается историческим, пространственным, общественным и культурным положением, а также утверждение, что половая принадлежность является одним из тех факторов, которые определяют позицию человека, является шагом вперед по сравнению с эпистемологической манерой величия позитивизма.

С другой стороны, мы попадаем в затруднительную ситуацию, когда, исходя из общих позиций какой-либо определенной группы, например с позиций женщины, хотим сформулировать представления об общем сознании. «Бы-

тие» человека не может быть одномерным и определяться одним единственным фактором. Любая женщина – это не просто «женщина», она к тому же может быть бедной или богатой, белой или черной, молодой или старой и пр. В адрес феминистской эпистемологии чаще всего высказываются следующие возражения: женщины не белого цвета кожи и не относящиеся к среднему слою общества, сталкиваются с проблемами, которые иначе формируют их сознание, причем влияние этих проблем больше, чем влияние половой дискриминации (LUGONES/SPELMAN, 573-581). Женщинам так же мало свойственно изначально и без особых причин задумываться над своим положением, как рабочим не свойственно изначально иметь пролетарское сознание. Хотя бытие несомненно и определяет сознание, это не означает, что всякое эмпирическое сознание (то есть индивидуум) действительно отдает себе в этом отчет. Я не осмелюсь утверждать, что те, кто занимается феминистской эпистемологией, уже непременно что-либо слышали об этой проблематике.

Когда становится понятным, что феминистская точка зрения (подобно пролетарской, место которой она и занимает) представляет собой сложный теоретический конструкт, то исчезают связанные с ней наивные надежды на то, что возможно провести четкое разграничение между познавательными позициями обоих полов. Сам по себе факт принадлежности к женскому полу еще не позволяет делать выводы о непосредственном доступе к более высоким ступеням мудрости, а наша роль потерпевшего в ситуации угнетения сама по себе еще не вызывает появления абстрактной «сопричастности», на которую мы так охотно ссылаемся как на нечто неоспоримое и абсолютно очевидное.

Кроме того (и это критическое замечание является более серьезным), в контексте феминистских дискуссий возникает пагубное разделение сознания на правильное и ошибочное: после того как выяснилось, что феминистская точка зрения представляет собой теоретический конструкт, предметом теоретических дискуссий становится определение феминистской точки зрения и вопрос о том, какая жен-

щина обладает правильным, а какая ошибочным сознанием. Тот факт, что споры о правильном определении правильного сознания ведутся в феминизме не с той остротой, как в марксизме, объясняется лишь тем, что феминистская дискуссия в целом является более открытой и толерантной, а само феминистское движение организовано не столь жестко.

Если даже отвлечься от этих проблем и предположить, что нет никаких трудностей в четком определении феминистской точки зрения, то мы не можем не отдавать себе отчет в том, что феминистская эпистемология содержит некий статический элемент, который в будущем может сузить ее рамки. Ведь даже если мы склонны предполагать, что все женщины, несмотря на значительные различия, влияющие, возможно, даже в большей степени на их сознание, все же имеют общий опыт угнетения или одинаковый жизненный опыт в результате универсального разделения труда по признаку пола (в сфере труда, связанного с продолжением рода), то феминизм как раз и занимается тем, что пытается изменить эту ситуацию. Но поскольку общие страдания или общий жизненный опыт принимаются за основу феминистской точки зрения, то по иронии судьбы именно она ставится под сомнение в результате успехов феминизма.

Одной из сторонниц решительной критики привилегированного положения феминистской точки зрения, принимаемой за основу совершенного и истинного познания действительности, является Сандра Хардинг:

«Пытаясь развить теории, содержащие истинную (феминистскую) историю человеческого опыта, феминизм рискует пойти вслед за патриархатными теориями [...]: контролировать мышление на основании того, что лишь проблемы некоторых женщин являются общечеловеческими проблемами, а единственно разумными решениями являются лишь предлагаемые [феминизмом] решения. [...] Если больше нет универсального и эссенциального мужчины, то нет и его скрытой спутницы – женщины. Вместо это-

го мы имеем дело с огромным количеством женщин, живущих в сложных исторических комплексах, складывающихся из класса, расы и культуры»²⁴.

В тот момент, когда вступает в силу это представление, мы оказываемся на позициях постмодернизма.

4.2. Феминизм и постструктурализм / постмодернизм

Формированию постмодернистских позиций не в последнюю очередь способствовало неуклонно растущее в XX веке разочарование в марксистском эксперименте. Следствием его неудачи является радикальное распространение так называемой постмодернистской позиции, когда под сомнение ставятся все категории, имеющие важное значение для западной философской мысли и особенно для современного рационального мышления. Предметом дискуссии становятся такие понятия, как истина, объективность и универсальность знания, а также представление о цельном и осознающем свою самость «я», который является субъектом этого знания. И, что еще более важно, речь теперь идет не только о том, чтобы различать между истинным и ложным поиском адекватного понимания действительности, с одной стороны, и адекватной субъекту познавательной позицией – с другой, чтобы в ходе этого процесса реконструировать такие понятия, как истина, познание и знание, а также способность здравомыслящего субъекта отвечать за свои поступки. Напротив, речь идет о полной и окончательной «деконструкции» всего этого.

---

²⁴ «In trying to develop theories that provide the one, true (feminist) story of human experience, feminism risks replicating [...] the tendency in the patriarchal theories to police thought by assuming that only the problems of some women are human problems and that solutions for them are the only reasonable ones. [...] Once essential and universal man dissolves, so does his hidden companion, woman. We have, instead, myriads of women living in elaborate historical complexes of class, race, and culture.» (HARDING, 284)

Существуют три аспекта, которые обосновывают близость постструктурализма и феминизма, а точнее, длительное увлечение постструктурализмом женщин-теоретиков феминизма и писательниц. Не желая забежать вперед, я хочу сразу сделать оговорку, что все три точки зрения весьма амбивалентны и сомнительны и, в конечном итоге, они в такой же степени могли бы вызвать отказ женщин от постмодернизма. В целях более выгодной подачи материала я хочу попытаться выделить сначала положительные стороны этих трех аспектов.

1. Подобно Лакану, Жак Деррида²⁵ также исходит из фаллической структуры нашего символического порядка. Это значит, что категории нашего мышления образуются из парных противопоставлений, между которыми действуют иерархические отношения и которые можно соотнести с дуализмом мужского и женского, построенном на принципе господства. В отличие от Лакана, который убежден в необходимости этой иерархической фаллической структуры как непреложной основы каждой культуры, Деррида показывает зависимость якобы первого (и главенствующего) от якобы второго и подчиненного, зависимость видимого от скрытого, наполненности от пустоты, значимого от незначительного и т. д. Тем самым Деррида разрушает этот фаллический порядок, в результате чего становится возможным распознать женское как скрытую оборотную сторону культуры, неизменно лежащую в основе этого порядка. Вслед за

---

²⁵ Жак Деррида (Jacques Derrida, 1930 г. р.) – французский философ и теоретик литературы, основатель и основной представитель деконструктивизма. Деконструкция – процесс, в ходе которого все, что считается онтологическим и заданным природой, разоблачается как культурный конструкт. Название содержит, наряду с элементом разрушения, деструкции, также и момент построения, конструкции. Тем самым оно позволяет выразить двойственность, характерную для деконструкции. Наряду с радикальным демонтажем традиционного корпуса понятий, деконструктивизм в то же время содержит осознанное понимание невозможности обойтись без этих понятий. (Прим. ред., цит. по: NUNNING, 82)

этим первым шагом Деррида пытается ослабить и опрокинуть все иерархии вообще, чтобы сделать допустимой взаимозависимость и взаимозаменяемость всех отношений.

2. Позиция отсутствия «я» (*Position der Ich-Losigkeit*), несубъектного бытия (*Position des Nicht-Subjekt-Seins*) становится тем, к чему стремятся мужчины-теоретики, зажатые в жесткий панцирь собственного «я». Так, например, Жиль Делез и Феликс Гваттари²⁶ говорят о «становлении женщиной» (*devenir-femme*), которое выполняет роль «ключа к другим становлениям» (*la clé des autres devenirs*), ключа к целому ряду фигур, которые совместно ведут к преодолению фиксации на субъекте. Оба эти автора говорят о различных

«отрезках становления, между которыми мы можем установить пространство порядка или кажущейся прогрессии: становление женщиной, становление ребенком; становление животным, растением или минералом; становление молекулой любого вида, становление частицей»²⁷.

---

²⁶ Согласно теории французских философов Жюль Делеза (*Gilles Deleuze*, 1925 г. р.) и Феликса Гваттари (*Felix Guattari*, 1930 г. р.), постструктуралистский субъект определяется не как изначальная, автономная и единая самость, а как существо, находящееся во власти языка и формируемое языком и культурой. Делез и Гваттари ратуют за освобождение субъекта от ограничивающих его структур. Субъект растворяется в полях и потоках интенсивностей, что достигает своей кульминации в идеале «шизофрении» и «кочевничества». Как и в случае становления женщиной (*devenir-femme*), они кокетливо играют ситуациями/структурами, которые воспринимаются обычно как болезнь или рок. (Прим. ред., цит. по: NÜNNING, 87, 440, 515)

²⁷ «*ségments de devenir, entre lesquels nous pouvons établir une espèce d'ordre ou de progression apparante: devenir femme, devenir enfant; devenir animal, végétal ou minéral; devenir moléculaires de toutes sortes, devenir particuliers.*» (DELEUZE/GUATTARI, 333)

Другой пример – попытка Дерриды разработать женский стиль, чтобы с этой позиции перейти к другому, субверсивному чтению Ницше²⁸. Иными словами, в женском видится и признается будущее для мужчины.

3. Благодаря деконструктивистскому принципу становится очевидным заметное возрастание восприимчивости по отношению к диалектике, в которую включаются теперь и идеи критики и нарушения господствующего порядка, эмансипации и освобождения:

«[...] меры, к которым мы прибегаем для проведения актуальных и необходимых реформ внутри социополитических и психологических структур, укрепляют именно те структуры, которые мы должны разрушить.» (RABINE, 14)

«Если исходные предпосылки того, что принимается за истину, подвергаются критике с помощью логических аргументов или если другая «истина», которая больше соответствует фактам, объявляется действительной, то в обоих случаях подтверждается метафизическое «присутствие» истины» (NYE, 187)²⁹.

---

²⁸ Субверсия, «подрыв» (нем. Subversion): тайная деятельность, нацеленная на переворот существующего (государственного) порядка. Под субверсивным чтением понимается стратегия деконструкции (см. примечание выше), принцип приближения к тексту «изнутри». Такой подход выявляет потенциально бесконечные разветвления значений, избыток значений, выходящий за рамки замысла текста, а также неизбежную внутреннюю противоречивость текстов. (Прим. изд., цит. по: NÖNNING, 82)

²⁹ «[...] the actions we take within sociopolitical and psychological structures toward making immediate and necessary reforms ultimately strengthen the very structures we need to dismantle» (RABINE, 14) «If the premisses of a supposed truth are criticised by way of logical argument and an alternate 'truth' asserted which is more consistent with the facts, in both cases the metaphysical 'presence' of truth is reaffirmed.» (NYE, 187)

Трудности, с которыми мы уже столкнулись в связи с феминистской эпистемологией, склоняют нас к тому, чтобы признать справедливыми эти положения.

Однако в конечном итоге весь феминистский проект оказывается частью «большого нарратива» (LYOTARD), как описывают современную западную рациональность и культуру с ее гуманистическими идеалами и идеалами эмансипации такие постмодернистские мыслители, как, например, Жан-Франсуа Лиотар³⁰. И будучи частью этого «большого нарратива», феминизм, конечно, так же мало-употребителен и архаичен, как нарратив в целом. Иными словами, феминизм, который сам себя с недавних пор истолковывает как проект, ставящий под сомнение великий патриархатный нарратив «рациональность», сам оказывается в этом положении. Именно в этот момент, несмотря на восторженное отношение к идее, в головах женщин-теоретиков феминизма начинает звучать сигнал тревоги. Если мы, исходя из этого, еще раз вернемся к началу и повторно рассмотрим три аспекта, благодаря которым деконструктивистская позиция представлялась нам вначале столь многообещающей, то от этих представлений мало что останется.

Понимание того, что желание освободиться, преступить закон Отца не может преодолеть зависимость от самого закона, вынуждает отказаться от попыток уйти от него, а также от той надежды, которую давал деконструктивизм.

---

³⁰ Жан-Франсуа Лиотар (Jean-Francois Lyotard, 1924–1998) – французский философ, приобрел известность благодаря переносу понятия «постмодернизм» из области архитектуры в сферу философии и общественной теории. В своей работе *La condition postmoderne* (1979) он диагностирует кризис «больших нарративов» (*grands récits*) нового времени: нет больше веры ни в «нарратив» эпохи Просвещения с его оптимистическим взглядом на прогресс, ни в смыслообразующие «большие нарративы» религии и науки. Просветительский проект всеобъемлющего понимания и толкования мира сменяется фрагментарными и временными моделями познания. (Прим. ред., цит. по: NUNNING, 334, 438)

Ведь и идея деконструкции, которая изначально исходила из того, что все другие попытки уклониться от этого закона неизменно возвращают к нему или повторяют его, не в силах избежать этой динамики, сама оказывается подвластна этому закону. Уже из этой общей исходной позиции становится понятно, что корифеев постмодернизма не особенно волнуют феминизм, интересы и требования женщин. Если проанализировать высказывания о феминизме (и без того не так уж многочисленные), то это предположение оказывается абсолютно справедливым. (NELSON; RABINE; KLINGER). Отношение мужчин-теоретиков феминизма строится в лучшем случае на снисходительной толерантности по отношению к бедным женщинам, которые бьются над распознаванием собственного субъекта в то время, когда поезд уже ушел в противоположном направлении. Тех, кто совсем недавно написал на своих знаменах лозунг «становление женщиной» (*devenir-femme*), совершенно определенно не интересуется реальное положение женщин.

Женское, которое их интересует, находится на уровне символического. Это женское не связано с биологическим полом и, тем самым, становится доступным также и теоретикам-мужчинам (женщины здесь ни в коем случае не могут претендовать на какие-либо преимущества или привилегии). Это помогает им в их попытках деконструкции закона Отца, фаллоцентризма и т. п. Впрочем, это тоже только временно, как скромное средство для достижения другой, высшей цели. «Становление женщиной» (*devenir-femme*) является только первым шагом в «становлении частицей» (*devenir-particulaires*) у Делеза и Гваттари, так же как «женщина» является первой ступенью во всеохватывающем процессе деконструкции у Дерриды. Женское помогает мужской теории взобраться на более высокую ступень. Как только смена парадигм от закона Отца к закону Сына оказывается успешно завершена, нет больше необходимости говорить о женском, тема исчезает – до следующего кризиса.

Потребовались бы многословные объяснения, чтобы ответить на вопрос, в каком отношении и каким образом французским теоретикам Люс Иригарэй и Юлии Кристе-

вой³¹ с женской/феминистской позиции удалось сделать деконструктивистский подход полезным для женских/феминистских интересов. Я должна признаться, что не только ограничения во времени и объеме текста удерживают меня от того, чтобы затронуть сейчас столь необъятную тему, как французский феминизм. Я просто не уверена в том, что такая затея вообще имеет смысл. Нельзя отрицать, что феминизм, инспирированный постструктурализмом, многое привел в движение. Это доказывает и ставшее необозримым и распространившееся далеко за пределы Франции множество мнений и критических замечаний на эту тему. Этому направлению удалось найти «лучший постмодернизм» (better-Postmodernism), прежде всего, в области языка, литературы и эстетики, то есть в тех областях, где постмодернистская теория и без того уже имела успех. Однако в целом мне кажется, что это не сглаживает впечатления о том, что постмодернистский феминизм скорее разделяет недостатки исходной теории, чем преодолевает их.

* * *

Конечно же горько, проделав огромный труд по рассмотрению различных направлений феминистской критики рациональности, оказаться перед фактом, что мы не в состоянии предложить какой-либо положительный результат. Ни один из испробованных путей не привел нас к позиции, на которой мы могли бы остановиться или которая могла бы послужить нам в дальнейшем надежной опорой. Заранее можно предвидеть, что путь к феминистской теории познания (или, чтобы выразиться скромнее, к феминистской по-

---

³¹ Юлия Кристева (Julia Kristeva, 1941 г. р.) – литературный критик, культуролог, философ феминизма, психоаналитик. Она отрицает существование женского стиля письма и видит возможность обновления «общего» языка в том, чтобы поставить его под вопрос с помощью семиотики. Согласно Кристевой, на семиотическом уровне, который она относит к доэдипальной, доречевой сфере, можно обнаружить вытесненное и изолированное. (Прим. ред., цит. по: NÜNNING, 334, 438)

зиции по отношению к постановке вопросов теории познания) будет еще долгим и трудным. Максимально точная картина того, что осталось позади и куда не следует держать путь, означает уже первый шаг в этом направлении.

Перевод Марины Когут

В оригинале

Cornelia Klinger: Erkenntnistheoretische Positionen und Probleme der Frauenforschung. In: Wie es Ihr gefällt. II. Hg. von S. Henke und S. Mohler. Freiburg 1991. S. 5–27.

Список литературы

- ALCOFF Linda: Justifying Feminist Social Science. In: *Hypatia. A Journal of Feminist Philosophy* 2/3 (1987).
- BRAUN Christina von: Nicht Ich. 2., veränd. Aufl. Frankfurt/M. 1988.
- CONRAD Judith / Ursula KONNERTZ: Weiblichkeit in der Moderne. Ansätze feministischer Vernunftkritik. Tübingen 1986.
- DELEUZE Gilles / Felix GUATTARI: Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux. Paris 1980.
- FISCHER-HOMBERGER Esther: Krankheit Frau. Zur Geschichte der Einbildungen. Darmstadt/Neuwied 1984.
- FLAX Jane: Psychoanalysis as Deconstruction and Myth: On Gender, Narcissism and Modernity's Discontents. In: G. H. Lenz / K. L. Shell (Hg.): *The Crisis of Modernity. Recent Critical Theories of Culture and Society*. Frankfurt/Boulder 1986.
- HARDING Sandra: The Instability of the Analytical Categories of Feminist Theory. In: S. Harding / J. F. O'Barr (Hg.): *Sex and Scientific Inquiry*. Chicago 1987.
- HARTSOCK Nancy: The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism. In: S. Harding / M. B. Hintikka (Hg.): *Discovering Reality. Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science*. Dordrecht 1983.

- IRIGARAY Luce: Le sujet de la science est-il sexué? In: *Hypatia* 2/3 (1987).
- JAGGAR A.: *Feminist Politics and Human Nature*. Totowa, NJ. 1983.
- KLINGER Cornelia: Abschied von der Emanzipationslogik. In: A. Anders (Hg.): *Autonome Frauen. Schlüsseltexte der Neuen Frauenbewegung seit 1968*. Frankfurt/M. 1988.
- LINDHOFF Lena: *Einführung in die feministische Literaturtheorie*. Stuttgart 1995.
- LONGINO Helen u.a.: A Comparative Analysis of Reasoning in Two Areas of Biological Science. In: *Signs. Journal of Women in Culture and Society* 21/9 (1983).
- LUGONES Maria C. / Elizabeth V. SPELMAN: Have We Got a Theory for You? Feminist Theory, Cultural Imperialism and the Demand for «the Woman's Voice». In: *Women's Studies International Forum* 6/6 (1983), p. 573–581.
- LYOTARD Jean-Francois: *Das postmoderne Wissen. Ein Bericht*. Hg. v. P. Engelmann. Graz/Wien 1986.
- MASSON J. M.: *A Dark Science: Women, Sexuality and Psychiatry in the Nineteenth Century*. New York 1986.
- NÜNNING Ansgar (Hg.): *Lexikon Literatur- und Kulturtheorie*. Stuttgart 1988.
- NELSON Cary: Men, Feminism: The Materiality of Discourse. In: A. Jardine / P. Smith (Hg.): *Men in Feminism*. New York/London 1987, p. 153–172.
- NYE Andrea: *Feminist Theory and the Philosophies of Man*. New York 1988.
- RABINE Leslie Wahl: A Feminist Politics of Non-Identity. In: *Feminist Studies* 14/1 (1988).
- ROHDE-DACHSER Christa: *Expedition in den dunklen Kontinent. Weiblichkeit im Diskurs der Psychoanalyse*. Berlin, Heidelberg 1991.
- YOUNG Iris M.: Is the Male Gender Identity the Cause of Male Domination? In: J. Trebilcock (Hg.): *Mothering Essays in Feminist Theory*. Totowa NJ 1983.

Лена Линдхоф

ФЕМИНИЗМ И ПСИХОАНАЛИЗ

1. Кастрированная женщина

Отношения между психоанализом и феминизмом традиционно характеризуются определенной напряженностью. Психоанализ как теория психосексуальной социализации является одной из наиболее важных наук, составляющих основу феминистской теории; в то же время феминистская критика направлена против патриархатной науки. Для тех, кто стоял у истоков нового женского движения, учение Зигмунда Фрейда, авторитарного «отца» психоанализа, являлось «*контрреволюционным*» очагом сексуально-политической идеологии» (MILLETT 1982, 235). Однако даже такой радикальный критик психоаналитической теории женского, как Кейт Миллетт, не смогла обойтись без психоанализа и использовала его в своих разоблачениях произведений канонизированных авторов как нарциссических фантазий мужчин. С точки зрения феминисток, Фрейд являлся апологетом господствующего общественного устройства и порядка полов, хотя они и признают, что его теория *бессознательного* пошатнула устои западной культуры, не только выявив вытесненное в этой культуре, но и показав, что оно является ее подлинной основой. Вместе с тем такие критически мыслящие психоаналитики, как Карен Хорни (Karen Horney), Люс Иригарэ (Luce Irigaray) и Криста Роде-Даксер (Christa Rohde-Dachser), показали, в какой мере

сам психоанализ Фрейда находится во власти того *бессознательного*, изучение которого он сделал возможным. Поэтому применение теории психоанализа для феминистского прочтения литературных текстов предполагает «ревизию» самого психоанализа.

Заслуга психоанализа, который сыграл также центральную роль в разработке феминистской теории, заключается в развитии материалистической теории возникновения субъектности и сексуальности. Согласно Фрейду, «Я» формируется лишь постепенно, под влиянием социального внешнего мира из первичного инстинктивного «Оно» (здесь я ограничусь изложением топологической теории психического аппарата в поздних работах Фрейда). «Я» выполняет функцию посредника между притязаниями «Оно» и внешним миром, социальное устройство которого требует вытеснения определенных инстинктивных желаний. При этом контролирующая работа «Я» усиливается третьей инстанцией психического аппарата – «сверх-Я», которое представляет собой усвоенные истины и запреты родителей (при патриархатном общественном устройстве – отца). Таким образом, детский субъект включает не только «Я», которое эгоистично стремится удовлетворить свои желания, но и интернализирует некую инстанцию, которая критикует это «Я» и делает детский субъект способным осуществлять социальные действия. Формирование этой инстанции происходит в рамках эдипова комплекса, который для Фрейда является *краеугольным камнем* детского развития. В теории Фрейда он представляет собой момент «введения в действие» открытого ранее различия между полами и поиска своего места внутри порядка полов.

В процессе раннего детского психосексуального развития, которое достигает кульминации и завершается в эдиповом комплексе, «бессознательное» формируется как инстанция, которая включает в себя вытесненное. Согласно Фрейду, генитальной сексуальности эдипальной фазы предшествует «полиморфно-перверсное» вложение энергии¹ в различные

---

¹ Вложение энергии, также катексис (Besetzung) (Рождественский 1998, 64)

частичные объекты² и зоны тела, а у девочки, кроме того, смена объекта любви: отец сменяет мать. Поскольку фрейдская теория сосредоточена почти исключительно на (мужском) эдиповом комплексе и практически не рассматривает доэдипальную фазу, то содержанием бессознательного у Фрейда является, главным образом, мужской вариант эдиповой констелляции³ – инцестное желание, направленное на мать, желание отцеубийства, отцовский запрет на инцест и угроза кастрации.

Инфантильные желания бессознательного никогда не вытесняются полностью. При неблагоприятных условиях они перерождаются в психические заболевания. При этом различие между невротической и здоровой психикой заключается лишь в степени проявления этих желаний. Бессознательное находит свое отражение и в таких непатологических феноменах, как речевые ошибки, шутки, сны и фантазии, сюда Фрейд относит и литературные тексты. На примере этих феноменов становится очевидным, что «первичные процессы»⁴, деятельность «Оно» по производству желаний и фантазий, не просто сменяются «вторичными процессами»⁵ сознательного,

---

² Частичный объект (Partialobjekt), часть объекта – часть тела, к которой субъект относится так, как будто она существует исключительно для удовлетворения его потребностей, или человек, с которым он обращается как с вышеописанным органом. (Рождественский 1998, 230)

³ Эдипова констелляция (Ödipale Konstellation) – предположение ребенком родителя противоположного пола и соперничество с родителем своего пола. (Рождественский 1998, 186)

⁴ Первичный процесс (Primärvorgang) – тип психической деятельности, характерный для функций бессознательного; принцип организации и действия бессознательной душевной жизни, близкий по своему содержанию принципу удовольствия (Рождественский 1998, 239)

⁵ Вторичный процесс (Sekundärvorgang) – тип психической деятельности, характерный для сознательного мышления; те психические процессы, которые ориентированы на требования реальности. (Рождественский 1998, 272)

рационального «Я», а постоянно скрыто участвуют в деятельности сознания. Продукты бессознательного приобретают форму согласно их собственной, алогичной закономерности, которую Фрейд представляет в «Толковании снов». В центре этих механизмов находятся процессы «смещения»⁶ и «сгущения»⁷, с помощью которых вытесненные желания превращаются в представления, которые могут быть осознаны. В случае психического заболевания можно посредством реконструкции этих процессов получить доступ к вытесненным, симптомообразующим⁸ желаниям бессознательного. В ходе психоаналитической терапии пациенты могут быть избавлены от их симптомов посредством того, что в разговоре с аналитиком бессознательные желания *переводятся* в сознание, а связанные с ними аффекты высвобождаются в результате их «переноса» на аналитика.

Фрейда интересовали прежде всего неврозы, к которым относятся истерия, фобии и навязчивые действия. Он утверждает, что их нужно понимать как компромиссные

---

⁶ Смещение (Verschiebung), сдвиг, перемещение – искажение скрытого содержания сновидения путем перемещения акцентов с главного на второстепенное, незначительное и индифферентное; процесс, посредством которого энергия перемещается с одного психического образа на другой; замена одного представления другим (Рождественский 1998, 326)

⁷ Сгущение (Verdichtung) – сжатие скрытого содержания сновидения по сравнению с его явным содержанием; процесс образования новых единиц сновидения; психический процесс, посредством которого имеющие нечто общее различные события, воспоминания и представления сливаются в одно представление. (Рождественский 1998, 318)

⁸ Образование симптома (Symptombildung) – формирование замещающего поведения, которое при этом рассматривается как симптом замещаемого вытесненного влечения; понятие, указывающее на то, что симптомы неврозов есть результат психического процесса; психоневротический симптом как результат особой психической обработки. (Рождественский 1998, 291)

образования⁹, посредством которых вытесненные, но непреодолимые желания находят такое замещающее их выражение, которое одновременно служит для защиты от этих желаний. При психозе за счет преобладания бессознательного возникает бредовое отстранение от реальности. Не случайно Фрейд избегал лечения психотических больных. Поскольку в центре его теории находится эдипальная структура, в которой доминирует «Я» – инстанция, пациенты, «Я», – инстанция которых недостаточно развита, в эту теорию не вписываются (THEWELEIT 1977, 256 и далее). «Где было Оно, должно стать Я» (FREUD 1933, 86) гласит основной принцип теории Фрейда. Фрейд характеризует психоанализ как «культурную работу, сходную с осушением Цуидского озера» (FREUD 1933, 86). В его теоретических трудах эта «культурная работа» имеет мужскую коннотацию:

«В теоретических трудах Фрейда по культуре мы встречаем отождествление мужского и культуры, с одной стороны, женского и природы – с другой, причем это отождествление нигде не ставится под вопрос <...>. Все культурно-критические произведения Фрейда проникнуты представлением борьбы культуры (имеющей мужскую коннотацию) с природой (имеющей женскую коннотацию)» (RONDE-DACHSER 1991, 133; курсив автора).

Из этого факта Роде-Даксер делает вывод о половой коннотации основных метапсихологических понятий.

---

⁹ Образование компромисса, компромиссное образование (Kompromissbildung) – любое психическое явление, оказывающееся продуктом конфликта и частично представляющее обе стороны конфликта; компромисс, возникающий между нереализованными инстинктивными влечениями и защитным механизмом; компромисс, образовавшийся между содержанием явного сновидения и продукцией бессознательного; форма, в которой вытесненное получает доступ к сознанию. (РОЖДЕСТВЕНСКИЙ 1998, 183)

«Метафоры, употребляемые в психоанализе по отношению к бессознательному, вызывают ассоциации с женским и вместе с тем – из-за семантического поля «женского» – с природой и смертью. <...> Я, мужское, разум, логос, культура, эрос (влечение к жизни¹⁰), связанные между собой метафорами, также образуют один ассоциативный комплекс, который образует рамки Я.» (RONDE-DACHSER 1991, 144).

«Отсюда создается впечатление, что различные инстанции этого психического аппарата созданы по образцу семейной драмы, где Оно представляет мать, сверх-Я – отца, а Я – сына или мужчину.» (RONDE-DACHSER 1991, 161).

Фрейдовская теория психосексуальной социализации отражает лишь мужскую точку зрения. Однако, уже выходя за пределы исследовательских интересов самого Фрейда, можно использовать его предположение о том, что развитие индивида представляет собой *повторение* коллективной истории, для критики патриархата. Описывая контролирующее влияние социального устройства на развитие ребенка, данная теория дает возможность поставить под вопрос существующие формы субъектности и сексуальности, которые складываются в процессе этого развития. Сам автор не делает такого вывода; вскрывая генезис субъекта, он представляет этот процесс как необходимый. Патриархатный порядок семьи и общества, в который субъект включается при своем формировании, невозможно пережить; по Фрейду, это всегда победа мужского духа над *таящей* в себе угрозу и имеющей женскую коннотацию природой. Роде-Даксер констатирует наличие у Фрейда

---

¹⁰ Влечение к жизни (Lebenstrieb) – стремление организма к самосохранению; влечение, противоположное влечению к смерти. (Рождественский 1998, 196)

«двойного конструкта женственности – лишенной ценности, «кастрированной» женщины и демонизируемой женщины.» (RONDE-DACHSER 1991, 127).

Это соответствует патриархатному мифу о женском, согласно которому женщина одновременно и дарит жизнь, и является воплощением смерти.

Эта идеология полов отражается во фрейдовских моделях гендерной социализации. Однако его изображение мужского и женского психосексуального развития нельзя определить просто как неверное; оно не лишено диагностической ценности (в этом феминистки – критики теории Фрейда единодушны). Проблема заключается в том, что Фрейд рассматривает гендерную социализацию в условиях патриархатного общества как заданную природой и сопровождает ее описание нормативными требованиями: любое отклонение от «нормального» развития является «неправильным» развитием. Приписывание патриархатному порядку естественного характера имеет особенно для женщины роковые последствия, поскольку Фрейд вообще не признает существования у нее собственной сексуальности. У Фрейда (на это особо обращала внимание Люс Иригарэ) по сути нет различий по признаку пола: под «человеком» подразумевается мужчина, а женщина является «неполноценным» человеком. В изображении Фрейда ее развитие выводится из мужского и поэтому неизбежно оказывается ущербным. То, что в патриархатной культуре является действительностью или, по крайней мере, может быть таковой, Фрейд превращает в научно обоснованную «истину». Женщина у Фрейда становится женщиной после факта признания своей «кастрации»; пока ей не открыто различие между полами, она представляет собой фаллического (т. е. клиторидального) «маленького мужчину». Хотя Фрейд считает «детским» такое понимание различий между полами, которое проявляется лишь в наличии или отсутствии пениса, однако этот взгляд, вопреки всякой очевидности, приписывается не только маленькой девочке, которая до достижения половой зрелости якобы не имеет понятия о своем влагалище, но и *сближается* с позицией са-

мого теоретика. Его изображение женского психосексуального развития совершенно очевидно находится в плену мизогинных предрассудков, которым он находит научное обоснование. Фрейд не признает того, что способность к деторождению и кормлению, свойственная женскому организму, имеет какое-либо значение для детского восприятия различий между полами.

Согласно Фрейду, открытие девочками и мальчиками различий между полами неизбежно должно сводиться к обнаружению наличия или отсутствия пениса. После этого под влиянием отцовского запрета на инцест у мальчика развивается страх перед кастрацией. Он отказывается от своей первичной любви к матери, и без того уже лишенной ценности, идентифицирует себя с отцом, у него развивается фаллический нарциссизм, а позже он находит замену матери в других объектах любви. Для девочки Фрейд предусматривает гораздо более трудный путь: чтобы достичь своего «сексуального предназначения», она должна совершить тройной «переход»: от клитора к влагалищу, от активного сексуального поведения к пассивному, а также от одного объекта любви (матери) к другому (отцу). Этот переход вызывает снижение самооценки у девочки. С этого момента «зависть к пенису» определяет ее жизненный путь; даже рождение детей является для нее лишь замещением отсутствующего пениса. Осознавая себя «кастрированной», девочка уже не испытывает страха перед кастрацией. Этот страх не может склонить ее к отказу от инстинктивных влечений. Именно поэтому творческие достижения и моральные качества женщин, по Фрейду, уступают мужским. Да женщине и не нужно много подавлять в себе: после обидного открытия собственной кастрации, с которого, по мнению Фрейда, начинается ее «женственность», ее либидо довольно ограничено. Согласно Фрейду, женская личность, которая формируется при таких обстоятельствах, характеризуется тремя основными признаками: пассивностью, мазохизмом и компенсаторным нарциссизмом, который стоит ступенью ниже активного, фаллического, объектного нарциссизма мужчины. Поразителен тот факт, что женская психика в теории Фрейда остается «белым пятном», ведь

психоанализ берет свое начало в исследовании именно «женской» болезни истерии. На примере загадочных симптоматических образований больных истерией Брейер и Фрейд открыли «бессознательное».

«То, что ошибочные интерпретации женского характера основываются на имеющих непрекращаемый авторитет клинических наблюдениях, составляет настоящую трагедию фрейдовского психоанализа. Ведь к психоаналитику шли женщины, которые не сумели приспособиться к жизни.» (MILLET 1982, 236).

Посредством клинических наблюдений над «невпавшими» женщинами психоанализ открыл новую область знания о женском; однако одновременно с созданием теории он пытался привязать эту область к патриархатной идеологии.

Ученицы и ученики Фрейда – Хелене Дойч (Helene Deutsch), Карен Хорни (Karen Horney), Мелани Кляйн (Melanie Klein) и Эрнест Джонс (Ernest Jones) – развили свои собственные теории женского, где они зачастую открыто вступали в спор с Фрейдом. К их моделям нередко прибегало и феминистское литературоведение, часто однако упуская из виду то, в какой мере эти теории перенимали постулаты Фрейда. Эта зависимость видна особенно у Хелене Дойч в мазохистском образе женского. Более скрыто она проявляется у критически настроенных к Фрейду Карен Хорни, Эрнеста Джонса и Мелани Кляйн.

2. Отношение к матери

Карен Хорни в свое время заняла такую феминистско-социологическую позицию, которая привела ее к исключению из Объединения психоаналитиков. «Зависть женщины к пенису» она интерпретировала как защитный симптом, который развивается у женщины в связи с ее ущемленным положением в обществе. Этому симптому Хорни противопоставила «зависть мужчины к деторождению». Однако сексуаль-

ные характеры она выводила из гетеросексуальных желаний совокупления у обоих полов. Поскольку эти желания в эдипальной ситуации ориентированы на могущественных родителей, они должны приводить к сексуальным страхам, вытеснениям, а у мужчины – к компенсаторной мизогинии.

Мелани Кляйн как детский аналитик имела возможность опираться на клинический опыт. Разработав теорию объектных отношений¹¹, она основала влиятельную школу в рамках психоанализа. Кляйн не критиковала Фрейда открыто, но выработала свою собственную теорию сексуальности. Ее теория имела *определяющее* значение для исследования доэдипальной фазы и полностью изменила понимание бессознательного. Однако Кляйн вела исследование доэдипальной фазы в направлении, которое для феминистского подхода является не менее враждебным, чем теория Фрейда (ср. RONDE-DACHSER 1991, 172 и далее). Она выдвинула предположение о доминировании воображаемых (частичных) объектов над реальными и садистских импульсов над либидозными. Кляйн исходит из того, что ребенок имеет врожденное агрессивное влечение, которое направлено на «материнское тело» и его воображаемое наполнение (пенис отца, младенцы, экскременты) и имеет целью присвоить это содержимое или разрушить его. Проецирование агрессивного влечения на мать неизбежно должно привести к возникновению в детском бессознательном «злого материнского имago», которое *отделено* от «доброй» матери. Как и Хорни, Кляйн считает, что девочка уже на ранней стадии знает о существовании влагалища. Она также разделяет спорное предположение исследовательницы о том, что девочка с самого начала является гетеросексуальной маленькой женщиной и испытывает вожделение к пенису отца. Прежде всего Кляйн отрицает социоисторический аспект психосексуальной социализации полов, мизогинные и фаллоцентрические импликация которой воспринимаются как

---

¹¹ Объектные отношения (Objektbeziehungen) – отношение субъекта к миру как результат восприятия объектов. (РОЖДЕСТВЕНСКИЙ 1998, 222)

«естественные». Согласно Кляйн, сексуальный характер женщины *складывается лишь на основе ее знаний о теле*, а не формируется под влиянием общества.

Итак, «классические» теории женского психосексуального развития вызывают едва ли меньше возражений, чем теории Фрейда. Постулируя с опорой на биологию врожденную гетеросексуальность, Хорни, Кляйн и Эрнест Джонс (взгляды которого не многим отличаются от изложенных выше) даже откатываются назад по сравнению с Фрейдом. Их теории – это компромиссы, которые хотя и видоизменяют фрейдовскую модель, все же фактически не отвергают ее. Лишь в семидесятых годах в контексте нового женского движения появляются психоаналитики, которые пытаются пересмотреть не только теорию женского, но и внеисторические модели социализации полов вообще. Эти теоретики рассматривали психоанализ как инструмент для анализа патриархатного общества и тех механизмов, с помощью которых оно постоянно самовоспроизводится в психосексуальном развитии индивидов.

В этом феминистском психоанализе продолжается та тенденция, которая была намечена у Кляйн и Хорни и которая повлияла на всю теорию сексуальности после Фрейда, независимо от направлений и различий внутри этой теории: перенесение главного исследовательского интереса с фрейдовского эдипального треугольника на ранние отношения между матерью и ребенком. Это внимание к доэдипальной фазе, когда доминирует мать, а не отец, границы между «Я» и миром только формируются, вытеснение и сублимация еще не сделали свое дело, ребенок еще не владеет языком, а тело и влечения еще не управляются интеллектом, привело к новым открытиям в области детской психологии и изучения психозов, которыми Фрейд почти не занимался. Согласно новым психоаналитическим теориям, детское «Я» не просто развивается из «Оно», а возникает в результате контакта с находящимися вне его «объектами», первым и самым важным из которых является мать.

Однако этот перенос главного исследовательского интереса на роль матери имел вначале лишь отрицательные последствия для образа женщины в психоанализе. Начало

было положено в работах об «имаго злой матери» Мелани Кляйн. Жанин Шасге-Смиржель (Janine Chasseguet-Smirgel) вслед за этим объявила именно доэдипальную «праматерь» первопричиной всего фаллоцентрического зла. Какой бы нежной ни была мать в действительности, в бессознательном ребенка не может не запечатлеться связанный со страхом образ «фаллической» властной матери. Чтобы сформировать собственную идентичность, оба пола должны противопоставить власти этого образа власть мужского фаллоса. В этой авторитетной модели отец «спасает» ребенка от удушающего симбиоза с матерью, хотя отношение к матери и рассматривается как образец всех последующих объектных отношений.

«Таким образом, «женское» и «мужское», которым приписаны черты имаго матери и отца, становятся *антропологическими константами.*» (RONDE-DACHSER 1991, 175; курсив автора).

Такие феминистские психоаналитики, как Дороти Диннерштейн (Dorothy Dinnerstein), Нэнси Чодоров (Nancy Chodorow (США) или Кристиан Оливье (Christiane Olivier) (Франция), исследующие влияние гендерной дифференциации на развитие личности, в своих работах используют этот концепт. Однако у них он предстает в несколько ином свете. Эти исследовательницы не изолируют историю индивида от истории общества, в условиях которого он развивается. Мать теперь является объектом ненависти ребенка не всегда, а лишь в рамках патриархатного общества, которое отводит женщинам частную сферу воспроизводства, а мужчинам – общественную сферу производства. То обстоятельство, что для обоих полов первичным объектом является женщина и что отношение мальчика к ней характеризуется отличиями, а девочки – сходством, приводит к асимметрии полов, вследствие которой мужчины и женщины различаются своими способностями в построении отношений. Перераспределение ролей в обществе, при котором мужчины будут принимать участие в уходе за детьми, по мнению упомянутых психоаналитиков, поможет преодо-

леть женоненавистничество в западной культуре. По мнению Чодоров, исследования которой о воспроизведении инстинкта материнства представляют собой наиболее влиятельный труд в рамках социологического феминистского психоанализа, мизогиния является результатом того, что формирование самостоятельной идентичности у мальчиков связано с расторгением их первоначальной идентификации с матерью. Мать изначально является не только первым объектом любви, но и первым объектом идентификации для детей обоих полов. Обнаружение различий между полами приводит – вследствие принижения ценности женщины в обществе – к полному отторжению матери мальчиком. Это отторжение связано с вытеснением тех эмоциональных составляющих личности, в которых сначала и мальчик мог идентифицироваться с матерью. Разрыв с матерью имеет амбивалентные последствия: с одной стороны, он ведет к радикальной потере объекта любви и составляющих собственного «Я», с другой стороны – к освобождению от *всесильной* матери. У девочки, которая не переживает такого разрыва, возникают трудности с формированием ее собственной идентичности. Эдипальную смену объекта любви девочки (от матери к отцу) Чодоров и другие аналитики интерпретируют как ее бегство от *подавляющих* отношений с матерью. Однако, в отличие от других теоретиков, Чодоров подчеркивает и позитивные аспекты амбивалентных отношений матери и дочери. Если развитие мужчины направлено на защиту границ своего «Я», то женское «Я», определяющее себя внутри интересубъектного отношения, развивает такие необходимые для общения качества, как способность строить отношения, чувствительность и заботливость.

Джессика Бенджамин (Jessica Benjamin), развивая идеи Чодоров, критикует распространенный тезис о том, что отношение к матери является лишь простым симбиозом, а отношение к отцу необходимо для поисков идентичности. По ее мнению, идентичность субъекта формируется уже в рамках отношений матери и ребенка. Именно эти отношения позволяют постепенно научиться признавать в другом *самостоятельный* субъект. Однако

под влиянием патриархатного общества эта способность к взаимному признанию и настоящему взаимодействию утрачивается.

По мнению Бенджамин, успех поиска субъектом собственной идентичности зависит от его способности совмещать две противоположные тенденции: ему необходимо найти баланс между обособлением себя от другого и признанием этого другого, что является также признанием своей собственной зависимости от одобрения со стороны другого. В западной культуре этот конфликт «решается» путем «раскола»: обособление от другого приписывается мужскому полу, а признание другого – женскому. Согласно Бенджамин, доминирование одностороннего, мужского, самообособления проявляется и в философских размышлениях о субъектной конституции: они представляют этот раскол как нечто неизбежное. Хотя в гегелевском анализе *господства и подчинения* и в экстраполяции его Батаем (Bataille) на отношения между полами очевидна необходимость интерсубъектности для субъектной конституции, однако самосознанию, по Гегелю, присуща неискоренимая тенденция к отрицанию своей зависимости. Самосознание, хотя и учится тому, что оно не может полностью исключить другого, поскольку нуждается в его признании, все же пытается, насколько это возможно, подчинить другого себе, чтобы отказать ему в признании. Батай ставит этот конфликт самоутверждения и подчинения в центр эротики и тоже видит единственное решение в их иерархическом «расколе». Он находит свое выражение в отношениях власти между полами: (мужское) обособление индивида от другого Батай отождествляет с «жизнью» субъекта, а (женскую) готовность отдаться и слиться в сексуальном поведении – со «смертью» субъекта. Это распределение имеет метафорический характер и может быть осуществлено прямо противоположно (Сиксу [Sichoux] и Иригарэ, например, отождествляют самоотказ с жизнью, а обособление со смертью). Батай, однако, забывает о метафорическом характере этого распределения. В выходе за границы субъекта в сексуальном поведении он видит общественно необходимый «ритуал», в котором отрицаемая интерсубъектность может реали-

зоваться. Однако при этом мужчина всегда представляет собой действующую сторону, которая остается субъектом, в то время как женщина берет на себя функцию «жертвы», переходит границы индивидов и вынуждена принять смерть. В анализе *Истории О.*, литературной садомазохистской фантазии автора-женщины, Бенджамин показывает, как функционирует описанное Батаем распределение сексуальных ролей, при котором женщина в мазохистском подчинении отрицает свое бытие как субъекта. Однако Бенджамин против морального осуждения этих фантазий; она, скорее, видит в них страстное желание переступить границы мужской субъектности, которое в остранинной форме проявляется в этих фантазиях. Таким образом, в своем остранинении этот текст указывает на необходимость новых форм индивидуации, которые не приводят к иерархическому «расколу». В «успешной» индивидуации самоутверждение и признание другого не разделялись бы по признаку пола, а реализовались бы в одном субъекте.

Перевод Элины Майер

В оригинале

Lena Lindhoff: *Feminismus und Psychoanalyse*. In: Lena Lindhoff: *Einführung in die feministische Literaturtheorie*. Stuttgart 1995, S. 61–71.

Список литературы

- FREUD Sigmund [1933]: *Gesammelte Werke*. Bd. 15: *Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*. Frankfurt/M. 1966.
- MILLETT Kate: *Sexus und Herrschaft. Die Tyrannei des Mannes in unserer Gesellschaft*. Köln 1982. [В оригинале: *Sexual politics*. New York 1970].

RONDE-DACHSER Christa: Expedition in den dunklen Kontinent. Weiblichkeit im Diskurs der Psychoanalyse. Berlin/Heidelberg 1991.

THEWELEIT Klaus: Männerphantasien. Bd. 1: Frauen, Fluten, Körper, Geschichte. Frankfurt/M. 1977.

При переводе использовался словарь:

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Ю.Т.: Немецко-русский словарь по психологии (с указателем русских терминов). М., 1998.

Гертруде Постл

С ФРЕЙДОМ И ПРОТИВ ФРЕЙДА:
ЛЮС ИРИГАРЭ

Люс Иригарэ, будучи, как и Юлия Кристева, психоаналитиком, в своих теоретических исследованиях выходит, однако, далеко за рамки психоанализа и занимается в первую очередь критическим рассмотрением так называемых шедевров философской мысли.

Труды Фрейда и Лакана, как мы убедимся, несомненно, служат основой ее размышлений, но в отличие от Кристевой она использует психоаналитическую модель против нее же самой. Иригарэ является, в первую очередь, представительницей радикального французского феминизма и только потом аналитиком. Ее труды следует воспринимать как фундаментальную критику мужских форм дискурса в развитии западной философской мысли. Критика Платона, Декарта, Гегеля или Фрейда в работах Иригарэ, на мой взгляд, – один из лучших примеров последовательного феминистского прочтения западной философской традиции.

Согласно Иригарэ, все эти теории, несмотря на их существенные различия, имеют нечто общее: в основе их структуры лежит принцип одинаковости с мужским полом и опирающееся на него рациональное логическое мышление, принимаемое за абсолютный критерий ценностей. Все, что отклоняется от этой нормы – назовем лишь материку, природу, женщину, – включается в унифицирующую систематику этих теорий без учета специфического характера

этих отклонений. Таким образом, различие оказывается недопустимым, о «другом» непозволительно даже и подумать, оно урезается, отчуждается, лишается собственного существования.

В этом смысле Фрейд и Лакан являются лишь последними представителями этой традиции. Они подвергаются критике за их претензию на универсальность теорий, представляющих по своей сути не что иное, как осуществленное с позиций мужчины «правильное» описание женщины в условиях патриархата. Иригарэ уделяет им особое внимание, поскольку они, по крайней мере, делают женское предметом своих рассуждений.

После публикации в 1974 году докторской диссертации Иригарэ *Speculum de l'autre femme* (Зеркало другого рода / другой женщины) стало очевидным, что своей критикой мужских теорий с помощью психоанализа она затронула центральный нерв патриархатной системы. Публикация повлекла за собой немедленное исключение автора из Фрейдовской школы в Париже, руководимой Лаканом. Торил Мой (Toril Moi) прокомментировала это следующим образом:

«Интересно наблюдать за этим демонстративным применением патриархатной силы, которое отчетливо доказывает принципиальную значимость этой книги для феминизма: любой текст, способный до такой степени рассердить Отцов, заслуживает феминистской поддержки и аплодисментов»¹.

Тексты Иригарэ многозначны и многоуровневые, часто трудны для понимания и едва ли поддаются упорядочению в так называемой последовательной аргументации. Если я все же и попытаюсь в дальнейшем осветить основ-

---

¹ It is tempting to see this dramatic enactment of patriarchal power as clear evidence of the book's intrinsic feminist value: any text that annoys the Father's to such an extent must be deserving of feminist support and applause.» (Moi 1985, 127)

ные положения ее философии, то это уже будет частью моей интерпретации. По своей сути ее тексты противятся всякой попытке упорядочения и систематизации. Это поэзия, философия и феминистская политика одновременно, это игра слов и жонглирование скрытыми цитатами. Хотя слово здесь имеет женщина, однако совершенно очевидны также все те влияния, которые в последние десятилетия определяли интеллектуальный климат во Франции, – наряду с Лаканом, это прежде всего Деррида и Фуко. Таким образом, Иригарэ предпринимает попытку с помощью варьирования «мужских слов» прийти к женской речи и женскому письму.

1. Принцип одинаковости и женщина как отличие

Поскольку большая часть работ Иригарэ представляет собой как изложение уже упомянутого принципа одинаковости, так и его критику, то понятия «одинаковости» и «различия» оказываются в центре комплекса ее идей. Мужской дискурс и женское, представляющее собой радикальное отличие от него, образуют две плоскости, между которыми она движется, критикуя одновременно ту концепцию традиционной философии, в которой различие трактуется всего лишь как противоположность однообразия. Тем самым мы постоянно имеем дело с двумя моделями: с двумя моделями сексуальности, языка, мышления, субъектности. Но в эти модели, в свою очередь, включаются и две модели женщины.

«Женщина номер один» представлена в мужском дискурсе. Это концепция женственности, позволяющая угадать мужские ожидания и интересы, которая по своей сути почти не изменилась со времен Платона и которая нашла в трудах Фрейда особую форму и особое объяснение.

Основное определение женщины – «недостаток» (Mangel), что означает, что женщине принципиально чего-то не хватает. Она является полом, не имеющим, собственно говоря, полового органа, который кастрирован, невидим,

является дырой – «_Ничего не видно’ – значит, _ничего нет’»²; этот пол ориентирует все свои помыслы на то, чтобы заполучить единственно возможный половой орган – фаллос. То есть основополагающим признаком женского является зависть к пенису, преодолеть которую, согласно Фрейду, возможно лишь одним способом: родить мальчика. Женская сексуальность с самого раннего времени определяется в терминах «зависть, ревность, страх», и Иригарэ задается справедливым вопросом о том, кто в этом заинтересован.

«Разве не является древний, изначальный характер «зависти к пенису» необходимым следствием *примата мужского органа*? Не потому ли, что фаллос должен представлять архетип пола, исконного пола? А пенис должен быть адекватным репрезентантом *Идеи* пола? Не может быть никакого другого «страстного желания», кроме желания обеспечить его господство [...]»³.

Женское вожеление, женское наслаждение – специфичные для женщин формы полового чувства – не упоминаются в мужских системах. Да и возможно ли это? Пол, которого нет, не может ничего чувствовать. Женщина измеряется масштабами мужского пола, подчиняется его же системе, в которой нет места различиям.

Почему маленькую девочку, женщину вынуждают бояться, страстно чего-то желать, надеяться, ненавидеть, отказывать и т. д. *в той же форме, в тех же понятиях*, что и маленького мальчика, мужчину?⁴

² «Rien à voir équivaut à n’avoir rien.» (IRIGARAY 1974, 54)

³ Ce caractère primitif, le plus primitif, de ‘l’envie du pénis’ n’est-il pas exigé par la primauté de l’organe mâle? Par le fait que le phallus doit être l’archétype du sexe? Le sexe originaire? Et le pénis la plus adéquate représentation de l’Idée de sexe? Il ne peut y avoir d’autre ‘désir’ que celui d’assurer sa domination [...]» (IRIGARAY 1974, 67)

⁴ «Pourquoi faire redouter, envier, espérer, haïr, rejeter, etc. la petite fille, la femme *dans les mêmes termes*, peu s’en faut, que le petit garçon, l’homme?» (IRIGARAY 1974, 69)

Исполняя свое предназначение как «ущербное» существо, женщина имеет, однако, важную функцию: она является оборотной стороной, дырой, негативом зримого мужского позитива. Все предписываемые ей качества в рамках «больших» мужских систем (не только в психоанализе) имеют своей целью одно – стилизовать женщину как (комплементарное) дополнение, как законченную противоположность и тем самым превратить ее в гарант принципа одинаковости. Только на фоне этого внешнего, на фоне этой конструкции абсолютно Другого оказывается возможным господство мужского логоса, единство субъекта, история западной науки, словом, функционирование мужских процессов обмена (репрезентациями. – *Ред.*). Это исключение женщины, однако, не следует понимать в том смысле, что она находится за пределами конструкции, напротив, она является образующей и несущей составной частью этой системы.

«[...] и знать, что женское в нем (в психоанализе. – *Г.П.*) встречается только внутри моделей и законов, предписанных мужскими субъектами. Тем самым подразумевается, что действительно существует не два пола, а лишь один. Есть лишь одна практика и репрезентация сексуального, с его (этого поля. – *Ред.*) историей, его потребностями, его оборотными сторонами, его недостатками, его негативом/ негативами, [...] носителем которых является женский пол. Эта фаллическая модель участвует в ценностях, созданных патриархальным обществом и культурой, ценностях, зафиксированных в философии: собственность, производство, порядок, форма, единство, зримость [...] эрекция»⁵.

---

⁵ [...] à savoir que le féminin n'y a lieu qu'à l'intérieur de modèles et de lois édictés par des sujets masculins. Ce qui implique qu'il n'existe pas réellement deux sexes, mais un seul. Une seule pratique et représentation du sexuel. Avec son histoire, ses nécessités, ses revers, ses manques, son/ses négatifs [...] dont le sexe féminin est le support. Ce modèle, *phallique*, participe des valeurs promues par la société et la culture patriarcales, valeurs inscrites dans le corpus philosophique: production, ordre, forme, unité, visibilité [...] érection» (IRIGARAY 1977, 85)

Это означает, что одинаковое может сохранить свой характер лишь в том случае, если оно конструирует радикальное отличие, но не показывает его, не делает его эксплицитным, хранит его втайне и лишает его всякой возможности самовыражения. Строго говоря, речь здесь идет собственно не о различии, а о повторении одинакового, но со знаком минус. Иными словами, женщина хотя и предусматривается во всех мужских системах в виде «другого», но качество этой «инаковости» всегда находится в прямом соотношении с мужскими качествами. В этом смысле нет возможности уйти от этих систем – Другое, отклоняющееся от принятого, никогда не имеет значимости за счет своих специфических особенностей, а всегда конструируется в качестве дополнения к Одинаковому.

Это то понятие различия, которое Иригарэ подвергает резкой критике. Женщина никогда не признавалась как нечто действительно отличающееся от мужчины и поэтому не могла развить ни собственной сексуальности, ни собственных представлений о наслаждении и чувственном желании, ни, соответственно, собственных репрезентаций и собственного языка. Мужчина служит образцом для всего, чем она является.

«Она пребывает в беспомощности от того, что ей чего-то не хватает (ущербности), от недостатка, отсутствия, зависти и т. п., что в конечном итоге заставляет ее подчиниться, явным образом отдаться в распоряжение сексуального чувственного желания, сексуального дискурса, сексуального закона мужчины, Отца [...]»⁶

Ключевым понятием в порядке полов и функций, отводимых женщине в нем, является понятие зеркала. Для

---

⁶ «Elle reste dans la déréliction de son manque de, défaut de, absence de, envie de, etc., qui l'amène à se soumettre, à se laisser prescrire de façon univoque par le désir, le discours, la loi, sexuels de l'homme. Dans un premier temps, du père [...]» (IRIGARAY 1974, 56)

поддержки и стабилизации мужского порядка женщине недостаточно быть лишь дополняющим «ущербным» существом. Но именно благодаря тому, что она есть существо с «нехваткой», которому чего-то не хватает и тем самым не проявляется самостоятельно, ее превосходно можно использовать в качестве проекционной поверхности для мужских фантазий: *«Отношение к негативу всегда будет для мужчины лишь [...] воображаемым.»*⁷ Ее пустота желает быть заполненной. Так, согласно Фрейду, ее половой орган интерпретируется исключительно как место, принимающее и охватывающее пенис, таким образом, ее бытие в целом не имеет никакой другой цели, кроме как вновь и вновь отражать для мужчины его воображаемый автопортрет. Только таким образом достигается иллюзорное единство мужского субъекта и сохраняется идеология «одинаковости».

Разумеется, зеркало нужно. [...] Может быть, необходимую роль возьмет на себя женщина? Конечно, женщина. Не имеющая пола, взглядов, чувственного желания. Женщина, дубликат игры мужского чувственного желания⁸.

Хотя женщина ввиду своей бесполости является «другим», «внешним», она никогда не проявляется в этом качестве, а оказывается неизбежно интегрированной в систему именно в этой функции зеркала.

В связи с этим следует коротко напомнить о лакановской «стадии зеркала». Вся конструкция воображаемого, преломленная символическим порядком, расщепление Я, Другое как составляющая фиктивной целостности субъекта – все эти операции самым тесным образом связаны с метафорой зеркала. Иригарэ заимствует эту метафору и переносит ее в присущей ей функции формирования фиктивного субъекта на отношения полов.

---

⁷ «Le rapport au negatif, pour l'homme, n'aura jamais été qu'imaginaire [...]» (IRIGARAY 1974, 60)

⁸ «Bien sûr, il faut un miroir. [...] Alors, la femme peut-être? Qui, le femme. Sans sexe, sans regard, sans désir d'appropriation. La femme, reduplicatif de l'enjeu du désir de l'homme.» (IRIGARAY 1974, 116)

Итак, зеркало необходимо. Как зависть к пенису служит обоснованием особой значимости пениса и ее подтверждением – «Поскольку, если ее чувственное желание может проявляться лишь как “зависть к пенису”, то, конечно, Он обладает пенисом»⁹, – так и зеркальность делает женщину гарантом этой ценности. Это происходит, когда женщина показывает / говорит мужчине то, что ему хотелось бы видеть / слышать, а именно: превосходство его пола.

Кастрированная и безмолвная, но выполняющая свою функцию женщина оказывается втянутой в игру, правила которой с самого начала определялись без ее участия и влияния. Иригарэ говорит о

«способах интерпретации функции женщины, которых неуклонно требует ход определенной игры, в которую она всякий раз оказывается включена без какого бы то ни было намерения с ее стороны»¹⁰.

Тем не менее у женщины есть возможность не ограничиваться функцией отражающей, оборотной стороны, а взять на себя также и «активную» роль. Она может делать вид, что имеет то, чего ей на самом деле не хватает, и быть тем, чем она никогда не сможет стать: мужским полом. Этот аспект мы тоже уже встречали у Лакана. Иригарэ, однако, рассматривает его с женской точки зрения и задается вопросом о последствиях такого навязанного акта подмены для женщины.

Будучи интегрированной в систему «одинаковости», она может быть желанной лишь в том случае, если окажется в состоянии удовлетворить господствующее влечение к «тождественному». То есть она вынуждена имитировать

---

⁹ «Car si son désir ne peut signifier que comme 'envie de pénis', c'est bien qu'il l'a.» (IRIGARAY 1974, 58)

¹⁰ «Toutes modalités d'interprétation de la fonction de la femme rigoureusement postulées par la poursuite d'une certaine partie dans laquelle elle aura toujours déjà été inscrite sans avoir commencé à jouer.» (IRIGARAY 1974, 20)

мужчину, подражать ему, вести себя так, словно у нее есть фаллос, открывающий ей доступ к принятой системе ценностей. [...]

Но это возможно лишь в случае, если она вытеснит свой пол и идентифицирует себя с мужчиной. Это ведет к вытеснению Я, которое, собственно, и не имело возможности сформироваться. Поэтому женщина и усваивает бессознательные элементы мужского сознания, с тем чтобы последнее легче могло продвинуться к позиции сверх-Я и без каких-либо помех отдалиться тенденции сублимирования.

«Бессознательное, которым она является, хотя и не для себя [...] “чувственный” резерв для повышения интеллекта, материальная основа для построения форм [...]»¹¹.

Обращение к мимесису требует, однако, еще одного вытеснения, близко связанного с первым и также вытекающего из фрейдовской основы генезиса: это вытеснение собственного начала, конкретно – тела матери, и связанная с этим невозможность устанавливать отношения с женщинами в целом.

«Маленькая девочка явно не знает, что она теряет в результате “краха” отношений с матерью и с женщинами вообще»¹².

Итак, не имея собственного начала и самосознания, женщина имитирует мужчину. Это, однако, не означает, что она воспроизводит его образ, поведение и манеру говорить

---

¹¹ «Inconscience qu'elle est mais pas pour elle-même, [...] Réserve 'sensible' pour l'élévation de l'intelligence, matière-support pour l'empreinte des formes [...]» (IRIGARAY 1974, 175 и далее)

¹² «La fillette, évidemment, ne sait pas ce qu'elle perd dans la découverte de sa 'castration', ni dans la 'ruine' consécutive de son rapport à la mère, et aux autres femmes.» (IRIGARAY 1974, 80)

в идентичных формах. Когда Иригарэ говорит об удваивании, об идентификации с мужчиной, нельзя забывать об одной решающей функции зеркала: о перекрестности сторон двойного изображения. Женщина отражает мужчину, но именно в зеркально-перекрестном изображении, в форме симметричной перестановки.

Это означает, что она принимает на себя определение как существа с недостатком и соглашается с приписываемыми ей негативными качествами, со своим несуществованием как оборотной стороны. Она утрирует это несуществование, превращает это в свое назначение – и все для того, чтобы иметь хотя бы что-то, чему приписывается ценность в процессе обмена означающими, определяемыми мужчиной. Иными словами, женщина может отражать и имитировать «мужское» лишь в том случае, если она беспрекословно соглашается с предписываемой ей ролью традиционной женственности.

«Роль “женственности” предписывается этим отражением мужчины и маскулинными умозрительными построениями и едва ли соотносится с желаниями женщины [...]»¹³.

Эта постоянная необходимость притворяться и инсценировать то, чего нет, в конце концов перерастает в симптом: следствием подражания является истерия.

И едва ли стоит удивляться, когда в связи с зеркалом и подражанием мы вновь встречаемся с расхожими атрибутами женственности: косметикой, маскарадом, завуалированностью, то есть с такими приемами, которые отражают для мужчины картины, вызванные его собственными проекциями.

Косметика, маски, за которыми она скрывается, используются с целью обмануть, создать иллюзию более

---

¹³ «Le rôle de la ‘féminité’ est d’ailleurs prescrit par cette spécula(risa)tion masculine et ne correspond que bien peu au désir de la femme [...]» (IRIGARAY 1977, 29)

высокой ценности, чем та, что имеется в действительности¹⁴.

Здесь также заметно существенное влияние Лакана: невозможность заполучить первый, изначально страстно желаемый объект, то есть фаллос, способствует появлению ряда замещений, которые скрывают подлинную нехватку и имеют целью отвлечь на себя страстное желание, которое может быть только мужским. Однако если у Лакана эта конфигурация фаллоса, кастрации и замещающего объекта все же довольно быстро переходит на уровень чистых и абстрактных знаков и превращается в практически неуловимое движение цепи сигнификантов, то Иригарэ показывает, кто определяет ценности и кому выгоден маскарад. Для нее абсолютно очевидно, что именно социально утвержденные атрибуты женской внешности выполняют функцию видимых замещающих объектов. [...]

В существующей модели отношений между полами мужчина достигает осознания своего Я и сохраняет его лишь потому, что женщина за счет приписываемого ей недостатка превращает мужчину в совершенство, отражает его и подражает ему. Ответ Иригарэ на эту модель основывается на радикальном различии обоих полов без постоянного соотношения их друг с другом, в некотором роде «существование по соседству», при котором мужчину и женщину можно было бы определить как самостоятельные «целостности»: два разных вида сексуальности, две формы желания, два языка, два различных способа бытия. И хотя Иригарэ совсем не отрицает возможности существования связи между этими двумя системами, она ее не слишком интересуется.

Эта модель принципиального различия полов образует соотносительные рамки для второго варианта женщины у Иригарэ, для «женщины номер два», которая, правда, в силу обстоятельств существует пока лишь потенциально.

---

¹⁴ «Les fards, les masques de toutes sortes dont elle(s) se couvrent) voudront leurrer, faire croire qu'il y en a plus que ça ne vaut réellement.» (IRIGARAY 1974, 142)

В этом случае речь идет действительно о чем-то совершенно другом, имеющем не только различия с мужчиной, но и внутри себя. Эта женщина является неоформленным, многосторонним бытием, находящимся в постоянном движении.

«О женщине нельзя сказать, что она закрыта или открыта, – она не определена, не закончена, *она – незавершенная форма* [...] Неполнота ее формы, ее морфологии позволяет ей в любой момент стать чем-то другим, но это не значит, что она когда-либо бывает однозначно “ничем”»¹⁵.

Основой для приписывания женщине этих качеств служит ее тело, в особенности строение женских половых органов, поскольку в них самих уже заложены различия. Раздвоенные половые губы изначально являются постоянно взаимосоприкасающимся двуединством, которое не нуждается для получения удовольствия в чем-то внешнем.

«Таким образом, у женщины нет одного полового органа. У нее их минимум два, однако их невозможно идентифицировать как единичные»¹⁶.

«[...] В этом случае женский половой орган [...] состоял бы из “*двух губ*” [...] Их всегда по меньшей мере *две*, и невозможно решить, которая из них “одна”, а которая “другая”: они находятся в состоянии непрерывного обмена.» (IRIGARAY 1977a, 64).

¹⁵ «Or la femme n'est ni fermée, ni ouverte. Indéfinie, *in-finie*, la forme ne s'y achève pas. [...] Cette incomplétude de sa forme, de sa morphologie, lui permet à chaque instant de devenir autre chose, ce qui n'est dire qu'elle soit jamais univoquement rien.» (IRIGARAY 1974, 284)

¹⁶ «Donc la femme n'a pas un sexe. Elle en a au moins deux, mais non identifiables en uns.» (IRIGARAY 1977, 27)

Символическую значимость, которую Иригарэ приписывает такой интерпретации женских половых органов, следует рассматривать как попытку пересмотреть господствующую значимость пениса/фаллоса. Кроме того, эта положительная стилизация полового органа, несомненно, служит повышению женской самооценки, которая, в понимании Иригарэ, может утвердиться только тогда, когда женщина вновь обретет собственное тело и тело матери.

Такой подход открывает возможности для новой модели женщины, не имеющей больше почти ничего общего с пониманием женственности как негативного дополнения к мужчине. Она перестает быть полом, не имеющим полового органа, недостатком, ожиданием сына под знаком зависти к пенису. Исполнение ее сексуального желания не связано больше со вторжением пениса, оно становится автоэротикой, в которой получение наслаждения исходит из заложенной в половом органе соединенности первого и второго, одного и другого.

«В силу своей половой морфологии женщины, будучи далеки от мастурбации, постоянно касаются сами себя. Губы их половых органов касаются друг друга сами по себе, [...] то есть женщины в сексуальном аспекте чувствовали бы себя намного более уверенными, если бы все в нашей цивилизации не было бы направлено на сокрытие реальной стороны их сексуальности.» (IRIGARAY 1987, 27 и далее).

«Их невозможно ни идентифицировать, ни отделить друг от друга. [...]: эти "две губы" сливаются друг с другом в непрерывном поцелуе.» (IRIGARAY 1977a, 65).

Но это лишь одна сторона понятия различия у Иригарэ. Параллельно она рассматривает женское как противопоставление мужской фиксированности на единообразии. Используемое так понятие различия является многозначным: с одной стороны – это противоположность «одинаковому»,

а с другой – совершенно независимо от этого понятия оно существует само по себе. Применительно к отношению полов это значит, что женщину в силу ее физических особенностей следует рассматривать не только в радикальном отличии от мужчины: она несет различия в себе самой, является различием как таковым. Только так можно понять тот факт, что Иригарэ, вопреки неприятию старой бинарной пары «единообразия и различия», постоянно оперирует именно этим противопоставлением.

Раздвоенность женского полового органа создает явный контраст по отношению к единственности твердого, видимого, застывшего в своей эрекции пениса/фаллоса. На реальные и символические следствия этого контраста мы постоянно наталкиваемся в текстах Иригарэ. Так, «твердости» противопоставляется «текучесть» женского, единообразию – многообразие, а присваивающему проникновению (мужского) взгляда – прикосновение.

Мы подчинены господству твердого над текучим. Быть твердым значит «быть психически нормальным», значит разумно мыслить и тем самым оцениваться положительно. Быть мягким нежелательно. А раствориться в воде, слезах или еще какой-либо жидкой субстанции – это уже катастрофа! (IRIGARAY 1987, 27).

«Глаз конкретизирует и подчиняет в большей степени, чем другие органы чувств. Он создает дистанцию, сохраняет ее. [...] При прикосновении стираются границы между соприкасающимися, но одновременно происходит и напоминание о границах. [...] Одно непрерывно переходит в другое и наоборот [...] Начинается другое отношение к идентичности.» (IRIGARAY 1987, 26 и далее).

Однако в понимании Иригарэ речь здесь идет не об «антимодели», которая противопоставляется логике, ориентирующейся на мужской половой орган. «Текучесть» женщины следует понимать не только как отличие от мужчины, но и саму по себе, вне всякого противопоставления. То, что является жидким, течет, то есть подвергается посто-

явному неконтролируемому процессу изменений, в котором нет ни начала, ни конца. И, таким образом, «новая женщина» несет различие в себе самой, она многообразна, многозначна и текуча.

Однако женщина не знает всех заложенных в ее сексуальности возможностей, она не может ни обозначить, ни реализовать их. Скованная заданной мужчинами сексуальностью и языком, она не в состоянии узнать те фрагменты себя, которые обычно скрыты или проступают лишь частично.

«[...] то есть, она не сможет сказать о своих желаниях. Да она и не знает, а может быть, не помнит о них.»¹⁷

Решающим для Иригарэ в ее версии освобождения женщины является фиксация различий, которые и без того проявляются, как только женщина открывает для себя собственное чувственное влечение и свой язык.

«Между полами остается своего рода непреодолимое различие, которое, без сомнения, объясняет взаимную притягательность, а иногда и взаимное неприятие» (IRIGARAY 1987, 69).

Признавая необходимость требований о равенстве, выдвигаемых современными феминистскими движениями, Иригарэ, тем не менее, видит в них определенную опасность. Если они ведут к уравниванию женщин и мужчин лишь в том смысле, что женщины становятся такими, как мужчины, то речь здесь идет лишь о новой ловушке, о следующем этапе в широкомасштабной операции, направленной на подавление любого различия и отхода от принципа целостности и одинаковости. В данном случае все подавалось бы лишь более тонко, так как при этом женщины мог-

---

¹⁷ «[...] elle ne dira donc pas ce qu'elle désire, elle. D'ailleurs, elle ne le sait pas, ou plus.» (IRIGARAY 1977, 25)

ли бы тешить себя иллюзией, что они добились прав, которых не имели ранее. Однако если эти права состоят только в том, что женщины все более уподобляются мужчинам, то тогда, согласно Иригарэ, речь идет не об освобождении, а о возврате к старому. [...]

По всей вероятности, единственная форма равенства, с которой соглашается Иригарэ, – это та, при которой имеющееся непреодолимое различие становится видимым и имеет право на существование. Истинное равенство может состоять лишь в допущении различий, причем без их немедленного и необходимого превращения в отношения подчинения. Различия следует понимать в смысле двусторонней продуктивности.

«Конкретно это означает, что женщины, конечно же, должны продолжать выступать за равную оплату труда, равные социальные права, бороться против дискриминации на рабочем месте и в учебных учреждениях и т. д. Но этого недостаточно: женщины, которые были бы просто «равны» мужчинам, стали бы «как они», то есть перестали бы быть женщинами. Тем самым, различие между полами снова было бы устранено, завуалировано, не признано. [...] При этом никогда не следует забывать, что женщины требуют своих прав только затем, чтобы иметь возможность проявить свое отличие от мужчин»¹⁸.

---

¹⁸ «Concrètement, cela veut dire que les femmes doivent, bien sûr, continuer à lutter pour l'égalité des salaires, des droits sociaux, contre la discrimination dans les emplois, les études, etc. Mais cela ne suffit pas: des femmes simplement 'égales' aux hommes seraient 'comme eux', donc pas des femmes. Une fois de plus, la différence des sexes serait ainsi annulée, méconnue, recouverte. [...] Tout cela ne devant jamais masquer que c'est pour faire advenir leur différence que les femmes revendiquent leurs droits.» (IRIGARAY 1977, 160 и далее)

2. Мужской дискурс и женское говорение

2.1. Мужской дискурс

Труды Иригарэ являются сведением счетов не только с Фрейдом, но и в не меньшей степени с Лаканом. Попытка вычитать из ее текстов нечто вроде концепции по философии языка должна начинаться с осознания того факта, что Лакан заменяет анатомический недостаток женщины, о котором говорит Фрейд, недостатком языковым. Только так становится понятным постоянное сопоставление сексуальности и языка у Иригарэ. Если у Фрейда женщина – это «недостаток», «дыра», не-пол, то Лакан ей отказывает в доступе к дискурсу. Закон одной сексуальности сменяется законом одного языка. В обоих случаях женское несовершенство объясняется исходя из Эдипова комплекса, обе теории представляют исключение женщины как явление универсальное, а не исторически обусловленное.

Наряду с психоанализом Иригарэ беспощадно критикует прежде всего философский дискурс:

«[...] разумеется, именно философский дискурс должен быть подвергнут сомнению и разрушен, поскольку он устанавливает закон любого другого дискурса, поскольку он конституирует дискурс дискурсов»¹⁹.

Фрейду отводится особое место, так как именно он обосновал наиболее полное и явное подчинение женского мужскому закону. Вместе с тем Иригарэ признает, что именно Фрейд осуществил то, что является и ее целью: разрыв с философской традицией. Однако этот разрыв, как и

---

¹⁹ «[...] c'est discours philosophique qu'il faut questionner, et *déranger*, en tant qu'il fait la loi à tout autre, qu'il constitue le discours des discours.» (IRIGARAY 1977, 72)

следовало ожидать, доходит у Фрейда лишь до нового определения отношений между полами.

«Как бы ни способствовала фрейдовская теория сокрушению основ дискурса, она, парадоксальным образом, оказывается ему подчинена именно в определении различения полов»²⁰.

Общим для всех мужских дискурсов, как философских, так и психоаналитических, является исключение женщин и превращение их за счет уже упомянутой зеркальной функции в гарант спокойного развития этих дискурсов. Поэтому практически для всех теорий характерна эксплуатация женского, причем само женское – несмотря на его решающую роль в формировании этих дискурсов – в них не проявляется.

Участвуя в качестве бессознательного в культурном производстве мужского сверх-Я, женщина, тем не менее, вытесняется на периферию общественного дискурса. С этой позиции – и именно потому, что она перенимает вытесненное мужчиной, выполняя функцию его бессознательного, – она оказывается постоянной угрозой для жестко структурированного мужского, для культуры, в которой законы сознания признаются единственно правильными. Именно так следует понимать сконструированную Иригарэ связь между женским чувственным желанием и мужским языком, который в ее терминологии обозначает любую форму языка/говора.

«Невозможность найти оправдание, невыносимость выражения “женское либидо”, является симптомом “внешнего”, которое в глазах (мужского) “субъекта” истории представляют угрозу для

---

²⁰ «De dire que si la théorie freudienne apporte bien de quoi ébranler l'ordre philosophique du discours, elle y reste paradoxalement soumise pour ce qui concerne la définition de la différence des sexes.» (IRIGARAY 1977, 70)

слов, знаков, смысла, синтаксиса, системы репрезентаций, с помощью которых одинаковое должно подходящим образом приобретать "значение" и порождаться»²¹.

Другими словами, можно было бы утверждать, что женщины «желают» (причем им свойственны безграничные и нецеленаправленные чувственные желания, которые они, однако, нигде не проявляют и не репрезентируют), а мужчины «говорят» (причем это возможно только тогда, когда они свое желание, свое бессознательное вытесняют, т. е. переносят – перекладывают – на женщин). Женское, таким образом, отвечает за нерепрезентируемое вожеление, а мужское за десексуализированный, застывший язык.

В качестве символа этих процессов вытеснения Иригарэ принимает совершенное в предыстории – задолго до фрейдовского «умерщвления отца» – убийство матери, которое представляется как для онтогенетического, так и для филогенетического развития удалением от истоков/первоначала, отторжением от материальных основ любой жизни.

Этому тезису об убийстве матери так же, как и трансформации этого убийства в уход от всего материального, от источников жизни, Иригарэ отводит центральное значение в своей концепции, устанавливая прямую связь между отречением от матери, ее вытеснением и становлением языка. Только потому, что связь с матерью радикальным образом и при использовании законов прерывается и остается далеко позади в самой ранней истории, язык может занять занимавшееся ею место.

Проблема состоит в том, [...] что отец [...] навязывает телесно-чувственному архаическому миру языковой универсум, который не имеет в нем корней [...]. Земное плодородие

---

²¹ «Le caractère 'injustifiable' insupportable, de ces mots 'libido féminine' serait un des symptômes d'un dehors menaçant pour les mots, les signes, le sens, la syntaxe, les systèmes de représentations, du vouloir dire, ou faire, le plus adéquatement le même pour le 'sujet' (masculin) de l'histoire.» (IRIGARAY 1974, 48)

приносится в жертву для того, чтобы установить границы культурного горизонта отцовского языка (который несправедливо называется во многих языках «материнским»)²².

Окружающий нас язык, т. е. господствующий дискурс, являющийся всегда исключительно мужским, из-за указанного выше вытеснения материнского тела, женского и материи по необходимости всегда должен был принимать весьма специфическую форму. Как в ситуации с матерью, которая сначала дает жизнь, а потом умерщвляется, так и в данном случае мужской дискурс заимствует свою субстанцию из материальной праосновы, нигде не упоминая об этом и не помышляя о возврате своего долга. Причем материя у Иригарэ обозначает нечто бесформенное и не поддающееся формированию, постоянно изменяющееся, гетерогенное, ускользающее от всякой репрезентации, т. е. обладает характеристиками, приписываемыми также женскому.

Все философские теории отличаются тем, что они переводят это бесформенное, непостижимое материальное нечто в умопостигаемую систему, сковывают его категориями и идеями, превращают его, так сказать, в репрезентируемое. Тем самым у него отнимается его особый характер, а исходящая от него опасность контролируется, направляется в нужное русло и предоставляется в распоряжение мужским задачам покорения мира с помощью разума.

Иригарэ обозначает этот процесс как инверсию первоначала, поскольку собственно изначальное заменяется на репрезентации, стоящие на службе у истины и систематики, и тем самым изменяется до неузнаваемости и делается невидимым.

Ее анализ платоновского образа пещеры служит доказательством описанного выше процесса. В этом тексте исходным положением является то, что находящееся вне пе-

---

²² «Le problème c'est que [...] la père [...] surimpose au monde corporel, charnel, archaïque, un univers de langue qui ne s'y enracine plus [...]. De la fertilité de la terre, il est fait sacrifice pour délimiter l'horizon culturel de la langue paternelle (appelée à tort: maternelle).» (IRIGARAY 1981, 23–24)

щеры, этот яркий свет, претендующий на истину, определяет то, что происходит в самой пещере, и даже становится масштабом событий внутри нее. Только потому, что события в пещере оцениваются лишь с точки зрения их связи с потусторонним, Платон может назвать все, что видят пленники, тенями, обманом, видимостью действительности (SCHREINER 1984, 8).

«Вся языковая концепция связывает с этим пунктом особую метафорику, [...] иллюзию метаметафорики, постулируемой присутствием истины, которая изначально определяет развертывание общения и интервенции»²³.

«Однако эта истина с самого начала скрывала, изглаживала из памяти декорации другой «истины» или «действительности», забвение которых обоснует и придаст ему законную силу сократовский дискурс»²⁴.

Каков же этот язык, происхождение которого базируется на умерщвлении матери, язык, который требует от бесформенной материи репрезентаций и отдаляется от первооснов, язык, который в силу своих функций должен к тому же вытеснить из памяти весь этот процесс сдвигов и трансформаций?

С неизбежностью этот язык будет обладать теми характерными признаками, которые являются прямой противоположностью гетерогенности материи-женского. Структурированный в соответствии с принципом *одинакового*, он придает форму бесформенному и сводит к единообразию

---

²³ «Toute une conception du langage arrête là – ou vient là buter sur – l'illusion d'une métaphorique propre, d'une métamétaphorique, postulée par la préséance de la vérité qui *décide*, par avance, du déroulement de l'entretien, des interventions.» (IRIGARAY 1974, 325)

²⁴ «Mais cette vérité, [...] aurait toujours déjà recouvert, effacé, relevé, la scène d'une autre 'vérité' ou 'réalité', dont le discours de Socrate fondera, scellera l'oubli.» (IRIGARAY 1974, 332)

многообразное, фиксируя, а не умножая значения и переводя эмпирическое в умопостигаемое. В фиксированных, неизблемых языковых знаках мы узнаем эрегированный пенис/фаллос, однородность и зримость которого с самого начала заключили союз с рациональным субъектом западноевропейского дискурса. Те же самые черты характерны как для мужской сексуальности и мужского чувственного желания, так и для языка общественного, в первую очередь философского дискурса.

«[...] какая структура языка не поддерживает давний сговор рациональности и механики твердого»²⁵.

Мужской язык является заменителем для утраченной способности мужчины соприкасаться с самим собой и строить отношения со своим или чужим телом, особенно с телом женщины-матери.

Ведь мужчине требуется инструмент, чтобы соприкасаться с самим собой: рука, женщина или еще какой-нибудь заменитель. Этот инструмент замещается в языке или с помощью языка. Мужчина создает язык, чтобы соприкасаться с собой. В разных формах дискурса можно проанализировать различные способы самоприкосновений «субъекта». Идеальным примером служит философский дискурс, который предпочитает «саморепрезентации». Это вид самоприкосновений/самоаффекта, которые сводят необходимость инструмента *как бы* к нулю: к мышлению души, мыслям души²⁶.

²⁵ «[...] quelle structuration du/de langage n'entretient pas une complicité de longue date entre la rationalité et une mécanique des seuls solides?» (IRIGARAY 1977, 106)

²⁶ «Car l'homme a besoin d'un instrument pour se toucher: la main, la femme, ou quelque substitut. La relève de cet appareil s'opère dans et par le langage. L'homme produit du langage pour s'auto-affecter. Et dans les diverses formes du discours de peuvent analyser différents modes d'auto-affec(ta)tion du 'sujet'. Dont le plus idéal serait le discours philosophique qui privilégie le 'se représenter'. Mode d'auto-affec(ta)tion qui réduit quasiment à rien la nécessité d l'instrument: à la pensée (de) l'âme.» (IRIGARAY 1974, 288)

Поскольку этому мужскому языку отводятся совершенно определенные функции, поскольку он служит реализации как психических, так и экономических интересов, то все, что получает доступ в него, лимитируется и должно принимать совершенно определенную форму. Решение об этом принимается еще до того, как субъект начинает говорить. Один из важнейших исполнительных органов принятия этого решения, так сказать, контролирующая инстанция – это грамматическая структура языка, иерархический порядок и незыблемость которой являются зримым выражением описанных процессов.

«Не является ли этот синтаксис дискурса, дискурсивной логики и, в более общем виде, синтаксис общественного порядка, т. е. политический синтаксис, – не является ли он [...] для мужского всегда своего рода самоаффектом, самопроизводством или самовоспроизводством, самозачатием или репрезентацией самого себя, себя как одного из себе подобных, как единственного эталона для одинакового?»²⁷

Здесь становится явным, что Иригарэ не только отступает от лакановской теории, утверждая, что бессознательное/женщина являются безъязыкими, а сам язык (и это явное противоречие Лакану) оказывается построенным по законам сознания. Мы видим также, насколько критика языка у Иригарэ отличается от лингвистической. Там речь шла о значении отдельных референтных выражений у женщин, об отдельных синтаксических оборотах, которым отводятся различные функции в зависимости от пола. Здесь же речь идет о том, как вообще возникает значение, о син-

---

²⁷ «Est-ce que cette syntaxe du discours, de la logique discursive, plus généralement aussi cette syntaxe de l'organisation de la société, cette syntaxe 'politique' n'est pas toujours pour le masculin [...] une façon de s'auto-affecter, s'auto-produire ou reproduire, s'auto-engendrer ou représenter lui-même – lui comme même, comme seul étalon du même?» (IRIGARAY 1977, 130)

таксисе как таковом. О том, какие процессы насильного вытеснения должны были произойти, чтобы было создано «языковое значение». И поскольку исключение служит предпосылкой их происхождения, то нас окружают только те значения, которые основаны на вытеснении, которые являются лишь значениями сознательного. Другим доступ в эту форму синтаксиса, в эти извечно существующие языковые правила, которые функционируют как фильтры, пропускающие лишь избранные слова, закрыт²⁸.

2.2. Женщина в мужском дискурсе

Иригарэ отводит женщине в основном два места, два модуля говорения внутри мужского дискурса: безъязыкость и истерию. Для женщины речь идет не о выборе «или-или», а о постоянном лавировании между двумя возможностями, о движении между не-существованием и умением подражать, приспособливаться, между безмолвием и имитирующим «как будто», являющимся симптомом истерии.

В соответствии с мужским логосом лишь явное (зримое) может найти доступ в Символический Порядок, к обмену сигнификантами (обозначаемыми). Поскольку, по Лакану, изначальная форма репрезентации состоит в детской попытке удовлетворить страстное желание матери, т. е. обладать пенисом, то доступ на уровень репрезентаций может найти только то, что с самого начала привязано к очевидно-му наличию пола (полового органа). Там же, где ничего не видно, нечего и обозначать, для женского полового органа нет ни понятия, ни символа.

«[...] полное отсутствие полового органа (пола), который бы проявлял себя в *форме*, способной к обоснованию реальности и воспроизводству истины. “Ничего не видно” однозначно с “ничего не иметь”»²⁹.

²⁸ Указывается на другие главы книги.

²⁹ «[...] rien de sexe qui se montre dans une forme susceptible d'en fonder la réalité, d'en re-produire la vérité. 'Rien à voir' équivaut à 'n'avoir rien'.» (IRIGARAY 1974, 54)

Женщина, таким образом, безъязычна, кастрирована во многих отношениях, не только в одном. И если бы она что-то сказала, если бы она начала говорить о своем чувственном удовольствии (Lust), то ее все равно никто бы не мог услышать. Для этого ее говорения (речи) нет места в дискурсе господствующих, оно остается в промежуточных пространствах, где его без проблем можно исключать дальше. Говорение внутри порядка одинакового не предоставляет в распоряжение ни адекватных знаков, ни символов, ни грамматики, ни места, в котором могло бы происходить другое говорение.

И если женщины [...] ничего не говорят о своем переживании удовольствия, ничего не могут о нем знать, то потому, что это невозможно упорядочить внутри и с помощью языка, который ни в каком отношении не является их собственным³⁰.

Существующие формы мужского дискурса были бы недоступны для женщин даже в том случае, если бы женщинам отводилось место, в котором они могли бы говорить. То есть в понимании женской безъязычности у Иригарэ речь идет не столько об общественных механизмах, которые препятствуют участию женщин в общественном процессе говорения, сколько о существующем языке как таковом, который непригоден для выражения специфики женского, его сексуальности, его чувственных желаний, его страданий, прикосновений и т. д. Иначе говоря, даже если бы женщин не так часто перебивали и они умели бы отстоять себя в разговоре, они все же были бы не в состоянии сказать то, что они, собственно, хотели сказать³¹.

Все функции, которые связаны с формами языка мужского дискурса и которые, таким образом, сходны с морфологией мужского органа, по существу иррелевантны для женщины. Эксплуатируемая мать-материя не может го-

---

³⁰ «Et si les femmes [...] de leur jouissance ne peuvent rien dire, rien savoir, c'est qu'elle ne peut en rien s'ordonner dans et par un langage qui serait à quelque titre le leur.» (IRIGARAY 1977, 93)

³¹ Указывается на другие главы книги.

ворить в тех же репрезентациях, что эксплуататор. Ведь именно у нее отбираются ресурсы этого языка, именно ее необходимо исключить, чтобы сделать возможным некий специфический обмен сигнификантами. Концепт языка в целом покоится, таким образом, на ее молчании, на обнаруживаемых с ее помощью пустотах, которые, тем не менее, всегда влияют на горизонты значений репрезентаций.

Мы должны всегда видеть два аспекта этой безъязыкости: с одной стороны, женщины ничего не говорят, а с другой – то, что они говорят, остается не услышанным, т. е. не включается в дискурс. В обоих случаях результат один: женского говорения/женского языка не существует, даже если женщина что-то говорит, мы об этом не знаем.

Эту проблему мужского нежелания обратить свой слух к женщине Иригарэ подвергает критике на примере Лакана, который в работе «Еще» (*Encore*) проявляет себя как сомнительный эксперт в вопросах удовольствия, испытываемого женщиной:

«они не знают того, о чем они говорят» (LACAN 1974, 68), «об этих чувственных удовольствиях женщина ничего не знает» (там же, 69), [...] «от них никогда нельзя было добиться хоть чего-нибудь об этом» (там же), «наши коллеги, госпожи аналитики, не все говорят нам о женской сексуальности!» (там же, 93)³².

Иригарэ лаконично замечает:

«Вопрос о том, могут ли они в рамках его логики вообще что-либо артикулировать и/или быть понятыми, даже не задается»³³.

---

³² LACAN цит. по: IRIGARAY 1977, 88 и далее: «elles ne savent pas ce qu'elles disent», «de cette jouissance, la femme ne sait rien» «...On n'a jamais rien pu en tirer», «nos collègues les dames analystes, sur la sexualité féminine, elles ne nous disent pas tout!»

³³ «La question de savoir si, dans sa logique, elles peuvent articuler quoi que ce soit, ou être entendues, n'est même pas posée.» (IRIGARAY 1977, 93)

Уже в начальной главе, говоря об Иригарэ, мы видели, что женщина может выйти из молчания, из пустоты ее существования лишь как проекционная поверхность для мужчины: с помощью имитирования, перекрестного подражания мужчине, т. е. выполняя традиционную женскую роль.

На языковом уровне это обозначает самоподстраивание в мужской дискурс, подчинение закону одинакового, заимствование мужских значений и мужской грамматики, т. е., казалось бы, отказ от собственных различий. Женщина имитирует мужчину, так сказать, и в смысле языка.

«То, что *она* испытывает, то, чего *она* страстно желает, от чего *она* получает удовольствие, разыгрывается в некотором другом по отношению к кодифицированным репрезентациям месте. То, что вытеснено из говорения, [...] уже наверняка невозможно будет в этой истории извлечь. Если только удастся склонить ее к тому, чтобы участвовать в играх мужских тропов и тропизмов, пренебрегая собственным полом»³⁴.

Это подражание мужчине в форме мимесиса приводит женщину к ситуации чрезвычайной раздвоенности. Она и далее выступает как его зеркало, показывает то, что он может видеть, и говорить то, что он может понять. То есть она должна инсценировать то, чего у нее нет, но что, по крайней мере, позволяет коррелировать с мужской системой. Она играет роль субъекта и принимает участие в процессе обмена, который не она вызвала к жизни, производит сигнификанты, значения которых она, собственно говоря, не знает. Таким образом, она живет как бы в двух местах, раздвоена, не может выразить эту раздвоенность ни на каком языке, не может сказать, что для нее существует еще и другой мир,

---

³⁴ «Ce qu'elle pâtit, ce qu'elle convoite, voire ce dont elle jouit, se passe sur une autre par rapport aux représentations déjà codifiées. Refoulé du dire, [...] qu'on ne lèvera sans doute plus dans cette histoire-ci. Sinon en la faisant entrer, au mépris de son sexe dans des jeux de tropes et de tropismes masculins.» (IRIGARAY 1974, 174)

кроме мира господствующего дискурса и маскарада для мужчины.

Реакцией на это вынужденное (зеркальное) отражение и имитирование, попыткой сохранить – пусть неосознанно и болезненно – то, что осталось от утраченных связей с матерью и от собственного Я, является истерия. Поэтому Иригарэ имеет основания сказать о мимесисе:

«[...] его влияние-симптомы проявляются при истерии в форме латентности, болезненности, парализованности желания»³⁵.

Однако в контексте миметического «как будто» истерия представляет из себя не что иное, как немое восстание против происходящего приспособления женщины, выражающегося на уровне симптома. Истерия является оборотной стороной мимесиса в упомянутой выше раздвоенности. Именно истерия делает очевидным, хотя и в искаженной форме симптома, что в поведении женщины всегда заключается нечто большее, чем просто подражание. Она служит свидетельством того, что это «большее» – подавляемая, мучительная попытка упорно держаться за «свое». За «свое», характер которого ей неизвестен, о котором она знает только потому, что испытываемое в процессе подражания и связанной с ним истерии страдание указывает на нечто другое.

«Может быть, истерия является той привилегированной областью, в которой хотя и «латентно», «в муках», но все же сохраняется та, которая не говорит?»³⁶

Однако женщина никогда не принимала решения в пользу истерии, она хватается за нее, как за соломинку, слепо, почти не зная об этом. На данной стадии она еще не зна-

---

³⁵ «[...] on trouve les effets-symptômes comme latence, souffrance, paralysie du désir, dans l'hystérie.» (IRIGARAY 1977, 130)

³⁶ «L'hystérie n'est-elle pas un lieu privilégié de la garde, mais 'en latence', en 'souffrance', de ce qui ne parle pas?» (IRIGARAY 1977, 134)

ет того, что связанные с истерией боль и несостоятельность содержат зародыш позитивных изменений, что достаточно лишь немного изменить ход событий, чтобы истерическое в женщине привело к взрыву. Все, что она здесь ощущает, – это, с одной стороны, вынужденное подражание мужчине, а с другой – абсолютное отсутствие каких бы то ни было средств, служащих для связи с ее болью и удовольствием и способных их выразить.

«Таким образом, ее сексуальное возбуждение (Triebregung) является, так сказать, вакантным местом: его нечем занять [...] *Ей остается только истерия*»³⁷.

2.3. Игра в мимесис и женское говорение

Если я попытаюсь ниже дать определение того, что Иригарэ понимает под женским говорением/женским языком, т. е. в чем она видит позитивную альтернативу мимесису и безъязыкости, то это, по существу, находится в противоречии с замыслом самой исследовательницы. Иригарэ не раз однозначно высказывалась против всякой попытки определения или фиксации женского, а тем самым и женского говорения. Желание определить что-либо с помощью признаков, описаний и дефиниций имеет для нее характер фиксирования, включения в системы мужской рациональности и логики и поэтому возвращает нас к тем шаблонам, от которых, собственно говоря, женское говорение хочет уйти. Другими словами, говорить по-женски можно, но описать это говорение нельзя.

«[...] женского метаязыка нет. (IRIGARAY 1977a, 65). Поэтому бесполезно пытаться удержать женщин точными дефинициями того, что они хотят сказать, пытаться (заставить их) сказать это еще раз, чтобы

---

³⁷ «Or ses pulsions sont, en quelque sorte, en vacance: non investies, [...] *Il ne lui reste que l'hystérie*» (IRIGARAY 1974, 85)

стало ясно: они опять ускользнули в этом сложном механизме дискурса, в котором вы, как вы утверждаете, можете их подловить»³⁸.

Иригарэ выстраивает свой концепт женского говорения/женского языка на той же самой основе, что и критику господствующего дискурса. Если последний характеризуется непредставленностью женского тела и женского сексуального удовольствия, т. е. вовсе не является таким нейтральным, каким он хочет казаться, то здесь специфика женской сексуальности и женского желания становится основой для позитивного описания ее языка и говорения.

Специфика же женского чувствования состоит для Иригарэ – как мы уже знаем – в сексуализации всего тела, в многогранной и бесконечно повторяемой готовности к получению удовольствия, которая не нуждается ни в средствах, ни в ком-либо другом. Женщина сама по себе – Другое, раздвоенный половой орган, чье беспрестанное самоприкосновение порождает автоэротiku; причем удовольствие и желание этой автоэротики совершают крогооборот, вместо того чтобы, подчиняясь другому, растворяться и разрушаться в финализме коитального оргазма. Эти две постоянно касающиеся друг друга женские губы и множественность, безграничность чувственного желания становятся для Иригарэ концептом модели языка, основными чертами которого являются текучесть, прикосновения, изменчивость, одновременность и нелинейность. Это разговор тела с телом и, тем самым, попытка вернуть утраченную связь с происхождением из тела матери.

«Это значит, что и в ее разговоре – [...] – женщина постоянно касается себя самой [...]»³⁹.

---

³⁸ «Inutile donc de piéger les femmes dans la définition exacte de ce qu'elles veulent dire, de les faire (se) répéter pour que ce soit clair, elles sont déjà ailleurs que dans cette machinerie discursive où vous prétendriez les surprendre.» (IRIGARAY 1977, 28)

³⁹ «C'est que dans ses dires aussi [...] la femme se retouche tout le temps [...]» (IRIGARAY 1977, 28)

«Говорит женщина. Но не “похоже”, не “одинаково” [...] Нет “сюжета/субъекта” [...] Говорится “текуче” [...]»⁴⁰.

«То, что твой язык несводим к одной нити, к одной цепи, к одному направлению, есть наш шанс. Твой язык приходит одновременно отовсюду. Ты касаешься меня сразу везде. На всех чувственных уровнях. Одновременно пение, речь, текст. [...]»⁴¹.

«Женщина никогда не говорит одинаково. То, что она говорит, – текуче, переменчиво. Вводит в заблуждение»⁴².

«Язык, который, в отличие от языка Отца, не подменяет «тела-с-телом», а сопутствует ему, слова, которые не перечеркивают телесного, а говорят “языком тела”»⁴³.

Подобная концепция языка подразумевает такое понимание значения, которое никогда не совпадает точно с постулируемой однозначностью и фиксированностью мужского языка. Женское говорение – это многомерное течение значения, скорее кругообразное, чем линейное поступательное движение, непрерывное производство моментальных значений, которые ускользают от всякой попытки их схватить, остановить движение и тотчас уходят в другие смысловые поля. Именно вследствие своего переменчивого

---

⁴⁰ «[...] la femme, ça parle. Mais pas ‘pareil’ pas ‘même’ [...]. Pas ‘sujet’ [...]. Ça parle ‘fluide’ [...]» (IRIGARAY 1977, 109)

⁴¹ «Que ton langage ne soit pas d’un seul fil, d’une seule chaîne, d’une seule trame, c’est notre chance. Il vient de partout à la fois. Tu me touches toute en même temps. Dans tous les sens. Un chant, un discours, un texte à la fois [...]» (IRIGARAY 1977, 209)

⁴² «La femme ne parle jamais pareil. Ce qu’elle émet est fluent, fluctuant. *Flouant*» (IRIGARAY 1977, 110)

⁴³ «Un langage qui ne se substitue pas au corps-à-corps, ainsi que le fait la langue paternelle mais qui l’accompagne, des paroles qui ne barrent pas le corporel mais qui parlent ‘corporel’» (IRIGARAY 1981, 29)

характера женский язык не может развиваться внутри застывшего мужского дискурса. Закономерности этого дискурса не терпят отсутствия законов в женском языке, стремление дискурса к законченным формам подавляет открытость этого языка.

То, что для Лакана является характеристикой языка вообще, т. е. происходящие в соответствии с первичным процессом конфигуративные сдвиги и пересечения означающих, как и постоянное движение знаков, – для Иригарэ становится чертами женского языка, языка, который, однако, (пока) не может быть услышан внутри существующего порядка.

«Этот женский «стиль» или «письмо» подрывает фетишизированные слова, соразмерные выражения, хорошо сконструированные формы [...] Он беспрерывно течет, не забывая о далеко не идеальном характере тех трений, которые возникают между двумя бесконечно соседствующими элементами и создают динамичность. Ее «стиль» сопротивляется любой жестко заданной форме, фигуре, идее, понятийности, что ведет к их взрыву. Это не значит, что ее стиль никакой, что можно было бы утверждать, исходя из такой дискурсивности, которая не в состоянии этот стиль представить»⁴⁴.

«Но тогда возникает вопрос о возможности развития такого языка в условиях жесткого и всеохватывающего характера мужского дискурса. Будет ли он со-

---

⁴⁴ «Ce 'style', ou 'écriture', de la femme met plutôt feu aux mots fétiches, aux termes propres, aux formes bien construites. [...] Toujours fluide, sans oublier les caractères difficilement idéalisables de ceux-ci: ces frottements entre deux infiniment voisins qui font dynamique. Son 'style' résiste à, et fait exploser, toute forme, figure, idée, concept, solidement établis. Ce qui n'est pas dire que son style n'est rien, comme le laisse croire une discursivité qui ne peut le penser.» (IRIGARAY 1977, 76)

здан как нечто абсолютно новое, или он покоится где-то, погребенный, сокрытый и сокровенный? Можем мы его обрести или должны изобрести? Находится он там, где мы просто еще не искали, или он – плод фантазии феминисток?»

Хотя в своих интервью Иригарэ иногда использует определения «женщина-говорение» и «женщины-между-собой»⁴⁵, т. е. вполне сравнимо с тем, как женщины-лингвисты говорят о *consciousness-raising groups*⁴⁶, она тут же делает ограничение:

«Возможно существование такого говорения женщин между собой, которое все еще является мужчиной-говорением»⁴⁷.

Быть в биологическом смысле женщиной, как ей кажется, необязательно является достаточным условием для возникновения женского говорения.

Чтобы более подробно рассмотреть вопросы о том, как и где возникает женское говорение, нам придется вернуться к мимесису. Мы должны еще раз понять, что мимесис означает для женщины, но на этот раз в обратном направлении, с точки зрения игры в подражание.

«Для женщины играть в подражание – это пытаться найти место собственной эксплуатации дискурсом, не позволяя просто сократить свою роль в нем. Это означает [...] опять подчиниться «идеям», особенно идее о ней самой, как она разработана и представлена в «мужской» логике; но лишь для того, чтобы за счет эффекта игрового

---

⁴⁵ «Parler-femme», «les-femmes-entre-elles.» (IRIGARAY 1977, 133)

⁴⁶ Указывается на другие главы книги.

⁴⁷ «Il peut y avoir un parler-entre-femmes qui est encore un parler-homme.» (IRIGARAY 1977, 133)

повтора «проявить» то, что должно было остаться скрытым: пресечение возможных операций женского в языке»⁴⁸.

Эта мысль об «игре в подражание» кажется мне центральным моментом в теории Иригарэ, поскольку она позволяет установить прямую связь с практическими языковыми действиями женщин, как будет показано ниже, когда речь пойдет о «власти». Это призыв к субверсивной работе в языке, к проникновению в однородность мужских структур.

При «игре в подражание» речь идет о намеренном использовании мужских предписаний, об игровом исполнении женской роли, что позволяет использовать ее против нее же самой. Женщина должна добровольно обратиться к подражанию, должна, так сказать, осуществить двойной обман. Она не только делает вид, что является «негативом мужчины», дополнением к мужчине, но и якобы не знает того факта, что она при этом притворяется. То есть речь идет о том, чтобы разоблачить навязанную женскую роль, чтобы узнать, как она функционирует. Только так женское как различие может получить в тонкой и субверсивной форме доступ в имеющуюся систематику одинакового. Под покровом маски говорит сама женщина.

Поскольку имитирование, как настоящее, так и притворное, имеет неизбежным следствием истерию, то говоря о женском языке и игре в подражание, мы всегда также имеем дело со способами выражения истерички. Посмотрим, однако, на это с позитивной стороны. Ведь подражание, которое только выдается за таковое, хотя и имеет своим следствием истерическую реакцию, однако, основывается на других предпосылках. Если женская роль лишь симулиру-

---

⁴⁸ «Jouer de la mimésis, c'est donc, pour une femme, tenter de retrouver le lieu de son exploitation par le discours, sans s'y laisser simplement réduire. C'est se resoumettre [...] à des 'idées', notamment d'elle, élaborées dans/par une logique masculine, mais pour faire 'apparaître', par un effet de répétition ludique, ce qui devait rester occulté: la recouvrement d'une possible opération du féminin dans le langage.» (IRIGARAY 1977, 74)

ется, то включенная в этот процесс истерия является для женщины защитным механизмом, тем, что гарантирует ей собственное сексуальное и языковое выживание. И в таком случае подражание может стать позитивным моментом.

«Да и, кроме того, почему бы ей не быть «истеричной»? Истерия хранит уже в страдании нечто мимическое, инсценировка которого неразрывно связана с сексуальным удовольствием»⁴⁹.

Истеричка ближе к своему телу и к телу матери. Это делает ее, с одной стороны, более ранимой, более уязвимой в системе, которая построена на вытеснении телесного, но, с другой стороны, несмотря на все связанные с этим страдания именно эта близость к телу дает ей шанс.

Иригарэ делает явным тот обойденный вниманием во фрейдовской теории факт, что истерия не только представляет собой выраженную в физических и душевных симптомах болезнь, но и является бунтом. Бунтом против жесткого обращения с телом, против включения в чуждые схемы, против отказа в собственном Я, против опеки над чувственным удовольствием и языком.

Для языка женщины это означает, что взрывы протеста истерички нужно рассматривать не только как симптом, причины которого надо было бы «вылечить» с помощью психоанализа, т. е. избавить мир от них, а видеть в нем симптом как таковой, как способ выражения истерички. Ее телесные и вербальные конвульсии, ее крик, бормотание, плач и молчание необходимо принять как оправданные формы выражения. Это единственная форма, которая передает причиняемое женскому телу страдание, но одновременно с ним и запретное удовольствие. Интересно, что в рамках психоанализа такое говорение почти не интерпретировалось с этой точки зрения, напротив, от него старались

---

⁴⁹ «Et d'ailleurs pourquoi ne serait-elle pas 'hystérique'? L'hystérie maintenant en réserve, en souffrance, quelque chose du mime dont la mise en jeu est inséparable du plaisir sexuel.» (IRIGARAY 1974, 70)

избавиться в ходе «лечения» и заменить его на «нормальное» говорение. Это свидетельствует о том, что для психоанализа характерен селективный, ориентированный на матриархальные образцы подход к женскому.

По мнению Иригарэ, женский язык управляется телесными ощущениями и в нем важная роль отводится ритму, интонации и музыкальности, а на переднем плане находится не строгая аргументация, а игра со значением слова, частей слова и их комбинаций. Поэтому такой язык почти неизбежно должен перейти в наступление на грамматические структуры, господствующие, по мнению Иригарэ, над всем и вся. Женский язык должен выйти из-под гнета этих правил, чтобы обеспечить себе свободу действий, чтобы дать доступ непредвиденному, чтобы соответствовать постоянно меняющимся формам текущего.

«Свергнуть господствующий синтаксис, отменив его неизменно телеологический порядок посредством обрыва проводов, отключения тока, поломки систем самовключения и самоотключения, посредством обратного подключения соединений, посредством модификаций непрерывности (сплошного), преобразования тока, его частоты и силы. Так, чтобы в течение долгого времени невозможно было предсказать, откуда, куда, когда, почему [...] происходит то или другое. Движение придет, распространится, превратится в свою противоположность и остановится. Однако не из-за растущей сложности одинакового/одинаковой, а посредством прерываний другими электрическими схемами, временами за счет коротких замыканий, которые бесцельно рассеивают, отвлекают, изменяют направление и иногда дают энергии взорваться, без возможного возвращения к одному первоначалу»⁵⁰.

⁵⁰ «Bouleverser la syntaxe, en suspendant son ordre toujours téléologique, par des ruptures de fils, des coupures de courant, des pannes de joncteurs ou disjoncteurs, des inversions de couplages, des modifications de continuité, d'alternance, de fréquence, d'intensité. Que, pour longtemps, on ne puisse plus prévoir d'où, vers où, quand,

В качестве ответа на вопрос о конкретных примерах женского синтаксиса автор ссылается на страдание и смех, а также на то, что женщины «осмеливаются» сказать или сделать, если они находятся в женском кругу⁵¹. В определенном смысле и сами тексты Иригарэ, как и тексты средневековых женщин-мистиков, являются, конечно, такими примерами⁵².

Можно видеть, насколько свободно обходится стиль Иригарэ с грамматическими правилами (вводные предложения, прерывания, повторы, использования придаточных предложений без соответствующих главных предложений и так далее) и в какой степени это – как и эффект соединения слов с помощью дефиса – помогает ей постоянно играть с несколькими уровнями значений. Однако основных синтаксических предпосылок она все же придерживается, т. е. в своих теоретических требованиях она намного радикальней, чем в своем стилистическом выборе⁵³.

---

comment, pourquoi, [...] ça passe ou ça se passe; viendra, se propagera, se renversera, ou s'arrêtera, le mouvement. Non pas par complexité croissante du/de la même, bien sûr, mais par l'irruption d'autres mises en circuit, par l'intervention parfois de court-circuits, qui disperseront, diffracteront, dériveront sans fin, parfois feront exploser l'énergie, sans retour possible à une origine.» (IRIGARAY 1974, 177)

⁵¹ «dans ce qu'elles 'osent' – faire ou dire, – quand elles sont entre elles.» (IRIGARAY 1977, 132)

⁵² Иригарэ рассматривает мистику как единственный пример реализованного женского говорения. «В истории Запада это единственная область, где женщина говорит и действует, причем также в публичной сфере [...]» (IRIGARAY 1980, 239). Положительная оценка женской мистики со стороны Иригарэ приводится критиками в качестве примера недостаточной политической направленности ее текстов. Не углубляясь в дискуссии о мистике, я бы хотела в данном случае все же согласиться с Иригарэ: мистические тексты являются действительно одним из немногих примеров публичной языковой активности женщин в истории западной культуры.

⁵³ Здесь хотя бы кратко необходимо отметить, что используемые Иригарэ стилистические образцы в той или иной форме встречаются в современной литературе в целом, так что не обязательно служат характерной чертой лишь женского говорения/письма.

Женский синтаксис, по мысли Иригарэ, нужно понимать как радикальный процесс деструкции всех привычных языковых законов. Стремление выйти за их границы имеет своим следствием то, что ее теоретический концепт вряд ли может быть осуществлен в действительном языковом употреблении, в том числе и потому, что он определяется, в первую очередь, через отрицание. Хотя автор довольно ясно очерчивает то, что должно быть безоговорочно разрушено, тем не менее соответствующие альтернативы остаются вопросом интерпретации.

«Но, несмотря на это довольно трудно сказать, как должен выглядеть синтаксис женского, поскольку в этом синтаксисе не было бы ни субъекта, ни объекта, «одно» не имело бы больше никаких привилегий, то есть не было бы больше никакого собственно-смысла, никаких собственных имен, никаких «собственно»-остей [...]. Этот синтаксис ввел бы близость в игру, но так близко, что любое обособление от идентичности, любое конституирование принадлежности и тем самым любая форма присвоения стала бы невозможной»⁵⁴.

При решении проблем грамматики Иригарэ исходит из понятия различия. Как оба пола должны сохранить собственное своеобразие и ни один из них не должен быть изменен до неузнаваемости и доведен до исчезновения в результате господства другого, точно так же необходимо и существование двух синтаксисов без всякого отношения

---

⁵⁴ «Cela dit, ce que serait une syntaxe du féminin, ce n'est pas simple, ni aisé à dire, parce que dans cette 'syntaxe' il n'y aurait plus ni sujet ni objet, le 'un' n'y serait plus privilégié, il n'y aurait plus de sens propre, de nom propre, d'attributs 'propres' [...]. Cette 'syntaxe' mettrait plutôt en jeu le proche, mais un si proche qu'il rendrait impossible toute discrimination d'identité, toute constitution d'appartenance, donc toute forme d'appropriation.» (IRIGARAY 1977, 132)

главенства-подчинения, каждый из которых следует собственным закономерностям и стратегиям и которые не переводятся и не растворяются друг в друге.

«[...] два синтаксиса, которые должны быть совершенно открыто и прямо соединены между собой безо всякой возможности для скрытой иерархии»⁵⁵.

Однако остается неясным, как должна выглядеть эта связь. Хотя теория Иригарэ является попыткой представить себе будущий язык женщины, последствия такого языка для мужского дискурса даже не упоминаются. Можно только гадать, как и где произойдет столкновение/встреча этих двух систем. Единственное, о чем идет речь, это о предоставлении женскому как различию возможности говорить и иметь язык.

Что под этим конкретно понимается, можно истолковывать по-разному. Если поймать Иригарэ на слове, то нам остается растерянность относительно иррационального бормотания истерички и политической программы радикального сепаратизма женщин. Хотя я осознаю, что действительно существует опасность такой интерпретации, но я все же не хочу ограничить ее работы этим толкованием.

Есть и другой способ ее прочтения. Радикальность высказываний и текстов Иригарэ может быть расценена как попытка создать совместимую с разными культурами и способную стать общественно значимой репрезентацию женского, которая не закончится приспособленчеством и не будет малодушно перенимать и развивать мужские предписания (как это происходит с частью лингвистических работ). Такие репрезентации основываются на специфически женских структурах либидо и не скрывают, что их происхождение надо искать в области чувственных же-

---

⁵⁵ «d'articuler de plain-pied, sans catacombes, ces deux (dis-
ons) syntaxes.» (IRIGARAY 1974, 172)

лений, инстинктов и тела. Как сказала Маргрет Уитфорд (Margaret Whitford):

«То, что нам, согласно Иригарэ, необходимо, – это культурные репрезентации различия, различных либидозных порядков, чтобы женщины не оказывались включенными в порядок одинакового, но чтобы они имели символизации их инаковости и различия, которые могут стать объектами обмена в общей культуре»⁵⁶.

Описанная здесь теория Иригарэ ставит нас перед вопросом, можно ли представить себе такой язык различия, который не застревал бы на бессистемной раздробленности простого производства звуков.

3. Критика теории Иригарэ: Биологическая сущность и отсутствие истории

Несмотря на несомненную важность работ Иригарэ для феминистского взгляда на мужские теории, а также на продуктивность ее идей, в них имеются свои слабые места и противоречия, на которых следует остановиться подробнее. Основная критика связана, во-первых, с попытками Иригарэ определить женскую сущность, во-вторых, с подспудно присутствующим в ее работах биологизмом и недостаточным учетом изменений в ходе исторического процесса, а также с созданием образа женщины, качественные определения и последствия которого с точки зрения политической практики кажутся весьма сомнительными.

1) Несмотря на решительную критику исходных предпосылок метафизической философской традиции

---

⁵⁶ «What is needed, according to Irigaray, are cultural representations of difference, of a different libidinal economy, so that women are not engulfed in an economy of the same, but have available to them symbolisations of their otherness and difference which can become objects of exchange in the culture at large.» (WHITFORD 1986, 5)

(одинаковость/различие – субстанция/акциденция, субъект/объект и так далее), можно расценивать работу Иригарэ как попытку определить сущность женщины. Тем самым она оказывается в опасной близости именно к той философии сущности (*Wesensphilosophie*), с которой она, собственно, намеревалась бороться. Торил Мои (*Toril Moi*) даже упрекает ее в метафизических намерениях:

«[...] любая попытка сформулировать общую теорию женственности будет метафизической»⁵⁷.

На это, однако, можно было бы возразить, что Иригарэ определяет «сущность» женщины как само различие, неопределенность, неомогенность, нечто постоянно изменяющееся. С этой точки зрения трудно решить, занимается ли Иригарэ философией сущности или доводит философию сущности *ad absurdum*. Хотя она и «определяет» женщину, но по сути лишь как нечто не поддающееся определению, избегающее всяческой идентификации и спецификации.

2) Что еще, кроме женского тела, является источником как коренных, непреодолимых различий с мужчиной, так и того, что, по Иригарэ, составляет позитивно коннотируемое женское? Имманентное различие, многообразие, текучесть – все это вместе с проявляющимися здесь последствиями на символическом уровне в конечном счете основывается на раздвоенности половых губ и вагинальных выделениях. Ясно, что такие представления трудно оградить от упреков в биологизме. Исходной позицией Иригарэ является не разница в отношении общества к биологическим условиям, а физические особенности тела как таковые. Это, по мнению Моник Плаза (*Monique Plaza*), ведет к полному игнорированию социальной стороны существования женщины:

«Таким образом, возможное существование женщины зависит от определения ее сущности, основанной на особенностях женского тела. Пока ее тело не за-

---

⁵⁷ «[...] any attempt to formulate a general theory of femininity will be metaphysical.» (*Moi* 1985, 139)

явит о своих особенностях, женщина не будет существовать. В конечном счете, возможность существования женщины соотносится с возможностью ее чисто биологической реальности. Это говорит о том, что женщина больше не является социальным существом»⁵⁸.

Фиксация Иригарэ на женском теле имеет и другие негативные последствия. Крис Уидон (Chris Weedon) указывает на то, что тесная связь языка с сексуальностью, в сущности, редуцирует субъектность до половой идентичности:

«[...] приобретенная в языке субъектность – не более чем следствие половой идентичности»⁵⁹.

3) Так как Иригарэ, анализируя «женщину номер один», оставляет без внимания всю историю реальных условий жизни женщин вместе со связанными с ней формами сопротивления и борьбы и вместо этого ссылается исключительно на образ женщины в мужском дискурсе, неувиди-

---

⁵⁸ «The potential existence of woman depends therefore on the discovery of her essence, which lies in the specificity of her body. As long as her body does not declare her specificity, woman will not exist. In the end, the potentiality of the existence of woman is related to the potentiality of her pure biological reality. That is to say when woman is no longer a social being.» (PLAZA 1978, 7) Маргрет Уитфорд (Margaret Whitford) опровергает обвинения в биологизме, указывая на уровень имажинированного у Иригарэ, где речь идет не о биологической женщине, а о метафоре Женского. «Она говорит не о биологии, а об *имажинированном*, в котором возможны как мужская, так и женская идентификации, независимо от биологического пола.» («She is speaking not of biology but of the imaginary, in which one may take male or female identifications, regardless of one's biological sex», WHITFORD 1986, 7)

⁵⁹ «[...] subjectivity, acquired in language, is no more than an effect of sexual identity.» (WEEDON 1987, 65)

тельно, что результат является ужасающим по своей негативности.

«[...] бросается в глаза то, что материальные условия подавления женщин отсутствуют в ее работах»⁶⁰.

Я не хочу ставить Иригарэ в упрек ни то, что она анализирует мужские теории, ни то, как она это делает. Моя критика направлена скорее против того, чтобы превращать уровень репрезентаций в единственно реальный, обобщать его и конструировать на его основе образ женщины. Конечно, Иригарэ права, что на этом уровне репрезентаций, символов, письменной речи женщины не существует. Но как же обстоят дела со сферой социальной реальности? [...]

4) Иригарэ оставляет без внимания не только социальную реальность женщин, но и изменения дискурсивного применения власти по отношению к женщинам, зафиксированные в историческом ходе развития теорий. Во всех рассмотренных ею теориях мы всегда имеем дело с порядком одинакового, а со стороны женщины – с бьющейся в сетях иррациональности истеричкой, первейшая задача которой состоит в выражении мужского бессознательного. По словам Торил Мои, Иригарэ не уделяет внимания

«[...] изучению исторически изменяющегося проявления патриархатного дискурса о женщинах»⁶¹.

Конечно, некоторые основания для такого подхода у Иригарэ имеются: важно знать, какие основные структуры проходят через всю историю практически без изменений. Мне кажется, однако, что нельзя останавливаться на этом, надо идти дальше.

---

⁶⁰ «[...] the material conditions of women's oppression are spectacularly absent from her work.» (Moi 1985, 147)

⁶¹ «[...] to study the historically changing impact of patriarchal discourse on women.» (Moi 1985, 148)

5) В соответствии с этой критикой Иригарэ часто упрекают в том, что ее теория аполитична и не отвечает требованиям феминистской политики. На это можно возразить, что, во-первых, Иригарэ совершенно справедливо рассматривает свою критику законов философского языка как вполне политическую деятельность. Во-вторых, в соответствии с прочими своими утверждениями она считает, что современная политическая практика, как и все остальные сферы жизни, носит мужской характер.

«Трудности возникают оттого, что [...] политическая практика, по крайней мере нынешняя, является целиком и полностью мужской. Чтобы женщин услышали, необходима «радикальная» эволюция в образе мышления и в политике»⁶².

Недостаточное представительство женщин в политических органах свидетельствует о правоте Иригарэ в этом аспекте. Вопрос только в том, можем ли мы себе позволить ждать этой «эволюции». Неучастие в «мужских» формах процесса принятия политических решений может легко привести к тому, что решать за женщин по-прежнему будут другие, то есть мужчины. Кроме того, опыт некоторых проектов женской субкультуры показывает, что эта опасность существует и тогда, когда женский сепаратизм не имеет политических целей.

Однако, как показывает Патрисия Мак Дэрмот (Patricia McDermott), возможна и такая интерпретация текстов Иригарэ, которая в дискурсе о многообразии, неомогенности и постоянно изменяющемся видит языковой уровень, допускающий различные политические или социальные отклонения, например меньшинства или маргинальные группы.

---

⁶² «[...] la pratique politique, actuellement en tout cas, est de part en part masculine. Pour que les femmes puissent se faire entendre, une évolution «radicale» du mode de penser et de gestion du politique est nécessaire.» (IRIGARAY 1977, 125)

«Вытекающая из теории Иригарэ политика являлась бы, по аналогии с женским телом, разнообразной, материалистической, диффузной, открытой для различных коннотаций, способной отклонять значения, цель которых – привести различие в соответствие с одинаковым и, таким образом, скрыть и контролировать его»⁶³.

Перевод Н. Носовой и М. Козут

В оригинале

Gertrude Postl: Mit und gegen Freud. In: Gertrude Postl: Weibliches Sprechen: Feministische Entwürfe zu Sprache und Geschlecht. Wien 1991, S. 121–150.

Список литературы

- IRIGARAY Luce: Zur Geschlechterdifferenz. Interviews und Vorträge. Wien 1987.
- IRIGARAY Luce: Le corps-à-corps avec la mère. Ottawa 1981.
- IRIGARAY Luce: Ce sexe qui n'en est pas un. Paris 1977. [Нем. перевод: Das Geschlecht, das nicht eins ist. Berlin 1979].
- IRIGARAY Luce [a]: Women's Exile [Interview]. In: Ideology and Consciousness 1 (1977), p. 62–76.
- IRIGARAY Luce: Speculum de l'autre femme. Paris 1974. [Нем. перевод: Speculum. Spiegel des anderen Geschlechts. Frankfurt/M. 1980].
- LACAN Jacques: Encore. Le Séminaire XX. Paris 1975.

---

⁶³ «An Irigarayan politics would be *in analogy* with woman's body – multiple, material, diffuse, open to the play of connotation – disruptive of meanings that seek to reduce difference to sameness, and thus to mask and control those differences.» (MCDERMOTT 1987, 63)

- MCDERMOTT Patrice: Post-Lacanian French Feminist Theory: Luce Irigaray. In: *Women & Politics* 7 (1987), Nr. 3, p. 47–64.
- MOI Toril: *Sexual/Textual Politics: Feminist Literary Theory*. London 1985.
- PLAZA Monique: *Phallographic Power* and the Psychology of *Woman*. In: *Ideology and Consciousness* 4 (autumn 1978), p. 5–36.
- SCHREINER Karin: Mimesis – Schein – Tun-als-ob – Hysterie: Zu Irigarays *Speculum*. Wien 1984. [неопубликованная авторская рукопись].
- WEEDON Chris: *Feminist Practice and Poststructuralist Theory*. Oxford 1987.
- WHITFORD Margaret: Luce Irigaray and the Female Imaginary: Speaking as a Woman. In: *Radical Philosophy* 43 (summer 1986), p. 3–8.

ОБРАЗ МАТЕРИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

При изучении с помощью психоанализа возможных причин невротических конфликтов, как правило, обращаются к тому времени в биографии пациента или пациентки, в котором надеются найти корни конфликтов, вызвавших проявление невротических симптомов. Таким образом, внимание фиксируется на детских годах пациента и прежде всего на тех связях и отношениях, которые оказали особое влияние на развитие ребенка. Важнейшее место при этом занимают взаимоотношения матери и ребенка.

Когда мы с точки зрения психоанализа, как, например, в этой статье, говорим об образах Матери, возникает вопрос не о конкретном опыте, приобретенном в тех или иных специфических отношениях матери и ребенка, не о возможных радостях и печалях, связанных с ними, и их вероятном влиянии на последующее появление неврозов. Вместо этого мы задаемся вопросом об образах Матери, которые, не будучи связаны с конкретным индивидом, являются типичными для развития человека вообще и обладают, по всей вероятности, универсальным значением. Эти образы Матери свидетельствуют не только о чувствах любви и благодарности, они являются также выражением экзистенциальных конфликтов человека. Зачастую это неосознанные конфликты, и поэтому человеку бывает нелегко рассказать о них. Это конфликты, вызванные яростью и отчаянием из-за

невозможности удовлетворить те или иные желания с вытекающими из этого обидами, а также конфликты, которые в основе своей связаны с ранними (доэдипальными) образами Матери и особенно отчетливо выявляются в ходе психотерапевтического лечения. О таких образах Матери и пойдет речь в моей статье.

Тот факт, что бессознательные конфликты у людей находятся в тесной связи с ранними образами Матери, объясняется особым положением, которое мать занимает в жизни ребенка в качестве первичного объекта¹. Что именно имеется в виду, наглядно иллюстрирует одна цитата из Дороти Диннерштейн (Dorothy Dinnerstein), которую я хотела бы привести, прежде чем мы перейдем к рассмотрению образов Матери с позиций психоанализа. Дороти Диннерштейн пишет:

«Как для девочки, так и для мальчика, женщина является первым средоточием телесных удовольствий и желаний, а также первым существом, через которое открывается доступ к жизненно важному наслаждению социальным общением. С женщиной в равной степени связан и первый опыт зависимости от внешнего источника добра, практически не поддающегося

---

¹ Первичный объект (Primärobjekt) – термин в рамках теории объективных отношений. Теория объектных отношений является важной областью исследований современного психоанализа, которая занимается внутриспсихическими репрезентациями объектных отношений индивидуума. «Объектами» являются при этом импульсы из внешнего мира (а значит, и «субъекты», другие люди – например, мать), которые воспринимаются и обрабатываются внутренними механизмами психики. основополагающие работы по теории объектных отношений принадлежат Мелани Кляйн (Melanie Klein, 1882–1960). Американское направление опирается прежде всего на работы Дональда Винникота и Маргарет Малер (Donald Winnicott, Margaret Mahler) (ср.: RONDE-DACHSER 1991, 310). См. в этой связи также статью Корнелии Клингер *Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях* в сборнике «Пол. Гендер. Культура», вып. 2. М., 2000. (Прим. ред.)

контролю, и самое раннее осознание неизбежности страданий от боли и разочарований. Женщина является свидетелем, в сознании которого впервые отражается и утверждается бытие ребенка; она же представляет собой публику, поощряющую его первые успехи. Одновременно женщина являет собой и подавляющую внешнюю силу, сталкиваясь с которой, ребенок впервые узнает о необходимости подчинения. Это первое лицо, которое с помощью наказания может заставить ребенка подчинить свои желания ее собственным. Она является и первым могущественным любимым существом, которому ребенок добровольно старается понравиться.» (DINNERSTEIN 1976, стр. 46).

Эта женщина, с точки зрения ребенка, обладает уникальной способностью кормить его, ухаживать за ним, она вводит его в мир, но она же может мешать его вхождению в этот мир, задерживать его, заставляя его голодать и даже лишить его жизни. В раннем представлении ребенка мать всесильна. Приписываемая ей власть – власть над жизнью и смертью. Этот ранний опыт ребенка отражается в образах Матери. Именно с ними мы и имеем дело в психоанализе.

Далее я хотела бы дать краткий обзор традиционных и новых представлений об образе матери в психоанализе, после чего некоторые аспекты этого образа будут рассмотрены мною более подробно.

Представления об образе матери в психоанализе от Фрейда и до наших дней

В рамках психоанализа Фрейд занимался прежде всего ролью Эдипова комплекса, в центре которого находится конфликт мальчика с собственным отцом. Причиной конфликта является борьба за расположение матери и за обладание ею. Ранняя стадия отношений матери и ребенка всегда оставалась для Фрейда, по его же собственному признанию,

«темным континентом» (FREUD 1926, стр. 241). Это касается прежде всего ранних отношений матери и дочери в тот период, который предвращает развитие Эдипова комплекса и поэтому часто называется в психоанализе доэдипальным. Обнаружение доэдипального периода в развитии девочки оказалось для Фрейда «такой же неожиданностью, как открытие критско-микенской культуры, предшествовавшей греческой культуре» (FREUD 1931, 519). Он писал:

«Все, что касается этой первой фиксации на матери, представлялось мне чрезвычайно сложным для анализа, поблекшим, призрачным, едва ли поддающимся возвращению к жизни, словно оно особенно беспощадно было вытеснено из сознания» (FREUD 1931, 519).

В тридцатые годы психоаналитики, в основном это были женщины-психоаналитики, обстоятельно занялись проблемой ранних отношений матери и ребенка, причем эта проблема стала центральной в их исследованиях. Наряду с Хеленой Дойч (Helene Deutsch) здесь можно прежде всего назвать Анну Фрейд (Anna Freud) и Мелани Кляйн (Melanie Klein).

Хелена Дойч подробно изучила проблему отношений между матерью и дочерью и описала ее в своей книге «Психология женщины» (*Die Psychologie der Frau*), вышедшей в свет в 1944 году. В этой книге она анализирует весьма распространенное среди психоаналитиков мнение о том, что детское отношение девочки к матери выливается в ненависть, а последующая привязанность к матери является в основном гиперкомпенсацией этого чувства ненависти. Накопление психоаналитического опыта позволяет прийти к пониманию ошибочности этих выводов. Стихотворные строки из романа Дэвида Г. Лоуренса «Сыновья и любовники»², по мнению

---

² Дэвид Герберт Лоуренс (David Herbert Lawrence) – английский писатель (1885–1930). Роман *Sons and lovers* (рус. пер. 1927, прим. ред.)

Х. Дойч, отражают истинное положение вещей. Вот эти строки:

«Сын остается моим, пока он жену не найдет. / Дочь
для меня навсегда / будет ребенком моим!» (DEUTSCH
1944, т. 1, 321).

Анна Фрейд, будучи детским психоаналитиком, также неоднократно обращалась к изучению роли матери в развитии ребенка во время своего длительного пребывания в Англии (см.: А. FREUD 1965).

Однако наиболее обстоятельно ранними отношениями матери и ребенка занималась Мелани Кляйн (см.: KLEIN 1960). Она обосновала психоаналитическую теорию объектных отношений, которая направлена на изучение ранних объектных отношений, прежде всего ранних отношений матери и ребенка. Этим отношениям отводится важнейшая роль в дальнейшей жизни ребенка. В этом направлении работали и другие выдающиеся женщины-психоаналитики, среди них Жанин Шасге-Смиржель (Janine CHASSEGUET-SMIRGEL 1964, 1976) и Маргарет Малер (Margaret MÄHLER 1975), которые отводили матери центральное место в своих теоретических рассуждениях. В некотором смысле это характерно и для феминистски ориентированных исследований отношений мать-дочь. Я имею в виду прежде всего работы Дороти Диннерштейн (DINNERSTEIN 1976), Нэнси Чодоров³ (Nancy CHODOROW 1978) и Джессики Бенджамин (Jessica BENJAMIN 1988). Во Франции, наряду с Жанин Шасге-Смиржель, в исследованиях о развитии нарциссизма сходный подход характерен для Б. Грунбергера (Bela GRUNBERGER 1982), который указал на значимость архаичного имago матери и его решающую роль в развитии человека⁴.

³ Есть различные варианты произношения имени этой американской исследовательницы. Мы принимаем наиболее распространенный в русских переводах вариант: Чодоров.

⁴ Имаго – бессознательный прообраз, избирательно направляющий восприятие одним субъектом другого; он вырабатывается на основе первых межличностных отношений (реальных или фантазматических) с семейным окружением. (Прим. изд., цит. по: Лапланш/Понталис 1996, 162)

Далее я хотела бы более подробно остановиться на различных концепциях имаго, проецируемых на мать. Речь пойдет о работах Мелани Кляйн, Жанин Шасге-Смиржель и Белы Грунбергера, посвященных различным аспектам имаго материнского.

Материнские имаго в теории Мелани Кляйн

Мелани Кляйн исходит из того, что даже совсем маленький ребенок по-разному воспринимает свою мать. Он направляет на мать не только свою любовь, но и зависть, ненависть, разрушительную силу. При этом ребенок еще не видит мать как целостную личность. Во время этой первой фазы развития он воспринимает ее почти всегда фрагментарно, через то, что важно непосредственно для удовлетворения его потребностей. К этим фрагментам восприятия прежде всего принадлежит материнская грудь, способная утолить его голод. Ребенок связывает с этой грудью свои оральные инстинктивные желания; он жаждет ее, хочет удержать, распоряжаться ею. Но одновременно ребенок узнает, что грудь не всегда доступна ему в тот момент, когда он голоден или страстно желает ее. Поэтому грудь матери, которая в этом случае замещает ребенку саму мать, оказывается способна как насытить его, так и заставить его голодать. На основе этого Мелани Кляйн разрабатывает концепцию «доброй» и «злой» материнской груди. Мать рассматривается в данном случае через частичные объекты, а не как реальная мать, целостная личность. «Добрая» грудь воспринимается ребенком как приют, источник пищи и защищенности. На грудь, отказывающую ему в этом, ребенок реагирует ожесточенной агрессией, которая проецируется на мать. В этом случае мать или материнская грудь представляется ребенку чрезвычайно агрессивной и преследующей его. Исходя из этого, «злая» грудь, пишет исследовательница, является злой не только потому, что отказывает или, по крайней мере, может отказать ребенку в пище, а, в пер-

вую очередь, потому, что на ней сосредоточены ненависть и зависть ребенка, проецируемые на мать.

Мелани Кляйн видит в этих детских чувствах ненависти и зависти выражение врожденного агрессивного влечения, в той форме, в какой его представил Фрейд в своей теории влечений⁵. Ребенок, считает Кляйн, воспринимает тело матери, от которого он экзистенциально зависим, как нечто наполненное сокровищами, богатое и одаривающее. Именно потому это тело пробуждает в ребенке зависть. Зависть и связанная с ней агрессия, выражающаяся в желании уничтожить сокровища матери, проецируется на мать, а точнее, на ее определенную часть. Вследствие этого сама эта часть становится «злой» и поэтому, в свою очередь, разрушающей и преследующей.

«Злая» материнская грудь представляется для Мелани Кляйн одновременно ядром «злого» имаго матери, которое рождается из ненависти и зависти, проецируемых ребенком на мать. Но поскольку ребенок одновременно экзистенциально зависим от своей матери и нуждается в ее любви и заботе, ему приходится наряду с отрицательным образом матери и независимо от него сохранять ее положительный образ, гарантирующий ребенку пищу, чувство безопасности и защищенности, а также уверенность в том, что он останется в живых. Такой положительный образ матери ни при каких обстоятельствах не должен вступать в контакт с агрессией ребенка. В противном случае этот положительный образ подвергается риску быть уничтоженным агресси-

---

⁵ Теория влечений (Triebtheorie) – разработанная З. Фрейдом теория психоанализа, в которой все душевные возбуждения человека рассматриваются как манифестация дуализма влечений: сексуального влечения (Эроса) и влечения к агрессии (влечения к смерти, или Танатоса). Автономия сознания и свободной воли оказываются, таким образом, в значительной степени ограниченными. Хотя этот концепт с самого начала является предметом споров, он, тем не менее, остается ядром сформулированной Фрейдом психоаналитической теории. (Прим. ред., цит. по: RONDE-DACHSER 1991, 313)

ей ребенка. Иными словами, образы феи и ведьмы (ибо речь здесь идет именно об этих образах) должны четко отграничиваться друг от друга, для того чтобы они могли выполнять функции, являющиеся для ребенка жизненно важными в этот период: имаго «доброй» матери как объект любви ребенка и как гарантия его выживания и имаго «злой» матери как плоскость проекций детской агрессии. В имаго «злой» матери эта агрессия ребенка накапливается и сохраняется до тех пор, пока ребенок не сможет сознательно отказать от этой проекции и переработать свои агрессивные чувства иным способом.

Итак, в данном случае мы имеем дело с двойственным образом матери, характерным для «параноидально-шизоидной фазы», которую описала Мелани Кляйн⁶. Под параноидально-шизоидной фазой понимается тенденция, доминирующая в первый год жизни ребенка и неоднократно проявляющаяся в дальнейшем. Она заключается в преодолении противоречащих друг другу чувств любви и ненависти по отношению к одному и тому же объекту, в данном случае – к матери, посредством расщепления образа этого объекта на положительный и отрицательный. От негативного, разрушительного, преследующего его образа матери ребенок ищет спасения у ее позитивного образа. Позитивный образ матери ему необходим также и для сдерживания агрессии, которая воплощена в негативном образе матери. Образ доброй матери должен доказать свое превосходство в этой борьбе, чтобы одержать верх над воплощенной в образе злой матери агрессией, если им действительно когда-ни-

---

⁶ Параноидально-шизоидная фаза (paranoid-schizoide Position) – понятие, введенное Мелани Кляйн и описывающее вид объектных отношений, которые, по мнению исследовательницы, характерны для первых четырех месяцев жизни ребенка, однако могут проявляться и в более поздние периоды (как у детей старшего возраста, так и у взрослых). Этот вид объектных отношений характеризуется «расщеплением» объекта на «очень хороший» и «очень плохой», преобладанием проекционных механизмов и страхом преследования. (Прим. ред., цит. по RONDE-DACHSER 1991, 311)

будь придется столкнуться. Здесь двойственный образ матери сближается с апокалиптическими представлениями о борьбе добра и зла, которые мы находим как в мифологии, так и в литературе. Романы *Властелин колец* Джона Р.Р. Толкиена (John R. R. Tolkien) или *Бесконечная история* Михаэля Энде (Michael Ende) есть не что иное, как рассказ о борьбе сил добра и зла, причем неясно, какая же из сторон победит и завоюет мировое господство⁷.

Согласно теории Мелани Кляйн, это соприкосновение добра и зла происходит в один из более поздних периодов развития ребенка, который она определяет термином «депрессивная фаза». В ходе взросления ребенка, утверждает Кляйн, должен наступить момент, когда он осознает, что его яростные атаки направлены на тот же самый объект, который обеспечивает его всем добрым и хорошим в жизни. Осознание этого факта приводит к депрессивной фазе. Это открытие пробуждает в ребенке чувство вины и желание ее «загладить», восстановить объект, разрушенный, как ему кажется, его яростными нападками (KLEIN 1960). Итак, формирующийся в рамках депрессивной фазы образ матери показывает, что ребенок воспринимает мать как целое. Однако это еще не значит, что он к этому времени уже действительно способен сопереживать матери. Его попытки загладить свою вину должны прежде всего помочь восстановить образ матери, который, как кажется ребенку, был разрушен в результате его агрессивности. На еще более поздней стадии развития ребенок испытывает чувство вины из-за боли, причиненной им матери, проявляет заботу и тревогу о ней. Эти его ощущения могут оцениваться как признак того, что ребенок становится отныне способен к действительным объектным отношениям, строящимся на эмпатии⁸ и взаимности.

---

⁷ Михаэль Энде (Michael Ende) – немецкий писатель (род. 1929). *Бесконечная история* появилась в 1979 году, после книги *Джим Кнопф и Лукас, водитель локомотива*, 1960 и *Момо*, 1973. (Прим. ред.)

⁸ Эмпатия – готовность и способность прочувствовать и понять позицию другого человека. (Прим. ред.)

Состояния параноидально-шизоидной и депрессивной фаз никогда полностью не исчезают. Речь идет скорее о различных конstellациях в отношениях, которые в дальнейшей жизни могут время от времени повторяться. Женщины, которые в своих неосознанных фантазиях всегда являются матерями, с этого момента рискуют оказаться под бременем существующих образов матери, которые берут свое начало в параноидально-шизоидной стадии. Не застрахованы они также и от возможного переноса таких образов матери на других женщин и, прежде всего, на свою собственную мать.

Отрицательный образ матери, согласно Мелани Кляйн, является следствием детских проекций, когда ребенок переносит чувства зависти и ненависти на свою мать. Мелани Кляйн не затрагивает вопроса о власти матери, которая существует независимо от проекций ребенка и может быть принципиально обращена против него. Иначе выгляды представления известного французского психоаналитика Жанин Шасге-Смиржель. К ее трактовке раннего образа матери я и хочу перейти.

Образ матери у Шасге-Смиржель

Одна из наиболее значительных современных французских исследовательниц в области психоанализа Ж. Шасге-Смиржель, в отличие от Мелани Кляйн, говорит о травмирующей по своей сути власти доэдипальной матери, которая в восприятии ребенка идентична всемогуществу. Если у Мелани Кляйн образ матери расщепляется на «добрый» и «злой», то здесь раздвоение смещается в плоскость противопоставления «силы» и «бессилия». Силу и власть при этом представляет мать, а беспомощность и бессилие – ребенок. Согласно Шасге-Смиржель (Chasseguet-Smirgel 1976), каждому человеку, будь то мужчина или женщина, в детском возрасте хоть раз приходилось испытывать крайнюю зависимость от матери, представляющей в его фантазиях всемогущей. Ощущаемое ребенком бессилие, проявляющееся в этой ситуации, имеет травматическую природу и оставляет в душе

каждого человека, независимо от его биологического пола, глубокую нарциссическую рану. Вследствие этого, как считает Шасге-Смиржель, мужчины и женщины позднее делают все для того, чтобы не оказаться снова в подобной ситуации бессилия и зависимости. Шасге-Смиржель считает, что и фрейдовская теория «фаллического монизма» (т. е. представление о том, что в сознании ребенка гениталии ассоциируются лишь с одним половым органом – пенисом) является защитной реакцией на эти воспоминания. По Фрейду, открыв для себя половые различия, мальчики и девочки исходят из того, что мальчики обладают пенисом, а девочки, в отличие от них, ощущают себя кастрированными и обделенными. Эта психоаналитическая теория является в толковании Шасге-Смиржель попыткой защититься от воспоминаний о ранней, всеильной (на языке психоанализа «фаллической») матери. В данной концепции власть отца, символически представленная пенисом, вступает в противостояние с властью доэдипальной матери, чтобы раз и навсегда ее преодолеть. Для этого образ отца должен оказаться не только более могущественным, но и более ярким и притягательным, чем образ ранней, в фантазиях ребенка, всеильной матери. Только в этом случае образ отца может стать надежной защитой от раннего образа матери, от того образа, который, несмотря на свою опасность, обладает и засасывающей силой, на протяжении всей жизни, грозящей увлечь человека обратно в сферу материнского всевластия.

В своем труде «Организация полов» Дороти Диннерштейн (DINNERSTEIN 1976) убедительно показала, как подобное бегство от власти ранней матери до сих пор способствует укреплению патриархата, поскольку оба пола очевидно предпочитают господство отца полному бессилию перед произволом всевластной материнской фигуры. Если согласиться с этим тезисом, то придется считать также, что в патриархальном обществе мужчины и женщины, несмотря на все противоречащие этому феминистские утверждения, солидарны в неосознанном противостоянии властному, угрожающему образу матери, «оживления» которого они не хотят допустить ни при каких обстоятельствах. Во

всяком случае это могло бы объяснить, почему среди тех, кто снова и снова отклоняет введение той или иной квоты для женщин, оказываются не только мужчины, движимые страхом перед женской конкуренцией, но и женщины, защищающиеся от упрочения женских авторитетов, которые неосознанно идентифицируются ими с господством ранней матери. Вполне вероятно, что тот же самый глубоко сидящий страх невольно вызывает и идеализацию мужского, которая, судя по жизненному опыту, имеет место и тогда, когда реальный опыт с отцом, а позднее и с другими мужчинами уже давно подорвал связываемые с этой идеализацией надежды. Ведь важнейшая функция идеализации мужского — преодолеть властный, угрожающий и одновременно манящий образ ранней матери.

Согласно Шасге-Смиржель, именно девочке выпадает сложная задача отмежеваться от матери и стать самостоятельным индивидом, при этом она не может, подобно мальчику, опереться на видимые и легко узнаваемые признаки физического отличия от матери. Для автономного развития девочке, так же как и мальчику, требуется стимул извне, возможность идеализации «нематеринского» мира, а это значит пола, который не «занят» матерью. Именно эти условия и обращают внимание девочки на отца, который, таким образом, становится первым и непосредственным репрезентантом отличия от матери, даже, можно сказать, чем-то вроде ее противника. В этой функции дочь проецирует на него идеализацию, позволяющую ей высвободиться из двуединства мать-дочь.

Такая расстановка сил, как считает Шасге-Смиржель, является необходимым шагом в развитии женщины. Она ведет к тому, что идеализация отца сохраняется независимо от противоречивого опыта с реальным отцом. В дальнейшем девочка по-прежнему будет приписывать отцу или фигуре, заменяющей его, свой положительный опыт, а матери — скорее отрицательный опыт. Оглядываясь назад, она таким же образом по-новому перекодирует свои доязыковые, связанные с матерью воспоминания (RONDE-DACHSER 1991, 221 и далее). Тем самым вступает в силу идеализация мужского, которая сохраняется зачастую на протяжении всей

жизни, несмотря на повторяющиеся разочарования в отношениях с мужчинами: *Со следующим мужчиной все будет по-другому*⁹. Так создается образ избавителя от власти ранней матери, которая всегда ассоциируется со злом уже хотя бы потому, что она в принципе могла бы направить свою силу против ребенка (по опыту ребенка, она зачастую именно так и поступает). Избавитель предстает здесь в образе сильного, идеализированного отца, фаллос которого является своего рода волшебным жезлом для изгнания ведьмы-матери.

Таким образом, в теории Шасге-Смиржель ранняя мать сохраняет приписываемое ей всемогущество, которое должно поэтому находиться под постоянным контролем со стороны идеализируемого с этой целью отца. Французский психоаналитик Бела Грунбергер, как и Шасге-Смиржель, много занимался психоаналитическими теориями нарциссизма и пришел к схожим выводам относительно образов матери. В его представлениях «отрицательный» полюс образа матери во многих отношениях перевешивает «положительный». Теория, на которую он опирается, строится, однако, на гипотезах, отличающихся от предположений Мелани Кляйн и Шасге-Смиржель.

«Двойственное праимаго» (Бела Грунбергер)

Согласно Грунбергеру (GRUNBERGER 1982), первые имаго матери имеют филогенетическую природу. Они берут свое начало в предыстории человека, выходящей за рамки индивидуального, и глубоко укоренены во внутреннем мире каждого мужчины и каждой женщины. Принимая во внимание связанные с ними противоречивые чувства, Грунбергер обозначает эти первые подсознательные представления

---

⁹ Ева Хеллер (Eva Heller) – современная немецкая писательница. Ее роман *Со следующим мужчиной все будет по-другому* пользовался большой популярностью в конце 80-х годов.

о матери термином «двойственное праимаго». Двойственный характер этих бессознательных представлений проявляется в наличии двух полюсов: нарциссического полюса и полюса влечения к смерти. Нарциссический полюс олицетворяет собой идеальный опыт, связанный с изначальным единством матери и ребенка. Противоположный ему полюс, связанный с влечением к смерти, Бела Грунбергер называет анубическим. Анубис – это древнеегипетский бог смерти. Анубический полюс содержит в себе архаическую агрессию, которая является, как считает Грунбергер, реакцией каждого человека на утрату первоначального счастливого нарциссического состояния. Это состояние связывается с пренатальным бытием, претерпевающим необратимые изменения после появления человека на свет, его вступления в человеческую среду. Для человека, по Грунбергеру, такие резкие изменения сравнимы с апокалиптической катастрофой. Воспоминания об этой первичной катастрофе связаны с филогенетическими имаго, которые лишь

«отражают/репрезентируют (или могут представлять) ту дисфорию¹⁰, которая вызвала их из подсознания; поэтому они появляются в виде сфинкса, ведьмы, злой матери, медузы Горгоны, ведьмы-совратительницы, ночного кошмара и т. д. Ужас, исходящий от этих фигур, структурирующихся исключительно в виде материнских имаго (отец еще неизвестен новорожденному), соответствует природе пережитой травмы. Она вызвана чувством *беспомощности*, неразрывно связанным с абсолютной *зависимостью* от матери, что способствуют появлению *прототипических нарциссических обид*» (GRUNBERGER 1982, 77; курсив автора).

---

¹⁰ Дисфория – подавленное, мрачное, сопровождаемое страхами и раздраженностью настроение, противоположное эйфории. (Прим. ред.)

Нарциссический и анубический полюсы материнского праимаго связываются между собой в этих представлениях весьма специфическим образом: воспоминание об утраченном блаженстве идеализированного первоначального состояния при этом всегда неразрывно связано с опытом потери этого блаженства. Иными словами, воскрешение нарциссического полюса материнского имаго неизменно ведет к активизации в памяти анубического полюса (т. е. имаго «злой» матери). Реальная фигура матери никак не влияет на эти представления, т. е. «положительный» или «отрицательный» образ матери складывается независимо от ее поведения. Поэтому опыт, связанный с раздвоенным праимаго, Грунбергер описывает как филогенетический. Если согласиться с этим тезисом, то неизбежно вступает в действие описанное выше раннее имаго матери с характерной для него двойственностью, причем оно не имеет отношения к реальному поведению матери и в своей неизбежности обретает черты трагизма. Реальная мать также оказывается во власти этого представления. Как и ребенок, она ощущает себя жертвой, попавшей во власть этого (негативного) материнского имаго (об этом см. RONDE-DACHSER 1991, 178 и далее).

Мать и материнская власть

Все кратко представленные до сих пор образы матери объединяет описание материнской власти, той самой власти, которая внушает страх и желание избежать столкновения с ней, хотя от нее и исходит некоторая притягательная сила, возвращающая нас к тому времени, когда мы ощущали себя единым целым с этой властной матерью. Однако, обращаясь к прошлому, мы видим, что эта «материнская власть» не поддается контролю, в любой момент она может быть направлена против ребенка, и именно поэтому ее необходимо контролировать. Мысль о том, что власть матери может быть использована и для защиты ребенка, отступает на фоне этого опасения на задний план. Ранний образ матери, являющейся, согласно детским представлениям, всесильной,

выступает, скорее, как образ властительницы над жизнью и смертью, и то, что ребенок живет, что мать о нем заботится и ухаживает за ним, доказывает лишь, что мать не воспользовалась своей «злой» властью. В фантазиях об этой «всесильной» матери часто смешиваются «материнское имаго» и «мать» (см. RONDE-DACHSER 1989).

«Моя мать хотела избавиться от меня с помощью аборта», – с глубочайшим возмущением пожаловался мне когда-то давно коллега-психоаналитик и высказал еще целый ряд горьких упреков в адрес своей матери. Мое замечание о том, что она, судя по всему, все же приняла другое решение, иначе у него не было бы возможности сейчас в тридцатилетнем возрасте упрекать ее, вызвало полное непонимание с его стороны. В воображении этого мужчины значение имело лишь то, что его мать могла принять меры против его появления на свет. Один этот факт уже по определению делал ее коварной, а его превращал в жертву матери, абсолютно независимо от того, применила ли она фактически эту власть против него или нет. Образ матери-властительницы над жизнью и смертью, встречающийся нам здесь, обладает, по моему опыту, большой устойчивостью. Вероятно, это можно объяснить, кроме всего прочего, тем, что этот образ относится к сфере магического мышления, которое является определяющим для опыта маленького (в возрасте от двух до шести лет) ребенка. Это именно та фаза развития образного мышления (PIAGET 1969), в течение которой фантазия и реальность, мысль и действие зачастую не могут быть отделены друг от друга. Это означает также и отсутствие различий между желанием смерти «зачинному» и реальным убийством этого «другого».

Одновременно это позволяет нам назвать и одну из причин, по которой женщинам особенно трудно реально использовать власть, не идентифицируя себя при этом с угрожающим внутренним образом доэдипальной «всесильной» матери. Возможность использования реальной власти, по всей видимости, очень легко активизирует фантазии, которые берут свое начало в магической фазе развития ребенка и поддаются лишь несущественной корректировке в результате соприкосновения с реальностью.

К этому нужно добавить, что наше время характеризуется непрочностью традиционной семьи. Появляется все больше матерей, которые в одиночку воспитывают своих детей и в действительности вынуждены с огромным трудом прокладывать путь в жизни себе и своим детям. На уровне бессознательных фантазий это может, однако, привести к представлению о матери, которая господствует во всех областях, – к представлению, способному вызвать чувство страха и ярости. Такое предположение высказала Зиглинда Теммель (TÖMMEL 1988, 106). Увеличение числа матерей-одиночек как следствие социальных изменений должно, согласно Теммель, оказать влияние на бессознательные фантазии современного человека.

«Следствием этого могут стать представления о неограниченной власти матери, приводящие к новым проблемам.» (TÖMMEL 1988, 106).

Михаэль Лукас Меллер (Michael Lukas Moeller) говорит в связи с этим о вынужденном миниатюрном матриархате, который ведет к тому, что мать нередко остается единственным объектом идентификации в семье, в том числе и для сыновей.

«Мать не сама создает свою ситуацию. Ситуация создает ее. Но у всех нас складывается впечатление, словно бы она являлась источником зла.» (MOELLER 1986, 54).

Зла, к которому, как можно было бы дополнить, в бессознательных фантазиях относится и исчезновение отца, спровоцированное именно ею, то есть мать становится его убийцей.

Пока в сфере воображаемого происходит это «отцеубийство», реальные женщины из плоти и крови – жены, матери и дочери – жалуются на недостаточное присутствие отцов или супругов, которые не в воображении, а в действительности ускользают от них и тем самым подспудно сопротивляются принятию на себя роли противника в борьбе с

воображаемой материнской властью. В бессознательной фантазии, однако, этот упрек регулярно сопровождается образом матери, власть которой дополнительно возрастает вследствие исчезновения из семьи отца.

Некоторые факты указывают на то, что женщины в подсознании проявляют готовность идентифицировать себя с этим приписываемым им образом. Возможно, особый соблазн это представляет особенно для женщин, которые в действительности ощущают себя скорее бессильными. В реальной жизни, как правило, очень быстро становится очевиден контраст между таким отождествлением со всемогущей матерью и фактическим бессилием женщин и матерей. Кэрол Хагеманн-Уайт (Carol HAGEMANN-WHITE 1979) обращает наше внимание на фатальные последствия, которые могут возникнуть в результате такого смешения магической и реальной власти:

«Ребенок, живущий во всех нас, заставляет нас верить во власть матери. Но эту власть, даже в подсознательном представлении о ней, мать использует не для себя, а для или против ребенка. Даже всемогущая мать из детских фантазий является объектом, не субъектом. Женщина, пытающаяся воплотить в жизнь идеальное представление о материнстве, оказывается больше не в состоянии ставить вопрос о собственной идентичности; самопожертвование и отсутствие собственных потребностей становятся ее характерной маской.» (HAGEMANN-WHITE 1979, 68).

Исходя из такого представления о материнской власти, женщины часто обсуждают вопрос о благоприятной для ребенка социализации.

«При этом мы становимся жертвами своих собственных нереализованных стремлений и, как в детстве, упрекаем мать: "Почему ты не защитила меня тогда от тех условий, которые разрушают нас обоих?"» (HAGEMANN-WHITE 1979, 68).

Однако как только матери открыто заявляют об этом праве на защиту ребенка и пытаются, например, противопоставить потребности своего ребенка такой социальной инстанции, как школа, пробуют воспитывать его против стесняющих, калечащих норм, они начинают ощущать свое социальное бессилие.

- «Все окружение ребенка занимается его воспитанием, не обращая при этом внимания на мать.» (HAGEMANN-WHITE 1979, 69).

Материнские имаго, о которых здесь идет речь, не ориентируются на эту реальность. Они следуют заданным образцам, согласно которым тоска человека по «доброй» матери становится тем острее, чем более разочаровывает реальность. Образ матери как бы «заряжается» такими желаниями. Образ идеализированной матери приобретает все более притягательную силу, что неизбежно ведет к разочарованию. Тоска по матери и разочарование от несбывшегося стремления оказываются, таким образом, неразрывно связаны. Тем самым возникает замкнутый круг, в котором разочарование обуславливает возрастание тяги, ведущей к новым разочарованиям и т. д. Это приводит к приписыванию образу матери агрессивных черт, что мы действительно наблюдаем сегодня, по крайней мере в психоаналитической теории. Поскольку в этих психоаналитических теориях отражаются также бессознательные фантазии современных людей, живущих в таком обществе, где материнство все больше обесценивается. В этой связи интересно упомянуть исследование японского психиатра Дои (Doi) о японской культуре, в которой особую роль играет понятие «атае». Согласно Дои, слово «атае» описывает приблизительно то ощущение, которое испытывает младенец, находясь у груди матери и зная, что его желания будут удовлетворены. У взрослого эта атае-ментальность часто служит выражением стремления восстановить чувство единства ребенка и матери (цит. по: EAGLE 1984, 242 и далее). Дои высказывает предположение, что, по крайней мере, в японском обществе наблюдается рост атае-патологии. Он считает, что это связано с изменениями в обществе, где остается все меньше облас-

тей, в которых можно испытать чувство общности и сопричастности; вместо этого все чаще встречаются отстраненные и формальные отношения. Это ведет к тому, что «атае» все чаще ведет к фрустрации и принимает патологические формы (цит. по: EAGLE 1984, 242 и далее).

Подобная ситуация складывается и в современном западном обществе. Поэтому агрессивизацию образа матери, как она представлена в психоаналитической теории, можно, вероятно, расценивать и как отражение тех структурных социальных изменений, в которых ценность материнства и переживания, связанные с единством матери и ребенка, все сильнее отступают на задний план.

Однако желание вернуть эти стоящие в начале нашего развития переживания единства с матерью не может исчезнуть полностью. В крайнем случае это желание может быть вытеснено из сознания, а его невыполнимость привести к агрессивности или пессимизму. Представления человека о рае всегда являлись плодом идеализации того раннего слияния с матерью, которое сложилось еще во время нахождения в ее утробе или, может быть, еще какое-то время сразу после появления на свет. Согласно библейскому мифу, Адам и Ева вкусили плод с древа познания и за это были изгнаны из рая, вход в рай сторожит херувим и препятствует их возвращению туда. Этот миф еще раз свидетельствует об оставшемся стремлении к воссоединению с матерью, которое было утрачено после изгнания из рая. В психоанализе не раз были описаны люди – мужчины и женщины – которые на протяжении всей жизни сохраняют мысль об этой первоначальной потере в виде нарциссической раны и снова и снова пытаются исцелиться через близость с другими людьми. В стихотворении Гете, обращенном к луне, появляются следующие строки:

Тем владел однажды я,
Чем сладко дорожить,
Что, на муки несмотря,
Нам не дано забыть¹¹.

---

¹¹ Ich besaß es doch einmal, / was so köstlich ist. / Daß man doch zu seiner Qual / nimmer es vergisst. (GOETHE 1778)

Окончательное избавление от этой муки возможно лишь с наступлением смерти, которая в подсознании всегда является одновременно возвращением к первоначалу. С этой точки зрения исполнение желания, связанного с образом матери, равносильно гибели. Появление жизни и ее угасание неотделимы друг от друга и корнями своими уходят в женско-материнское начало.

Перевод Марины Когут

В оригинале

Christa Rohde-Dachser: Das Mutterbild in der Psychoanalyse. In: Mutterbilder – Ansichtssache. Beiträge aus sozialwissenschaftlicher, psychoanalytischer, literaturwissenschaftlicher und medizinischer Perspektive. Hrsg. von Margret Schuchard u.a. Heidelberg 1997, S. 49–65.

Список литературы

- BENJAMIN J. [1988]: Die Fesseln der Liebe: Psychoanalyse, Feminismus und das Problem der Macht. Frankfurt/M. 1990. [The Bonds of Love. Psychoanalysis, Feminism, and the Problem of Domination. New York 1988].
- CHASSEGUET-SMIRGEL J. [1964]: Psychoanalyse der weiblichen Sexualität. Frankfurt/M. 1974. [La sexualité féminine. Paris 1975].
- CHASSEGUET-SMIRGEL J. [1976]: Freud und die Weiblichkeit. Einige blinde Flecken auf dem dunklen Kontinent. In: J. Chasseguet-Smirgel: Zwei Bäume im Garten: Zur psychischen Bedeutung der Vater- und Mutterbilder. München/Wien 1989, S. 1–26. [Les deux arbres du jardin: Essais psychoanalytiques sur le rôle du père et de la mère dans la psyché. Paris 1988].
- CHODOROW N. [1978]: Das Erbe der Mütter: Psychoanalyse und Soziologie der Geschlechter. München 1985. [The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley/Calif. 1978].

- DEUTSCH H. [1944]: *Psychologie der Frau*. 2 Bde. Eschborn 1988.
- DINNERSTEIN D. [1976] : *Das Arrangement der Geschlechter*. Stuttgart 1979. [The Mermaid and the Minotaur, Sexual Arrangements and Human Malaise. New York 1991].
- EAGLE M.E. [1984]: *Neuere Entwicklungen in der Psychoanalyse: Eine kritische Würdigung*. München/Wien 1988. [Recent Developments in Psychoanalysis: A Critical Evaluation, New York u.a. 1984].
- FREUD A. [1965]: *Wege und Irrwege in der Kinderentwicklung*. Bern/Stuttgart 1968.
- FREUD S. [1931]: Über die weibliche Sexualität. In: S. Freud: *Gesammelte Werke*. Bd. XIV. Frankfurt/M. 1955, S. 515–537. [З. Фрейд: *Собр. соч.* в 10-ти и 17-ти томах. М. 1993–1998 гг.].
- FREUD S. [1926]: Die Frage der Laienanalyse. Unterredungen mit einem Unparteiischen. In: S. Freud: *Gesammelte Werke*. Bd. XIV. Frankfurt/M. 1955, S. 207–296. [З. Фрейд: *Собр. соч.* в 10-ти и 17-ти томах. М. 1993–1998 гг.].
- GOETHE J.W. [1778]: An den Mond. In: Urbanek, W. (Hrsg.): *Deutsche Lyrik aus 12 Jahrhunderten*. Frankfurt/M. 1972, S. 72 f.
- GRUNBERGER B. [1982]: Narziß und Anubis. Die doppelte Ur-Imago. In: B. Grunberger: *Narziß und Anubis: Die Psychoanalyse jenseits der Triebtheorie*. Bd. 2. München/Wien 1988, S. 72–91.
- HAGEMANN-WHITE C. [1979]: *Frauenbewegung und Psychoanalyse*. Basel/Frankfurt/M. 1986.
- HESSE H.: *Stufen: Alte und neue Gedichte in Auswahl*. Frankfurt/M. 1961.
- KLEIN M. [1960]: Über das Seelenleben des Kleinkindes. In: M. Klein: *Das Seelenleben des Kleinkindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse*. Reinbek 1972, S. 144–173.
- MAHLER M.S. / F. PINE / A. BERGMANN [1975]: *Die psychische Geburt des Menschen: Symbiose und Individuation*. Frankfurt/M. 1978. [The Psychological Birth of the Human Infant: Symbiosis and Individuation. New York 1975].
- MOELLER M.L.: *Die Liebe ist das Kind der Freiheit*. Reinbek 1986.
- PIAGET J.: *Nachahmung, Spiel und Traum*. Stuttgart 1969. [La formation du symbole chez l'enfant: imitation, jeu et rêve, image et représentation. Paris 1978].

- ROHDE-DACHSER C.: Expedition in den dunklen Kontinent: Weiblichkeit im Diskurs der Psychoanalyse. Berlin/Heidelberg 1991.
- ROHDE-DACHSER C.: Zurück zu den Müttern? Psychoanalyse in der Auseinandersetzung mit Weiblichkeit und Macht. In: Forum für Psychoanalyse (1989), S. 19–34.
- TOMMEL S.E.: Ödipus oder Prometheus – soziopschoanalytische Überlegungen zur «vaterlosen Gesellschaft». In: Luzifer-Amor 1 (1988), S. 88–112.
- WINNICOTT D.W. [1963]: Die Entwicklung der Fähigkeit zur Besorgnis. In: D. W. Winnicott: Reifungsprozesse und fördernde Umwelt. München 1974, S. 93–105. [The Maturation Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development. New York 1965].

При переводе использовался словарь

ЛАПЛАНИШ Ж. / ПОНТАЛИС, Ж.-Б.: Словарь по психоанализу. М. 1996.

«ГДЕ ЕЕ ВСЕГДАШНЕЕ БУЙСТВО КРОВИ?»
ПОДРОСТКОВЫЙ ВОЗРАСТ ЖЕНЩИНЫ:
«УХОД В СЕБЯ И ВЫХОД В МИР»

Theodor Storm:
Nachtigall¹

Das macht, es hat die Nachtigall
Die ganze Nacht gesungen,
da sind von ihrem süßen Schall,
da sind in Hall und Widerhall
die Rosen aufgesprungen.

Sie war doch sonst ein wildes Blut,
nun geht sie tief in Sinnen,
trägt in der Hand den Sommerhut
und duldet still der Sonne Glut
und weiss nicht, was beginnen.

Das macht, es hat die Nachtigall
Die ganze Nacht gesungen,
da sind von ihrem süßen Schall,
da sind in Hall und Widerhall
die Rosen aufgesprungen.

Теодор Шторм:
Соловей²

И потому, что соловей
Пел всю ночь напролет,
От его сладкозвучного пения,
В этих звуках и отзвуках
Лопнули почки на розах.

Где ее всегдашнее буйство крови?
Всегда резвая, она погрузилась в
глубокое раздумье,
Держа в руках соломенную шляпу,
Тихо терпит палящий зной солнца
И не знает, что ей делать.

И потому, что соловей
Пел всю ночь напролет,
От его сладкозвучного пения,
В этих звуках и отзвуках
Лопнули почки на розах.

¹ В кн.: Theodor STORM: Am grauen Meer. Gesammelte Werke. Hrsg. von Rolf HOCHMUTH. Gütersloh 1962.

² Для лучшего понимания текста предлагается дословный перевод. Поэтический перевод был сделан Е. Витковским. См. в кн.:

Развитие ребенка от стадии раннего к стадии позднего детства чаще становилось предметом психоанализа, чем развитие подростка от ранней к зрелой стадии взросления. Это связано с распространенным внутренним страхом (и, может быть, представляет собой эквивалент амнезии раннего детства) вспоминать о трудном, зачастую постыдном и мучительном времени – пубертатном периоде, когда человек порой чувствует себя таким же ранимым, как рак-отшельник, меняющий свой панцирь. По крайней мере, опасность самоубийства в этот период так велика, как ни в какое другое время нашей жизни! Это свидетельствует о том, что переход от защищенного тела ребенка к самостоятельному сексуальному телу взрослого представляет собой наиболее глубокий кризис в общем развитии личности. Ведь реализация половой зрелости означает полную перестройку психофизической организации тела и приводит к изменению схем межличностных отношений. Оглядываясь на нашу юность, мы охотнее вспоминаем то время, когда травматический пубертатный переход был уже позади. Точно так же, думая о детстве, большинство из нас охотнее и порой с ностальгией вспоминают именно о более позднем периоде, наступающем после разрушения Эдиповых комплексов и свободном от амнезии раннего детства.

В одной из своих работ (POLUDA 1993) я уже останавливалась на том факте, что ранний Эдипов комплекс приносит девочке больше страданий, чем мальчику, поскольку для нее с осознанием факта, что родители представляют собой пару, вступает в силу табу гомосексуальности (или гетеросексуальный порядок половых отношений); т. е. от девочки требуется не только отказ от матери как от данного с момента рождения партнера, но и отказ от женских сексу-

---

Европейская поэзия XIX века. М., 1977, с. 330–331: И до утра полны кусты/ Мелодий соловьиных,/ И оттого, нежны, чисты,/ Благоуханные цветы/ Раскрылись на картинах.// Вот и она выходит в сад,/ Стремясь уединиться,/Облачена в простой наряд,/ Она идет, потупив взгляд,/ И долгим днем томится.// И до утра полны кусты/ Мелодий соловьиных,/ И оттого, нежны, чисты,/ Благоуханные цветы/ Раскрылись на картинах.

альных объектов вообще, что способствует идентификации с матерью и мобилизует смену объектов. В сказках этот процесс отражен мотивами ранней потери доброй матери и страданий от злой мачехи. Параллелей для мальчиков в этом смысле нет.

Зрелый Эдипов комплекс, напротив, выражается у девочки более мягко, чем у мальчика, поскольку она никогда так интимно не «обладала» отцом, как матерью, тогда как мальчик только теперь по-настоящему начинает страдать от сексуального отказа от матери. Фрейд констатировал, что девочка в результате отсутствия угрозы кастрации «остается в эдипальной гавани», и выделял у нее регулярную эдипальную фиксацию, которая в последующем партнерстве предрасполагает женщину к отношениям по образцу дочь-отец. Я же, напротив, считаю эдипальные фиксации у современной девочки таким же отклонением от нормального преодоления Эдипова комплекса, как и у мальчика. В то время как в патриархальной семье жены, как и дочери, являлись собственностью мужа – единственного правомочного субъекта, сегодняшние матери обладают той же властью применять санкции, что и отцы. Поэтому они могут иначе утверждать свой авторитет и монопольность сексуального права на мужа, а также демонстрировать дочери другую модель отношений между полами. В завершающей стадии Эдипова комплекса дочь признает сексуальные права матери или (пассивно-гомосексуально) подчиняется ей и отказывается от отца как от сексуального объекта в пользу частичной идентификации с ним. Конец Эдипова комплекса связан с упрочением отношений с родителями, которое происходит в результате того, что их неотъемлемость признается как защита и оплачивается отказом от либидиозных претензий, которые переносятся теперь с родителей на собственное поколение. Начинается время игр в «доктора».

Во время так называемого латентного периода дети обычно общительны, поскольку конфликты с родителями они уже решили в пользу консенсуса, который обеспечивает им «тылы», и при вступлении в общественную жизнь школы они развиваются экстравертивно. Они производят впечатление детей, довольно стабильно и счастливо погру-

женных в интенсивные игры и учение, что и остается в наших воспоминаниях об этом времени. Эта экстравертность часто выражается у девочек, например, в жажде приключений и в беззаботной резвости, которая, кроме прочего, отражает идентификацию с оставленным объектом любви – отцом, хотя здесь, конечно, есть индивидуальные различия (см. DÜRING 1993). Таким образом, я в первый раз коснулась резвости, горячей крови девочки, о которой напоминает стихотворная строка в заглавии моей статьи.

В допубертатном периоде, во время роста и начала проявления женских форм перед первой менструацией, психическое состояние беззаботности и детское отношение к родителям преимущественно сохраняются, даже если в игре мальчики и девочки уже начинают отстраняться друг от друга и все больше обращаться к своему полу. Приближающийся пубертатный период ожидается часто с нетерпением как приобретение, без предчувствия связанной с этим потери. Только когда половая зрелость проявляется в менструации, что часто переживается как триумф, в ощущениях девочки постепенно берет верх чувство отстранения, которое сигнализирует утрату близких отношений ее детского мира. Предсознательное «невинное заблуждение» о возможности с помощью сексуально созревшего тела приблизиться к удовлетворению эдипальных желаний начинает рассеиваться и все больше уступает место болезненному отрезвлению, которое подрывает экстравертность резвой девочки и заставляет ее обратиться внутрь себя. Сексуальная сублимация при нежном телесном обращении родителей с ребенком была гарантирована запретом на инцест и границей между поколениями. Созревшее же в половом отношении тело девочки ставит наличие этой границы между поколениями под вопрос, причем часто это происходит неожиданно для остальных.

Так, в рамках исследования пубертатного периода, которое я проводила в середине 60-х годов (POLUDA 1970), одна молодая женщина рассказывала, что возвращаясь из туалета, где она обнаружила наступление первой менструации, она увидела младшего брата на коленях у матери и испытала глубокое торжество от того, что не является больше таким ребенком. Когда же некоторое время спустя ее мать по-

ручила ей впредь самой заботиться о чистоте ее постельного белья, она истерла пальцы до боли, стоя на коленях перед ванной и стирая испачканную кровью простыню. Это воспоминание показывает, как обретение своего собственного лона связано с эдипальным триумфом и отторжением материнского лона; сказочный характер следующей сцены иллюстрирует страдание от потери ребенком материнской телесной опеки, эдипальное чувство вины, а также попытку загладить эту вину, которая как бы повторяет эдипальное подчинение.

В 1992 году я писала работу о подростковом возрасте девушки (POLUDA 1992). Для иллюстрации того, что происходит между матерью и дочерью, когда последняя вступает в менструационный период, я привлекла несколько известных сказок (братья GRIMM 1937). Во многих из них девушки до крови ранят пальцы прялкой (Принцесса в *Спящей красавице*, Золотая Мария в *Метелице*) и оказываются сброшены в глубокий колодец или погружены в глубокий сон матерью. В результате столкновения между матерью и дочерью, вызванном разрушением границ между поколениями при наступлении половой зрелости дочери, девочка выпадает из своего мира, основы ее прежней действительности рушатся, и она «окукливается» (впадает в спячку) подобно спящей красавице. Этому соответствуют традиционные рекомендации покоя, которые сегодня слышат девушки при наступлении первой менструации, когда их с грелкой укладывают в постель. При появлении крови резвая девочка исчезает. Поэтому в связи с темой «Подростковый возраст и литература» мне и вспомнилось стихотворение Шторма³.

Где ее всегдашнее буйство крови? Всегда резвая,
Она погрузилась в глубокое раздумье,
Держа в руках соломенную шляпу,
Тихо терпит палящий зной солнца
И не знает, что ей делать.

---

³ Статья находится в сборнике, посвященном этой теме. Теодор Шторм (Theodor Storm 1817–1888) – немецкий поэт и автор новелл в духе поэтического реализма.

Впавшую в глубокое размышление девушку, которая растерянно держит в руках символизирующую ее пол шляпу, охватывает незнакомый жар.

Во время пубертатного периода в узком смысле, т. е. от «провала», ухода в себя при наступлении первой менструации до нового «расцвета», «выхода в мир» (до того момента, когда она готова вырваться на свободу) в 16 лет, девочка изолирует себя от окружающей среды или от родительских тел, чтобы интегрировать свое созревающее сексуальное тело; т. е. ей необходимо оплакать утрату детства и создать себе переходный мир и эротическую замену. Этой цели служат интимные отношения между подругами в этом возрасте, которые выступают как в качестве переходных объектов, так и в качестве отражающих объектов. При этом подруга становится гомоэротическим объектом интенсивного исследования или служит для своего рода сравнительного анализа при открытии собственной сексуальности. В конце этого процесса девочки дают себе или друг другу новые имена, чтобы маркировать перемену идентичности.

Связанную с потерей детского тела и приобретением сексуального тела перемену прекрасно демонстрирует мир сказочных образов. В то время как в сказках легкая моторная деятельность пальцев при прядении⁴ приводит к кровотечению, в действительности у пубертирующей девочки все происходит скорее наоборот: связанное с менструацией усиленное кровообращение в нижней части живота и сопровождающие это генитальные впечатления призывают к фантазиям и действиям, результатом которых является кровь на пальцах, особенно, если менструирующую девочку отправляют днем в кровать. Из расцветшей девочки выступает кровь; и как раз там, где когда-то пеленала ее мать, она теперь черпает силы для себя самой как для женщины и потенциальной матери и в регулярном обращении со своим развивающимся полом открывает его желания и реакции.

---

⁴ По-немецки слово *прядь* – *spinnen* – имеет кроме прямого также переносное значение: фантазировать, чудить.

В то время как ребенок в латентный период еще живет в либидозном симбиозе с материнским полом как символическим контейнером, менструация сигнализирует своего рода «быстрые роды», переход/выпадение в «другую» реальность собственного органа, который в сказке представлен в виде колодца. Падение вниз является, между прочим, содержанием типично женского пубертатного сна, который исчезает с приобретенной способностью испытывать оргазм, однако может появляться в жизни женщины снова и снова, если происходит ее дальнейшее сексуальное развитие. При этом глубина представляет неизведанные границы собственного органа.

В то время как Спящая красавица погружается в сон, как бы окукливается, подобно гусенице, и становится недосыгаемой до тех пор, пока внутри нее не сбудется сон о молодой женщине, которая проснется от поцелуя принца и выпорхнет, как бабочка из кокона, сказка *Метелица* описывает этот процесс внутреннего развития более точно. Отказ от матери как органа или институции и обретение собственного органа, представленное как умелое хозяйственное обращение с печью, яблоней, домом или периной, оказывается успешным у Золотой Марии. Мария-неудачница не справляется с этими заданиями (и не освобождается от пассивно-гомосексуальной зависимости от матери). Ей не удается «отлепиться», что метафорически выражается в вылившейся на нее и прилипшей к ней смоле⁵.

---

⁵ Образ фрау Голле, в русских переводах сказки названной Метелицей, восходит, вероятно, к богине плодородия в фольклорных сказаниях северных племен. В части преданий ее образ характеризуется добродушием, желанием прийти на выручку. У братьев Гримм она представлена как хозяйственная тетушка, что соответствует общему характеру сказки. Сказка повествует о некой вдове, любящей свою уродливую и ленивую дочь больше, чем работающую красавицу-падчерицу. Вдова заставляет падчерицу выполнять всю черную работу, но главной ее обязанностью является прядение. Она прядет так много, что ее пальцы начинают кровоточить. Когда девушка пытается смыть кровь с веретена, оно падает в колодец. Мачеха, отругав ее, велит ей достать веретено. В отчаянии Мария прыгает

В своем собственном мире (внутри колодца) Мария встречает яблоню, которая грозит сломаться под тяжестью яблок, и печь, которая просит освободить ее от жара. Жар и печь как беспомощная полая форма напоминают нам о символике Шторма, где пылающая девочка неприкаянно, потерянно держит шляпу в руках. Конечно речь идет о том, что девочка, принося облегчение отяжеленной плодами яблоне и чрезмерно натопленной печи, учится помогать самой себе в достижении оргазма. После этого госпожа Метелица обучает Марию искусству взбивать перину и отправляет теперь уже готовую к замужеству девушку назад в мир, который опять должен стать ее миром. Сияя, как богиня весны, Золотая Мария вступает в жизнь и оставляет позади богиню зимы и смерти Метелицу. Ее несчастной сестре, напротив, не удастся пубертатный переход от материнской зависимости к новому периоду жизни как молодой женщины. Проявлением неудавшегося развития в конце пубертатного периода служат возникающие психопатологические симп-

---

в колодец – и оказывается в подземном царстве на солнечной лужайке. Она встречает печь, которая просит освободить ее от испекшегося хлеба, яблоню, которая умоляет избавить ее от тяжести спелых яблок, и затем, справившись с этой работой, попадает в дом к фрау Голле (Метелице). Преодолев первоначальный страх, она помогает Метелице по хозяйству, прилежно выполняя данные ей поручения. Одним из таких поручений является вытряхивание перины Метелицы (что вызывает метель в обычном мире). Жизнь у фрау Голле нравится Марии, однако она тоскует по дому, несмотря на те страдания, которые она там испытала. Фрау Голле симпатична эта любовь Марии к родному дому и она награждает девушку: уходя от Метелицы, Мария проходит через ворота, с которых на нее льется золотой дождь (поэтому в сказке она названа Золотая Мария). Мачеха, завидуя богатству Золотой Марии, посылает свою родную дочь проделать то же самое. Однако ленивая Мария не выполняет ни одного из «добрых дел» работающей Марии, и фрау Голле наказывает ее тем, что на пути домой с ворот на нее проливается дождь из смолы (в немецком языке слово «смола» – *Pech* – обозначает также «невезение», «неудачу», поэтому *Pechmarie* – одновременно и «измазанная в смоле Мария», и «Мария-неудачница»). (Прим. ред.)

томы, например, болезненное стремление похудеть или прямая опасность суицида, которые сигнализируют неудавшуюся метаморфозу при вступлении в новую жизнь.

Символика смерти и возрождения напоминает о мифологичности обрядов инициации, к которым, по-видимому, восходит сказка о госпоже Метелице. В главном мифе христианского Запада речь идет также о ритуальном решении конфликта поколений через распятие, смерть и воскресение. Половая зрелость нового поколения связана с разнобразно обусловленным посылом «Умри и стань». Девочка, теряя мать, умирает как ребенок и рождается как женщина, если все проходит благополучно. Этот процесс представляется в сказке как покушение матери на убийство дочери (ср. также, например, с Белоснежкой, которую фигура, символизирующая мать, повергает в глубокий, подобный смерти сон, прежде чем она возродится и выйдет замуж)⁶. Точно так же первую попытку убийства в мифе об Эдипе совершает его отец Лай⁷. Комплекс Лая означает, что предсказанное оракулом закономерное опасение быть вытесненным последующим поколением вызывает агрессивные импульсы убить сына. Однако, подобно Эдипу, девочка впоследствии сама все больше ощущает вину (расставания) по отношению к матери и чувствует себя убийцей. Сексуаль-

---

⁶ В наиболее известном сегодня варианте сказки мать Белоснежки мечтает о дочери, у которой лицо было бы белым, как снег, и румяным, как кровь («кровь с молоком»). Она собирается с любовью растить свою девочку. Однако после ранней смерти матери девочку воспитывает завистливая, злая и жестокая мачеха. Вильгельм Гримм смягчил народную версию сказки, в которой сама мать пытается уничтожить собственную дочь. Королеву, хотя и желавшую иметь красавицу-дочь, охватывает зависть и ненависть к ней после ее рождения. (Прим. ред.)

⁷ Лай, царь города Фивы, и его жена Иокаста – родители Эдипа, который, в соответствии с предсказанием оракула, убивает своего отца и берет в жены свою мать, не догадываясь, кто они. Когда Иокаста узнает, что стала супругой собственного сына, она в отчаянии убивает себя. (Прим. ред.)

ные претензии рождающейся женщины имплицитно претензии на наследство и на собственность старшей или ее «уход в отставку» и смерть. Соответственно потребность родителей обременять своих детей поручениями может пониматься как попытка избавиться от комплекса Лая.

То, что конфликт поколений обладает важнейшей экзистенциальной значимостью, доказывает также тот факт, что комплекс Лая и Эдипов комплекс стали темой и в христианском мифе. Мария зачала сына от Бога и одновременно стала Богоматерью (так, Иокаста была матерью Эдипа и зачала ребенка от него). Сын умер по воле отца (комплекс Лая), и в то же время Бог был распят рукой человека (Эдипов комплекс). Христианская идея примирения поколений в результате признания и интеграции собственного порочного желания психоаналитически возвращается к концепции депрессивной позиции Мелани Кляйн.

Боль несущего смерть отчуждения между поколениями часто кодируется образом раны, которая нередко ассоциируется с менструацией и симптоматично осмысливается в предменструальной депрессии («мир рушится»). Главными темами подросткового возраста соответственно являются не только потеря детства и призыв «Стань!» как результат обретения сексуального тела, но и непременно связанный с этим призыв «Умри!» как сильное побуждение к убийству, которое испытывают молодые по отношению к прежнему объекту любви и которое может обратиться против собственной личности в форме самоубийства.

Например, одной моей пациентке приснилось, что ее дочь попала под колеса машины и умерла. Она ужаснулась этому сну и со страхом призналась теперь, что сама чувствовала себя «раздавленной» внезапно возникшей страстью к некоему мужчине и боялась, что эта влюбленность нанесет ущерб семейным отношениям. Она вспомнила вдруг о панике, которая охватила ее в детстве, когда в колодеце световой шахты была обнаружена сделанная ее матерью и брошенная в колодец самой девочкой кукла, уже полустгнившая. Подобно тому как в сказке мать толкает дочь в колодец, девочка в данном примере сбросила в могилу кук-

лу как представительницу матери, когда (как мы можем предположить) ее к этому побудила страсть к отцу. Этот поступок предстает как греховное падение, в котором девочка сталкивается с желанием и агрессией своей собственной ямы (шахты): возбужденный женский половой орган, так же как и фаллос, заключает в себе как код сексуальности, так и код агрессии.

В подростковом возрасте речь идет об опасной и могущей закончиться неудачей попытке еще неопытного Я, созревшего в половом отношении, интегрировать свой потенциал влечения в новые, придуманные им самим модели. Под потенциалом влечения я понимаю двухполюсный континуум либидо и агрессии. При этом успех попытки не в последнюю очередь зависит от достаточной интеграции агрессии или образования необходимой для отделения от родителей агрессивной потенции.

Могила или преисподняя играет важную роль и в другом варианте мифа о Метелице (Голле) – мифе о Деметре⁸. Ее дочь также оказывается во власти шахты. Однако если госпожа Голле символически репрезентирует смерть лишь как один из ликів триединой богини вегетации дохристианских мифов и сама властвует в подземном мире, то Деметра лишена этой власти, которая отдана теперь Аиду, богу-мужчине. Это напоминает мне вышеназванную пациентку, которая в своем сне потеряла дочь, когда влюбилась, т. е. утратила контроль над своими «нижними этажами». Мать и дочь теряют друг друга, если одна из них влюбляется; если одну из них покоряет мужчина, то это означает «смерть»

---

⁸ В мифе о Деметре и ее дочери Персефоне, глубоко привязанных друг к другу, бог подземного царства Аид, увлеченный красотой Персефоны, тайно похищает ее. Деметра в гневе ищет повсюду свою дочь и лишает землю плодородия. Однако когда она узнает, что похитителем ее дочери был Аид, она заключает с ним договор, что половину года Персефона будет проводить с ней, а половину – в подземном царстве. Миф отражает представления о смене периодов цветения и умирания природы, о вегетационном цикле. (Прим. ред.)

другой. Таким образом, Метелицу мы можем понимать как первичную богиню в первой фазе подросткового возраста (в пубертатном периоде), а противоборствующую с Аидом Деметру – как богиню второй фазы подросткового возраста в узком смысле. В пубертатном периоде речь идет о противоборстве дочери с ее первым объектом любви – матерью; в подростковом возрасте – о противоборстве дочери с ее вторым объектом любви – отцом.

Динамику «Умри!» и «Стань!» я передала в заглавии данной статьи «Уход в себя и выход в мир». Хотя девочка уже прошла решающие этапы развития, тем не менее, когда она вступает в пубертатный период, с приходом первой менструации она впервые испытывает нечто подобное внезапному провалу: разрыв в прежней непрерывности, падение внутрь себя. Это потрясение вызывает состояние оцепенения, девочка как будто застывает и прислушивается к внутреннему процессу, который начинается внезапно и напоминает трескающиеся почки распускающихся роз. Такое состояние будет сходным образом повторяться и в дальнейшие поворотные моменты развития женщины, когда в этом развитии будет делаться необратимый шаг вперед. Немецкий психоаналитик Марина Гамбарофф (GAMBAROFF 1984) обозначила этот процесс падения внутрь себя, который требует терпения и понимания, как имплозию⁹ и этим понятием подчеркнула его оргазменное значение.

Разумеется, все эти обозначения указывают на физический акт лишения девственности, которому предшествует как раз то потрясение, которое Шторм, собственно, и хотел описать в своем стихотворении и которое маркирует следующий шаг в развитии девушки. Даже если распускающиеся розы и кровь в тексте напоминают о менструации, то в качестве доминирующей темы мы слышим соловья. Девочка потрясена пробуждением своего

---

⁹ Имплозия (взрыв вовнутрь) – разрушение полого тела в результате низкого внутреннего или высокого внешнего давления. (Прим. ред.)

желания и в растерянности и в беспомощности «не знает, что ей сделать»:

И потому, что соловей
Пел всю ночь напролет,
От его сладкозвучного пения,
В этих звуках и отзвуках
Лопнули почки на розах.

Если в пубертатном периоде речь шла об утверждении генитальности, то в подростковом возрасте речь идет об объекте (любви), который должен быть найден в звуках и отзвуках. Теперь на очереди оказывается отец, причем во многих отношениях: в смысле incestного желания дочери, в смысле его собственного incestного желания (поскольку в отношении к дочери отец воспроизводит свой собственный Эдипов комплекс), а также в смысле исторического решения, которое примиряет запрет incestа и желание, когда отец выдает дочь замуж. Отец приближается к дочери в образе мужчины, на котором он остановил свой выбор, а она обнимает этого мужчину, представляющего для нее отца, и таким образом, по выражению Фрейда, заходит в эдипальную гавань. В результате «все остается в семье», опасное наступление сексуальности дочери и связанный с этим уход в мир компенсированы. С ее подростковом возрастом быстро покончено.

В сказке о принце-лягушке¹⁰, например, отец настаивает на выполнении обещания непокорной царевны выйти

---

¹⁰ В этой сказке, в отличие от русской *Царевны-лягушки*, под лягушачьей шкуркой скрывается прекрасный принц. Он находит и возвращает красавице-принцессе ее золотой шарик, который она уронила в фонтан. За услугу он берет у нее обещание выйти за него замуж. Когда он в облике лягушки является во дворец, она отказывается выполнить свое обещание, несмотря на предостережения и угрозы отца, который заставляет ее сдержать данное слово. После совместной трапезы, лягушка оказывается в спальне принцессы и напоминает ей о том, что она согласилась делить с ним стол и постель. Когда лягушка угрожает пожаловаться королю, принцесса в ярости хватает ее и швыряет об стену. От удара лягушка превращается в принца. (Прим. ред.)

замуж, в другой сказке отец в гневе на непокорность дочери отдает ее первому попавшемуся нищему (Король Дроздобород). Только в одной сказке братьев Гримм (Allerleirauh) инцестное давление, которое выражается в нетерпении отца, открыто дискутируется, и сопротивление дочери таким образом легитимируется. В этой сказке король хочет сам жениться на своей дочери; она ставит ему условия, как это принято в отношении к жениху, а когда он их выполняет, она убегает и прячется в большом лесу. Следующее предложение я хотела бы процитировать: «И случилось так, что король, которому принадлежал этот лес, был там на охоте.» Означает ли это, что лес принадлежал отцу девочки, или там охотился другой король? Как бы то ни было, дочь находят, отправляют на кухню короля, и когда он узнает желанную женщину по тому, что она готовит суп вкуснее, чем повар, он справляет свадьбу.

Связанная с переходным возрастом свобода действий девочки в отношении развития своих собственных представлений в сказке ограничена, а очевидность патриархальной картины мира, напротив, велика.

Подобное впечатление создает атмосфера известного случая лечения Фрейдом молодой Доры¹¹. И здесь нетерпеливая фигура «отца» давит на сексуальность «дочери», и здесь ее свобода действий в отношении развития собственного понимания и собственных планов ограничена, и здесь очевидность отцовского права велика. *Отрывки из анализа истерии* (FREUD 1905) описывают типичную драму между ущемленным отцом и непокорной дочерью, которые борются друг с другом, что по внутренней логике в конце концов

---

¹¹ Зигмунд Фрейд приложил все силы к тому, чтобы подлинное имя его пациентки Доры, описанной в *Отрывках из анализа истерии* (Bruchstück einer Hysterie-Analyse, 1905), осталось нераскрытым. Лечение этой восемнадцатилетней пациентки было одной из его самых известных неудач. Дора прервала курс анализа после того, как она неоднократно и безуспешно пыталась опровергнуть авторитарные толкования Фрейдом мотивов ее болезни. (LINDHOFF 1995, 149)

ведет к разрыву. Динамика этого анализа истерии кажется мне прообразом происходящего в переходном возрасте процесса между отцом и дочерью, в котором с усилившейся страстью воспроизводится Эдипов комплекс (POLUDA 1992a). К моменту лечения Доры старшей дочери Фрейда Матильде могло быть 13 лет; именно по отношению к Матильде за два года до этого Фрейд обнаружил инцестные желания в результате анализа одного сна, о чем он написал Флису (31.5.1897)¹². Тот факт, что позднее, став бесплодной в результате болезни, Матильда потеряла ценность в глазах отца, связан, возможно, с преодоленным эдипальным чувством вины с его стороны.

Соловей Шторма напоминает, однако, и о трагической попытке Джульетты через любовь к Ромео преодолеть инцестные семейные связи и противостоять велениям отца. Менее трагичную, однако вполне сравнимую, динамику мы можем наблюдать сегодня на примере страстных споров, которые девочки в переходном возрасте ведут с их разгневанными отцами (например, о том, когда они вечером должны быть дома). Стремление девочки со всей силой отстоять свою первую любовь против воли родителей можно интерпретировать как компромисс из прогрессивных и регрессивных тенденций. С одной стороны, девочка решается на конфликт с отцом и пытается осуществить прорыв к самоопределению, с другой стороны, ее безусловная решимость ни перед чем, даже перед смертью, не останавливаться, возможно, отражает перенос образа отца на возлюбленного, дающий возможность противостоять запрету на инцест. Именно тогда, когда борьба против отца ведется особенно страстно, в ее основе часто лежит особенно интенсивная связь.

Однако обычно свобода действий в женском подростковом возрасте сводилась до альтернативы любить с одобрения отца или без такового. И этой любовью подростко-

---

¹² Вильгельм Флис (Wilhelm Fließ, 1858–1928), берлинский врач-отоларинголог, биолог, в 1887–1902 годах вел интенсивную переписку с Фрейдом. (Прим. ред.)

вый возраст по большей части уже заканчивался; эта любовь, по крайней мере, если она сексуально удовлетворялась, определяющим образом сказывалась на всей последующей судьбе женщины, независимо от того, выходила она замуж или была покинута с ребенком. (И, напротив, можно представить себе, как протекало бы развитие Гете, добейся он Лотты или Фридерике!¹³) Предоставленная сегодня молодым женщинам возможность не связывать себя сразу первой любовью, а в течение продолжительного подросткового периода развиваться в различных любовных связях, освобождаясь от привязанности к отцу, является непревзойденной культурной редкостью. Одновременно с этим до сих пор часто проявляется склонность во время позднего подросткового возраста вступать в связь на всю жизнь.

Когда я открыла стихотворение Шторма в изданной в 1961 г. антологии *Немецкие стихотворения от истоков до современности* (Deutsche Gedichte von den Anfängen bis zur Gegenwart), я нашла фразу «Sie war doch sonst ein wildes Blut» («Где ее всегдашнее буйство крови?»), приведенную мною в названии данной статьи, которая была искажена следующим образом: «Sie war doch sonst ein wildes Kind» («всегда резвый ребенок»). И это несмотря на следующие рифмующиеся с *Blut* слова *Hut*, *Glut*. Эта ошибка не была обнаружена вплоть до последнего издания, во всяком случае, она не была исправлена. Даже если мы не знаем, кто ее допустил, я убеждена в том, что это был мужчина, который превратил «кровь» девочки в «ребенка».

Связанная с женским полом кровь не только табуируется в связи с девственностью, как показал Фрейд (FREUD 1918), но и вообще легко вызывает у мужчин страх вины из-

---

¹³ Гете познакомился с Лоттой (Шарлотта Буфф) в 1772 году в Ветцларе, будучи в то время ассесором. В Фридерике Брион, дочь альзасского пастора из Сесенхайма, он был влюблен еще раньше, во время учебы в университете Страсбурга (1770–1771). Обе женщины стали известны как литературные персонажи: Фридерике после появления *Вымысла и правды* (Dichtung und Wahrheit), Лотта – как героиня *Страданий молодого Вертера*. (Прим. ред.)

за агрессивных сексуальных импульсов, прорыв которых мог бы привести к социальным катастрофам. Страх травмировать, однако, тесно связан со страхом быть травмированным или со страхом кастрации, который охватывает мальчика, когда он обнаруживает отсутствие пениса в женских гениталиях, как показывает Фрейд на примере ужаса перед головой Медузы. Тот факт, что Медуза первоначально была красивой, а также сходство вызываемого ею оцепенения с эрекцией указывают также на глубокую связь между страхом и желанием при столкновении полов. Таким образом, создается впечатление, что выражение «горячая, буйная кровь» провоцирует и страх не устоять перед женской чувственностью, безграничной в фантазиях мужчины; он боится, что эта чувственность лишит его контроля, затянет в водоворот и поглотит. Ошибка/описка, которая низводит кровавую правду молодой женщины к нейтральному в половом отношении ребенку, связана, вероятно, с патриархальной традицией обращения со зрелой женской сексуальностью, которое полно страха и стремления защититься. [...]

Желание установить отношения полов по типу отец-дочь (ребенок) и оградиться от взрослой феминности как от болезни определяется потребностью обоих полов в симбиозе. Оно отражает нарциссическое сопротивление против индивидуации, дифференцированного развития (или против страха смерти и потерь, связанного с представлениями о бренности всего сущего) и автономного столкновения с господствующей культурой и ее нормами. Однако если по отношению к мужчине традиция предъявляет высокие требования и способствует его взрослению, то женщинам в их развитии было сложнее, поскольку их соблазняли и вынуждали ощущать себя требующими опоры детьми, а не самостоятельными субъектами. Соответственно их кровь как выражение женской потенции и символ страдания табуировалась, чтобы пощадить мужской нарциссизм и избавить мужчин от страха вины. Аналогично христианский миф об отце и сыне определяет кровь как шифр страдания и жертвоприношения, что, возможно, соответствует смещению и присвоению мужчиной женской потенции.

Фрейд в соответствии с представлениями о позиции женщины как ребенка по отношению к суверенному мужчине, господствовавшими в его время, говорил о прерванном развитии молодых женщин по сравнению с их мужьями, которые казались ему относительно молодыми и нацеленными в будущее. Я думаю, что эта блокада в развитии женщины возникает за счет «эдипальной гавани», в которой женщина остается, если она идентифицирует мужчину с отцом и воспроизводит семью без опыта длительного подросткового периода или психосоциального моратория. Этот мораторий необходим для того, чтобы освободиться от отцовского авторитета, критически подойти к отцовской культуре и приобрести социальное самосознание в процессе профессионального становления, которое обеспечило бы ей доступ к общественной жизни и финансовой независимости.

Если в процессе пубертатного периода речь шла о решении «отрицательного» Эдипова комплекса, или преодолении зависимости от матери и интеграции половых органов, то в процессе подросткового периода речь идет о решении «положительного» Эдипова комплекса, или преодолении зависимости от отца и замене отца, с одной стороны, неинцестными объектами любви, а с другой стороны, реальным отношением к обществу, которое вселяет в молодую женщину самоуважение, дает ей как ценной рабочей силе средства на жизнь, наполняет ее жизнь смыслом и предоставляет ей место в сообществе самостоятельных субъектов. В этом процессе, однако, она в большой степени зависит от общественной реальности ее окружения (как, например, показывает неравная оплата работы мужчин и женщин).

Преодоление женского *Эдипова комплекса*, которое имплицитно конфронтацию с отцом, лишение отца его мужской сексуальности и перенос ее на ровесников (в рамках Реег-группы)¹⁴, а также становление женщины как по-

---

¹⁴ Реег-группа обозначает в психологии и социологии группу молодых людей приблизительно одного возраста, которая выступает в качестве ориентира при переходе от детства с его фиксацией на семье к взрослой жизни. (Прим. ред.)

литически равноценного субъекта, пожалуй, только сегодня перестало быть исключением. Только в случае действительного решения Эдипова комплекса можно говорить об успешном завершении подросткового периода, а не бегства от него с помощью раннего брака. Это открыло бы молодой взрослой женщине возможность быть верной себе самой, реорганизовать свое сверх-Я и найти новые перспективы развития.

Для этого, однако, требуются как внешние правовые условия и облегчение контроля над беременностью, так и внутренние шаги в познании собственной потребности подчиняться и действительного эдипального желания по отношению к идеализированному отцу. Последнее представил, например, Клейст в *Амфитрионе*, где Алкмена выдыхает ее знаменитое «Ах!», когда она понимает, что спала с отцом богов Зевсом в облиции любимого мужа¹⁵. Так же как наступление менструации и возникновение сексуального вожделения, осознание сексуальной фиксации на отце может стать поводом и генератором понимания себя, преобразования и дальнейшего развития в процессе поиска женской идентичности.

В качестве примера такого процесса познания и отхода от эротической фиксации на отце я бы хотела привести сон одной пациентки:

«Она идет по лугу в направлении лесистого склона и чувствует, как будто на нее смотрит сыч. Внезапно сзади ее подхватывает огромный птицебог и уносит ее в воздух. В то время как он в диком полете несет-

---

¹⁵ Начиная с *Амфитриона* Плавта сюжет о верной Алкмене является одним из наиболее часто используемых в мировой литературе. Во время долгого отсутствия Амфитриона к его верной и любящей жене Алкмене приблизился Зевс, приняв облик ее мужа. Даже солнце встало в тот день позднее обычного, чтобы продлить любовные утехы, плодом которых суждено было стать Гераклу. Немецкий драматург Генрих фон Клейст в своей комедии *Амфитрион* (Amphitryon 1807) изображает на грани трагедийности смятение Алкмены, думавшей, что она дарила ласки любимому супругу. (Прим. ред.)

ся с ней через лес, где с визгом взлетают гарпии¹⁶, она испытывает опьяняющее чувство счастья. Затем птицебог приземляется с ней на поляне, где происходит культовое действо. Там лежит раненая (в результате попытки самоубийства?) девочка, а группа людей старается оживить какого-то молодого человека наполовину зарытого землей. На мгновение пациентку охватывает страх, что эти люди отдадут ему жизнь девочки; однако его воскресение сопровождается ее спасением».

«Внезапно пациентка узнает, что ее бог только один единственный раз может позволить себе интимность такого полета с человеком и теперь покидает ее. В отчаянии она пытается предотвратить потерю: для этого ей нужно выпить из специального маленького сосуда воду, смешанную с пеплом сожженного ворона. Этого сосуда она, однако, не может найти, времени остается мало, и в отчаянии она берет другой сосуд. Теперь она видит перед собой жениха с головой ворона, который громко смеется над ней и удаляется. Затем молодая пара с поляны вместе с богом и еще одной женщиной начинают удаляться и, держа друг друга за руки, цепочкой исчезают в какой-то лавке. Пациентка бежит за ними вверх по лестнице, наверху пустые вольеры, их чистят, вокруг летают перья. Когда она видит, что все четверо вылетают в открытый люк крыши, она с отчаянным плачем бросается на шею полной уборщице».

Подобно Ганимеду, пациентку во сне увлекает обоготворенный отец. Раненая/лишенная девственности девочка предпочитает вознестись в небеса, чем отдать свою жизнь чужому молодому человеку; однако группа людей оживля-

---

¹⁶ Гарпии изображались вначале как прекрасные крылатые богини, позже в них видели уродливых огромных птиц с женскими головами. Особенно известна сцена из легенды об аргонавтах, в которой гарпии воруют у слепого старика Финея его еду, а остатки пищи загаживают. (Прим. ред.)

ет молодую пару. Пациентка пытается противостоять мирским законам (трансцендировать мир посредством принятия пепла), однако она вынуждена признать, что не обладает нужным ее богу сосудом/органом. Бог же исчезает с достойной его женщиной в другой мир и тем самым дает ей понять, каковы правила соединения по парам в цепи поколений. Пациентке остается ощущение смехотворности ее эдипального вожделения, любовной тоски по потерянному отцу и попытка найти утешение у доэдипальной фигуры матери, которая, как уборщица, ставится явно ниже возвышенной эдипальной фигуры отца.

Пациентку и меня особенно заинтересовали «Умри!» и «Стань!» на поляне. По поводу ранения девочки у нее возникли такие ассоциации, как полные страха дооргазменные сны с падениями, характерные для пубертатного периода, возникающие в это время побуждения к самоубийству, а также менструация и лишение девственности, но прежде всего раны, которые ей нанесла любовь: разочарования, обиды, отторжения и потери. «Молодой человек, — говорила она, — поднимается из земли как росток из проросшего зерна!» Тот факт, что группа людей больше интересуется его становлением как мужчины (эрекцией), чем кровью девочки, напомнило ей о том, что женщины должны всегда жертвовать собой, но что признание и любовь за жертву получают скорее мужчины. Так, по мнению пациентки, Иисус несет на себе раны девочки из ее сна, и ему, как и воскресшему молодому человеку, отдается предпочтение Бога и мира. (Фантастическое ассоциативное соединение эрекции, становления мужчиной, обряда инициации, воскрешения, божества вегетации, Иисуса Христа и соперничества полов!)

Так пациентка подошла к теме своих отношений с братом, а в связи с дальнейшим ходом сна ей на ум пришла сказка о семи воронах. В ней девочка избавляет своих братьев, которых проклял ее отец, заботившийся лишь о своей единственной дочери. (Для этого ей приходится отрезать себе палец и вставить его вместо ключа в замок. В данной сказке, в отличие от других, отец отдает предпочтение дочери, а она производит акт спасения своих соперников. Жерт-

вужа своим пальцем/кастрируя себя, она открывает путь для ключа в замок, т. е. для любви между полами.) Во сне, однако, речь идет не столько об обеспечении гетеросексуальности путем преодоления соперничества между полами, сколько о преодолении «невозможного» (инцестного) желания, которому свойственна смертельная безусловность. Посредством принятия пепла пациентка хотела бы иметь возможность иметь сношения с богом в другом мире. Жених с птичьей головой напомнил пациентке также о египетских богах и браках между братьями и сестрами среди фараонов. Цепь обеих улетевших пар она интерпретировала следующим образом: она была исключена из сексуальной любви сначала ее родителей, а потом и ее брата, который ушел вместе с ее лучшей подругой. Однако ей приносит облегчение выплакаться мне «обо всей этой истории. [...]»

Визжащие гарпии, которые сопутствуют любовному счастью пациентки в полете с ее кумиром, напоминают визг сегодняшних тинейджеров на рок-концертах, когда они беснуются в экстазе преклонения перед своими идолами. Комнаты девушек зачастую обклеены портретами их «звезд», которые бессознательно коннотируются с отцом, с создателем, давшим им жизнь и носившим их когда-то на руках.

Путь от созданного в мечтах бога к не-инцестному возлюбленному-ровеснику отражает, например, ответ одной семнадцатилетней девушки, которую я спросила, кого из двух молодых людей, о ком я не раз слышала в течение двух последних лет, она любила больше (К. или Н.).

«Конечно, Н.! – сказала она. – Его я действительно любила! От К. я была в восторге, как от Бон Джови, например! К. был такой крутой и недоступный, казался таким совершенным, что я смотрела на него с восторгом. Когда же он вдруг стал ко мне привязываться, все для меня было кончено! С Н. все было по-другому!»

Однако не только дочь идентифицирует отца с богом или с Создателем, но и сам отец, как показывает, например, миф о Пигмалионе, не свободен от искушения такой иден-

тификации. Кажется, что иногда именно такое сравнение с богом доставляет отцу особенное удовольствие и толкает его на инцест. Так, одна пациентка рассказывала мне, что отец, прежде чем склонить ее к инцесту, прочитывал ей многочисленные пассажи из Библии, в которых подтверждались права отца, практически «крепостная» зависимость ребенка и его долг подчиняться воле бога. В течение инцестной связи, которая длилась многие годы, этот отец должен был все время усиливать привлекательность неограниченной власти, вплоть до власти над жизнью и смертью, угрожая дочери во время полового акта стилетом и, наконец, пистолетом. Криминальную патологию этого отца я усматриваю в том, что он претворил в жизнь нечто, что нормальные отцы (и дочери) сознательно или бессознательно представляют в своих фантазиях как выражение конфликта поколений (здесь как вариант комплекса Лая, перенесенного на дочь). К этому разряду относится и легенда о святой Вильгефортис¹⁷, которую отец приказал распять (BRAUN 1992), или *Эмилия Галотти* Лессинга¹⁸. При этом пьянящее

---

¹⁷ Легенда о святой Вильгефортис (*Legende von der heiligen Wilgefortis*) рассказывает следующее: седьмая дочь короля Португалии, властительного тирана, известного своей жестокостью, была, когда ей минуло двенадцать лет, обещана отцом в жены одному сицилийскому князю-сарацину. Вильгефортис, однако, поклялась посвятить свою жизнь не мужу, а Богу. Это желание, как можно заключить по некоторым версиям легенды, было связано с инцестуозным вниманием со стороны отца. Чтобы продемонстрировать свою решимость, Вильгефортис подчинилась строгой аскезе и почти отказалась от пищи. Она молилась Богу, чтобы он лишил ее красоты. Бог услышал эти молитвы: у нее начала расти борода. Жених отказался от нее. Отец приказал распять ее на кресте. (Прим. ред.)

¹⁸ *Эмилия Галотти* (Emilia Galotti 1772) – трагедия немецкого драматурга Г.Э. Лессинга. Главная героиня – девушка, преследуемая феодалом, в условиях абсолютистского государства. Видя страстное желание принца, разбуженное ею, и осознавая свою обреченность в хитросплетении интриг, она просит отца убить ее, поскольку боится сама пойти на поводу у своих чувств и потерять добродетельность. (Прим. ред.)

чувство наслаждения мужской властью соответствует пнящему чувству наслаждения женской зависимостью [...]. Власть и зависимость кажутся мне при этом наркотиком, который заглушает страх перед конечностью бытия, потерей и смертью, страх, возникающий как результат развития и выхода из первичных семейных связей.

В истории инцест также связан с властью, позволяющей игнорировать любые законы, и предстает как вершина тирании (например, у Антиоха, который не остановился даже перед своей дочерью) или как привилегия господства (например, у фараонов, которые пытались воспротивиться смерти также при помощи пирамид). В этой связи мне показалось любопытным сообщение Джейн Гудолл (GOODALL 1991) о группе шимпанзе, в которой самцы обычно не вступали в сексуальную связь с матерями. Только один раз она наблюдала, как альфа-самец, достигнув неограниченной власти, пытался «абсолютизировать» ее посредством совокупления со своей матерью.

Прежде чем продолжить, я хотела бы последний раз обратиться к Шторму. Может быть, в ошибке, допущенной при публикации его стихотворения, сыграла роль и та атмосфера, которую оно передает. В связи с этим я без комментариев процитирую подпись под иллюстрацией из опубликованного к 75-летию Теодора Шторма издания:

«Берта фон Бухан была первой любовью Шторма: на Рождество 1856 года он первый раз увидел растущую без матери десятилетнюю девочку в Альтоне и, необычайно восприимчивый к полудетской привлекательности юных девушек, сразу оказался во власти чар этой полусироты. Семь лет спустя он “со смертельным страхом” просил ее руки – напрасно, поскольку Берта и ее приемная мать были возмущены полным безверием Шторма¹⁹[...]. “Любовь” – писал он Констанце, – это кровная связь, и она может наводить демонический ужас, если не сумеешь сделать ее божественно красивой”».

---

¹⁹ В 1848 году Теодор Шторм женился на своей кузине Констанце.

Исторические условия для развития девушки в подростковом возрасте изменились. Если раньше первая любовь (о которой отец в большинстве знал) или первая сексуальная связь заканчивалась браком и беременностью, то сегодня молодые женщины не чувствуют себя обязанными хранить верность своей первой любви или умирать, если любовь терпит фиаско (как Джульетта или Русалочка в сказке Андерсена). Они могут вступать в разные любовные связи, раскрываться и познавать себя в них, при этом не упуская из виду и своего профессионального становления.

В качестве примера я могла бы привести молодую женщину, которая в середине 80-х годов достигла совершеннолетия, затем поселилась со старшим ее лет на восемь и уже имеющим высшее образование мужчиной в сельской местности и чувствовала себя счастливой до тех пор, пока не сдала экзамены на аттестат зрелости и не закончила профессиональное обучение: он хотел жениться и иметь детей, а она хотела получить высшее образование, что после долгих споров привело к разрыву. Несколько лет спустя он писал ей словами Эриха Фрида²⁰: «Без тебя моя жизнь была бы проще, но это была бы не моя жизнь!» Как мне кажется, и для этой молодой женщины, которая придает огромное значение своей профессиональной квалификации, при этом вступая в многочисленные любовные связи, жизнь была бы проще без этого разрыва, но это была бы не ее жизнь.

Для этого, однако, необходимо отодвинуть желание иметь детей, что переживается достаточно проблематично, ведь это желание является сигналом завершения подросткового возраста. Женщины сегодня рожают детей все реже и позже (среднестатистический возраст рожаящих женщин сдвинулся с 20–22 лет до 28–30 лет), а кроме того, все чаще лишь при обеспеченной карьере – ближе к сорока годам. (Последний факт, между прочим, заставляет вспомнить о крайне длительном развитии мужчины в древнем Риме, где переход от Adolescentulus к Vir происходил лишь к сорока годам.)

---

²⁰ Эрих Фрид (род.1921) – современный немецкий поэт. (Прим. ред.)

Мне кажется, естественное завершение подросткового возраста достигается посредством реализации способности к продолжению рода, в результате которой и происходит становление взрослым. Таким образом беременность означает опять же разрыв с привычной экстравертностью и вызывает такое же внутреннее потрясение, как для Марии встреча с принесшим благую весть ангелом. Становление матерью связано с физиологическим отходом от повседневности и обращением в себя для осознания собственной истории, а также с усиленной чувствительностью к процессам собственного организма и к восприятию растущего ребенка. Если мы обратимся к работе Винникотт о ранней стадии материнства²¹, станет ясно, что необходимо снова осуществить падение в колодец и проделать работу по открытию и преобразованию себя, чтобы начать жизнь с новым человеком. Поскольку в продлении рода участвуют оба партнера, необходимо, чтобы они совместно пережили беременность и справились с нею, в результате чего их сфера интимных отношений углубляется и расширяется, настраиваясь на новую схему – между тремя субъектами. В нашей культуре инициатива исходит скорее от женщины, в то время как мужчина часто нуждается в ободрении. Этот процесс может иметь для мужчины такие же экзистенциальные последствия, как и для женщины. В ходе того, как партнеры превращают друг друга в отца и мать и при этом окончательно от-

---

²¹ Дональд Винникотт описал в своей работе *Первоначальная стадия материнства* (Donald Winnicott: *Primäre Mutterlichkeit* 1954) ту незаменяемость, которой обладают матери по отношению к ребенку. Первоначальная стадия материнства обозначает состояние «повышенной чувствительности» «обычной самоотверженной матери» во время беременности и первых недель после рождения ребенка. Благополучие и страдания ребенка в последующей жизни, по его убеждению, зависят от того, насколько мать способна к такой полной самоотдаче. Материнская несостоятельность имеет для ребенка катастрофические последствия, которые ничем невозможно будет восполнить. (Прим. ред.; по: RHOEDACHSER 1991, 210)

казываются от своих инцестных фиксаций, их любовь может достичь такой глубины, что они станут незаменимой и относительно стабильной парой. Напротив, психоаналитики знают, как часто распад брака восходит к неудачному совместному переживанию беременности, неудачному, прежде всего, по мнению женщины.

В середине 60-х годов, т. е. еще до студенческих волнений 68-го года, до начала нового женского движения, я, используя метод глубинной психологии, исследовала протекание пубертатного периода и подросткового возраста у студенток. Я обнаружила, что все они переживали конфликт с своим затянувшимся подростковым возрастом. Если сегодня молодые женщины откладывают брак и беременность, то тогда молодые женщины были вынуждены выбирать между «женским» путем, а это означало замужество и детей, или «мужским» путем, что означало получение высшего образования и профессиональную карьеру. Их матери не получили высшего образования, в лучшем случае имелась незамужняя тетя, которая стала врачом или учительницей. Эти молодые женщины выбирали учебу, поскольку они хотели получить право голоса и возможность участвовать в принятии решений, а также избежать финансовой зависимости, характерной для их матерей. Они принимали только что появившиеся противозачаточные таблетки, поскольку боялись беременности как кастрации их суверенности и возврата к несамостоятельному существованию. В то же время, несмотря на сексуальные связи, бездетная жизнь тоже создавала ощущение кастрации, которое они часто описывали как «засушенность.»

Их попытки найти новые пути как при помощи отказа от секса, так и при помощи смелого удовлетворения влечений, с трудом укладывались в признанные модели и давали повод для приписывания им идентичности «синего чулка», «холодной карьеристки» или «опустившейся потаскушки». Это толкало их на возвращение к модели матери и опять воспринималось как роковая подчиненность. Поэтому так важна была Симон де Бовуар и ее борьба против засасывающей силы любовного плена, поэтому так важно было женское движение, и поэтому оно вызвало такой резонанс.

В качестве примера крайне проблематичного протекания подросткового периода в упомянутое время я бы хотела в заключение обсудить сон ученицы выпускного класса К., который я услышала во время проводимых мною тогда исследований. Этот ночной кошмар, как мне кажется, наглядно демонстрирует обусловленное неврозом неудачное решение задачи подросткового возраста, а именно создания такой модели интеграции выросшего сексуального и агрессивного потенциала влечения, чтобы стало возможным освобождение от родительской семьи и самостоятельное существование в обществе в качестве молодой взрослой женщины. Вот этот сон:

«По дороге из дома в город К. окружает вырвавшееся стадо диких зверей, которые выглядят как лошади с головами диких свиней или носороги Ионеску, и один зверь нападает на нее. Затем она оказывается в другом мире. Теперь она заключена в лагере тоталитарного режима, управляемом мужчиной, который контролирует границы, объезжая их на локомотиве. Ее определяют к женщине-врачу, к которой у нее в скором времени развивается нежное отношение и которая затем хочет с ней бежать; когда приходят два палача, чтобы забрать К., женщина-врач идет с ними, чтобы их отвлечь. Между тем К. замечает у забора гомосексуальную пару, вызывающую о помощи, которую после этого кладут на рельсы и переезжают. Затем она наблюдает свободное парение монашки, которая с молитвенной песней возносится над забором и рельсами; К. спонтанно бежит за ней и убегает с монашкой на другую сторону. Однако она испытывает чувство вины по отношению к женщине-врачу и идет вдоль лагерного забора с внешней стороны, чтобы найти ее; женщина-врач подходит к забору и тянет К. через дыру назад. Теперь она приводит ее в свое бюро, выписывает ей официальные отпускные документы, обнимает и целует ее на прощание и говорит ей об опасности привокзальных кварталов: там ее могут снова поймать и привести обратно. Ос-

вобожденная К. собирается в путь, чувствуя себя при этом опустившейся и неуверенной в правильности выбранного ею направления. Овчарка приближается к ней, она не может избавиться от собаки, которая кусает ее, К. снова оказывается в лагере».

Сон свидетельствует о страхе, вызванном приближающимися экзаменами на аттестат зрелости (отпускные документы) и желанием девочки выйти в свет/город, страхе не выстоять одной и впасть в зависимость. Женщина-врач является смешанной фигурой из матери, учительницы и врача-чиновницы (к которой она должна была пойти на обследование перед экзаменом по физкультуре). Молодой женщине не хватает агрессивной потенции для того, чтобы отграничиться как от того, что находится позади, т. е. от претензий родителей, так и от того, что находится впереди, т. е. от сексуальности, жертвой которой она боится стать. Ее сексуальный страх «скатиться в грязь» бросает ее обратно в лагерь, в империю родителей, которой управляет отец, а мать является его приспешницей, гарантируя, однако, нежность, гомосексуальную подстраховку и эдипальную защиту, а также предлагая в качестве модели отношений руководство. Гомосексуальное решение наказывается уничтожением, и таким образом К. пытается найти выход в сексуальном воздержании с монашкой, однако терпит поражение из-за вины расставания или от нерасторгнутой эротической связи с матерью, а также от бессознательной сексуальной зависимости от отца. В конце страх перед гетеросексуальностью, с которой она связывает бесчестие и подчинение, а также ее недостаточная ориентация делают ее такой же беспомощной, как в начале.

Не имеет ли этот сон структурное сходство со сказкой о госложе Голле? Здесь девочка также оказывается в другом мире, «пассивно-гомосексуально» опирается на фигуру матери, не может освободиться, как Мария-неудачница, и упускает свой путь к новой жизни и к сексуальности молодой женщины. Обследование К. у психолога произошло через год после сна. К тому времени она начала изучать психологию и попыталась решить свою проблему через фригид-

ность. Она составила коллаж, чтобы выразить, что она чувствует себя как предметы, выброшенные на берег нового мира после крушения старого или как торс с разбитым низом, который мечтает о том, чтобы стать цельным сексуальным телом.

Мотив кастрации указывает, с одной стороны, на центральное место агрессивности в становлении женской идентичности, которая кодируется как похищение материнского полового органа и ведет к страху перед расправой, а также к гомосексуальным желаниям обретения недостающего. С другой стороны, этот мотив указывает на главную проблему подросткового возраста, а именно приобретение собственного сексуального тела, что может вызвать сопротивление со стороны отца. Собственная сексуальность только тогда может осознаваться как легитимная, когда зависимость от родителей преодолевается в пользу селективной идентификации с обоими и происходит успешная интеграция в мир. [...]

Перевод Элины Майер

В оригинале

Eva Poluda: Sie war doch sonst ein wildes Blut... Einbruch und Aufbruch in der weiblichen Adoleszenz. In: Adoleszenz. Hg. von Ortrud Gutjahr. Würzburg 1997 (= Freiburger literaturpsychologische Gespräche, Band 16), S. 9–25.

Список литературы

- BOHLEBER Werner (Hg.): Adoleszenz und Identität. Stuttgart 1996.
 BRAUN Christina von: Das Kloster im Kopf. In: K. Flaake / V. King (Hg.): Weibliche Adoleszenz. Zur Sozialisation junger Frauen. Frankfurt a.M./New York 1992.
 DALSIMER Katherine: Voin Mädchen zur Frau. Berlin/Heidelberg 1993.
 DÜRING Sonja: Wilde und andere Mädchen. Freiburg 1993.

- ECHTERMAYER Theodor / WIESE, Benno von: Deutsche Gedichte. Düsseldorf 1961.
- FREUD Sigmund: Bruchstück einer Hysterie-Analyse. Gesammelte Werke V. 1905.
- FREUD Sigmund: Das Tabu der Virginität. Gesammelte Werke XII. 1918.
- FREUD Sigmund: Über die weibliche Sexualität. Gesammelte Werke XIV. 1931.
- FREUD Sigmund: Das Medusenhaupt. Gesammelte Werke XVII.
- GAMBAROFF Marina: Utopie der Treue. Reinbek bei Hamburg 1984.
- GOODALL Jane: Ein Herz für Schimpansen. Reinbek bei Hamburg 1991. [Through a window. London 1990.]
- GRIMM: Kinder- und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm. München 1937.
- KLEIN Melanie: Das Seelenleben des Kleinkindes. Stuttgart 1962.
- LAUFER Moses / Eglé, M.: Adoleszenz und Entwicklungskrise. Stuttgart 1994. [Adolescence and developmental breakdown. New Haven 1984.]
- LINDHOFF Lena: Einführung in die feministische Literaturtheorie. Stuttgart 1995.
- POLUDA (-Korte) Eva S.: Untersuchungen über Verarbeitungsformen des Menstruationserlebens. Köln 1970. [неопубликованная дипломная работа]
- POLUDA (-Korte) Eva S.: Brief an eine Freundin. In: Mein heimliches Auge. Jahrbuch der Erotik III. Tübingen 1988, S. 112–122.
- POLUDA (-Korte) Eva S.: Freud und die Töchter. Versuch einer Emanzipation von patriarchalen Vorurteilen in der Psychoanalyse. In: Jahrbuch der Psychoanalyse 29 (1992), S. 92–139.
- POLUDA (-Korte) Eva S. [a]: Identität im Fluß. Zur Psychoanalyse weiblicher Adoleszenz im Spiegel des Menstruationserlebens. In: K. Flaake / V. King (Hg.): Weibliche Adoleszenz. Zur Sozialisation junger Frauen Frankfurt 1992 S.147–165.
- POLUDA (-Korte) Eva S.: Der «Lesbische Komplex». Das homosexuelle Tabu und die Weiblichkeit. In: E. A. Alves (Hg.): Stumme Liebe. Freiburg 1993, S. 73–132.
- POLUDA (-Korte) Eva S. [a]: Sexualität in der Gegenübertragung. In: Zeitschrift für Sexualforschung 6 (1993), S. 189–198.
- POLUDA (-Korte) Eva S.: Die Rolle des Homosexualitäts-Tabus für die weibliche Entwicklung. Ansätze zu einer feministischen

Reformierung der psychoanalytischen Weiblichkeitstheorie.
In: I. M. Grosz-Ganzoni (Hg.): Widerspenstige Wechselwirkungen. Feministische Perspektiven in Psychoanalyse, Philosophie, Literaturwissenschaft und Gesellschaftskritik. Tübingen 1996, S. 65–84.

POLUDA (-Korte) Eva S [a].: Probleme der weiblichen homosexuellen Entwicklung. In: V. Sigusch (Hg.): Sexuelle Störungen und ihre Behandlung. Stuttgart 1996, S. 79–101.

RHODE-DACHSER Christa: Expedition in den dunklen Kontinent. Weiblichkeit im Diskurs der Psychoanalyse. Berlin u.a. 1991.

STORM Theodor: Am grauen Meer. Rolf Hochhuth (Hg.): Gesammelte Werke. Gütersloh 1962.

WINNICOTT Donald W.: Von der Kinderheilkunde zur Psychoanalyse. München 1976. [Through paediatrics to psycho-analysis. London, 1975.]

III
РУССКАЯ КУЛЬТУРА
И ЛИТЕРАТУРА
В СВЕТЕ ГЕНДЕРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Линда Эдмондсон

ГЕНДЕР, МИФ И НАЦИЯ В ЕВРОПЕ: ОБРАЗ МАТУШКИ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

В прошедшие двадцать лет проблема соотношения мифа и политики в формировании национальной идентичности привлекает все большее внимание западных исследователей и вызывает серьезные споры (см., напр., ANDERSON 1983; GELLNER 1983; HOBBSBAWN/RANGER 1983; HOBBSBAWN 1990; SMITH 1995; HOSKING/SCHÖPFLIN 1997). Если в большинстве основополагающих работ не рассматривались вопросы о роли женщины и гендерных отношений, то в исследованиях последних лет была выявлена взаимосвязь гендера и национальной идентичности. Особенно значимым аспектом этих исследований стало изучение женской иконографии, ее использования при формировании образа нации и того влияния, которое образы матери оказывают на общество и на государственную политику по отношению к женщине как реальной или потенциальной матери. Исследования сделали очевидным, что изображение нации как женщины, основанное на национальных мифах и ритуалах, намеренно культивировалось в различных обществах с конца XVIII – начала XIX века для того, чтобы представить современную нацию как законную продолжательницу древней традиции¹. В то же время связь образа матери и нации не уни-

---

¹ В последние десять лет значительно увеличилось количество работ по данной теме. См., напр., YUVAL-DAVIS 1997; несколько глав в ANTHIAS/ANTHIAS 1989; SLUGA 1998; WALBY 1997; специальный

версальна: в роли символа нации могли выступать изображения и молодой девушки, и мужчины, и диких животных, и птиц, и абстрактные знаки. Одна и та же нация могла быть представлена различными способами, что характерно и для репрезентации России².

Предлагаемая мною статья охватывает интересующий меня в настоящее время круг вопросов, связанных с изучением представления о России как о матери. Я намерена рассмотреть соотношение гендера и национальности в России XIX и XX веков, преимущественно мифов о матушке России и способов ее изображения, в контексте других национальных мифов Европы. Работа является продолжением моего предыдущего исследования, касавшегося представлений о различии полов и о роли гендерных отношений в решении вопроса о правах и обязанностях граждан в последние пятьдесят лет царской и в первые годы советской власти. Мне представляется очевидным, что бурные дебаты о гражданских правах до 1917 года и сохранившееся маргинальное положение женщин

выпуск журнала *Гендер и история* (Gender and History 5 [1993] 2), особенно статьи Самиты Сен (Samita Sen) об индийском национализме в Бенгалии, Бет Барон (Beth Baron) о концепте «национальной чести» в Египте, Элени Варикас (Eleni Varikas) о гендере и национальной идентичности в Греции и другие; во всех статьях речь идет об идеализации материнства как об аспекте национального дискурса. До сих пор на Западе опубликовано сравнительно мало работ о Восточной и Центральной Европе, однако в недавно вышедшем сборнике BLOM/HAGEMANN/HALL 2000 есть глава, посвященная чешскому национализму (MALESKOVÁ) и Латвии (NOVIKOVA). Очень подробное описание женской иконографии в Восточной и Центральной Европе до и после 1989 см. EINHORN 1993.

² Наиболее известными случаями нематеринского символа нации являются Финская дева, Джон Буль, Вильгельм Телль. Образы животных могут иметь положительную (британский лев), отрицательную (русский медведь) коннотацию или использоваться двояко (орел-хищник/орел как символ империи). Символы власти, представляющие государство и/или ведущую политическую силу, также становятся символами нации, как, например, свастика, красное знамя или серп и молот, звезды и полосы и т. п.

после завоевания этих прав в 1917 году были неразрывно связаны с преобладанием амбивалентного отношения к женщине как к потенциальной или реальной матери, несмотря на то что сама нация нередко изображалась как мать (см. EDMONDSON 1993; EDMONDSON 2001; EDMONDSON 2001a).

Эта двойственность, равно как и ограниченный доступ женщин к власти, характерна не для одной лишь России. Следовательно, проблему гендера, власти и репрезентации национальной идентичности в России следует рассматривать в европейском контексте, чтобы получить более адекватное представление не только об отличии России от других европейских стран, но и о ее близости к ним и связях с ними.

Образ матушки Руси неизменно присутствует в представлении о России как самих русских, так и иностранцев. К ней взывали как к олицетворению русской земли и ее народа, ее прославляли в крестьянских ритуалах и использовали как могущественный образ русской национальной идентичности. Матушку Русь связывали с матерью-землей («мать-сыра земля»), с реками (более всего с «матушкой Волгой»), с православной богородицей («Богородицей»), с Москвой, столицей русских царей до Петра Великого. Николай Бердяев, пытаясь в 1940-х годах объяснить Западу «русскую идею», писал:

«Очень сильна в русском народе религия земли, это заложено в очень глубоком слое русской души. Земля – последняя заступница. Основная категория – материнство.» (БЕРДЯЕВ 1971, 10)³.

---

³ «The religion of the soil lies deep down in the very foundations of the Russian soul. The land is the final intercessor. The fundamental category is motherhood» (BERDYAEV 1947, 6). Философские труды Бердяева, запрещенные при советской власти, в постсоветской России играют большую роль, главным образом потому, что, по мнению многих, в них отражена «настоящая» русская культура и традиция, которая была прервана, но не уничтожена «вражеским» вторжением большевизма. Не последнюю роль в распространении влияния Бердяева сыграли его идеи о принципиальных различиях (и взаимодействии) полов и представление о России как о «матери».

Также и Г.П. Федотов в книге *Русская религиозность* утверждает, что земля –

«это русская “Вечная Женственность”, <...> мать, а не дева; рождающая, а не девственная и, кроме того, черная, ведь лучшая в России почва – чернозем» (ФЕДОТОВ 2001, 25)⁴.

Миф о матушке Руси использовался по-разному. С одной стороны, он выступал как бы нравственным противником власти, защищая народ от ее разлагающего влияния, однако он служил и самой власти. Эта двойственность лежит в основе крестьянских представлений о матушке Руси, обвенчанной с батюшкой царем. Джоанна Хаббс считает это подтверждением того, что русская земля способна «ущемить патриархатную гордость русских царей» (HUBBS 1988, XIV). Но она в равной степени могла символизировать патриархатную власть правителя над женщиной-землей. Этот мотив использовался в церемонии венчания на царство первого царя династии Романовых и начале 17-го века и позднее, в 1773 году, при венчании будущего Павла I (HUBBS 1988, 189; ВАЕНР 1991, 73–74). Двойственность концепта усиливает и то обстоятельство, что Екатерину Великую, немецкую принцессу и последнюю правительницу России, прославляли как «матушку россиян» (ВАЕНР 1991, 28/124).

Символ матушки Руси широко использовался государством в 20-м веке, особенно явно – в целях патриотической пропаганды во время войны 1941–1945 годов и позже, для увековечения связанных с войной событий⁵. И в этом

---

⁴ Эти слова вполне серьезно цитируются Джеймсом Биллингтоном (BILLINGTON 1966). Бердяев и Федотов (как и многие другие до и после них) рассматривают поклонение непорочной, но родившей ребенка Богоматери («Богородице») как явление исконно русское и противопоставляют ее католической Деве Марии.

⁵ Например, в плакате *Родина-мать зовет* и в волгоградской скульптуре Родины-матери, воздвигнутой в честь Сталинградской битвы (см. иллюстрации в WARNER 1985). Использование образа Родины-матери в плакатах предшествовавших войн не

случае «власть родины» имеет двойственный характер. Родина предстает одновременно как властная фигура, призывающая сыновей на войну, и как уязвимая территория, которую необходимо защищать. Система образов, использовавшаяся в военные и послевоенные годы, основана как на маскулинном, так и на фемининном концептах – отечество и родина. Война называлась Великой Отечественной, а земля, которую защищали, – родиной⁶.

На протяжении многих лет интерес и внимание иностранцев привлекали понятия «русская идея», «русская душа» и «русский дух». Стивен Грэм, писавший о России, считал, что указанный «дух» обусловлен тем, что «Россия как таковая <...> есть женская нация» (GRAHAM

столь очевидно, хотя образ, несомненно, встречается и в плакатах Первой мировой войны (см. JAHN 1995). Элизабет Джоунс Хемениуэй пишет о символической судьбе матушки Руси в связи с переворотом 1917 года (см. HEMENWAY 1997). Виктория Боннелл отмечает, что после 1917 года образ матушки Руси вышел из употребления вплоть до немецкого вторжения в 1941 году, т. к. он связывался с иконографией времен царизма и противоречил интернационалистскому образу большевизма (см. BONNELL 1991). Хемениуэй, однако, высказывает предположение, что в годы революции матушка Русь возродилась в образе Работницы.

⁶ При этом не подчеркивается, что война шла на территории Советского Союза, а Россия была лишь его частью, хотя и наиболее значительной. Исследователи нередко высказывают предположение, что слово «родина» (связанное не только с рождением, но и с отношениями кровного и кланового родства) отнюдь не равнозначно слову «motherland/отчизна», хотя это и существительное женского рода. В *Словаре русского языка* Ожегова «родина» определяется как «отечество, родная страна, место рождения» (ОЖЕГОВ 1968). Тем не менее, прежде чем решить, что это еще одно свидетельство принципиального отличия русской культуры от других, следует вспомнить о происхождении слова «нация». «Natio – это традиционно употребляемый термин, восходящий к классической латыни, в которой он первоначально означал “рождение” или “происхождение” как отличительную черту разного рода групп.» (SCHULZE 1996)

1914, 327)⁷. Г.П. Федотов предполагал, что сила православной Богородицы происходит от

«тех разрозненных элементов, свидетельствующих о культе Великой Богини, царившей некогда над необъятными русскими равнинами.» (ФЕДОТОВ 2001, 325).

В последние годы некоторым западным исследователям удалось прорвать покров сентиментальности, окутывающий подобные описания, и обратиться к изучению того, что скрыто за ним и что свидетельствует о наличии исконно русского культа матери. Адель Баркер, основываясь на положениях Федотова, рассматривает концепт материнства в русском фольклоре с раннего Средневековья и его влияние на художественную прозу XIX века с психоаналитической точки зрения (BARKER 1986). Елена Гошило, Барбара Хельдт и другие пишут, главным образом, о значимости «материнских метафор» в творчестве ведущих писателей советской и постсоветской России, таких как Солженицын и Валентин Распутин⁸. Елена Хелльберг-Хирн в своем исследовании «русскости» рассматривает образ матушки Руси как один из «устойчивого набора метафор» (включающего образы двуглавого орла, царя, православного креста, тройки) (HELLBERG-HIRN 1999, 49; HELLBERG-HIRN 1998, 111–135).

---

⁷ Я.П. Святополк-Мирский считал, что англичане, писавшие о России, и Грэм в частности, «отличаются особым истерическисентиментальным складом ума» (KAZNINA 1997, 104). Подробно о западных писателях, включая Грэма, см. РЯБОВ 2000а, 116–122.

⁸ Барбара Хельдт отметила, что образ матери в русской культуре «представляет собой образцовый конструкт мужского воображения», хотя и добавляет: «иногда с готовностью поддерживавшийся женщинами» (HELDT 1993, 237; см. также: GOSCILO 1995, HELDT 1992). Оба автора цитируют русскую поэтическую антологию под названием «Мать» (КОРОТАЕВ 1979). Подобный подход и у Греты Слобин (SLOBIN 1992).

Гендерная иконография вызывает также пристальный интерес историков: Элизабет Уотерс (WATERS 1991) и Виктория Боннелл (BONNELL 1991) изучают изображения женщин в ранний советский период, Элисон Хилтон (HILTON 1993) – в русской истории в целом, а Сьюзан Рид (REID 1998; 1999) – в сталинскую и хрущевскую эпохи⁹. В недавно опубликованной работе о женщинах и гендерных отношениях в 1917-1930 гг. Элизабет Вуд утверждает, что даже в первые годы «освобождения» женщин, провозглашенного большевиками, роль женщин определялась в терминах реальной или символической функции «матерей революции» (WOOD 1997, 6)¹⁰.

Однако в некоторых работах последних лет очевидна тенденция к репродуцированию существующих мифов, например в работе Джоанны Хаббс (Joanna Hubbs) о «женском мифе» в русской культуре. Широко используя данные археологии и антропологии, подтверждающие существование материнских культов на территориях, занимаемых сегодня Россией, Беларусью и Украиной (и связывая их с культами подобного рода в заселенных неславянами районах восточного Средиземноморья), Хаббс предлагает толкование, якобы свидетельствующее о главенствующей роли материнской власти в языческих «русских» общинах и о том, что материнские образы сохранили свою значимость в России и по сей день¹¹. Приведенные ею данные о проник-

---

⁹ В своем докладе на берлинской конференции *Искусство при Сталине: архетип матери и социалистический реализм* С. Рамм-Вебер основное внимание уделила иконографии материнства.

¹⁰ В сообщении, присланном по электронной почте, она связывает эту роль с православным образом «матери-святой покровительницы.» (AWSS-L 13 февраля 1997).

¹¹ Одним из недостатков подхода Хаббс является то, что она не касается вопроса о России и соседних славянских землях, впоследствии вошедших в состав Российской империи. Мариан Рубчак рассматривает данные, приводимые Хаббс, с положительной точки зрения, однако она утверждает, что влияние языческих мифов и семьи, основанной на власти матери, было более

новении элементов языческих материнских культов в православные ритуалы достаточно убедительны, чего нельзя сказать об утверждении, что это было характерно только для России¹². Мнение Хаббс о «вечности» материнского мифа в России основано на спорном представлении о русской средневековой истории, в соответствии с которым держащаяся на материнском праве языческая община противопоставляется церкви, государству и татаро-монгольскому нашествию. Продолжая давнюю традицию, начало которой положили историки-славянофилы, она «демонизирует» Петра Великого за его прозападные реформы начала XVIII века, за его нападки на старую русскую культуру и перенесение столицы из старой «матушки Москвы» в новый, «холодный» и «рациональный» Санкт-Петербург¹³. Хаббс доводит рассмотрение истории политического развития России до 1725 года, то есть до смерти Петра. Как ни странно, при этом она не указывает, что на протяжении почти всего XVIII века Россией правили женщины и это обстоятельство могло оказать на последующее формирование ми-

---

продолжительным в украинской культуре, чем в самой России (см. RUBCNAK 1996). Она также признает, что нельзя считать вполне доказанным существование матриархатных или матрифокальных сообществ в «далеком прошлом».

¹² Данные, подтверждающие существование языческих ритуалов и символики, можно найти в любой европейской стране, даже там, где христианская традиция сложилась значительно раньше, чем в России. Например, на стене маленькой деревенской церкви в Херефордшире (Herefordshire /Англия) есть графическое изображение кельтской богини плодородия (*sheela-na-gig*), что можно рассматривать как свидетельство проникновения язычества в официальное христианство. (Репродукцию изображения см. ELLIS 1995, 160–161)

¹³ Линдсей Хьюз отмечает, что «матушка Москва» была сердцем православия и центром ярко выраженной патриархатной культуры (HUGHES 1998, 212). Среди прочих реформ Петра – уничтожение средневековой системы женского затворничества (терема).

фа о женской власти не меньшее влияние, чем языческие материнские культы¹⁴.

Главной целью моей работы является рассмотрение мифов об «особости» России, выраженной в образе матушки Руси, и сопоставление их с другими европейскими мифами, касающимися понятия «нация». Необходимо изъять образ матушки Руси из изолированного контекста самопрезентации и впервые рассмотреть его в контексте символических материнских образов других наций. Вполне возможно, что представление о матушке Руси неотделимо от русской культуры и является определяющим в «представлении русских о себе как о нации» (HUBBS 1988, XIII). Тем не менее необходимо задать вопрос: в какой степени и как именно русские мифы о материнстве отличаются от мифов других культур и насколько первые похожи на последние и связаны с ними. Важно также рассмотреть функции мифов и символов, касающихся матери и нации, и попытаться понять, почему они являются определяющими в символике одних культур, не будучи таковыми в других культурах.

Мне представляется особенно важным вопрос о политической и идеологической ценности мифа о матушке Руси (в прошлом и в современной России) и той роли, которую он сыграл в формировании и укреплении мнения о русской культурной «особости» и о «судьбе» России. Необходимо подвергнуть проверке два исходных, хотя и не всегда артикулируемых, положения: во-первых, о том, что русская культура гомогенна; во-вторых, о том, что отличия русской

---

¹⁴ Тем не менее Хаббс справедливо считает годы правления Петра переломными для русского «женского» мифа. Ричард Уортман пишет, что правительницы 18-го века во всем – в манере одеваться, держать себя, в своих вкусах – служили символом проведенных им культурных реформ, направленных на то, чтобы приблизить Россию к Западу. Возможно, Екатерина Великая и была «матушкой россиян», однако она считала себя современной правительницей западного образца и именно так формировала свой образ. (см. WORTMAN 1995, 85–86)

культуры от других европейских культур более серьезны и значимы, чем различия между этими последними.

По мнению западных исследователей, представление о гомогенности становится все менее состоятельным не только вследствие культурной раздробленности, вызванной крахом Советского Союза, но и в результате исторических, культурологических, антропологических и социологических работ последних лет. Несмотря на это, все еще слышатся утверждения о том, что русская культура едина, зачастую одновременно с утверждениями, что лишь в русской культуре одновременно сосуществуют «высокое» и «низкое», образованные классы и крестьянство и, главное, вера и обряды официальной церкви и народные языческие верования, отраженные в религиозных практиках крестьянских общин¹⁵. Множество данных свидетельствуют о разделении между «высоким» и «низким» в русской культуре, однако из признания этого факта отнюдь не следует, что подобное не существовало в культурах других наций. Точно так же не следует относиться как к данности к широко известной оппозиции «Россия – Запад/Европа», словно европейские/западные общества и нации являют собой когерентное единство, характеризующее такими качествами и традициями, которые отсутствуют только у России. Эта оппозиция (по поводу которой развернулась полемика славянофилов и западников в XIX веке, продолжающаяся до сих пор) не только основана на не выдерживающем критики предположении о культурном единообразии Запада, но и преувеличивает культурную целостность самой России.

В моей работе я вынуждена полагаться на результаты археологических и антропологических исследований, особенно в той части работы, где делается попытка понять истоки материнских мифов в европейских культурах. Напри-

---

¹⁵ Стелла Рок (Stella Rock) в своем докладе *Исторический очерк концепта двоеверия*, читанном на конференции Британской ассоциации по изучению славянских и восточноевропейских стран (март 1999), подвергла сомнению привычное мнение о двоеверии (неопубликовано).

мер, мне кажется довольно смелым предположение, что ассоциация «земли» с «материнством» в аграрных сообществах вполне естественна (но не универсальна), ведь ритуалы, связанные с плодородием и репродуктивностью, не всегда понятны и требуют объяснений. Нетрудно понять связь земли и материнства со способностью к оплодотворению, теплом, влажностью и плодородием, защитой и укрытием, а также, в негативном смысле, с бесплодием, холодом, засухой (или наводнением), обнажением и отторжением. Однако необходимо выяснить, как и почему ассоциации материнства с землей становятся более или менее характерными в разных культурах и в разные эпохи.

Вот один из наиболее очевидных примеров: в современном английском языке «mother earth» (мать-земля) – известное, но слегка устаревшее выражение, тогда как в России, по утверждению Татьяны Клименковой, оно все еще сохраняет свою символическую силу (КЛИМЕНКОВА 1994, 27). Первое приходящее на ум объяснение – это то, что Россия на протяжении значительной части 20-го века была преимущественно аграрной страной. Но это лишь один из ключей к пониманию мифа¹⁶. Нельзя забывать и о том, что ни земля, ни материнство не связаны обязательным образом с властью: в некоторых культурах земля считается инертной субстанцией, пассивно ждущей семени и нуждающейся в солнце и воде, чтобы дать ему жизнь¹⁷. Антрополог Мария Гимбутас считает ошибочным мнение об универсальности концепта «мать-земля» и указывает, что эта ассо-

---

¹⁶ Борис Успенский приводит яркий пример (источник которого, к сожалению, не установлен): когда во время засухи и голода 1920–1921 гг. мужчины-крестьяне попытались вскопать высохшую землю, они встретили ожесточенное сопротивление со стороны женщин, которые утверждали, что мужчины своими лопатами «ударяют по самой Богородице.» (см. LOTMAN/USPENSKIJ 1984, 299).

¹⁷ Именно так обстоит дело во многих кавказских мифах, включая грузинские и армянские. (Сообщено московским социологом Ольгой Исуповой).

циация матери с землей была типичной для индоевропейских культур, но не для «старых европейцев» (территория современных Балканских стран, западной Украины, Греции, южной Италии и западной Турции), материнские божества которых ассоциировались с воздухом и водой (GIMBUTAS 1974, 142).

Поскольку национальные мифы (материнский и другие) существуют не только в Европе, необходимо объяснить, почему я сосредоточила внимание на этом континенте. Это объясняется необходимостью не только ограничить рамки исследования, но и тем, что сравнение различных культур Европы имеет свои преимущества. Одно из них заключается в относительном единообразии религиозной традиции. Так как все народы Европы, за исключением иудейских и мусульманских общин, исповедовали христианство, возможно рассмотреть различия между разными ветвями христианства – католицизмом, православием, протестантизмом и неофициальными сектами – и национальными мифами в этих странах. Другое преимущество состоит в том, что, по крайней мере до конца Первой мировой войны, Европа (или миф о ней) была тем эталоном, с которым русские писатели соотносили судьбу и уровень «цивилизованности» своей страны. Ольга Здравомыслова отметила, что антиномия «фемининности» и «маскулинности» была важной составляющей концепта «русской идеи», при этом Россия неизменно изображалась как женщина: негативно (слабой, пассивной и иррациональной) – ориентировавшимися на Европу западниками и позитивно (духовной, питающей своих детей, сильной нравственно) – славянофилами (Здравомыслова 2000).

Даже беглый обзор литературы убеждает в том, что утверждение национальных идентичностей в Европе XIX века, как правило, сопровождалось яркой, эмоционально окрашенной, но вместе с тем и весьма разнообразной иконографией, героинями которой нередко становились женщины. В некоторых случаях эти образы имели прямую религиозную коннотацию и уходили корнями в далекое прошлое. Покровительницей Польши, например, была Дева Мария, символом которой стала икона Ченстоховской

«Черной Мадонны», возведенной в достоинство «королевы Польши» после разгрома шведской армии в 1655 году. После разделения Польши в конце XVIII века, напротив, символом нации стала фигура мученицы Полонии (DAVIES 1997; EINHORN 1993, 208/221-222; POPE JOHN PAUL II. 1987, 221-222). Испания также «находилась под покровительством» Девы Марии в соответствии с давней традицией, которая возникла в 16-м веке или ранее и которую позже эксплуатировал Франко после своей победы над «безбожной» Второй республикой (LANNON 1991, 213).

С другой стороны, Финляндия с конца XIX века была представлена фигурой молодой девушки (*Suomi-neito*), которая лишь потенциально могла рассматриваться как «материнская». Она воплощала юность и силу полной надежд нации в ее привопоставлении агрессивной, но стареющей императорской России. По всей видимости, «дева» сменила более ранний «материнский» образ Финляндии, который, возможно, был связан с образом матери-Швеции (PALSI 1996, 152-155; REITALA 1983)¹⁸. Другая «дева», из Косово (*Kosovka devojka*), представлена в сербской иконографии и символизирует героическую борьбу сербов и жертву, принесенную ими в Косовской битве в 1389 г.; как гласят легенды, суженый девушки погиб, и ее надежде стать матерью не суждено было сбыться (HAWKESWORTH 2000, 60-62)¹⁹. В чешских землях с середины XIX века символами нации стали сказочные героини Либуше (*Libuše*), «принцесса и предска-

---

¹⁸ Образ Финской девы так же хорошо знаком финнам, как образ Британии британцам, однако ни один из них до недавнего времени не привлекал внимания исследователей. Сейчас Джоанна Валениус (Johanna Valenius) завершает при университете Турку свою диссертацию *Four Faces of the Maiden. Gender and Sexuality in the Representation and Construction of the Finnish Maiden Caricatures. 1899–1914*.

¹⁹ С 1980-х годов образ девы широко используется в Сербии для пробуждения национального самосознания. Сообщено Венди Брейсвелл (Wendy Bracewell) по электронной почте 4 мая 1999 г.

зательница», и Власта, предводительница женщин в их борьбе против мужских законов (MALESKOVÁ 2000).

В Исландии, до 1944 года находившейся под властью Дании, национальный дискурс складывался вокруг концепта нации как «королевы и божества, здоровой, прекрасной, независимой матери» (BJØRNSDÓTTIR 1998, 95). Хотя исландский концепт «матери природы», вероятно, возник спонтанно в конце XVIII века, впоследствии он получил воплощение в образе Женщины гор, которая явилась во сне в 1860-е гг. одному исландскому профессору в Кембридже. Как и Финская дева, Женщина гор (*Fjallkonan*) представляет собой сознательно, специально сконструированный образ нации, но, в отличие от Девы, этот образ опирается на предания о прошлом Исландии (BJØRNSDÓTTIR 1998, 93-98), закрепленные в сагах и поэтических текстах. Исландский национальный дискурс имеет некоторое сходство с русским: нация, Исландия, представлена в нем как мать и правительница, а датский король – как отец, что напоминает иерархические отношения властной, но вместе с тем подчиненной матушки Руси с царем – ее мужем. Однако в то же самое время в Дании нацию символизировал и другой материнский образ, восходящий к образу северной богини Фрей. Первоначально этот образ получил распространение в 1848–1864 гг., в годы конфронтации с Германией по поводу областей, находящихся на границе с землей Шлезвиг-Гольштейн. Наиболее примечательно (и не лишено иронии) то обстоятельство, что образы «матерей» двух враждующих наций были весьма похожими (LUNDGREEN-NIELSEN 1992).

Женские фигуры, представляющие нацию, часто ассоциируются со Свободой и Победой, как, например, в случае хорошо известных Британии, Германии и французской Марианны (WARNER 1985, 45-51; AGULHON 1981 и 1989)²⁰. Может показаться, что материнский образ России скорее

---

²⁰ Уорнер отмечает «злую иронию» в том, что образ Британии, который с 1672 года выступает как героический и патриотический символ, восходит к римской аллегории, изображающей покоренную нацию. (WARNER 1985, 45)

далек от представлений о свободе (во всяком случае в западном ее понимании) и более связан с представлениями об источнике пищи и о защите (такова его функция в православной иконографии), однако волгоградская фигура Родины-матери, воздвигнутая в память о Сталинградской битве, явно символизирует освобождение от тирана-захватчика и выполнена в соответствии с западной традицией монументальной скульптуры.

При сравнении мифов и символов, связанных с образом матушки Руси, с мифами о матери и нации других европейских стран, а также с мифами о нации, в которых не используются материнские или другие женские образы, неизбежно возникает целый ряд вопросов о происхождении, формах и значениях подобных мифов.

Какова значимость материнских образов в национальной символике? Какие формы приобретают эти образы (облик, размер, наличие или отсутствие одежды и т. д.)? Почему материнские образы более значимы в одних культурах, чем в других? Каким образом и почему религиозные изображения (иконы Девы Марии/Богородицы) становятся национальными символами в одних культурах и не становятся в других? Происходит ли это чаще в культурах с единым христианским вероисповеданием?²¹ Насколько значимы для возникновения материнской символики языческие мифы? Как влияют на создание национальных символов классические аллегорические фигуры (например, образы Марианны, Британии, Германии, Гельвеции)? Символизирует ли образ матери возраст и зрелость, а образ девы – юность и целеустремленность? Существуют ли нации, которые никогда не изображались как женщины? Если в национальных символах сосуществуют мужское и женское (например, Гельвеция/Вильгельм Телль или Германия/Герман), тогда является ли мужчина «отцом»? Если мужчи-

---

²¹ В Германии, например, до сих пор существуют католические и лютеранские земли; так же и в Латвии распространены два вероисповедания, хотя в XIX веке значительным влиянием пользовалась и русская православная церковь. (см. Novikova 2000, 331)

на выступает как «герой», то является ли он «отцом» или «сыном»? Обладают ли негативные образы (например, образ русского медведя) такой же силой (или большей?), что и позитивные? Всегда ли они создаются другими народами?

Пусть многие из этих вопросов останутся без ответа, однако они нужны как инструменты для сравнения, и они вызовут новые вопросы в ходе исследования. Многие из тех, кто писал о проблеме гендера и нации, отмечали, что общей метафорой для национальных дискурсов является метафора нации как «семьи», берущая истоки в идеализируемом прошлом. Гендерные роли в этой «семье» четко распределены, и хотя «мать» является центральной фигурой, ее власть может осуществляться лишь внутри патриархатного порядка²². Подобная интерпретация как будто позволяет ответить на многие сложные вопросы о материнских мифах и их истоках, и все же она нуждается в тщательной проверке, поскольку с ее помощью не удастся объяснить, например, почему центральным в символике одних наций является образ матери, а других – девы; почему на первый план иногда выходит мужской, а иногда – женский образ.

Мы должны также подходить к отличиям одних национальных символов от других не только как к отражению различий в культурных традициях, но и в контексте меняющихся гендерных ролей и статуса женщины в различных странах. Принято считать, что (пере)распределение гендерных ролей происходит особенно активно в период становления нации, в годы резких политических перемен и переворотов. Историки национального и женского движений показали, что во многих странах (как в Европе, так и за ее пределами) женщины играли заметную роль в общественной жизни именно в такие переломные периоды, особенно начиная с середины XIX века и до 1920-х годов. В борьбе за женское равноправие часто использовались те лозунги, которые были сформулированы патриотически настроенными женщинами, выступавшими за национальное самоопре-

---

²² Подробно описано в: WENK 2000, 66-67.

деление, независимость или обновление²³. С другой стороны, те же политические условия приводили к новому усилению «традиционных» женских ролей в «частной сфере» (материнство и воспитание детей), к отражению этих ролей в женских символах нации. И, наконец, под влиянием тех же условий могла возникнуть и потребность в «героях» и «отцах» нации.

Изучая влияние мифов о материнстве, необходимо учитывать и те культурные феномены, которые, как представляется, полностью «отрицают» авторитет матери. В царской России между символами материнства (матушка Русь и Богородица) и реальным правовым, культурным и экономическим бесправием женщин лежит непроходимая пропасть, сводящая прокламируемую власть женщин к нулю. К нулю сводят ее и пренебрежительное отношение к женщине-матери (во многих православных учениях и ритуалах или в народных пословицах и обычаях), религиозный аскетизм и обусловленное им отрицание деторождения (например, в некоторых сектах староверов) и отрицательное отношение женщин к материнству на практике, особенно в условиях крайней нужды (КОРОВУШКИНА РАЕРТ 2001; МЕРИАН-WATERS 1992)²⁴. В Советском Союзе пропаганда

---

²³ «Патриотическая» составляющая русского дореволюционного феминизма становится очевидной лишь сейчас. До недавнего времени западные исследователи (и я в том числе) уделяли внимание только противостоянию революционных и реформистских идей, упуская из виду многочисленные черты сходства между устремлениями первых русских феминисток (которые в большинстве случаев вдохновлялись идеей «национального обновления») и других европейских женских движений, национальная составляющая которых давно признана исследователями. См., напр.: ВОНАСНЕВСКИЙ СНОМІАК 1988; МАЛЕСКОВА 2000.

²⁴ Об аскетизме революционерок подробно писала Барбара Энгель (см. ENGEL 1983). В своей работе о приютах, детской смертности и охране детства Дэвид Рансел приводит множество примеров плохого отношения матерей к детям (см. RANSEL 1988 и 1991). Из последних работ на эту тему см. ISSOUPOVA 1998.

повышения рождаемости (вызванная страхом перед «демографической катастрофой») не сопровождалась действительной заботой о матери и ребенке. Некоторые исследователи утверждают, что плохое медицинское обслуживание, аборт как единственной способ контроля рождаемости и жестокое отношение медицинского персонала к пациентам были не просто недостатками системы здравоохранения, но и отражением мизогинии, корнящейся глубоко в русской культурной традиции и резко противоречащей прокламируемому государством почитанию женщины-матери²⁵. Так это или нет, в любом случае необходимо дальнейшее изучение мифов, их устойчивости в культуре и их отражения (или отсутствия такового) в действительности²⁶.

С этой точки зрения весьма полезными могут оказаться работы последних лет, посвященные проблемам нации и гендера. Совершенно очевидно, что материнский образ нации и реальный статус женщин часто имеют мало общего. Мать-нация связана, прежде всего, со своими сыновьями, хотя ее дочери должны выполнять свою роль как матери будущих сыновей нации. Не менее очевидно, что статус женщин соотносится с их ролью созидательниц и хранительниц культуры, однако эта роль им навязана: они не выбирали ее, и она не является признанием их способности создавать и развивать что-

---

²⁵ Елена Здравомыслова утверждает, что аборт был «узаконенным государством средством» наказания женщин за сексуальность (семинар в Центре русских и восточноевропейских исследований при университете Бирмингема, 18 ноября 1998). Ольга Исупова указывает на несоответствие между «высокой символической оценкой материнства» и ростом количества абортов в советской России. (сообщено по электронной почте 22 декабря 1998).

²⁶ В России и на Западе уделяется значительное внимание вопросу об официальной и реальной стороне материнства в последние годы советской власти и в современной России. См., напр., доклад Ребекки Кей на VI Всемирном конгрессе славистов в Тампере в августе 2000 (Кей 2000); диссертацию Ольги Исуповой, посвященную отношению русских женщин к материнству (Исупова 2000) и ее статью. (Исупова 2000a).

либо. Они живут как бы «параллельно» с нацией, поддерживая ее, но при этом не становясь ее неотъемлемой частью²⁷. В этой системе образов женщина-страна приравнивается к «матери природе», чью мощь мужчина-правитель призван и уважать, и контролировать. Существует мнение, что земля, символически изображенная как женщина, означает пространство, но не инструмент власти²⁸. Считается также, что женщины олицетворяют «вечную память нации» (Confino цит. по: WENK 2000, 66). Очевидно, что во время войны родина защищает своих сыновей, но и сама нуждается в защите; историки отмечают, что описания вторжений вражеской (мужской) армии неизменно сопровождаются метафорами насилия и осквернения²⁹. В последнее время много пишут о том, что женское тело используется как «символ тела нации, территории которой всегда угрожает вторжение» (KOSTA 1997, 221). Джордж Моссе утверждает, что «национализм присущ мужскому сообществу» и тем самым способствует «утверждению мужского господства» (MOSSE 1985, 67).

---

²⁷ Селия Хоксворт, как и многие другие, считает, что именно на подобном отношении к женщинам основаны тексты, посвященные национальному вопросу, и как пример приводит высказывание Добрики Косича, президента Югославии в 1993-94: «Женщина-героиня <...> связала свою судьбу с судьбой отечества.» (см. HAWKESWORTH 2000, 31).

²⁸ Сергей Медведев утверждает, что в русском языке «пространственные понятия обозначаются, как правило, словами женского рода» – земля, Россия, Волга и т. п., но «все, что связано с властью, выражается словами мужского рода» (см. MEDVEDEV 1999, 19). Как согласуются с этим утверждением слова «власть» и «державя» (это лишь два примера из многих)?

²⁹ См., напр., работу Рут Харрис, в которой исследуются те случаи, когда французские женщины, изнасилованные в 1914 г. немецкими солдатами и забеременевшие от них, сообщали об изнасилованиях, позже вытесняя это из сознания. Насилия над женщинами представлялись как «насилие» Германии над Францией («Марианной»): HARRIS 1993. Тема насилия (действительно имевшего места и символического) была важной составляющей межэтнических конфликтов в Боснии и Косово в 1990-х годах.

В ряду всех перечисленных вопросов один представляется наиболее важным в связи с русской «особостью». Во всех цитируемых источниках (трудах Бердяева, Федотова, Грэма, Хаббс и многих других) представление о матушке Руси признается доминирующим для русского самосознания. На первый взгляд, это подтверждается символикой (образы матушки Руси, матушки Волги, иконы Богоматери и т. д.). Однако авторы некоторых работ последних лет выдвигают предположение, что значимость этих образов весьма преувеличена и, кроме того, образ матушки Руси всегда воспринимался западными наблюдателями намного серьезнее, чем самими русскими. Наиболее убедительно это продемонстрировал Олег Рябов, показав, что западные писатели в поисках принципиальных различий между Россией и Западом вообразили, будто в образе матушки Руси воплощено «таинственное», «непроницаемое» и «непознаваемое» Другое (см. РЯБОВ 2000 и 2000а; см. также: HELLBERG-HIRN 1999)³⁰. Как и Ольга Здравомыслова, чья работа цитировалась выше, Рябов утверждает, что изображения матушки Руси воспроизводят – чаще негативно, чем позитивно, – «антиномию» Россия – Запад³¹.

Как явствует из вышесказанного, мое исследование находится в начальной стадии. В ходе его придется обращаться к широкому спектру вопросов, связанных с национальными и этническими особенностями различных культур, что значительно усложняет задачу исследователя. Тем не менее я считаю сравнительный подход необходимым и верю в то, что он будет плодотворным. Он должен допол-

---

³⁰ На берлинской конференции возник спор между Гасаном Гусейновым, заявившим, что идея матушки Руси были наиболее привержены философы-эмигранты (напр., Бердяев), но она не имела значительного влияния в самой России, и Натальей Грыкаловой, которая считает, что наиболее полное выражение идея матушки Руси получила в исконно русском концепте Софии.

³¹ Сергей Медведев подчеркивает, что сам Бердяев весьма пренебрежительно относился к «вечно-бабьему» в «русской душе.» (MEDVEDEV 1999, 19).

нить наши представления об «особости» матушки Руси как символа нации, но в то же время показать, что единичный символ не может быть достаточным основанием для формирования представлений о том культурном многообразии, которое существует в рамках нации. Он будет способствовать более глубокому пониманию того, как базовые представления о «женском», отображенные в символике, связываются с судьбой нации и как они влияют на повседневные отношения мужчин и женщин в обществе. И, наконец, с его помощью можно выявить связи разных национальных культур и то, что их объединяет, и избавиться от ошибочного представления об их «отличиях» и от стремления провести между нациями границы.

Перевод Ольги Демидовой

Список литературы

- БЕРДЯЕВ Н.А.: Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж 1971.
- ЗДРАВОМЫСЛОВА О.М.: «Русская идея» и антиномия женственности и мужественности в национальном образе России. В: Общественные науки и современность (2000) 4, стр. 109–115.
- КАЗНИНА О.А.: Русские в Англии. М. 1997.
- КОРОТЛЕВ В.В. (ред.): Мать. Стихотворения русских и советских поэтов о матери. М. 1979.
- ОЖЕГОВ С.И.: Словарь русского языка. 7-ое изд. М. 1968.
- РЯБОВ О.В.: Национальная идентичность: гендерный аспект (на материале русской историософии). Иваново 2000.
- РЯБОВ О.В. [а]: «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии. В: Общественные науки и современность (2000) 4, стр. 116–122.
- ФЕДОТОВ Г.П.: Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 10: Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. Примеч. С.С. Бычкова. М. 2001. [FEDOTOV, George: The Russian Religious Mind. New York 1960].

- AGULHON Maurice: *Marianne au pouvoir: l'imagerie et la symbolique republicaines de 1880–1914*. Paris 1989.
- AGULHON Maurice: *Marianne into Battle: Republican Imagery and Symbolism in France, 1789–1880*. Transl. by J. Lloyd. Cambridge 1981. [В оригинале: *Marianne au combat: l'imagerie et la symbolique republicaines de 1789–1880*. Paris 1979].
- ANDERSON Benedict: *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London 1983.
- ANTHIAS Yuval / ANTHIAS, Floya: *Woman, Nation, Stale*. Basingstoke 1989.
- BAHR Stephen: *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*. Stanford 1991.
- BARKER Adele M.: *The Mother Syndrome in the Russian Folk Imagination*. Columbus/Ohio 1986.
- BERDYAEV Nicholas: *The Russian Idea*. Transl. by R. M. French. London 1947.
- BILLINGTON James H.: *The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture*. London 1966.
- BJØRNSDÁTTIR Inga Dora: *They Had a Different Mother: the Central Configuration of Icelandic Nationalist Discourse*. In: D. von der Fehr / B. Rosenbeck / A. G. Jónasdóttir (eds.): *Is There a Nordic Feminism? Nordic Feminist Thought on Culture and Society*. London 1998, p. 90–103.
- BLOM Ida / HAGEMANN Karen / HALL, Catherine (eds.): *Gendered Nations. Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century*. Oxford/New York 2000.
- BOHACHEVSKY CHOMIAK Martha: *Feminists Despite Themselves. Women in Ukrainian Community Life, 1884–1939*. Edmonton 1988.
- BONNELL Victoria E.: *The Representation of Women in Early Soviet Political Art*. In: *Russian Review* 50 (1991), Nr. 3, p. 267–288.
- CONFINO Alon: *The Nation as a Local Metaphor: Heimat, National Memory and the German Empire, 1871–1918*. In: *History and Memory* 5 (1993) Nr. 1, p. 42–86.
- DAVIES Norman: *Polish National Mythologies*. In: G. Hosking / G. Schöpflin (eds.): *Myths and Nationhood*. London 1997, p. 141–157.

- EDMONDSON Linda: Die Lösung der Frauenfrage: Emanzipation, Mütterlichkeit und Staatsbürgerschaft in der frühen Sowjetgesellschaft. In: Ute Gerhard (Hg.): Feminismus und Demokratie. Die europäischen Frauenbewegungen der 1920er Jahre. Königstein/ Taunus 2001 (= Frankfurter Feministische Texte: Sozialwissenschaften; 1), S. 16–37.
- EDMONDSON Linda [a]: Women's Rights, Gender and Citizenship in Tsarist Russia: the Question of Difference. In: P. Grimshaw / K. Holmes / M. Lake (eds.): Women's Rights and Human Rights: International Historical Perspectives. Basingstoke/ England 2001, p. 153–167.
- EDMONDSON Linda: Women's Emancipation and Theories of Sexual Difference in Russia, 1850–1917. In: M. Liljeström / E. Mäntysaari / A. Rosenholm (eds.): Gender Restructuring in Russian Studies: Conference Papers, Helsinki, August 1992. Tampere 1993 (= Slavica Tamperensia; 2), p. 39–52.
- EINHORN Barbara: Cinderella Goes to Market. Citizenship, Gender and Women's Movements in East Central Europe. London 1993.
- ELLIS Peter Berresford: Celtic Women. Women in Celtic Society and Literature. London 1995.
- ENGEL Barbara Alpern: Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in 19th Century Russia. Cambridge 1983.
- GELLNER Ernest: Nations and Nationalism. Oxford 1983.
- GIMBUTAS Marija: The Gods and Goddesses of Old Europe, 7000 to 3500 BC. Myths, Legends and Cult Images. London 1974.
- GOSCHLO Helena: The Gendered Trinity of Russian Cultural Rhetoric Today – or The Glyph of the H[i]eroine. In: N. Condee (ed.): Soviet Hieroglyphics. Visual Culture in Late Twentieth-Century Russia. Bloomington/London 1995. p. 68–92.
- GRAHAM Stephen: Undiscovered Russia. London 1914.
- HARRIS Ruth: The «Child of the Barbarian»: Rape, Race and Nationalism in France during the First World War. In: Past and Present 41 (Nov. 1993), p. 170–206.
- HAWKESWORTH Celia: Voices in the Shadows. Women and Verbal Art in Serbia and Bosnia. Budapest/New York 2000.
- HELDT Barbara. Motherhood in a Cold Climate. The Poetry and Career of Maria Shkapskaya. In: J. T. Costlow / S. Sandler / J. Vowles (eds.): Sexuality and the Body in Russian Culture. Stanford 1993, p. 237–254.

- HELDT Barbara: *Gynoglasnost: Writing the Feminine*. In: M. Buckley (ed.): *Perestroika and Soviet Women*. Cambridge 1992, p. 160–175.
- HELLBERG-HIRN Elena: *Ambivalent Space: Expressions of Russian Identity*. In: J. Smith (ed.): *Beyond the Limits: the Concept of Space in Russian History and Culture*. Helsinki 1999, p. 49–69.
- HELLBERG-HIRN Elena: *Soil and Soul: The Symbolic Expression of Russianness*. Aldershot 1998.
- HEMENWAY Elizabeth Jones: *Mother Russia and the Crisis of the Russian National Family*. In: *Nationalities Papers* 25 (1997), Nr. 1, p. 103–121.
- HILTON Alison: *Feminism and Gender Values in Soviet Art*. In: M. Liljeström / E. Mäntysaari / A. Rosenholm (eds.): *Gender Restructuring in Russian Studies*. Tampere 1993, p. 99–116.
- HOBBSAWM Eric: *Nations and Nationalism since 1783*. Cambridge 1990.
- HOBBSAWM Eric / RANGER Terence: *The Invention of Tradition*. Cambridge 1983.
- HOSKING Geoffrey / SCHÖPFLIN George (eds.): *Myths and Nationhood*. London 1997.
- HUBBS Joanna: *Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington/Indiana 1988.
- HUGHES Lindsey: *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven 1998.
- ISSOUPOVA Olga: *Attitudes of Russian Women towards Motherhood*. PhD thesis. Manchester University 2000.
- ISSOUPOVA Olga [a]: *From Duty to Pleasure? Motherhood in Soviet and Post-Soviet Russia*. In: S. Ashwin (ed.): *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London 2000, p. 30–54.
- ISSOUPOVA Olga: *Problematic Motherhood: Child Abandonment, Abortion and Single Motherhood in Russia in the 1990s*. Paper presented at CREES, 21/10/1998.
- JAHN Hubertus F.: *Patriotic Culture in Russia During World War I*. Ithaca/New York 1995.
- KAY Rebecca: *Zhenshchina-Mat. Russian Women's Responses to Motherhood: Natural Destiny, National Duty or Personal Choice*. Paper presented to the VI World Congress of Central and East European Studies. Tampere, Finland, August 2000.

- KLIMENKOVA Tatiana: What Does Our New Democracy Offer Society? In: A. Posadskaya (ed.): *Women in Russia. A New Era in Russian Feminism*. London/New York 1994, p. 14–36.
- KOROVUSHKINA PAERT Irina: Gender and Salvation: Representations of Difference in Old Believer Writings from the Late Seventeenth Century to the 1820s. In: L. Edmondson (ed.): *Gender in Russian History and Culture*. Basingstoke 2001, p. 29–51.
- KOSTA Barbara: Rape, Nation and Remembering History. Helke Sander's *Liberators Take Liberties*. In: P. Herminhouse / M. Mueller (eds.): *Gender and Germanness. Cultural Productions of Nation*. Providence 1997 (= *Modern German Studies*; 4), p. 217–231.
- LANNON Frances: Women and Images of Woman in the Spanish Civil War. In: *Transactions of the Royal Historical Society*. 6th series 1 (1991), p. 213–228.
- LOTMAN Ju. M. / USPENSKIJ, B. A.: *The Semiotics of Russian Culture*. Ed. by A. Shukman. Ann Arbor 1984.
- LUNDGREEN-NIELSEN Flemming: Grundtvig og danskheden. In: Ole Feldbaek (ed.): *Dansk Identitetshistorie*. Vol. 3. Copenhagen 1992, p. 139–160.
- MALECKOVÁ Jitka: Nationalizing Women and Engendering the Nation: the Czech National Movement. In: I. Blom / K. Hagemann / C. Hall (eds.): *Gendered Nations. Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century*. Oxford/New York 2000, p. 293–310.
- MEDVEDEV Sergei: A General Theory of Russian Space: A Gay Science and a Rigorous Science. In: J. Smith (ed.): *Beyond the Limits: the Concept of Space in Russian History and Culture*. Helsinki 1999, p. 15–47.
- MEEHAN-WATERS Brenda: To Save Oneself: Russian Peasant Women and the Development of Women's Religious Communities in Prerevolutionary Russia. In: B. Farnsworth / L. Viola (eds.): *Russian Peasant Women*. Oxford 1992, p. 121–133.
- MOSSE George L.: *Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe*. Madison/Wisconsin 1985.
- NOVIKOVA Irina: Constructing National Identity in Latvia: Gender and Representation During the Period of National Awakening.

- In: I. Blom / K. Hagemann / C. Hall (eds.): *Gendered Nations. Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century*. Oxford/New York 2000, p. 311–334.
- PAASI Anssi: *Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. Chichester 1996.
- POPE JOHN PAUL II: *Jubilee Homily at Jasna Gora*. In: A. Bromke: *The Meaning and Uses of Polish History*. New York 1987 (= *East European Monographs*; 212), p. 221–224.
- RANSEL David: *Infant-Care Cultures in the Russian Empire*. In: Barbara E. Clements / Barbara A. Engel / Christine D. Worobec (eds.): *Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley/Los Angeles 1991, p. 113–132.
- RANSEL David: *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton 1988.
- REID Susan E.: *Gender and Destalinization in Soviet Reformist Painting of the Khrushchev Thaw*. In: *Gender and History* 2 (1999), p. 276–312.
- REID Susan E.: *All Stalin's Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s*. In: *Slavic Review* 57 (1998), Nr. 1, p. 133–173.
- REITALA Aimo: *Suomi-neito. Suomen kuvallisen henkilöitymän vaiheet*. Helsinki 1983.
- RUBCHAK Marian J.: *Christian Virgin or Pagan Goddess: Feminism Versus the Eternally Feminine in Ukraine*. In: R. Marsh (ed.): *Women in Russia and Ukraine*. Cambridge 1996, p. 315–330.
- SCHULZE Hagen: *Slates, Nations and Nationalism from the Middle Ages to the Present*. Transl. from the German by W. E. Yuill. Oxford 1996. [В оригинале: *Staat und Nation in der europäischen Geschichte*. München 1994].
- SLOBIN Greta: *Revolution Must Come First: Reading V. Aksenov's Island of Crimea*. In: A. Parkeret, et. al. (eds.): *Nationalisms and Sexualities*. New York/London 1992, p. 246–259.
- SLUGA Glenda: *Identity, Gender and the History of European Nations and Nationalisms*. In: *Nations and Nationalism* 4 (1998). Nr. 1, p. 87–111.
- SMITH Anthony: *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge 1995.
- WALBY Sylvia: *Woman and Nation*. In: S. Walby: *Gender Transformations*. London 1997, p. 180–196.

- WARNER Marina: *Monuments and Maidens. The Allegory of the Female Form*. London 1985.
- WATERS Elizabeth: *The Female Form in Soviet Political Iconography, 1917–1932*. In: Barbara E. Clements / Barbara A. Engel / Christine D. Worobec (eds.): *Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley 1991, p. 225–242.
- WENK Silke: *Gendered Representations of the Nation's Past and Future*. In: I. Blom / K. Hagemann / C. Hall (eds.): *Gendered Nations. Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century*. Oxford/New York 2000, p. 63–77.
- WOOD Elizabeth A.: *The Baba and the Comrade. Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington/Indiana 1997.
- WORTMAN Richard S.: *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 1. Princeton 1995.
- YUVAL-DAVIS Nira: *Gender and Nation*. London 1997.

МИФОЛОГЕМА «EWIGE WEIBLICHKEIT»
(ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ)
В ГЕНДЕРНОМ ДИСКУРСЕ РУССКИХ
СИМВОЛИСТОВ И ПОСТСИМВОЛИСТОВ

Мифологема *ewige Weiblichkeit* / *Вечная Женственность*, которая была воспринята Вл. Соловьевым через Гете и в родстве с другой немецкой мифологемой – *Weltseele* / *Мировая Душа* Шеллинга, сыграла особо значимую роль в гендерном дискурсе не только русских символистов, но и постсимволистов – акмеистов, футуристов, «неокрестьянских» поэтов, имажинистов, «блуждающих» поэтов (здесь можно назвать М. Кузмина, близкого в середине 1900-х годов символистским кругам, в 1910-е годы стоявшего у истоков акмеизма, а затем дистанцировавшегося от него; сходный случай – В. Шершеневич, тоже начинавший как символист, впоследствии ставший футуристом), поэтов вне школ (М. Цветаева).

Конечно, в гендерном дискурсе постсимволистов существенна рефлексия на опыт в этой области символистов, особенно «младших», в первую очередь А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, С.М. Соловьева. В свою очередь, обращение младосимволистов к мифологеме *ewige Weiblichkeit* / *Вечная Женственность* было рефлексией на учение Вл. Соловьева о Софии, восходящее, помимо немецких корней, к Софии Платона. Однако его София подобна и Софии неоплатоников: она присуща не только миру абсолюта, но и бытию. Вл. Соловьева как раз привлекала двуплановость Софии: ее причастность миру эмпирии и миру абсолюта.

Перенесение Вл. Соловьевым, дополнившим свое православие обращением к католицизму, мифологем *ewige Weiblichkeit* / Вечная Женственность, *Weltseele* / Мировая Душа в облики Софии на русскую почву обещало – если обратиться лишь к одному аспекту этой проблемы, гендерному – снять сложившуюся в русской ментальности (и в ее отражении в русской поэзии) антиномию «высокое – низкое».

Безусловно, на этом пути у Вл. Соловьева были предшественники – русские поэты-любомудры и Тютчев, тесно связанные с немецкой философией и литературой. Однако, как указывал в свое время В.М. Жирмунский, романтическая струя оказалась в русском XIX веке отодвинутой на задний план. Поэтому по принципу отталкивания от его наследия первые теоретики русского символизма начала XX века в поисках своих истоков обращаются через голову «реалистов» как к Тютчеву, так и Гете. Мало какие слова цитировали русские символисты так часто, как гетевские: «*Alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis*» («Все преходящее – лишь символ»), тоже ставшие своего рода мифологемой. А. Белый утверждал: этот гетевский девиз нашел в символизме свое оправдание. А стихотворение Гете *Мировая душа*, под сказанное натурфилософскими идеями Шеллинга, В.М. Жирмунский называл, ссылаясь на Вяч. Иванова, «обоснованием мистических фантазий современного художника-символиста»¹.

Если в конце 1890 – начале 1900-х годов младосимволисты осознали мифологемы как исключительно соловьевские, то уже к середине 1900-х годов они называют Гете «дальним отцом нашего символизма» (Вяч. Иванов) и обращаются к мифологемам *ewige Weiblichkeit* / Вечная Женственность, *Weltseele* / Мировая Душа напрямую через Гете и Шеллинга.

В мемуарах *Начало века* А. Белый вспоминал истоки своего и других «соловьевцев» (А. Блока, С.М. Соловьева) обращения к мифологеме «Вечная Женственность»:

---

¹ В.М. Жирмунский: Гете в русской литературе. Ленинград, 1982, с. 453.

«[...] в январе 1901 г. заложена опасная в нас “мистическая” петарда, породившая столькие кривотолки о “Прекрасной Даме”; [...] Боря Бугаев и Сережа Соловьев, влюбленные в светскую львицу и в арсеньевскую гимназистку, плюс Саша Блок [...] записали “мистические” стихи и почувствовали интерес к любовной поэзии Гете, Лермонтова, Петрарки, Данте; историко-литературный жаргон – покров *стыдливо-сти*»².

Так Белый обозначил гендерное ядро мифологемы «Вечная Женственность».

Но неслучайно, что один из самых истинных и верных «соловьевцев», Сергей Михайлович Соловьев, начинает спор с Гете, а точнее, с тем образом Гете, который был создан русскими символистами. Это был спор с Гете с позиции ортодоксального христианства, перекликающейся со славянофильской критикой Аполлона Григорьева и критикой «католических», как называл их Жирмунский, романтиков Фр. Шлегеля и Эйхендорфа «на великого язычника»³. С.М. Соловьев усматривал у Гете «скрытый культ человеческой гордости и безбожного самоутверждения»⁴. Кстати, в этом отношении в статье 1913 г. *Эллинизм и церковь* С.М. Соловьев противопоставлял Гете Данте, истинного, как писал Соловьев, гения, «перед которым бледнеет человеческий облик его антиподами – Гете»⁵. Критика Гете, развитая позже (1917) в статье *Гете и христианство*, была знаком непоколебимой верности идеям Вл. Соловьева.

Но вернемся к тезису о том, что обращение Владимира Соловьева к мифологемам (их можно назвать гетевскими, немецкими, а можно и общеевропейскими) «Мировая Душа» и «Вечная Женственность» должно было помочь

---

² А. Белый: Начало века. Москва, 1990, с. 25. (Курсив мой. – О.К.)

³ Там же, с. 465.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

русским поэтам преодолеть разрыв между высоким и низким в изображении любви, другими словами, – в гендерном дискурсе.

Так как русская светская литература сформировалась по сравнению с европейской и духовной культурой довольно поздно и между светской и духовной культурами скорее было противостояние, а не диалог, то и на протяжении XIX в. оппозиция «высокое – низкое» в изображении любви оставалась довольно устойчивой. Конечно, и литература позднего западноевропейского Средневековья знала сосуществование борьбы-взаимодействия секуляризирующей тенденции и тенденции христианской. Однако, как отмечал А.В. Михайлов, эти две тенденции уравнивали друг друга. Это проявлялось в том, что светские темы не только завоевывают все большие области литературы (лирика, роман, городская сатира, др.), но и проникают в исконную вотчину литературы церковной – агиографию. Одновременно религиозное мироощущение пронизывает произведения на светские темы. Известный пример: культ Богородицы в любовной лирике Прованса и т. п. Для нас важна констатация, сделанная А.В. Михайловым:

«[...] при установке на многозначность [...] любая светская тема, не теряя первоначального смысла, получала еще и религиозное толкование. Видеть сокровенное, трансцендентное в любом явлении бытия и, наоборот, давать всему иррациональному житейское толкование – эти две тенденции в одинаковой степени присущи эпохе зрелого средневековья»⁶.

В сходных словах, когда происходит слияние эзотерического, трансцендентного и реального, бытового, можно описать и эстетику символизма, хотя бы в виде его, пусть и не осуществленной до конца, программы, цели. На протяжении же XIX века русская литература в целом шла не по этому пути. Взять, к примеру, появление пушкинской *Гав-*

---

⁶ История всемирной литературы. Т. 2. Москва, 1984, с. 495.

ришиады, где один из самых сакральных евангельских сюжетов дан в сниженном, ироническом ключе. Но одновременно именно Пушкин с его синкретизмом (он, говоря словами Л.Н. Толстого, *сопрягал несопрягаемое*) стоял у истоков удачного соединения трансцендентного и реального. В *Гавриилиаде* (1821), которая пришлось на пик пушкинского *афеизма*, этого не было, хотя такая попытка была предпринята. Но, повторимся, не только в поэме, но и во многих шуточных стихотворениях с их очаровательной непристойностью, которые не предназначались для печати, был намечен путь, по которому пошли потом в своем штурме гендера русские символисты. Пушкин один из первых в русской поэзии обратился к опыту французских трубадуров. Говоря о французской словесности, он в первую очередь называет трубадуров⁷. Но он еще и сознательно использовал мотивы поэзии трубадуров в своем творчестве, став тем самым предшественником Блока в конструировании образа, который Блок впоследствии назовет Прекрасной Дамой. Взять хотя бы стихотворение Пушкина 1825 г. К*** (*Я помню чудное мгновенье...*), которое оказало существенное влияние, к примеру, на стихотворение Блока *О доблестях, о подвигах, о славе...* (1908). На поверхности стихотворение *Я помню чудное мгновенье...* вступает в противоречие с реальным планом плотских взаимоотношений Пушкина с Керн, что зафиксировано самим Пушкиным в одном из писем. Существует точка зрения, что стихотворное послание никак не связано с его адресатом. Акцентируя внимание на «чудное мгновенье», на появление «гения чистой красоты», интерпретаторы совсем разводят эстетический образ и прототип. Однако здесь на самом деле произошло другое: соединение сакрального и реального. И в образе «гения чистой красоты» можно увидеть синтез земного и небесного, черты реальной, земной, но преображенной искусством женщины (Анны Петровны Керн) и Божьей Матери. Позже в таком виде предстанет адресат лирики у Бло-

---

⁷ Речь идет о незавершенном наброске Пушкина *О французской литературе* (1822).

ка. Взять хотя бы знаменитое *Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...* (1901). Не случайно уже первые рецензенты блоковской книги *Стихи о Прекрасной Даме* отметили ее связь с Пушкиным, правда, с другим его стихотворением – *Жил на свете рыцарь бедный...* (1829). В пушкинском стихотворении Ю.М. Лотман видел проявление законов романтической лирики⁸. Здесь нельзя не вспомнить и гоголевское суждение: в зрелой лирике Пушкина совсем не отразилась личность поэта, все дисгармоническое Пушкин оставлял за порогом собственной поэзии.

Но в разговоре о гендерном дискурсе целесообразно обратиться к еще одному пушкинскому стихотворному посланию с названием К***, написанном годом позднее – в 1826 г. и начинающемся стихом *Ты богоматерь, нет сомненья...* Оно не печаталось при жизни поэта. В нем в сниженном, почти пародийном виде поэт обращается к идущей от западноевропейской поэзии традиции культа Богородицы.

К***

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросась супруга.
Есть бог другой земного круга –
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя – ты мать Амура,
Ты богородица моя.

В этом стихотворении можно увидеть столкновение христианской традиции и эллинской, противопоставление *высокого* и *«земного круга»*.

---

⁸ Лотман Ю.М.: Пушкин. СПб., 1997, с. 107.

Не преодолела антиномию «высокое-низкое» в изображении любви и вся последующая русская литература. Достаточно вспомнить аскетизм и ужас перед плотским началом у Гоголя, сохранение этой антиномии у Достоевского. Настасья Филипповна и Аглая в *Идиоте* – модель построения системы женских образов в романах писателя. Не вырвался из этого противопоставления, вероятно, восходящего к средневековому разделению на утонченную любовь (*fin amors*) и «ложную», чувственную любовь (*fals amors*), и Л. Толстой: известный пример – Анна Каренина и Кити.

Преодолеть эту антиномию пытался в своей лирике Владимир Соловьев. Именно потому «соловьевство» стало притягательным для Блока, А. Белого, С.М. Соловьева. Вот как в книге *Начало века* Белый вспоминал о своей первой – «мистериальной» – влюбленности (1901) в Маргариту Кирилловну Морозову, жену знаменитого фабриканта:

«Душа обмирала в переживаниях первой влюбленности; тешила детская окрыленность; я стал ребенком (в детстве им не был); встреча с “дамой” [у Белого с маленькой буквы] ужаснула бы меня: пафос дистанции увеличивал чувство к даме; она стала мне “Дамой”» [с большой буквы].

И здесь любопытная отсылка Белого к образу Беатриче:

«“Беатриче”, – говорил я себе; а что дама – большая и плотная, вызывающая удивление у москвичей, – этого не хотел я знать, имея дело с ее воздушной тенью, проецированной на зарю и дающей мне подгляд в поэзию Фета, Гете, Данте, Владимира Соловьева; “дама” инспирировала; чего больше?

Я нес влюбленность и радовался сознанию, позволяющему отделить “натуру” от символа»⁹.

---

⁹ Андрей БЕЛЫЙ: *Начало века*. Москва, 1990, с. 24.

В *Материалах к биографии (интимной)* Белый более подробно воссоздает свое настроение 1901 г.: «М.[аргарита] К.[ирилловна] М.[орозова] в иные минуты являлась для меня лишь иконою, символом лика Той, от Которой до меня долетали веяния».

И далее: «С той поры совершенно конкретно открывается мне: все учения о Софии Премудрости Вл. Соловьева, весь цикл его стихов к Ней; и моя глубокая и чистая любовь к М.К.М.»¹⁰.

Так случилось, что на январь этого, 1901 г., как уже указывалось выше, пришлось влюбленность и С.М. Соловьева, и Блока.

Но из всех троих лишь Блоку, в наименьшей степени знакомому с философией Вл. Соловьева, удалось пойти по пути своего учителя и соединить в своей лирике эзотерическую и реальную стороны любви.

В свое время А.В. Лавров (в статье *Мифотворчество «аргонавтов»*) зафиксировал у Белого *отставание* «текстов искусства» от «текстов жизни». И здесь был, как мы увидим чуть позже, свой драматизм. Но противоположное – *отставание* «текста жизни» от «текста искусства» – было у Блока. Оно обернулось в реальной жизни поэта еще большим, чем у Белого, драматизмом. Однако в своей лирике Блок исполнил почти не разрешимую до него в русской лирике задачу – гармонично соединить в изображении любви «высокое» и «низкое», «эзотерическое» и «низкое», «чувственное». В реальной жизни поэта все это строилось, наоборот, подчеркнуто дисгармонично. (Чего стоят воспоминания Л.Д. Менделеевой: еще гимназистом Саша привык ходить к проституткам. И другое: их долгие безбрачные отношения в браке.)

З.Г. Минц писала, что отличие Блока от Вл. Соловьева и других «соловьёвцев» в том, что у него «различные планы лирического повествования на протяжении всего текста органически совмещены. Происходило это потому, что “эстетически ценным” у него оказывается не только “земное

---

¹⁰ Там же, с. 506.

как таковое" (как у Вл. Соловьева), а реальная человеческая личность»¹¹.

Но сказанное о гармонии следует отнести не только и не столько к *Стихам о Прекрасной Даме*, но и к более позднему творчеству Блока. Именно зрелый Блок сумел пойти в гендерной проблематике дальше Соловьева и всей предшествующей русской лирики. Глубоко закономерно, что уже неоднократно названный мной истинным «соловьевцем» С.М. Соловьев не принимал превращение *Прекрасной Дамы* – *Девы-Зари*, *Купины* в *Незнакомку*, *Снежную Маску*, *Фаину*.

Это отразилось в письме С.М. Соловьева к В.Я. Брюсову (1907) по поводу *Нечаянной радости* Блока: «Незнакомка была бы блядью хоть куда, но, к сожалению, кузен мой по старой памяти во всякой бляди прозревает нечто вроде "Девы Марии"»¹².

Как раз это – прозревать, говоря словами С.М. Соловьева, в низкой жизни божеское, божественное начало и было открытием Блока.

У Белого же действительно отстаивание «текста искусства» от «текста жизни» разительно. Собственно, Белый был поэтом, в художественный мир которого, как это ни парадоксально, не входила любовная тема (это было в прозе). Это объясняется не только особенностями личности Белого. Как вспоминал в своей *Интимной биографии* Белый, увлечение Морозовой было платоническим. Вместе с С.М. Соловьевым Белый бродил по Арбату и Денежному переулку в надежде увидеть М.К. Морозову. Далее цитата:

«[...] лейтмотив этого времени – еще не написанная строчка Блока, с которой я встречусь уже через 7 месяцев: "*Я озарен: я жду твоих шагов*" [...] Мы оба – в волнах любви, в волнах зари; и это текстуально, потому что время наших прогулок – закат [...]. Соловьевы

¹¹ Минц З.Г.: Блок и русский символизм. В: Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т. 92, кн. 1. Москва, 1980, с. 124.

¹² Литературное наследство. Т. 92, кн. 3, с. 294.

(М.С. и О.М.) знают, что я и Сережа охвачены платонической любовью, лукаво и ласково поглядывают на нас и как бы покровительствуют нашему заревному состоянию; в совершенно мистическом озарении я пишу М.К.М. длинное письмо, в котором я посвящаю ее в предмет моего культа; в нем я пишу о Ницше, о Вл. Соловьеве и о том, что мы ждем свершений огромного будущего; я подписываюсь: *“Ваш рыцарь”* [...]»¹³.

Исследователи обращали внимание – хотя бы в связи с этой подписью *«Ваш рыцарь»* – на ориентацию Белого, как и Блока и других «соловьевцев», на куртуазную лирику. Ситуация с М.К. Морозовой соответствовала традиционной коллизии в поэзии трубадуров, разрабатывавших мотив любовного треугольника, где в центре любовного треугольника находится суровый муж. Возможно, что Белый в большей степени использует сюжеты труверов, где вместо мужа появляется условный Враг, мешающий счастью любящих. Любовь труверов всегда неразделенная и чистая. Обращение к поэзии труверов проявляется в сходстве символики чувств Белого и любовной мифологии французских средневековых лириков, у которых обыгрывались взаимоотношения Поэта и Дамы.

Не случайно и «мистериальная» влюбленность Белого в Морозову совпала с 1901 г. (лето), когда Белый осознает себя Поэтом-писателем. А приведенное выше описание состояния влюбленности Белого в Морозову, где *закат, заря, весна* становятся знаками любовного чувства, почти полностью совпадает с тем, как описывают современные медиевисты многослойность, многосмысленность лирики труверов:

«Описания весеннего щебета, щебета птиц, шелеста листвы становились символом и обозначением психологической ситуации, а не только и не столько картиной пробуждающейся природы»¹⁴.

---

¹³ Цит. по: Андрей Белый: Стихотворения и поэмы. Москва; Ленинград, 1966, с. 622.

¹⁴ История всемирной литературы. Т. 2, с. 540.

Кстати, история с единорогами (визитными карточками, рассылаемыми от имени единорога Белым по Москве) восходит тоже к французской куртуазной лирике, к «любовным бестиариям» труверов. Единорог часто встречается у труверов.

Куртуазное обрамление Белым жизненной ситуации – «текста жизни» – помогает понять фраза из приведенных воспоминаний Белого: «Историко-литературный жаргон – покров стыдливости».

То есть мы должны выделить у Белого три уровня текста: 1) *пратекст*, восходящий к куртуазной лирике, к Данте, Петрарке, Гете; 2) *текст жизни*, в котором разыгрывается любовь Рыцаря-Поэта и Дамы, и 3) *текст искусства* – II. Симфония Белого, в которой он воссоздал свою влюбленность.

Источником знакомства с *пратекстом* – куртуазной лирикой – могла стать вышедшая в 1901 г. – год влюбленности в Морозову – книга К.А. Иванова *Трубадуры, труверы и миннезингеры* (СПб., 1901). Толчком к обращению к куртуазной традиции стала, конечно, поэзия Вл. Соловьева, но реальное наполнение этого своего рода еще одной символистской мифологемой – «куртуазной» – могло осуществиться через специальную литературу, в том числе упомянутую монографию К.А. Иванова.

Белый всю свою творческую энергию воплотил в создании «текста жизни», а не «текста искусства». Но «текст жизни» не выдержал всего груза гетевской мифологемы «вечная женственность» и обрушился.

Будут меняться «прототипы» Прекрасной Дамы Белого из разыгрываемого им «текста жизни» – К.М. Морозова, Нина Петровская, Любовь Дмитриевна Менделеева, Ася Тургенева, др. Но неизменным сохранится одно: трансцендентное, эзотерическое вступит в противоречие с земным, реальным. Искомую гармонию образ Прекрасной Дамы мог обрести только на уровне эстетической реальности, как было у Данте с Беатриче. Или в *Заблудившемся трамвае* Н.С. Гумилева у лирического героя с Машенькой – инвариантом Беатриче.

В своем творчестве в романе *Серебряный голубь* писатель вернется к Достоевскому, к его оппозиции «высокое –

низкое». Белый противопоставляет Кате Матрену. Так раздваивается единый лик Софии. В романе же *Петербург* в изображении главного женского образа – Софьи Лихутиной – произойдет торжественное осмеяние мифологемы «Вечная Женственность». Не случайно имя – Софья, София, восходящее к Вл. Соловьеву. И лишь в 1921 г. в поэме *Первое свидание* – с запозданием ровно на двадцать лет – Белый создаст «текст искусства», воссоздающий «постановку» соловьевской мифологемы Вечная Женственность на уровне «текста жизни» 1901 г.

Судьба Белого, эволюция его творчества показали, сколь опасно перенесение мифологем из «текста искусства» на уровень «текста жизни», если к тому же традиции православного аскетизма вступают в противоречие с европейской культурной традицией в изображении любви.

Но как раз Андрей Белый, Блок, другие символисты на волне гендерного взрыва в России начала XX в. не только своими теориями, но и реальностью своего быта (это вытекало из концепции символизма как миропонимания, а не просто литературной школы, отсюда тезис о том, что надо творить не свои книги, а свою жизнь) обнажили остроту нерешенных в ту пору проблем пола.

Это касалось не только преодоления антиномии «высокое – низкое» в изображении любви, но и половой идентификации. Не случаен интерес А. Белого к книге Отто Вейнингера *Пол и характер*, которая выдержала в России с 1907 по 1914 год девять изданий.

В данной статье большое внимание уделяется Андрею Белому, но особое место занимает Блок, которого Белый считал наиболее полным выразителем соловьевских идей.

Черты Прекрасной Дамы впервые возникли в сознании Блока во время его пребывания в Бад-Наугейме (Bad Nauheim) (1897), где он познакомился с К.М. Садовской, ставшей первым прототипом Прекрасной Дамы. Именно в Бад-Наугейме он познал первый опыт любви и с болью пережил остроту проблемы пола и характера (см. дневниковые записи). Конечно, окончательно структура мифологемы Прекрасной Дамы сложилась после знакомства с Л.Д. Менделеевой. Однако само «я» поэта тоже определенным образом

отразилось в Прекрасной Даме. Мир автора, в том числе поэта, включает в себя не только лирического героя, систему героев-двойников, но и, казалось бы, оппозицию поэтическому «я» – Вечную Женственность. В этом образе-мифологеме есть и отражение мира автора. Сам Блок не закрывал глаза на существование в нем двух начал – мужественного и женственного. Он считает *женственное* «установившимся *наиболее* началом», находит «обоснование женственному началу в философии, теологии, изящной литературе, религиях». Поэтому он задается вопросом: «Как оно отразилось в моем духе?» И далее записывает в дневнике: «Я как мужской коррелят “моего” женственного».

Блок считает «женственное» понятием, относительно которого устанавливается содержание «мужского». Поиски Вечной Женственности лежали и в русле обретения гармонии двух начал в самом поэте. Здесь он обращается к Евангелию, цитируя его: «Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей; и будут два в плоть едину». Он мечтает о «[...] тайном сочетании здешнего и нездешнего, земного и небесного», что запечатлевает по законам магического преображения искусства в образе Вечной Женственности. Но в «земной природе» Блок видел «одно начало: это – фаллическое начало пола». При этом он призывал в автокомментарии: «Лучше прямо взглянуть в глаза фаллизму, чем закрывать глаза на извращения». Но здесь заложено и блоковское неверие в гармонию на земле. Блок полагает, что соединение земли и неба, как он его называет, «земное небожительство выражается в понятии пола: это и есть опрокинутое небо, небо исковерканное, обезображенное». Блок видит «землю в образе вселенской проститутки» (дневник). И здесь заложен источник драмы Блока второго периода.

Как уже указывалось, С.М. Соловьев не принимал превращение Прекрасной Дамы в Незнакомку, Снежную Маску, Фаину. Это отразилось в письме С.М. Соловьева к В.Я. Брюсову (1907) по поводу *Нечаянной радости* Блока.

Этот соловьевский миф о Блоке оказался достаточно живучим. По крайней мере он отразился в книге футуриста К. Большакова 1913 г., где в одном из стихотворений в па-

родийном, сниженном виде появляются Блок и его Прекрасная Дама. М. Ларионов проиллюстрировал этот фрагмент. Он довел двойственное начало в Незнакомке до гротеска. Разложив лицо женщины на несколько плоскостей, изобразив три глаза, Ларионов сопроводил рисунок двумя анаграммами: БЛ – (смысл букв: то ли это в разложении дается ругательство «блядь», то ли первые две буквы фамилии Блока) и местоимение «Я». В правом углу стоит помета: «З р.». (Книга была конфискована из-за «непристойного» рисунка.)

Но сама эта полемика с Блоком обнажила тот факт, что «мистическая петарда», связанная с мифологемой Вечной Женственности, оставалась взрывоопасной не только для футуристов, но и для всего постсимволистского поколения. Это имело особое отношение к Большакову, который был близок кругу М. Кузмина и в поэзии которого были обнажены гомосексуальные мотивы.

Но на этом роль мифологемы *ewige Weiblichkeit* / *Вечная Женственность* в русской литературе не заканчивается: у нее еще оставалась долгая и плодотворная судьба – у акмеистов (А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама), футуристов (В. Хлебникова, Б. Лившица, названного уже К. Большакова, В. Маяковского, др.). Наконец, у С. Есенина, который по-своему трансформировал в своем творчестве образ Прекрасной Дамы. Значимы здесь искания М. Кузмина, Н. Клюева, М. Цветаевой, у которых переосмысление знаменитой блоковской мифологемы, в силу особой остроты проблемы гендерной идентификации на уровне «текста жизни» и «текста искусства», приобрело особые черты.

Список литературы

- Белый А.: Начало века. Москва, 1990.
Белый А.: Стихотворения и поэмы. Москва; Ленинград, 1966.
Жирмуцкий В.М.: Гете в русской литературе. Ленинград, 1982.
История всемирной литературы. Т. 2. Москва, 1984.

Литературное наследство. Т. 92, кн. 3. Москва.

ЛОТМАН Ю.М.: Пушкин. Санкт-Петербург. 1997.

МИНИЦ, З.Г.: Блок и русский символизм. В: Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т. 92, кн. 1. Москва, 1980.

Данная статья появилась в оригинальном издании сборника: „Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland.“ Herausgegeben von Elisabeth Cheauré, Regine Nohejl und Antonia Napp im Ergon-Verlag Würzburg.

©2005 by Ergon Verlag Dr. H.-J. Dietrich,
Würzburg, Germany

Анастасия Митрофанова

РОССИЯ И РУССКИЕ: НОВАЯ ГЕНДЕРНАЯ МИФОЛОГИЯ*

Вероятно, после опубликования таких исчерпывающих работ, как монографии О.В. Рябова¹, нет необходимости специально доказывать, что господствующая в России традиция предполагает приписывание Родине женственных черт, а русскому народу – свойств, обычно ассоциирующихся с феминностью (мягкость, доброта, покорность, смирение и т. д.). «Практически все качества, – пишет О.В. Рябов, – составляющие традиционный образ "русскости", – это качества феминные»². Исторические данные свидетельствуют, что в разное время и в разных странах русским приписывали в основном такие качества, как долготерпение, смирение, милосердие, сочувствие к чужим страданиям, склонность к

---

* Данная публикация частично подготовлена при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров в форме гранта, выделенного по Программе индивидуальных исследовательских проектов.

¹ См.: РЯБОВ О.В.: Русская философия женственности. Иваново, 1999; РЯБОВ О.В.: «Матушка-Русь». Опыт гендерного анализа национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. Москва, 2001.

² РЯБОВ О.В.: «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии. Статья в Интернете от 4 июля 2002: <<http://ons.rema.ru:8100/2000/4/13.htm>>

мученичеству, сердечность и т. д.³ «Постоянная феминная характеристика русских и славян вообще – это мягкость: в отношении ближнего она проявляется как доброта, в отношении других народов – как миролюбие и уживчивость, в отношении власти – как покорность, в отношении жизненных обстоятельств – как смирение и терпение», – обобщает Рябов многочисленные мнения иностранцев о русских.

Хотя такого рода утверждения часто принадлежат иностранным авторам, важнее и интереснее всего то, что идея «женственности» России и русских принималась как должное самими русскими (и на уровне массового сознания, и на уровне философии). Графическое изображение Родины и в советское время, и до революции (когда Россия изображалась на плакатах и политических карикатурах в виде боярышни), всегда предполагало ее женственность. Характерными примерами являются плакат «Родина-мать зовет!» (см. рис. 1) и скульптурный комплекс «Родина-мать» в Волгограде (см. рис. 2). По этой причине в русской политической мифологии не мог прижиться обычный для Запада «русский медведь». В казачьей папахе или в ушанке со звездой – для русских медведь никак не ассоциируется с Россией-женщиной.

Не вдаваясь в подробный анализ, вспомним размышления Николая Бердяева о русском национальном характере, отраженные в книге *Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности* (1918). По мнению Бердяева, вся история русской мысли – от славянофилов до В.В. Розанова – проникнута идеей женственности русского народа. Бердяев согласен, что «русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных»⁴. По его мнению, мужественный элемент (в виде бюрократии, национализма и т. д.) привносится в Россию извне –

---

³ См., напр.: Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998.

⁴ БЕРДЯЕВ Н.А.: Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Москва, 1990, с. 5.

главным образом, в результате влияния германских народов, которые, напротив, чересчур мужественны и страдают от недоразвитости женственного элемента. Однако основной пафос его книги в другом. Не удовлетворяясь простым признанием факта «женственности» русского народа, философ выражает надежду, что начавшаяся война (т. е., Первая мировая) поможет русским выработать свою собственную, не зависящую от внешних влияний, мужественность и стать народом гармоничным⁵.

Однако прогнозы Бердяева не оправдались. Идея женственности России и русских постепенно вошла и в советскую мифологию. В соответствии с традицией советская мифология приписывала русскому народу все те же женственные качества. В качестве примеров можно вспомнить знаменитый тост Сталина «за терпение», произнесенный после окончания Великой Отечественной войны, или популярную советскую песню *Хотят ли русские войны?* Русские официальной советской пропаганды не могли хотеть войны по определению, так как этот уникальный народ никогда ни на кого не нападал и всегда вел только оборонительные войны (в советской пропаганде часто использовались высказывания «Кто с мечом к нам войдет – от меча и погибнет», «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим» и др.). Даже нападение СССР на Финляндию в 1940 г. определялось исключительно как «спровоцированное».

Настойчивое подчеркивание «миролюбия», «смирения» и «доброты» русских, которые всегда спасают весь мир (например, от фашизма), но ничего не требуют взамен, не могло не вызывать у значительной части русских глухого противодействия. Открытым это противодействие стало только в 1990-е годы. Неожиданно возникла тенденция своего рода изменения гендерной идентичности России. Образ Родины-матери, России-матушки отходит на второй план, уступая место мужественному собирательному образу русского народа, что подтверждают приведенные ниже цитаты

---

⁵ Там же, с. 42.

из работ различных авторов⁶. Русскому народу приписывают уже противоположные, маскулинные свойства (воинственность, твердость и др.). Пока эта тенденция касается только довольно узкой части политического спектра – идеологов, движений и партий националистической (как правой, так и левой) ориентации, хотя со сходными идеями выступал в начале своей политической деятельности и Владимир Жириновский – политик, который исключительно чутко улавливает общественные настроения.

1. «Русские, облаченные в металл»

Разумеется, необходимо учитывать, что сами ультраправые практически никогда не говорят о гендере, даже не употребляют этого слова и вообще редко рассуждают об идентичности в контексте «мужественности(женственности)». Такие рассуждения принадлежат совершенно другому дискурсу. Тем не менее, анализируя характеристики, которые приписываются русским или же наличие которых у русских яростно отвергается, можно установить, какова гендерная идентичность России и русских в представлении данного автора.

---

⁶ Когда речь идет о работах, подобных процитированным ниже, возникает закономерный вопрос: насколько серьезны их авторы, насколько они верят в то, что пишут? Нельзя отрицать возможность интеллектуальной провокации со стороны цитируемых авторов, подобной той, что осуществил в конце XIX века французский журналист Лео Таксиль. В течение 12 лет он выступал с разоблачениями сатанистских организаций, в которых якобы сам состоял, однако в 1897 году неожиданно заявил, что выдумал всю сообщенную информацию для того, чтобы показать легковерие церковников. Следует, однако, подчеркнуть, что цитированные идеи не являются характерными только для данного автора построениями, но, напротив, – квинтэссенцией определенного мировоззрения, распространенного в националистических кругах. На этом фоне не столь уж важным становится, кто именно высказал данную мысль и насколько был при этом искренним.

Как только в России (тогда еще СССР) появились русские националистические движения, они немедленно выступили с критикой господствовавшей идеологии равенства полов. С одной стороны, они протестовали против эмансипации женщин, объявляя материнство единственно возможным средством женской самореализации. «Наших женщин необходимо срочно спасти от эмансипации [...] женщины ополоумели до того, что стали терять инстинкт материнства [...]»⁷, – писала в 1991 г. газета монархического движения *Память*. «Избавить женщину от недобровольной эмансипации» призывала также газета *Литературная Россия*, которая стала в начале 1990-х годов печатным органом националистов⁸. С другой стороны, националисты протестовали против феминизации мужчин: борясь с эмансипацией женщин, они стремились «эмансипировать» мужчину. Именно так объяснял полувоенную форму членов *Памяти* ее руководитель Дмитрий Васильев: «Надоело смотреть, как мужчина превращается в женщину [...]. Поэтому они должны быть похожи на мужиков»⁹. Необходимость вернуть русским потерянную мужественность становится в националистическом дискурсе одной из доминирующих тем.

Именно об этом много размышляет такой яркий публицист, как Александр Дугин. Он, кстати, является одним из немногих правых идеологов, специально уделяющих внимание проблеме пола. По мнению Дугина, «мужчина и женщина в человечестве воплощают в себе [...] духовные, метафизические полюса»: мужчина является субъектом, женщина – объектом¹⁰. Однако в современном мире утеряно нормальное понимание различия полов:

---

⁷ Андреев И.: *Время простых истин*. В: *Память* 1 (1991), январь.

⁸ См., напр.: *Литературная Россия* 51 (1989)

⁹ Из выступления Д. Васильева в ЦК ВЛКСМ. В: *Огонек* 20 (1990), май, с. 11.

¹⁰ Дугин А.: *Структура мужской души*. Статья в Интернете от 20 марта 1999 г.: <<http://www.arctogaia.com/public/txt-muzh.html>>

«Все началось с того, что женщина была приравнена к человеку. Это стало возможным только потому, что было безвозвратно утрачено представление о мужчине как о сверхчеловеке. Это не означало, что женщина поднялась на ступеньку выше, это означало, что все опустили на несколько ступенек – причем качественных – ниже»¹¹.

Мужское начало деградировало, произошла катастрофа мужчины как типа. Задача заключается в восстановлении мужского начала, чтобы мужчина мог занять подобающее место в общественной иерархии.

Идеальное общество видится Дугину как подобие «традиционного индусского общества», разделенного на три касты – брахманы (жрецы), кшатрии (военные) и вайшьи (производители и торговцы). Важнее всех каста кшатриев, которой присущи традиционно мужские качества. «Кшатрии, воины, представляют собой тип, который лучше всего воплощается в действии экспансии, "расширения" [...]. Мужской, агрессивный, захватнический, силовой принцип по преимуществу, стремление максимально расширить пределы своего контроля [...]» – так описывает их Дугин¹². Основная проблема современного, в частности российского, общества – демаскулинизация кшатриев, их вытеснение с господствующих позиций и доминирование касты вайшьев, которым приписываются традиционно женские черты («их горизонт неизменно локален, они думают только о себе, о своей семье, о своем роде»). «Кастрация армии, оскотление мужского начала у наших воинов – вот страшный диагноз актуальной ситуации. [...] У власти сейчас в России откровенные вайшьи, громогласно объявившие о торжестве идеологии вайшьев» – такова позиция Дугина¹³. Выход он

---

¹¹ Дугин А.: Структура мужской души. Статья в Интернете от 20 марта 1999 г.: <<http://www.arctogaia.com/public/txt-muzh.html>>

¹² Дугин А.: Возрождение кшатриев. Статья в Интернете от 20 марта 1999 г.: <<http://www.arctogaia.com/public/txt-kshatr.html>>

¹³ Там же.

видит в «консервативной революции» и «Возвращении Мужчин», которые разрушат современное общество и возродят национальные и религиозные традиции во всем мире¹⁴.

Такая революция, по мнению А. Дугина, уже имела место в Сербии. Если до своего распада Югославия была одной из наиболее прозападных, конформистских социалистических стран, то в 1992 году она восхищает Дугина бурным пробуждением этнического и религиозного самосознания, прежде всего – сербского.

«Вместо мирного и плавного вхождения в капиталистическую Европу, вместо окончательного сращивания с космополитической западной рыночной моделью – [...] буря национальной воли, взрыв этнической памяти, духовная революция, священная война [...]»¹⁵.

В России должно произойти то же, что и в Сербии. Субъектов консервативной революции Дугин называет также «людьми длинной воли» (термин, взятый из работ Л.Н. Гумилева), т. е. героями, в отличие от «людей короткой воли» – мещан, обывателей. Эти люди «утверждают примат героических, солнечных, мужественных ценностей»¹⁶, т. е. являются квинтэссенцией мужественных качеств (отметим противопоставление «солнечных мужских» ценностей и – предположительно – «лунных женских»).

Можно привести немало других доказательств тому, что националистов крайне беспокоит проблема необходимости возрождения русской мужественности. Не случайно многие националистические организации создаются на основе клубов обучения так называемой славяно-горицкой борьбе – системе единоборств, включающей элементы на-

---

¹⁴ См.: Дугин А.: Елевсинские топи фрейдизма. В: А. Дугин: Консервативная революция. Москва, 1994, с. 230.

¹⁵ Дугин А.: Сербия: консервативная революция. В: Там же, с. 160.

¹⁶ Б.П.: Люди длинной воли. В: Элементы. Евразийское обозрение 4 (1993), с. 2.

циональной борьбы русских (например, центр древнерусских ратоборств и воинской культуры «Святогор»). Создатель славяно-горицкой борьбы А.К. Белов также является одним из активистов русского неоязыческого движения. Борьбу он понимает не просто как технику боя, но как национальную славянскую философию. К возрождению русского мужества стремится также известный писатель Александр Проханов. В интервью журналу *Jalouse* он утверждает следующее:

«Мужество – это в первую очередь способность холодно рассуждать о своей собственной смерти. [...] Мужество – категория, которая возвышает человека над мгновением, над ролью. Это высшая форма пола. [...] Русскому народу свойственна категория мужества. [...] Русское мессианство делает народ ненавидимым и побиваемым за какую-то, даже самому ему неведомую вину и неведомую правду, которую вложила в русских история. И пребывание в этом качестве, нежелание адаптироваться, сохранение своего "уродства" с точки зрения мировой "красоты", своего мессианства – огромное национальное мужество»¹⁷.

Мужество становится, таким образом, национальной чертой русских.

Другой известный писатель, Эдуард Лимонов, представляющий левый фланг национализма (основатель Национал-большевистской партии), тоже посвятил восхвалению мужества немало публицистических статей. Его высокий пиетет по отношению к сталинскому времени объясняется тем, что для Лимонова Сталин – это образец героической личности, при которой СССР был буквально «страной героев». Центральное место во взглядах Лимонова занимает преклонение перед революционным насилием и вообще

---

¹⁷ Мужество. Ответы Александра Проханова журналу «Jalouse». В: Завтра 49, (2002). В интернете по адресу: <<http://zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/02/472/71.html>>

любым насилием. Агрессивность он полагает врожденным свойством каждого человека, более того – благородным свойством. Соответственно, война – одно из самых благородных, героических занятий. Буржуазии, обывателям присуще отвращение к героизму. В книге *Убийство часового* Лимонов восхищался благородным, мужественным поведением Елены и Николая Чаушеску перед расстрелом (сравним с пониманием мужества Прохановым) и с отвращением воспроизводил суетливость и страх их судей, защитников буржуазных преобразований в Румынии.

Очевидно, что в самых широких кругах националистов существует стремление преодолеть устоявшуюся связь между Россией/русскими и женственными свойствами. В качестве дополнительной иллюстрации попыток изменить «гендерную идентичность» можно привести поиск нового графического образа России и русского народа. Считается, что лучше всего этот новый образ представлен творчеством советского художника Константина Васильева. Картины Васильева создают подчеркнуто мужественные, «германизированные» (вплоть до использования символики орла) собирательные образы русского народа (женские образы играют второстепенную роль). Характерна, например, картина Васильева *Русский витязь* (1974 г.). Облака за спиной витязя образуют отчетливый силуэт орла, который в советском культурном пространстве мог связываться либо с царской Россией, либо с Германией (во времена былинных витязей символика орла на Руси не использовалась). Более того, на предположительно русском витязе – древнегерманский шлем. Его кольчуга украшена изображениями солнца – символа мужественности. То, что эти детали не случайны, подтверждается тем фактом, что Васильев выступал также как иллюстратор *Кольца Нибелунгов* Вагнера.

Известный теоретик русского национализма Алексей Широпаев посвятил творчеству К. Васильева статью под названием *Русский, облаченный в металл*. Из самого названия видно, что Широпаев противопоставляет традиционный образ русского «как простоватого мужичка с пресловутой лукавинкой в глазах» новому, «подчеркнуто героичес-

кому типу»¹⁸. Интересно, что некоторые политические силы даже начинают использовать чуждый русскому сознанию образ России как медведя (см., например, рис. 3 – плакат Национал-большевистской партии «Просыпайся, русский медведь, поднимайся!» с изображением русского медведя, отбивающегося от стаи обезьян). Новый мужественный образ «русского» представлен также на плакатах военизированных националистических организаций, например Русского национального единства.

2. Гендер, идентичность, религия

Изменение гендерной идентичности России и русских связывается с изменением идентичности религиозной. Некоторые радикальные националистические движения стремятся разорвать традиционную связь России и православия, разрабатывая проекты «истинно русских» неоязыческих и синкретических религий. Речь идет именно о неоязычестве, а не о возрождении язычества. То, что создается сейчас, пишет этнолог В. Шнирельман, является не возрождением древней религии, а

«общенациональной религией, искусственно создаваемой городской интеллигенцией из фрагментов древних локальных верований и обрядов с целью "возрождения национальной духовности". Фактически же речь идет не о возрождении, а о конструировании новой социально-политической общности [...]. Как правило, неоязычество является сферой деятельности городской, сильно секуляризированной интеллигенции, которая воспринимает религию прежде всего как ценное культурное наследие»¹⁹.

---

¹⁸ Широпаев А.: Русский, облаченный в металл. В: Атака, № 12 (6.г.), с. 36.

¹⁹ ШНИРЕЛЬМАН В.А.: Неоязычество и национализм. Восточно-европейский ареал. Москва, 1998, с. 3.

Характерно, что если на Западе неоязыческие культы часто имеют отчетливую феминистскую ориентацию, в русском неоязычестве, по наблюдениям В. Шнирельмана, нет никаких феминистских тенденций²⁰. «Христианская женственность» противопоставляется «языческой мужественности». Алексей Широпаев полагает, что героический русский тип может развиваться только при отказе от традиционного понимания христианства как религии любви и смирения и переходе к «арийскому», «нордическому» христианству²¹.

Некоторые националисты полностью отрицают христианство, предлагая заменить его на истинно русскую языческую религию. Теоретик неоязычества Владимир Истархов пишет в книге *Удар русских богов*, что «жалкое состояние нашего русского народа – это все плоды христианского воспитания»²². Его критика, видимо, основана на идеях Ницше, так как отрицательные качества христианства заключаются, по мнению Истархова, в воспитании покорности и трусости, в неприятии «здорового честолюбия» и воли к борьбе. «Смелые, умные, сильные, уверенные в себе, властные, честолюбивые, инициативные, богатые, радостные, сексуальные люди, получающие удовольствие от жизни, – это все не христианские герои», – пишет он, подразумевая, что язычники обладают прямо противоположными качествами²³. Очевидно (хотя автор этого не раскрывает), что христианские качества можно назвать типично феминными, а языческие – типично маскулинными. Истархов полагает, что

«русское [...] язычество в отличие от христианства воспитывало гордых, смелых, жизнерадостных, сильных духом, независимых личностей, людей чести и достоинства [...]. Каждый русский мужчина, вне

---

²⁰ Шнирельман В.А.: Перун, Сварог и другие: русское неоязычество в поисках себя. В: Неоязычество на просторах Евразии. Москва, 2001, с. 28.

²¹ Широпаев А.: Указ. соч., с. 37.

²² Истархов В.А.: Удар русских богов. Калуга, 1999, с. 25.

²³ Там же, с. 54.

зависимости от призвания, в первую очередь должен был по духу быть воином, способным в случае необходимости защитить самого себя, своих близких, свою Родину»²⁴.

Здесь наблюдается явная перекличка с приведенными выше идеями возрождения духа кшатриев у Александра Дугина. Таким образом, можно сделать вывод, что данная тематика характерна для всего националистического дискурса.

Не все русские националисты так радикально отрицают христианство, как Истархов. Многие, симпатизируя язычеству, признают, что русский народ уже настолько сросся с православием, что изменить данную ситуацию проблематично. Выходом иногда становится признание равноправности языческой и православной религий. Например, в программе некой Русской трудовой партии содержится требование свободного исповедания «двух традиционных религий Русского народа – Ведической дохристианской и Православной», все остальные религии должны быть ограничены в правах²⁵. Значительная часть националистов не просто признает право христианства на существование, но и объявляет себя его защитниками, не отрицая в то же время «дохристианской традиции». Возникают эклектические религиозные идеологии, к которым относится, например, идеология Русского национального единства (РНЕ). Эмблема РНЕ представляет собой левостороннюю свастику, вписанную в восьмиконечную звезду. Согласно документам РНЕ, восьмиконечная звезда, или Звезда Богородицы, использовалась как язычниками, так и христианами в качестве символа присутствия главного божества. Свастика означает покровительство Бога в борьбе с материальными и духовными врагами. Идеологи РНЕ отрицают, что свастика – языческий символ, так как она использовалась православными иконописцами.

---

²⁴ ИСТАРХОВ В.А.: Удар русских богов. Калуга, 1999. С. 190.

²⁵ См.: Перин Р.: Национальный инстинкт. В: Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. Москва, 2000. С. 312–313.

Православие русских националистов существенно отличается от канонического понимания. Для них православие – особая «русская вера», не имеющая вселенского характера. Настоящим православным может быть только русский по крови. Даже В.А. Истархов признает, что русское православие – не чета западным версиям христианства. По его мнению, истинным православием является русское язычество, а «православное христианство» имеет право на существование только потому, что христианские тенденции здесь облагорожены мужественным язычеством. «Русские православные купола – это архитектурная форма выражения мужского фаллоса. Фаллический символ. Символ мужской силы, чувственности, любви, наслаждения, плодовитости, продолжения человеческого рода. Именно поэтому красота православных храмов осознается всеми на подсознательном уровне», – пишет Истархов²⁶. Подобная трактовка представляет православие чем-то вроде лишенной универсализма племенной религией славян. Следующим шагом является признание православия племенной религией уже не вообще всех славян, а только русских. Завершающим этапом этого процесса становится полный отказ от православия и переход к неоязычеству или же модификация православия до такой степени, что оно уже перестает от язычества отличаться.

Каковы причины идеологической непоследовательности националистов в вопросе религии? В. Шнирельман проницательно замечает, что амбициям русских неоязычников тесно в рамках русского или даже славянского ареала, и они в принципе хотели бы распространить свою идеологию на более широкий круг народов. «Но это идет вразрез с акцентом на русское язычество как ядро этой идеологии. Вот где коренится причина их колебаний в отношении к христианству и даже к атеистическому коммунистическому мировоззрению. Ведь в сравнении с язычеством эти идеологии создают несравненно более крепкую основу для возведения прочной опоры внутри страны, а также открывают путь к широкой международной коали-

---

²⁶ ИСТАРХОВ В.А.: Указ. соч., с. 136.

ции», – пишет он²⁷. По этой же причине многие язычники утверждают, подобно Истархову, что «язычество – это всего лишь национальная разновидность общей для всех арийцев религии – Ведизма»²⁸. Таким образом, язычество в современной интерпретации еще больше напоминает православие с его автокефальными национальными церквями, составляющими тем не менее единую Вселенскую Церковь.

3. Россия и Германия

Новая гендерная мифология предполагает и новое представление о роли России и русских в судьбе человечества. Если раньше считалось, что русский народ может и должен жертвовать собой во имя всего человечества, то теперь речь идет о самоутверждении русского народа за счет других (и даже о возможных завоеваниях). Известный идеолог национализма В. Авдеев отрицает единство судьбы человечества и, соответственно, какую-либо вселенскую миссию, возложенную на Россию: «Образ России как вселенской великодушной страдальницы нас решительно не устраивает»²⁹. Что же предлагается взамен? Истархов считает, что от традиционного мессианизма следует перейти к принципу здорового национального эгоизма. Россия должна брать пример с Америки, которая «в любой точке мира [...] готова применить силу и оружие. Убить, растоптать, раздавить всех тех, кто мешает ее национальным интересам»³⁰. Ложная идея вселенской миссии России по спасению человечества навеяна, по его мнению, христианством. «Сколько в России таких верующих – [...] штаны себе зашить не в состоянии, а берутся спасать все человечество. Это плоды христианского воспитания», – иронизирует он³¹. Принцип «здорового националь-

---

²⁷ ШНИРЕЛЬМАН В.А.: Неоязычество и национализм, с. 11.

²⁸ ИСТАРХОВ В.А.: Указ. соч., с. 10.

²⁹ АВДЕЕВ В.Б.: Генетический социализм. В: Расовый смысл русской идеи. 2-е изд. Вып. 1. 2000. С. 420.

³⁰ ИСТАРХОВ В.А.: Указ. соч., с. 46.

³¹ Там же, с. 43.

ного эгоизма» исповедует и РНЕ. В «Кодексе чести» соратника РНЕ записано, что основным жизненным принципом соратника является девиз: «Все для нации, ничего против нации, нация превыше всего».

Следует отметить, что, несмотря на неприязнь к универсализму православных и коммунистов, представления многих националистов также страдают универсализмом. Так, если для немецких нацистов справедливость определялась через интересы нации, для лидера РНЕ Александра Баркашова интересы нации определяются через универсальную справедливость. Историческая вселенская миссия России и русского народа, считает Баркашов, заключается в том, чтобы построением духовной цивилизации показать пример всем другим народам³². Другие националисты также не всегда придерживаются заявленного антимиессианизма. Будущее России они связывают с окончанием астрологической Эры Рыб (т. е., эры христианства) и приходом Эры Водолея, которую они трактуют как эру России. Россия должна будет победить мировое зло в лице либеральной цивилизации и создать новый русский мировой порядок³³. Даже Истархов, восхищаясь Америкой, все же полагает, что Россия может и должна помочь другим народам освободиться от ига иудаизма, христианства и коммунизма. Именно с этой точки зрения он критикует Гитлера, который, по его мнению, «мог бы собрать силы всех народов мира», но «не хотел помогать другим народам»³⁴.

Вообще размышления о немецком нацизме проходят красной нитью через работы идеологов национализма. Многие сторонники этого подхода откровенно признают, что стремятся к усилению «германского элемента» в русской душе. Славянство с его «женственной» мягкостью и

---

³² Баркашов А.П.: Кризис мировой цивилизации, роль России и задачи русского национального движения. В: Русский порядок 1–2 (1995).

³³ См.: Шнирельман В.А.: Второе пришествие арийского мифа. В: Восток 1 (1998), с. 96(97).

³⁴ Истархов В.А.: Указ. соч., с. 277.

миролюбием противопоставляется мужественному германству. Славянская Русь должна смениться «нордической», «арийской» Россией. «Пора прикончить в себе "славянщину" киселеобразной мечтательности, лени, женственности и "включить" нордический духовный вектор – вектор действия, экспансии, преодоления косной материи, вектор огненно-волевого формосозидания, воли к форме»,³⁵ – пишет Широпаев. В этой идее, разумеется, нет ничего нового, но симптоматичен сам факт ее возрождения в России рубежа двух веков.

Некоторые националисты пишут о необходимости военно-политического союза между Россией и Германией для противодействия американским планам установления либерального мирового порядка. Например, в беседе с руководителем партии Немецкий национальный союз один из лидеров националистического движения журналист Владимир Бондаренко сказал:

«Нам надо последовать совету великого немца Бисмарка. Русский и немецкий – два великих мистических народа Европы. Нас и вас традиционно боится материалистический англо-американский мир [...]. В силу этого западный антидуховный, атеистический, материалистический мир всегда старается поссорить наши народы»³⁶.

Такого рода проекты, очевидно, следует отнести к «геополитическим утопиям», основанным на геополитических идеях Карла Хаусхофера и ряда маргинальных немецких мыслителей довоенного периода (как Эрнст Никиш), а также отдельных фразах, высказанных немецкими политиками в разное время³⁷. Мало популярные в самой Германии,

---

³⁵ ШИРОПАЕВ А.: Указ. соч., с. 37.

³⁶ «Мы – великие народы». Беседа Владимира Бондаренко с Герхардом Фрейем. В: Завтра 15 (1994), апрель.

³⁷ См., напр.: Русско-германский союз, по Бисмарку. В: Элементы. Евразийское обозрение 7 (1996).

подобные идеи были с восторгом подхвачены русскими националистами.

Автор журнала *Элементы* Евгений Морозов полагает, что «сейчас Германия – мост для России в арийский мир, откуда правомерно нам ждать помощи и поддержки»³⁸. По его мнению, исторически Россия и Германия всегда выступали как союзники и только в начале XX века деятельность «международной мафии» привела к распаду этого союза. Войны между Россией и Германией начинались тогда, когда эти страны находились на пороге экономического и культурного расцвета, опережая англосаксонских и французских конкурентов. «Эти войны настолько явно связаны с этой конкурентной борьбой, настолько спасительны для названных стран, что тезис об их спровоцированности можно считать бесспорным», – пишет Морозов³⁹. Гитлер выступает в данной статье как «великий борец с мондиализмом», который, однако, поставил не на ту карту и напал на СССР вместо того, чтобы заключить с ним союз. За «континентальный политико-экономический пакт» с Германией и против объединения с мусульмано-тюркскими народами выступает также известный политик-националист Николай Лысенко.

В русле подобных рассуждений Вторая мировая война предстает как событие случайное, как трагическая ошибка в истории «братских народов». Относительная популярность этой точки зрения в России выглядит невероятной только на первый взгляд. Как и в Германии, молодежь и люди среднего возраста в России устали нести «бремя прошлого», связанного со Второй мировой войной. Победа над фашизмом была одной из мощнейших составляющих советской пропаганды – средством настолько действенным, что им стали злоупотреблять. В последние годы существования СССР уважение к ветеранам войны, благодарность по отношению к ним эксплуатировались как никогда раньше. За-

---

³⁸ Морозов Е.: Российско-германские отношения: геостратегический аспект. В: *Элементы* 5 (1994), с. 26.

³⁹ Там же, с. 28.

тем, в начале – середине 1990-х годов наступил период «разоблачения правды о войне», а фактически открытия другой, ранее скрытой части правды. Ветеранов начали активно «сбрасывать с пьедестала», что представляло резкий контраст постоянным восхвалениям последних лет существования СССР («Низкий вам поклон, дорогие ветераны!»). Не удивительно, что многие люди оказались идеологически дезориентированы и с облегчением приняли новую мифологию, позволяющую им отдохнуть, наконец, от бремени вечной благодарности ветеранам, от ощущения какого-то постоянного неоплаченного долга. Так гитлеровская Германия превращается в неузнанного союзника России. В. Истархов снисходительно критикует Гитлера:

«[...] Гитлер многое прекрасно понимал и в то же время делал самые грубейшие безграмотные ошибки. Проповедовал победу арийской расы и не знал, что арийцами являются все индоевропейцы, включая русских. О таких простых вещах он узнал лишь после начала войны с СССР в результате замера черепов русских военнопленных»⁴⁰.

Современные националисты стремятся исправить ошибку Гитлера.

4. Заключение

Насколько популярной может стать в современной России новая гендерная мифология? Необходимо признать, что, хотя националистические движения в целом не так уж популярны, большей частью имеющегося у них влияния они обязаны именно новому видению русского народа и его роли в мировой истории. Идеи женственности России и русского народа активно эксплуатировались официальной пропагандой в СССР и, возможно, поэтому более не вызы-

---

⁴⁰ ИСТАРХОВ В.А.: Указ. соч., с. 184.

вают доверия, так же как идея русского мессианства и русской жертвенности. Новое представление о русских как о мужественной и воинственной «нации» (уже не «народе») импонирует части молодежи, а также другим возрастным группам. Причиной появления таких настроений является общий кризис национальной идентичности в современной России. В первую очередь, речь идет о мужчинах, так как на общий кризис идентичности здесь накладывается кризис маскулинности.

Кризис национальной идентичности у русских носит крайне острый и болезненный характер. Русские больше других народов СССР были склонны отождествлять русскую идентичность с советской, так что никакой «специфически русской» идентичности, в конечном счете, не существовало. Данные, полученные Институтом этнологии и антропологии Академии наук СССР, свидетельствуют, что в конце 1980-х годов русские почти не интересовались проблемами своей национальной идентичности⁴¹. 70% опрошенных русских называли своей родиной СССР и только 14% – Россию. Отвечая на вопрос «Что вас роднит со своим народом?» около одной пятой русских респондентов не нашли ничего, а около 25% – затруднились ответить. Социологические данные также показывают, что русские, живущие в РСФСР, были более других народов открыты для межэтнических контактов; в конце 1987 – начале 1988 года 60% опрошенных русских не стали бы возражать против смешанных браков своих родственников.

Интерес к поиску собственной национальной идентичности проснулся у подавляющего большинства русских только после начала перестройки. Во многом это было реакцией на всплеск самосознания других народов СССР и Российской Федерации, которые никогда не чувствовали себя в многоэтничном государстве так комфортно, как русские. Прежняя, «советско-имперская», идентичность русского народа была утеряна – Россия больше не могла быть «стар-

---

⁴¹ См.: Русские: этносоциологические очерки. Москва, 1992, с. 400, 414.

шей сестрой» в семье пятнадцати республик. Большинство людей не может безболезненно принять идею, что Россия – всего лишь одна из стран мира (к тому же размеры страны сами по себе заставляют подозревать, что это не совсем так). Все это создает питательную почву для соединения крайнего русского национализма с видоизмененным мессианством, когда русские уже не хотят «спасать» человечество, но стремятся утвердиться за его счет.

Помимо кризиса национальной идентичности популярности националистических идей способствует относительное экономическое неблагополучие. Это демонстрируют недавно проведенные исследования социального происхождения российских скинхедов. По данным социолога А. Тарасова (Центр новой социологии и изучения практической политики «Феникс»), большинство скинхедов происходят из семей советского среднего класса, чей уровень жизни резко упал за годы реформ. «Скинхеды – это не дети хронических алкоголиков и уголовников, а дети бывших высокооплачиваемых рабочих, инженеров, сотрудников НИИ и КБ [...]. Эти люди пережили психологическую драму и моральное унижение [...]. Глубокое недовольство социальной действительностью подростки из этих семей транслировали в нигилизм, расизм и национализм», – пишет Тарасов⁴². Большая часть родителей скинхедов была вынуждена после реформ резко изменить свой социальный статус, превратившись из интеллигенции в мелких торговцев и предпринимателей. У 58% поставленных на учет московской милицией скинхедов родители заняты в торговле или ресторанном бизнесе, из них 22% имеют собственное дело. 22% родителей занято мелким и средним бизнесом. Среди скинхедов почти нет детей из семей интеллигенции или рабочих⁴³.

Многие мужчины в изменившихся условиях не могут обеспечить свои семьи или же сталкиваются с ситуацией,

---

⁴² ТАРАСОВ А.: Горючая смесь с замедлителем. Новая газета 55 (2002), 1–4 августа, с. 8.

⁴³ Там же.

когда единственная возможность заработать на жизнь – заняться неквалифицированной работой (например, офицер в отставке идет работать охранником). Наблюдая кризис маскулинности у своих отцов и не желая такой же судьбы для себя самих, молодые люди либо вовлекаются в криминальную деятельность, либо становятся алкоголиками и наркоманами, либо начинают заниматься единоборствами и/или вступают в националистические организации. Поскольку экономическая ситуация в России в ближайшее время вряд ли кардинально изменится, можно предположить, что националистические идеи будут распространяться все шире и охватывать все больше общественных слоев.

Новые представления уже активно внедряются в массовую культуру России. Характерным примером является фильм А. Балабанова *Война*. Этот фильм был встречен в националистических кругах с сочувствием именно потому, что, по мнению ряда критиков, учит русскую молодежь воинской доблести и позволяет уйти от набившего оскомину образа «страдающего», «пассивного» и «миролюбивого» русского. «Фильм "Война" не о чеченской войне. Не о Чечне, которая показана в нем с куда большим уважением и силой, чем она этого на самом деле достойна. Это фильм о русской драме, о потерянной стране, о разгроме и одиночестве», – пишет газета *Завтра*⁴⁴. Та же тенденция отражается в фильмах *Брат* и *Брат-2*, новых телесериалах и документальных фильмах о Чечне.

Можно сделать вывод, что хотя пока еще рано говорить о широкой популярности новых представлений о гендерной идентичности России, они вызывают сочувствие и интерес у многих групп населения. Поэтому данная тенденция заслуживает дальнейшего тщательного изучения.

---

⁴⁴ Шурыгин В.: *Война, брат!* (Неполиткорректные мысли о новом фильме Алексея Балабанова). В: *Завтра* 13 (2002). В Интернете по адресу: <<http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/02/436/81.html>>

Список литературы

- АВДЕЕВ В.Б.: Генетический социализм. В: Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. Москва, 2001.
- АНДРЕЕВ И.: Время простых истин. В: Память 1 (1991), январь. Москва, 1991.
- БАРКАШОВ А.П.: Кризис мировой цивилизации, роль России и задачи русского национального движения. В: Русский порядок 1–2 (1995). Москва, (и др.) 1995.
- БЕРДЯЕВ Н.А.: Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Москва, 1990.
- Б.П.: Люди длинной воли. В: Элементы. Евразийское обозрение 4 (1993). Москва, 1993.
- Дугин А.: Возрождение кшатриев. Статья в Интернете от 20 марта 1999 г.: <<http://www.arctogaia.com/public/txt-kshatr.html>>
- Дугин А.: Елевсинские топи фрейдизма. В: Дугин, А.: Консервативная революция. Москва, 1994.
- Дугин А.: Сербия: консервативная революция. В: Дугин, А.: Консервативная революция. Москва, 1994.
- Дугин А.: Структура мужской души. Статья в Интернете от 20 марта 1999 г.: <<http://www.arctogaia.com/public/txt-muzh.html>>
- Из выступления Д. Васильева в ЦК ВЛКСМ. В: Огонек 20 (1990), май. Москва, 1990.
- ИСТАРХОВ В.А.: Удар русских богов. Калуга, 1999.
- Литературная Россия 51 (1989). Москва, 1989.
- МОРОЗОВ Е.: Российско-германские отношения: геостратегический аспект. В: Элементы. Евразийское обозрение 5 (1994). Москва, 1994.
- Мужество. Ответы Александра Проханова журналу „Jalouse”. В: Завтра 49 (2002). Москва, 2002.
- «Мы – великие народы». Беседа Владимира Бондаренко с Герхардом Фрейем. В: Завтра 15 (1994), апрель. Москва, 1994.
- Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. Санкт-Петербург, 1998.
- ПЕРИН Р.: Национальный инстинкт. В: Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. Москва, 2001.
- Русско-германский союз, по Бисмарку. В: Элементы. Евразийское обозрение 7 (1996). Москва, 1996.

- Русские: этносоциологические очерки. Москва, 1992.
- РЯБОВ О.В.: «Матушка-Русь». Опыт гендерного анализа национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. Москва, 2001.
- РЯБОВ О.В.: «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии. Статья в Интернете от 4 июля 2002 г.: <<http://ons.rema.ru:8100/2000/4/13.htm>>
- РЯБОВ О.В.: Русская философия женственности. Иваново, 1999.
- ТАРАСОВ А.: Горючая смесь с замедлителем. В: Новая газета 55 (2002), 1–4 августа. Москва, 2002.
- ШИРОПАЕВ А.: Русский, облаченный в металл. В: 12 (б.г.) Атака.
- ШИРИЛЬМАН В.А.: Неоязычество и национализм. Восточно-европейский ареал. Москва, 1998.
- ШИРИЛЬМАН В.А.: Перун, Сварог и другие: русское неоязычество в поисках себя. В: Неоязычество на просторах Евразии. Москва, 2001.
- ШИРИЛЬМАН В.А.: Второе пришествие арийского мифа. В: Восток 1 (1998). Москва, 1998.
- ШУРЫГИН В.: Война, брат! (Неполиткорректные мысли о новом фильме Алексея Балабанова). В: Завтра 13 (2002). Москва, 2002.

Данная статья появилась в оригинальном издании сборника: „Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland.“ Herausgegeben von Elisabeth Cheauré, Regine Nohejl und Antonia Napp im Ergon-Verlag Würzburg.

(©) 2005 by Ergon Verlag Dr. H.-J. Dietrich,
Würzburg, Germany

Ирина Савкина

ГЕНДЕР С РУССКИМ АКЦЕНТОМ

Гибель богов

В русской культурной ситуации, как и в самой стране, в последние десять лет все стремительно меняется, и одна из самых ярких и явственных трансформаций – размывание (или исчезновение?) характерного для России на протяжении почти двух столетий феномена культуро- или литературоцентризма.

Как пишет социолог Б. Дубин, «[...] литература теперь – в таком ее нынешнем состоянии и окружении перестала быть “событием” (“духовным центром нации”, по выражению Виктора Кривулина, 1994)»¹.

Однако процесс этот (пока непонятно – пагубный или целительный) идет постепенно и противоречиво. Еще на заре перестройки многие, если не почти все, пророчили скорую кончину «толстым журналам», которые можно считать сугубо русским явлением – своего рода символом литературоцентризма и инструментом внедрения этой идеи в умы читающей публики. «Толстые журналы – исключи-

---

¹ Дубин Б.: Литературные журналы в отсутствие литературного процесса. В: Б. Дубин: Слово – письмо – литература. Москва, 2001, с. 149.

тельно национальное явление – российское! – в мировой журналистике. Толстые журналы – наше все. И еще чуть-чуть!» – иронически пишет автор *Независимой газеты*², отмечая что сейчас, отчасти сохраняя свои амбиции, толстые журналы потеряли во многом и свою функцию, и читателя. Однако ирония критиков и публицистов молодого поколения по адресу «яйцеголовых шестидесятников» (Щуплов), наивно воображавших себя властителями дум, не мешает все-таки и самым продвинутым интернет-изданиям периодически делать обзор «толстых журналов», что говорит о том, что «больной скорее жив, чем мертв», и толстые журналы еще сохраняют свою репрезентативность.

Речь идет не только о разделах прозы и поэзии, но и о критике, которая, можно сказать, в России и выведена была в теплицах толстых журналов. Именно на их страницах русская критика с начала XIX века выполняла функции то «гувернера общества», то «человека с ружьем», стоящего «на посту».

Почти два века подряд русская критика имела претензию выступать в оценке явлений литературного процесса с позиции эксперта и судии. Суждение критика преподносилось не как субъективное мнение, персональная (или групповая) рефлексия, а как, по выражению И. Кондакова, «результат надрефлексивной деятельности (то есть абсолютной, объективной, не подлежащей критической переоценке и полемике)»³. Несмотря на все перестроечные и постперестроечные катаклизмы и трансформации, современная критика толстых журналов отчасти сохраняет такую позицию, и критик нередко выступает не от своего лица или от лица группы, а представляет от некоего абстрактно-нормативного «общественного мнения».

---

² ЩУПЛОВ А.: Как колокол превратился в дверной колокольчик. В: <http://saturday.ng.ru/things/2001-03-17/2_bell.html> (Независимая газета, 17.3.2001).

³ КОНДАКОВ И.: «Нешадная последовательность русского ума». (Русская критика как феномен культуры). В: Вопросы литературы, 1997, январь-февраль, с. 145.

С другой стороны, литературная критика довольно активно обживает интернет-пространство. В текстах, вывешенных на различного рода сайтах, вышеобозначенные традиции русской критики выступают с позиции всезнающего авторитета соединяются с новыми постмодернистскими тенденциями к сугубой персональности и безответственности суждения. Позиция авторов литературно-критических текстов, их тон, стиль и т. п. зачастую являют собой самые причудливые «коктейли» из архаизма и новаторства в разных пропорциях.

И все-таки несмотря на происходящие изменения, несмотря на явственное сужение поля влияния литкритики, она остается весьма заметным и деятельным агентом культурного процесса.

Поэтому мне кажется весьма интересным посмотреть, как в литературно-критических материалах, опубликованных на страницах разного рода толстых журналов за последние десять лет, обсуждается (прямо или косвенно) гендерная проблематика: проблемы женщины-писательницы, женского/мужского в литературе, женского письма, женственности/мужественности, феминизма и т. п., – и насколько все вышеназванное связано с идеей «национального» и специфически русского.

В данной статье мне хотелось бы остановиться лишь на некоторых из этих вопросов, прежде всего на том, как в современной литературной критике интерпретируется *женская литература* и как в этом обсуждении *гендерный дискурс* соединяется с *национальным*.

Показательно, что сами понятия «феминизм», «гендер»⁴, «патриархатность», «женская литература» («женская проза», «женская поэзия») стали употребляться в литературно-критических статьях только в последние 3–4 года

---

⁴ По данным поисковой компьютерной системы «Integrum», термин «гендер» на страницах толстых литературно-критических журналов появился в 1998 г. (1 раз в *Иностранной литературе*), в 1999 он встретился в этих изданиях 1 раз, в 2000 – 2, в 2001 – 4, в 2002 – 6 раз.

(в конце 90-х). О женской литературе говорилось, конечно, и раньше, но именно в указанное время это выражение начали использовать в качестве категориального, а не оценочного (как обозначение второсортности), вероятно, потому что к этому моменту феномен русской женской литературы настолько определился, что стало невозможно не замечать его⁵.

Прежде всего критика фиксирует факт, что женской литературы стало много. Говорят о *женской экспансии*, *женском десанте*, *женском взрыве*, *бабьем бунте* в литературе. Реакция на это чаще всего недоуменная – «А чего это они так расписались?»⁶. Однако, с другой стороны, можно видеть попытки понять, *что* такое женская литература и *почему* она так интенсивно развивается.

Обсуждение подобных вопросов особенно активизировалось в связи с присуждением Л. Улицкой премии «Букер-Smirnoff-2001» за роман «Казус Кукоцкого» (на премию номинировался также роман «Кысь» Т. Толстой).

В околобукеровских дискуссиях (и не только в них) мы, с одной стороны, встречаем очень знакомые и давно описанные (прежде всего Джоанной Русс⁷, см. также Ренате фон Хайдебранд и Симоне Винко⁸) методы репрессии и

---

⁵ См.: ВАСИЛЕНКО С.: «Новые амазонки». Об истории первой литературной женской писательской группы перестроечного времени. В: *Frauen in der Kultur: Tendenzen in Mittel- und Osteuropa nach der Wende*. Ред. Christine ENGEL, Renate RECK. Innsbruck 2000, S. 31–41.

⁶ Выражение из интервью Ксении Генрих с Натальей Смирновой. В: <<http://www.stolnick.ru/articles/15/168/>> (Стольник, апрель 2002).

⁷ Joanna RUSS: *How to Suppress Women's Writing*. Austin 1983.

⁸ Ренате ФОН ХАЙДЕБРАНД, Симоне Винко: Работа с литературным каноном: Проблема гендерной дифференциации при восприятии (рецепции) и оценке литературного произведения. В данном сборнике, с. 133, а также в: Пол. Гендер. Культура. Под ред. Элизабет ШОРЕ, Каролин ХАЙДЕР. Вып. 2. Москва, 2000, с. 21–80.

уничужения: женская проза – это клеймо (знак второсортности и т. п.), это «диагноз».

Неоднократно высказывались предположения, что при вынесении решения о премии жюри руководствуется не качеством произведений, а соображениями политкорректности и джентельменства. «Сложилось [...] убеждение, что главный приз достанется Татьяне Толстой. Первым и самым главным серьезным аргументом в ее пользу считался ее пол [...]»⁹.

Симптоматичны названия статей: «Букер – мечтаю отдаться женщине» (В. Дардыкина, *Московский комсомолец*)¹⁰; «Букер стал жертвой аборта» (*Газета.ru*)¹¹; «Первая леди» (персональный сайт А. Немзера)¹².

Репрезентативной в этом смысле можно назвать статью безымянного рецензента сайта <riolain.narod.ru> *Кысь отсюда: Вручение Букера-2001. Постскриптум*. Выписываю только ключевые слова и выражения: «как бы романы», «две стилизации», «классический вариант женской прозы – книга очень сентиментальная, очень интеллигентная», «чистейшей прелести чистейший образец», «премилая», «второстепенная русская проза», «напрочь лишена юмора, иронии», «поскольку проза женская, текст набит феминистской проблематикой (герой – гинеколог)», «слезоточиво-прямолинейные сцены, монотонность, кропотливое сериальное распутовывание житейского клубка», «римейк», «однозначность»...¹³

Но если бы рецепция и оценка женской прозы сводилась к вышеизложенной, то эту статью можно было бы сократить до одной фразы: «Нет ничего нового под луной».

Однако ситуация не столь однозначна.

⁹ ЭДЕЛЫНТЕЙН М.: Казус Букера. В: <<http://www.rusmysl.ru/2001IV/4389/438921-Dek20.html>> (Русская мысль).

¹⁰ См.: <<http://rioline.narod.ru/booker.htm>>

¹¹ <<http://www.gazeta.ru/2001/12/07/bukerstalzer.shtml>>

¹² <<http://www.ruthenia.ru/nemzer/ulickaja.html>> (сайт А. Немзера).

¹³ <<http://rioline.narod.ru/booker.htm>>

Факт женской литературной экспансии, женского первенства в нынешней русской литературе, который подчеркивается практически во всех статьях о «Букере-2001» и вообще о современной литературной ситуации, интерпретируется по-разному, и именно здесь мы сталкиваемся с интересным моментом взаимодействия гендерного и национального дискурсов.

Никита Елисеев в статье *Хозяйка литературы и Лев Толстой* вспоминает в связи с вышеобозначенной, тревожной, с его точки зрения, ситуацией В. Набокова: «Злой Набоков предупреждал редактора “Современных записок” Марка Вишняка: “Берегитесь! У вас печатается слишком много женщин – верный признак провинциализации литературы”». По мнению Елисеева,

«современная русская литература просто обречена на провинциальность и на деловитое в ней хозяйничанье женщины. Провинция – пространство, где литература может отдохнуть. Великая русская литература устала. Ее мышцы расслабились. [...] Милые дамы, я ведь не против, вы – хозяйки дома уставшей русской литературы. Выражайтесь как угодно и сколько угодно премируйтесь, но только Льва Толстого не трогайте. Пожалуйста»¹⁴.

Мне уже приходилось писать о связи и даже отождествлении категорий женского и провинциального¹⁵. Актуализация понятия *провинциальное*, как заметил А. Белоусов, связана с *имперским мышлением*: напряженная дихотомия между абсолютным центром (столицей) и окраиной (про-

---

¹⁴ <http://www.chaspik.spb.ru/cgi-bin/index.cgi?level=5120001&rub=7&stat=2> (Час пик).

¹⁵ Irina SAVKINA: Das Provinzielle als das *Andere* in der russischen Frauenliteratur. В: Ich und der/die Andere in der russischen Literatur: Zum Problem von Identität und Alterität in den Selbst- und Fremdbildern des 20. Jahrhunderts. Ред. Christina PARNELL. Frankfurt/M., Berlin et al. 2002, S. 51–65.

винцией) характерна прежде всего для центростремительных, *имперских* культур¹⁶.

В приведенных выше цитатах можно ясно видеть, что «торжество» женского («провинциального») в литературе маркируется как знак гибели Великой Литературы, Великого (имперского) канона.

В статье Михаила Золотоносова *Победа женского и закат мужского* также развивается подобная тема.

«Литературный год завершается как женский [...], и это самый печальный и тревожный симптом. Я не противник женской литературы как таковой, но считаю, что инновационным является мужское начало, а женское – консервирующим, повторяющим. [...] это и есть суть женского творчества: повторение, натаскивание отовсюду и консервация. [...] Упадок “мужской литературы” означает упадок литературы вообще. [...] Мужское инновационное начало затухает»¹⁷.

На смену ему приходит «женский литературный автоматизм, не нуждающийся в чем-то новом», конкуренцию которому не могут составить, по мысли Золотоносова, формы суррогатной мужественности – суррогатный мачизм, который репрезентируется матом, или дурашливая и бесталанная подростковость.

Еще один пример, уже не связанный с премией «Букер-2001». Леонид Костюков в статье *Я вам пишу – чего же боле...* представляет книгу Виктории Фоминой *Письмо полковнику* как свидетельство появления подлинно женской прозы, главные свойства которой – сглаженность, антиэкстремальность, сосредоточенность на частном опыте «авторши». В ней

---

¹⁶ Белоусов А.: Художественная топонимия российской провинции: к интерпретации романа *Город Н.* В: Первые Добычинские чтения. Дуагавпилс, 1991, с. 8–15.

¹⁷ Золотоносов М.: Победа женского и закат мужского. В: <<http://www.idelo.ru/210/11.html>>

«политика, экономика, культура, воспитание детей, строительство дома, возделывание огорода, Бердяев, Киркегор и т. д. как бы вообще не существуют или существуют лишь как повод знакомства мальчика с девочкой.»

«Очевидно одно», – делает вывод автор, –

«не эмблематично, а в сущности утратив мужскую природу, проза в преломлении Виктории Фоминой утратила и культурные корни. Получилось, что все гражданские, философские и нравственные чаяния и метания русской литературы имели пол, и этот пол был мужским. Глубинный смысл прозы Фоминой так же легко найдет отзвук в любой культуре (румынской, конголезской, тибетской), как ее героиня пересекает границы в новой Европе»¹⁸.

В этих критических отзывах ясно выражена мысль о том, что появление женской прозы как культурного феномена – это симптом, знак кризиса и распада. Речь идет о кризисе культурной и национальной идентичности – о гибели богов: умирает (или убивается женской рукой?) настоящая русская литература – литература больших философских идей, великих метаповествований, абсолютного центра и абсолютной истинности (симптоматично то, какие культуры называет Костюков, говоря об «общепонятности» женской прозы – «румынская, конголезская, тибетская». Конечно, здесь чувствуется имперское презрение к их «малости», маргинальности, та же идея «провинциальности»). Все происходящее воспринимается как конец света, и вина за гибель национального культурного мира проецируется на женщину.

Связь между массовым выходом женщин на литературную авансцену и кризисом социальной и национальной

---

¹⁸ Костюков Л.: «Я вам пишу – чего же боле...» В: Дружба народов 8 (2000), с. 209.

идентичности прямо обозначена и в статье Галины Юзефович *Сексуальное большинство*.

«[...] именно эта кажущаяся маргинальность и позволила женской прозе относительно благополучно пережить коллапс, постигший всю отечественную литературу после крушения Советского Союза. Мужская проза умерла, чтобы после ряда неудачных реинкарнаций с большим трудом возродиться уже совершенно в ином – по сравнению с советским временем сильно редуцированным – виде. Женская же проза, посвященная извечным гендерным вопросам, продолжала жить и развиваться по своим природным законам. Именно этим долгим и по сути бескризисным ее развитием можно объяснить тот факт, что авторы-женщины в последние годы выходят на передний план, во многих случаях затмевая мужчин»¹⁹.

Еще более определенно о том же пишет Виктор Ерофеев в предисловии к составленному им сборнику *Время рожать*²⁰, приходя при этом к иным выводам и оценкам.

Ерофеев тоже констатирует, что «в русской литературе открывается бабий век» (5) и интерпретирует это как радикальное, но, с его точки зрения, *позитивное* изменение русской литературной ситуации и русской культурной ментальности. Он описывает не столько собственно литературные трансформации, сколько «динамику России», которую «лучше всего наблюдать по художественным текстам».

---

¹⁹ Юзефович Г.: Сексуальное большинство. Женская проза стремится задавать тон в современной русской литературе. В: <<http://ej.ru/026/art/04women>> (Еженедельный журнал, 10.7.2002).

²⁰ ЕРОФЕЕВ В.: *Время рожать* (Россия. Начало XXI века. Лучшие молодые писатели). Москва, 2001. В дальнейшем при ссылке на вступительную статью В. Ерофеева к сборнику указываются страницы в тексте.

Он размышляет о том, *куда* и *зачем* высаживается «женский десант» (такова сквозная – интересно, что *милитарная* – метафора ерофеевского предисловия).

Речь идет не только о новом этапе развития, а о *смене парадигм*: для статьи характерны обобщающие формулы типа «столь любимое русской литературой» (7), «общенациональная антропология», «главный двигатель среднерусской словесности», «в русской литературе прервалась героическая пора» (13) и т. п.

Как описываются старая и новая парадигмы?

Прежняя, двухсотлетней выдержки, русская культурная ментальность – это «молодецкая и прочая удаль как философия существования», «нетерпение», насилие, стоящее за бешенством страсти («насилие эротического действия»), отсталость общенациональной антропологии («застывшей и поныне на уровне западного просвещения»), это превалирование «больших идей», агрессивного мужского героизма, «мичуринской идеи» усовершенствования человека. Все эти качества имплицитно (см. эпитеты типа «молодецкий») связываются с «мужественностью». Впрочем эта связь маркирована и вполне открыто и недвусмысленно: «Мужчины привели культуру к ее завершению. Закончились экстремальные стили. Как всякая экстремальность, они враждебны рождению» (17).

Женщины «рожают» новую русскую культурную парадигму, ее черты (по Ерофееву) – здоровье, свобода от идеологии, самоограничение «удали», защита жизни, организация хаоса, «перекодирование страсти на жизнотворчество», расширение зоны созерцания за счет отказа от героизма и моральных экспериментов по выведению лучшей породы человека, восстановление доверия к жизни, к «искреннему слову», «замирение», «бытийственный конформизм», «забота», внимание к «тварным», «теплым» мелочам и деталям жизни, «неоконсерватизм».

Женщины рожают или, точнее, готовятся родить «новый текст». «Новый текст застыл на старте попой вверх перед вербализацией новой России, которая до тех пор будет иметь кличку “новой”, пока не станет вербализованной» (10).

Однако интересно и важно то, что, по мнению Ерофеева, «новый» (женский?) текст вообще-то не очень заинтересован в вербализации «русскости», он равнодушен ко всему, что включает в себя русский культурный миф. «Все было бы ничего, если бы не Россия, Россия в новом тексте откладывается в сторону, поскольку с ней ясно как никогда, ее пока изменить нельзя. [...] *Ее стараются не замечать*» (19; курсив мой. – И.С.). Все национальные мифы поруганы и травестированы – «все слиплось». «Люди живут, обдираясь о Россию, они уже больше никакие не славянофилы, им бы хотелось, чтобы все устаканилось» (19). «[Будущий взрыв] предвещает радикальный сдвиг русской ментальности в сторону самосохранения. Групповой портрет в полете на фоне тоски по оседлости» (20).

Все или большинство ценностей, связанных с национальным культурным мифом (они маркированы как маскулинные и даже брутальные): молодецкая удаля, кочевье, героическая завоевательность, экстремизм «без берегов», заполошное пьяное веселье и т. п., – дискредитированы в своих и чужих глазах. «Россия оставила за собой кучу следов, идя по которым, можно дойти до ощущения своей ненужности» (19). «Русские, оказалось, уже никому не нужны и еще долго не будут востребованы. Остается фрустрация бывшего империалиста» (20).

Несмотря на иные – позитивные – оценки процесса, речь у Ерофеева идет о том же, что и в тех «апокалиптических» статьях, которые упоминались выше. Сам факт появления женской литературы не как собрания отдельных текстов, написанных «биологическими» женщинами, а как культурного феномена, «проявлени[я] гендерномотивированного женского коллективного сознания»²¹, интерпретируется как симптом болезни (в понимании некоторых – смертельной) русской культуры, знак гибели богов, всего пантеона мужских богов великого канона, как последний

---

²¹ РОВЕНСКИХ Т.: Переход от личности к культурному феномену: К проблеме рассмотрения женской прозы 80–90-х годов. В: <<http://www.biophys.msu.ru/awse/confer/NLW99/084.htm>>

день империи (отсюда и усиление метафоры провинциальности).

Общий кризис фаллоцентризма, так многократно описанный в западном философском дискурсе, воспринимается как исключительно русский случай, как казус России. С помощью Женского, через метафоры Женского строится параллельный мир (зазеркалье) – с негативной (чаще) или позитивной оценкой.

Интересно, что при этом собственно России не приписываются ни маскулинные, ни феминные черты (не встречаются метафоры типа «матушка-Россия» и пр.), скорее она бесполоая, «нечто без свойств». Особенно явно это видно в рецензиях на роман Т. Толстой *Кысь*, который многие критики, писавшие о нем, определили как «книгу о России», «энциклопедию русской жизни»²². «Она [Толстая] создала мир, – пишет Б. Парамонов, – Кысь-Русь. Цепочка звуковых ассоциаций ясна кысь-брысь-рысь-Русь-неведома зверюшка»²³. Та же звуковая цепочка выстраивается у О. Кабановой и Н. Елисеева («кысь, брысь, рысь, русь, кис, кыш»).

Русскость, Русь – это «оно», темное, неструктурированное и бесполое.

Таким образом, как мне кажется, можно сделать вывод, что женская проза как феномен и отдельные ее тексты становятся для современной русской литературной критики инструментом проблематизации базовых национальных культурных мифов. Процесс подобной проблематизации оказывается весьма болезненным и неоднозначным актом, когда наряду с деконструкцией этих мифов происходит их

---

²² ПАРАМОНОВ Б.: Русская история наконец оправдала себя в литературе. В: <<http://www.guelman.ru/slava/kis/paramonov.htm>> (Время MN, 14.10.2001).

РУБИНШТЕЙН Л. – <<http://www.guelman.ru/slava/kis/rubin.htm>>

ОЛЫШАНСКИЙ Д. – <<http://www.guelman.ru/slava/kis/olsh.htm>>

ЕЛИСЕЕВ Н. – <<http://www.guelman.ru/slava/kis/eliseev.htm>>

КАБАНОВА О. – <<http://www.guelman.ru/slava/kis/kabanova.htm>>

²³ ПАРАМОНОВ Б.: Указ. соч.

реконструкция или конструирование новых на месте поверженных (иногда эти новые являются просто клонами старых).

Болезненность и сложность осмысления гендерных проблем в контексте национальных особенно заметны, когда речь в критике заходит не о художественных произведениях и их интерпретации, а об оценке научных монографий, статей и сборников, связанных с адаптацией гендерных теорий и идей феминистской критики в отечественный контекст. Ниже я попытаюсь проанализировать этот процесс на примере статей Л. Березовчук²⁴, Е. Барабан²⁵, М. Ремизовой²⁶, написанных в публицистическом, научно-публицистическом или литературно-критическом дискурсе²⁷ и посвященных проблеме феминизма и феминистской критики.

Феминизм как «все не наше»

Несмотря на некоторое различие жанра и тона, названные выше статьи объединяет неприятие того, что они называют феминизмом или феминистским теоретическим дискурсом. В отличие от Пушкина, который «наше все», феминизм – это «*все не наше*», т. е. это чуждое или даже враждебное.

---

²⁴ БЕРЕЗОВЧУК Л.: У феминизма не женское лицо. В: Октябрь 1 (2002), с. 104–129 (по поводу книги «Женщина и визуальные знаки». Под ред. А. Альчук. Москва, 2000).

²⁵ БАРАБАН Е.: Критические заметки на полях феминистской критики русской литературы В: <http://www.ruthenia.ru/logos/pumber/logos_net.htm> (сетевой портфель журнала «Логос»).

²⁶ РЕМИЗОВА М.: Вагинетика, или Женские стратегии в получении грантов. В: Новый мир 4 (2002), с. 156–161 (рецензия на книгу: ЖЕРЕБКИНА И.: Страсть. Женское тело и сексуальность в России. СПб., 2001).

²⁷ ГАЛИНА ЗВЕРЕВА в своей статье («Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России. В: Адам & Ева. Альманах гендерной истории. Под ред. Л.П. РЕШИНОЙ, 2 [2002], с. 238–239) прекрасно

Неприятие и дискредитация идей феминизма и феминистской критики осуществляется разными, в общем вполне знакомыми способами:

- стилистически: иронически-несерьезным тоном разговора (ср. у Ремизовой в рецензии на научную книгу выражения *сей труд, екнуло сердчишко, все путем, до кучи, один хрен* и т. п.);

- дискредитацией авторов путем сравнения их, например, с детьми, с рекламной барышней, изображающей ученую даму и т. п.;

- гривуазностью и двусмысленностью, создаваемой прежде всего путем «реализации» и обытовления терминов феминистской критики (таких, как *фаллический, вагинальный* и т. п.), что заставляет читателя соединять феминизм с чем-то нечистым и полупорнографическим;

- редукцией идей посредством упрощенного или примитивизирующего пересказа (опошление смысла), комбинации произвольно выдернутых из феминистских текстов цитат (часто еще и взятых из третьих рук: ниспровергающая феминизм статья Л. Березовчук пестрит указаниями «цитирую по...»);

- универсальными обобщениями о сути всего феминизма, сделанными на основе знакомства с выбороч-

---

анализирует материал несколько иного рода, посвященный той же проблеме: она исследует специфику теоретико-методической саморефлексии в постсоветской России на примере процесса усвоения/отторжения/трансформации концептов западного феминизма и гендерных исследований в работах философов, историков, искусствоведов, социологов, филологов. См также: ТЕМКИНА А.: Феминизм: Запад и Россия. В: Преображение 3 (1995), с. 5–17; УШАКИН С.: Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме. В: Преображение 6 (1998), с. 5–16; Elisabeth CHEAURÉ: *Feminismus à la russe. Gesellschaftskrise und Geschlechterdiskurs*. В: *Kultur und Krise: Russland 1987–1997*. Berlin 1997, S. 151–178; Elisabeth CHEAURÉ: «Eine Frau ist eine Frau...» Beobachtungen zur russischen Feminismus-Diskussion. В: *Frauen in der Kultur: Tendenzen in Mittel- und Osteuropa nach der Wende*, S. 129–139.

ными, устаревшими и недостаточно репрезентативными текстами;

– недобросовестным отождествлением феминистских идей с тем, что дискредитировано в глазах русского читателя: с марксизмом (в его советском варианте), с психоанализом, который изображается как нездоровая сексуальная озабоченность и т. п.

При этом, конечно, в критике феминизма возникает противопоставление Запад/Россия и проблема национальной идентичности.

Е. Барабан, исходя из разумной, на мой взгляд, идеи о том, что методологи западного феминистского литературоведения, возможно, не улавливают некоторых специфических особенностей русской литературной традиции, в конце концов приходит к противопоставлению Запада и искусственно сконструированного ею некоего западного феминизма, озабоченного в основном проблемами сексуальной свободы женщины, – русской классической литературной традиции, *этической* по существу, где главные ценности – любовь, личная целостность, органичность. Кроме того,

«русские писатели показали, как пол взаимодействует с другими социальными категориями: чувством долга, нравственностью, желаниями и общественным положением, категориями, которые во многом остаются за пределами проблематики феминистского литературоведения»²⁸.

То есть реконструируется в конце концов знакомая антитеза: Запад – это логика потребительства и секс, телесность // Россия – этические и социальные ценности.

М. Ремизова тоже (и в гораздо более резкой форме) предполагает, что феминистская критика – нерусское явление (своего рода «продажная девка империализма», как говорили в советские времена), потому что она делается на западные деньги, обращена к нерусскому читателю и, с точки

---

²⁸ БАРАБАН Е.: Указ. соч., с. 15.

зрения критика, сознательно построена на пренебрежении к русскому языку, русской литературе, универсальным ценностям русской культуры. Русскость (идеализированная и утопическая) у Ремизовой ассоциируется с культуроцентризмом, духовностью, моралью, а западность – с отсутствием всего этого или пренебрежением к вышеназванному. С другой стороны, несовместимость феминистской парадигмы с Россией проявляется и в том, что импортированная с Запада феминистская теория (подобно, например, рекламе) игнорирует социальные реалии русской (женской) жизни. Начиная рецензию на книгу И. Жеребкиной *Страсть*, критик прежде всего комментирует ее подзаголовок «Женское тело и женская сексуальность в России»: «Женское тело, да еще в России... В голову первым делом приходят баня, необъятные панталоны на соседском балконе и очередь в гинекологический кабинет»²⁹. Однако, к своему разочарованию, ничего подобного Ремизова не может отыскать в книге И. Жеребкиной.

Таким образом, с одной стороны, Россия репрезентируется в статье как идеализированное пространство абсолютной духовности и моральности, с другой стороны – как травматическое (для женщины) социальное пространство. Ни то ни другое, с точки зрения Ремизовой, не может быть увидено с помощью феминистской, сделанной на Западе и для Запада, оптики.

Но особенно в контексте интересующей нас темы интересна огромная статья Л. Березовчук, опубликованная в журнале *Октябрь*.

Объект рассмотрения и резкой критики у Березовчук многообразен: рецензируемый сборник (*Женщина и визуальные знаки*. Под ред. А. Альчук. Москва, 2000), мировоззренческие основания феминистской стратегии, постмодернизм и психоанализ, релятивизм современной западной философии, неолиберализм и глобализм. Феминизм, таким образом, оказывается только одним из имен или псевдонимов врага (врага России?).

---

²⁹ РЕМИЗОВА М.: Указ. соч., с. 156.

Позиция автора – это позиция эксперта, который говорит как бы сразу с нескольких авторитетных позиций: от лица женщины, здравого смысла и норм общежития, христианства, отечественного интеллектуального сообщества, (западного) научного рационализма, подлинного/ной русского/кой, компетентного ученого.

Автор разделяет феминизм на социально-демократический (борьба за женские права), который она в принципе одобряет, и радикальный, абсолютно чуждый России («ничего похожего на радикальный феминизм наша страна никогда не знала»³⁰).

Радикальный феминизм абсолютно чужд России, потому что он, по мнению автора статьи:

- игнорирует реальность;
- является носителем незрелого, примитивного, ювенильного, т. е. анархического, террористического сознания (см., напр., выражение «боевички феминизма»³¹);
- носитель невнятности, хаоса, архаики (противоположен идеям рационализма, цивилизации, прогресса);
- он против бедных и неимущих вообще;
- он против бедных и неимущих русских;
- против (бедных и неимущих) русских женщин;
- против русских вообще;
- против женщин вообще;
- против государства;
- против нравственности и социальной справедливости;
- против жизни как таковой (которая отождествляется с ценностями любви и материнства);
- против науки с ее универсальной иерархией ценностей;
- против национального и пр.

Очень противоречивая и касающаяся многих болезненных моментов современной русской политической, научной и культурной жизни статья Березовчук направлена,

---

³⁰ БЕРЕЗОВЧУК Л.: Указ. соч, с. 106.

³¹ Там же, с. 122.

как мне представляется, прежде всего против постмодернистского дискурса, покушающегося на универсальные ценности и иерархии, и против философии и практики неолиберализма и глобализма.

Но **поводом** к разговору, **артикулированным** объектом критики, между тем, является именно феминизм. Как мне кажется, это происходит по нескольким причинам:

- феминизм легче подвергать сокрушительной критике из-за его маргинальности в современной России (пафос статьи – несогласие с происходящим в стране перераспределением власти, а какая власть у российских феминисток?);

- понятием *феминизм* легче манипулировать, так как оно кажется одновременно знакомым и незнакомым непрофессиональному читателю (в отличие, например, от постструктурализма);

- одновременно, говоря о феминизме, можно апеллировать к очень широкому кругу читателей, так как предметом разговора становится то, что касается каждого: пол и гендер.

В своей публицистической войне с многообразными идеологическими и социальными «драконами», в том числе с тем, которому она дает имя «радикальный феминизм», Л. Березовчук, конечно, разыгрывает и карту национальной идентичности. Кроме уже знакомых (см. выше комментарии к статьям Е. Барабан и М. Ремизовой) моментов, здесь есть и иные, весьма парадоксальные.

С одной стороны, в тексте Березовчук разыгрываются традиционные и даже шаблонные «женственные» представления о России как душе, матери-хранительнице³², и в этом качестве она также традиционно противопоставляется прагматическому, бездуховному и т. д. Западу.

Однако в большей степени современная Россия (в том числе и в лице автора) объявляется *оплотом западной цивилизации*, последней защитницей *универсальных ценностей западного рационализма*. Она больше чем Запад,

---

³² См.: РЯБОВ О.: «Матушка-Русь». Москва 2001.

и именно ей приписываются маскулинные категории: «вертикальность», рационалистичность, здравый смысл, логичность и т. п.

Запад же в своих современных философских и идеологических новациях, в частности в феминизме, – носитель неструктурированного, архаического, ювенильного, «террористического», разрушительного начала.

Мужественность маркируется в образе России и потому, что она (или ее истинный, желаемый образ) ассоциируется в тексте Березовчук не с образом родины, почвы и т. п., а с государством-патроном, отцом и контролером. Автор пишет буквально следующее:

«Ведь государство, даже в такой экономически ослабленной стране, как Россия, все-таки принимает хоть какие-то социальные обязательства защищать наиболее уязвимые перед разрухой и инфляцией слои населения, в том числе и женщин. Тем самым именно структуры государственной власти начинают противостоять стратегиям глобализма [...] По-советски “крепкий” интеллектуал А. Левинсон, не выдержав логического противоречия, присущего неолиберальной идеологии, наивно и открыто разграничил социальные программы “старого” – социал-демократического – феминизма и “нового” – радикального. *Именно на неочевидной для общественного мнения подмене программ социальной защиты, естественной для эпохи сильной “мужской” государственности, программами социального угнетения и вытеснения строится ход женскими “козырями” в стратегиях глобализации»³³.*

Сильная мужская государственность оказывается тем, что Россия может или могла бы противопоставить идущему с Запада глобализму и феминизму.

---

³³ БЕРЕЗОВЧУК Л.: Указ. соч., с. 112. (Курсив автора. – И. С.)

То есть в статье Березовчук России приписываются скорее черты «мужские» и «западные», в то время как Запад свою мужественность и западность уже утратил³⁴.

Мне кажется, что эта статья, как и многие другие примеры из текущей русской литературной критики и публицистики, показывает, как травматический кризис идентичности (национальной, культурной и пр.) рефлексировался через гендерные категории, как, обсуждая проблемы феминизма и женской литературы, критика мучительно пытается найти ответ на вопрос: что такое *русскость*, *русская культура* сегодня, пытается определить место России на современной «геокультурной» карте.

Список литературы

- БАРАБАИ Елена: Критические заметки на полях феминистской критики русской литературы. В: http://www.ruthenia.ru/logos/number/logos_net.htm
- БЕЛОУСОВ Александр: Художественная топонимия российской провинции: к интерпретации романа *Город N*. В: Первые Добычинские чтения. Дуагавпилс, 1991, с. 8–15.
- БЕРЕЗОВЧУК Лариса: У феминизма не женское лицо. В: Октябрь 1 (2002), с. 104–129.
- ВАСИЛЕШКО Светлана: “Новые амазонки”. Об истории первой литературной женской писательской группы перестроечного

---

³⁴ Как выразительную параллель этим суждениям можно привести наблюдения, сделанные в статье Ольги ЛЕБЕДУШКИНОЙ (Роман с немцем, или Русский человек на rendez-vous с Западом. В: Дружба народов 9 [2001], с. 161–172), где она, анализируя современные тексты, в центре сюжета которых – любовные романы русских с немцами (европейцами), отмечает, что во многих случаях (например, в произведениях М. Рыбаковой) там происходит явная инверсия гендерных ролей: именно мужчина-европеец оказывается носителем традиционно женственных качеств: прородности, объектности, телесности, внекультурности, пассивности.

- времени. In: Frauen in der Kultur: Tendenzen in Mittel- und Osteuropa nach der Wende. Hrsg. von Christine Engel und Rnate Reck. Innsbruck 2000, S. 31–41.
- ГЕНРИХ Ксения: из интервью с Натальей Смирновой. В: <<http://www.stolnick.ru/articles/15/168/>> (Стольник, апрель 2002).
- ДУБИН Борис: Литературные журналы в отсутствие литературного процесса. В: Дубин, Б.: Слово – письмо – литература. М., 2001.
- ЕРОФЕЕВ Виктор: Время рожать (Россия. Начало XXI века. Лучшие молодые писатели). Москва, 2001.
- ЗОЛОТОНОСОВ Михаил: Победа женского и закат мужского. В: <http://www.idelo.ru/210/11.html>
- КОНДАКОВ Игорь: „Нешадная последовательность русского ума“. (Русская критика как феномен культуры). В: Вопросы литературы 1 (1997).
- КОСТЮКОВ Леонид: «Я вам пишу – чего же боле...» В: Дружба народов 8 (2000), с. 209.
- РЕМИЗОВА Мария: Вагинетика, или Женские стратегии в получение грантов. В: Новый мир 4 (2002), с. 156–161.
- РОВЕНСКИХ Татьяна: Переход от личности к культурному феномену: К проблеме рассмотрения женской прозы 80–90-х годов. В: <http://www.biophys.msu.ru/awse/confer/NLW99/084.htm>
- РЯБОВ Олег: «Матушка-Русь». Москва, 2001.
- ПАРАМОНОВ Борис: Русская история наконец оправдала себя в литературе. В: <http://www.guelman.ru/slava/kis/paramonov.htm> (Время МН, 14.10.2001).
- ХАЙДЕБРАНД Ренате фон, Симоне Винко: Работа с литературным каноном: Проблема гендерной дифференциации при восприятии (рецепции) и оценке литературного произведения. В: Пол. Гендер. Культура. Ред. Элизабет Шоре и Каролин Хайдер. Вып. 2. М., 2000, с. 21–80, а также в данном сборнике, с. 133.
- ЩУНИЛОВ Александр: Как колокол превратился в дверной колокольчик. В: http://saturday.ng.ru/things/2001-03-17/2_bell.html. (Независимая газета, 17.3.2001).
- ЭДЕЛЬНТЕЙН Михаил: Казус Букера. В: <<http://www.rusmysl.ru/2001IV/4389/438921-Dek20.html>> (Русская мысль).
- ЮЗЕФОВИЧ Галина: Сексуальное большинство. Женская проза стремится задавать тон в современной русской литературе.

В: <http://ej.ru/026/art/04women> (Еженедельный журнал, 10.7.2002).

RUSS Joanna: *How to Suppress Women's Writing*. Austin 1983.

SAVKINA Irina: Das Provinzielle als das *Andere* in der russischen Frauenliteratur. In: *Ich und der/die Andere in der russischen Literatur: Zum Problem von Identität und Alterität in den Selbst- und Fremdbildern des 20. Jahrhunderts*. Hrsg. von Christina Parnell. Frankfurt am Main/Berlin u.a. 2002, S. 51–65.

Адреса страниц в Интернете:

<<http://rioline.narod.ru/booker.htm>>

<<http://www.gazeta.ru/2001/12/07/bukerstalzer.shtml>>

<<http://www.ruthenia.ru/nemzer/ulickaja.html>> (сайт А. Немзера).

<<http://www.chaspik.spb.ru/cgi-bin/index.cgi?level=51-20001&rub=7&stat=2>> (Час пик).

Данная статья появилась в оригинальном издании сборника: „Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland.“ Herausgegeben von Elisabeth Cheauré, Regine Nohejl und Antonia Napp im Ergon-Verlag Würzburg.

© 2005 by Ergon Verlag Dr. H.-J. Dietrich,
Würzburg, Germany

ЧУЖОЙ МУЖЧИНА:
ДИСКУРС ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ
И АЛЬТЕРИЧНОСТИ
(Надежда Дурова и Елена Ган)

Гендер и нация в «женских» репрезентациях

В широком смысле тема «Гендер и нация» (как показала научному сообществу Нира Джувал-Дейвис в своем основополагающем труде¹) включает в себя вопрос о том, каким образом соотношение полов, с одной стороны, влияет на национальные проекты и процессы, а с другой – само подвергается их влиянию и определяется ими. С культурологической точки зрения интересно рассмотреть связь гендерного символизма и метафоризации женского и мужского с процессами становления национальной идентичности. В основе определения национальной идентичности, причем как индивидуальной, так и коллективной, лежит принцип дифференциации и отмежевания. И на индивидуальном, и на коллективном, и на национальном уровнях «свое» не мыслится без *другого, чужого*; идентичность не строится без оглядки на альтеричность. Насколько метафорические рассуждения о том, что является *другим* с точки зрения собственной культуры, сливаются с рассуждениями о «женском» показывает, например, знаменитое фрейдовское определение женщины как «темного континента». В этой метафоре в

---

¹ YUVAL-DAVIES N. Gender and Nation. London 1997.

предельно краткой форме отражается пересечение национального и гендерного дискурсов и тем самым двухсотлетняя история развития Европы (после эпохи Просвещения), из которой и женщины, и колониальные народы оказались фактически исключены в силу их «природы».

Феминистские исследования сыграли важную роль в выяснении функции «иманинированной женственности» и процессов отмежевания и вытеснения в истории культуры Нового времени, причем все в большей степени в исследовании включались вопросы различия культур, классов, религий, этносов и сексуальных ориентаций. В результате все чаще критике подвергалось «мужское понятие субъекта Нового времени с его идеалами автономности и автогенезиса, покорения природы, рациональности, и в первую очередь – характерный для него процесс переноса отдельных частей своего Я на *других*»².

Данные наблюдения в целом актуальны и для процессов формирования национальной идентичности в России. *Свое*, например, рациональный, «мужской» Запад Нового времени, к которому Россия начиная с XVIII в. охотно причисляет себя, противопоставляя собственному Востоку, немислимо, вернее не мыслит себя без *другого*, которое обычно понимается как иррациональное и хаотичное, хотя в то же время нередко наделяется и притягательными чертами. Поэтому тезисы, выдвинутые исследователями в основном для западноевропейской «мужской» литературы, оказываются в большой степени верными и для России, хотя до сих пор существует незначительное число работ, посвященных русской литературе. Так, Криста Эберт на примере текстов русских романтиков показала, что «развернутый процесс индивидуального и национального самоопределения и становления имеет мужское лицо» и что «все (мужские) фигу-

---

² UERLINGS H. Das Subjekt und die Anderen. Zur Analyse sexueller und kultureller Differenz. Skizze eines Forschungsbereichs. In: Das Subjekt und die Anderen. Interkulturalität und Geschlechterdifferenz vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Hg. UERLINGS H., HOLZ K., SCHMIDT-LINSENHOFF V. Berlin 2001, S. 23.

ры обретают свой особый характер в результате выхода за рамки их привычного мира опытов и переживаний, вследствие судьбоносной встречи с женщиной на чужой территории»³. Романтический дискурс в русской литературе практически непредставим без «восточного» – без Кавказа и без экзотической женщины со специфически кавказскими чертами. Она – это *другое*, имажинированный и идеализированный визави ищущего свою идентичность героя. Конечно, она тоже героиня, однако в процессе индивидуализации героя-мужчины она почти всегда погибает. Тем самым она оказывается вписана в длинный ряд умерших/умерщвленных героинь в литературе⁴. Это гендерно семантизированное *чужое* работает как на индивидуальном, так и на национальном уровне для стабилизации *своего*⁵. И хотя оно географически соотносится с Кавказом (иногда также с Сибирью), однако этническая и культурная границы с ним непостоянны и определены нечетко. Несомненно, *чужое* при этом является не столько политическим, сколько эстетическим изобразительным объектом⁶. По словам Кристи Эберт, «демаркационная линия» между *своим* и *чужим* проводится в меньшей степени как этническая граница, скорее она определяется по дистинктивному признаку «православное христианство» / «язычество»⁷ – обстоятельство, к которому мы еще вернемся в контексте произведений Елены Ган и Надежды Дуровой.

³ EBERT C. Die «fremde Frau». Identitätsdiskurse bei Puškin, Lermontov und Gogol'. In: Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Hg. von Elisabeth CHEAURÉ, Regina NOHEJL und Antonia NAPP. Würzburg 2005, S. 225.

⁴ BRONFEN E. Nur über ihre Leiche: Tod, Weiblichkeit und Ästhetik. Dt. v. Thomas Lindquist. 2. Aufl. München 1994.

⁵ WEIGEL S. Die nahe Fremde – das Territorium des Weiblichen. In: Die andere Welt. Studien zum Exotismus. Hg. Th. KOEBNER, G. PICKRODT. Frankfurt /M. 1987, S. 175.

⁶ Об этом см. Susi FRANK: Gefangen in der russischen Kultur. In: Die Welt der Slaven XLIII, 1998, S. 61–84.

⁷ Cp.: EBERT C. Op. cit. S. 227.

В последнее время все чаще говорится о том, что, с одной стороны, указанное пересечение культурных и половых различий «может изменяться в зависимости от разных исторических, культурных и контекстных обстоятельств», а с другой – может использоваться в самых разнообразных интересах⁸. Так, запутанное переплетение национального и гендерного дискурсов используется зачастую для легитимизации и стабилизации властных отношений, для того, чтобы придать им «естественный» характер. Указанный феномен можно наблюдать как в рамках одной культуры, например в гендерной иерархии на социальном уровне, так и в области политики, например в отношениях между разными культурами. Как показывают последние результаты этнологических и так называемых «постколониальных» исследований, властные отношения вполне можно понимать как многоуровневые. Главенствующее и подчиненное положения, по словам Юдит Шлее, «необязательно являются абсолютными категориями, они могут меняться по осям в разных измерениях.» На теоретическом уровне необходимо постоянно помнить о «взаимосвязи обыденных культурных практик, экономической власти и стратегиях принадлежности»⁹. Если попытаться описать в смысле Фуко дискурсы таким образом, что они будут определяться взаимосвязью материальной жизненной действительности и дискурсивных формаций, то такие описания окажутся особенно важными для анализа текстов, а также условий жизни и творчества женских авторов. Однако это влечет за собой изменения в логичной, на первый взгляд, параллели между «женщинами» и «дикими». Именно в текстах женщин по-другому представлены разнообразные формы *чужого* и встреча разных культур, причем привычные образцы ставятся тем самым под сомнение.

---

⁸ UERLINGS H. Op. cit. S. 20.

⁹ SCHLEHE J. Lebenswege und Sichtweisen im Übergang: Zur Einführung in die interkulturelle Geschlechterforschung. In: Interkulturelle Geschlechterforschung. Identitäten – Imaginationen – Repräsentationen. Hg. J. Schlehe. Frankfurt/M., New York 2001, S. 9–28; здесь S. 17.

Сказанное справедливо не только для текстов женских авторов. Херберт Юрлингс на основе первых результатов проводимого им исследовательского проекта «Взаимоотношения культур и гендерная дифференциация» уже высказал сомнение в правомерности якобы беспроблемной аналогии между «женщинами» и «дикиими». Он указал на то, что репрезентация *другого* в образе «дикого» мужчины или «дикой» женщины чаще всего происходит в форме «картинок-оборотней», которые несут уже изначально в себе и образ, и его обратную сторону. Кроме того, надо учитывать, что эта аналогия «женщины» – «дикие» закрепляет бинарную полярность полов, «в то время как дискурсивная действительность рассматривает также и фигуры «диких» как конструкты мужественности.¹⁰ Возникающая при этом напряженность находит разнообразное выражение, особенно в дискурсивном поле русской литературы XIX в., как свидетельствует, например, повесть Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат». Мы постараемся показать, что, в частности, женские тексты, в которых привычные сюжетные ходы русской «восточной» прозы интерпретируются по-новому, в виде своеобразного *Gender-Crossing*, отвергают привычные конструкты мужественности. При этом можно исходить из тезиса, что именно женские литературные тексты видоизменяют опыт *чужого*, по-новому его семантически интерпретируют и тем самым ставят под сомнение привычные образцы.

Очевидно, что – в особенности для русской литературы – пол реального автора, который участвует в дискурсе национальной и индивидуальной идентичности, до сих пор недостаточно учитывался, хотя в принципе можно исходить из того, что образы имагинарного воображаемого Востока, носящие на себе отпечаток матрицы эротического вождения, в фантазии и творчестве мужчин и женщин представлены по-разному.

Западное Я – в том числе как коллективное – конституирующееся и закрепляющееся через бинарную оппози-

---

¹⁰ UERLINGS H. Op. cit. S. 30.

цию к Востоку, не является ни исключительно мужским, ни индифферентным к полу. Материалы, до сих пор практически не рассматривавшиеся с этой точки зрения, свидетельствуют о разнице между мужским и женским Востоком, которая не менее важна, чем национальные и региональные различия.¹¹

Для описания русского «восточного» дискурса, который прежде всего определяется богатой традицией литературы о Кавказе, до сих пор привлекались исключительно мужские тексты, входящие в литературный канон. В особенности это касается XIX в., литературный канон которого, как известно, отличается последовательным исключением женских авторов.

Социально-психологические описания, с одной стороны, и четко выраженные романтические нарративные элементы – с другой, позволяют отнести Елену Ган и Надежду Дурову к авторам, творившим на пересечении позднеромантического и раннереалистического дискурсов. Особенно ярко это проявляется в тех текстах, где сочетаются раннефеминистская критика и романтический экзотический дискурс. Далее будет предложен анализ двух рассказов: «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» (1839) Надежды Дуровой и «Джеллаледин» (1838) Елены Ган. Они не только возникли в одно время, но и связаны общими сюжетными линиями: любовь русской женщины к «восточному» мужчине (в обоих рассказах это татарский князь) и ее трагические последствия. В центре моей работы находится недостаточно, на мой взгляд, рассмотренный общий мотив, связанный с фигурой мусульманского князя, татарина. Тексты обеих писательниц дают прекрасный материал для обсуждения названного выше комплекса вопросов, связанных с идентичностью и альтеричностью или, другими словами, со своим и чужим, расположенным по осям *гендер, нация, этнос, религия и (экономическая) власть*.

---

¹¹ UERLINGS H. Op. cit. S. 23.

Об авторах и их текстах

Елена Андреевна Ган (1814–1842)¹², которую нередко называют «русской Жорж Санд»¹³ и первой писательницей-феминисткой в России, оставила после себя небольшое по объему творческое наследие – 11 текстов, в которых, казалось бы, закрепляются традиционные темы и эстетические формы. В действительности же в определенном ракурсе, который из сегодняшней перспективы можно назвать феминистским, писательница критикует не только социальное положение женщины, но и обстоятельства женской социализации и тем самым методы воспитания и дискурсивные предписания «идеальной женственности». Елена Ган в своих произведениях вновь и вновь изображает последствия таких предписаний, особенно для творчески активной женщины, которая не может соответствовать традиционным ролевым образцам и сознательно или неосознанно уходит от них, чтобы рассматриваться как «уродливая прихоть природы или «...» выродок женского пола» («Суд света»).

Менее известен тот факт, что писательница некоторыми своими произведениями внесла вклад и в «восточный» дискурс. В этой связи можно назвать повесть «Утбал-

---

¹² Cp.: ALPIN P. Elena Andreevna Gan. In: Dictionary of Russian Women Writers. Hg. Marina LEDKOVSKY. Westport u.a. 1994, S. 193–196. CHÉAURÉ E. Elena Andreevna Gan. In: Metzler Autorinnen Lexikon. Hg. HECHTFSCHER U. u.a. Stuttgart, Weimar 1998, S. 186/187; ШИРОВОВ В. Елена Ган (Hahn). In: Russian Women Writers. Hg. TOMEI C. New York, London 1999, S. 71–87; AYERS C.J. Elena Gan and the female Gothic in Russia. In: The Gothic-Fantastic in Nineteenth-Century Russian Literature. Hg. CORNWELL N. Amsterdam 1999, S. 171–187; САВКИНА И.: Может ли женщина быть романтическим поэтом? In: Vieldeutiges Nicht-Zu-Ende-Sprechen. Thesen und Momentaufnahmen aus der Geschichte russischer Dichterinnen. Hg. ROSENHOLM A., GÖPFERT F. Fichtenwalde 2002, S. 97–111.

¹³ Cp.: CHÉAURÉ E. Elena Gan – die russische George Sand? In: Wechselbeziehungen zwischen slavischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Hg. Ingeborg OHNHEISER. Innsbruck 1996, S. 307–318.

ла» (1838) о трагической судьбе заглавной героини, дочери русского старообрядца и калмычки; повесть «Воспоминание Железноводска» (1837)¹⁴ – пародию на популярные «кавказские» тексты с их мотивом сна/мечты, а также повесть «Джеллаледин», посвященную судьбе татарского князя. Последний текст был уже в 1848 году переведен Вильгельмом Вольфсоном на немецкий язык наряду с пушкинскими текстами¹⁵ и снабжен примечательным предисловием издателя.

Место действия начала рассказа «Джеллаледин» – Таврия, полуостров Крым после покорения Россией. В политически острой и, в силу столкновения культур (русской, татарской, турецкой), чрезвычайно напряженной ситуации зарождается любовь Джеллаледина, сына богатого, анти-русски настроенного татарского князя, и Людмилы – дочери русского офицера. Молодые люди еще не успели признать друг другу во взаимной склонности, а в офицерской семье князь, богатый наследник, уже обсуждается как подходящий жених, хотя и при том лишь условно, что он перейдет в христианскую веру. Позже и сама Людмила, несмотря на клятвенные заверения в любви, будет рассматривать крещение как необходимое условие для их дальнейших отношений. Джеллаледин, поначалу преданный своей вере и семье, в дальнейшем не может вынести страданий своей возлюбленной и соглашается на крещение и на поездку в Петербург для «приобщения к культуре». Это делает неизбежным его окончательный разрыв с семьей, и он не только лишается наследства и перестает быть выгодным женихом, но и оказывается изгнан из татарской общины, проклят ею и вынужден жить под угрозой смерти. В Петербурге он про-

---

¹⁴ Эта повесть анализируется в диссертации Верены Крюгер, над которой она работает в настоящий момент: «Гендер и национальная идентичность в русском кавказском дискурсе: литература романтизма и современные художественные фильмы в интермедиальном сравнении».

¹⁵ Russlands Novellendichter. Übertr. U. mit biogr.-kritischen Einleitungen von WOLFSOHN W. Erster Teil. Helena Hahn und Alexander Puschkin. Leipzig 1848.

ходит русскую социализацию, которая в некотором смысле является условием для вступления в брак. Вскоре вновь разгоревшиеся военные действия на юге России прерывают переписку влюбленных. Князь призывается в армию в соответствии со своим новым статусом – на этот раз на стороне русских. После тяжелого ранения, награжденный орденом, в поисках возлюбленной он отправляется на свою бывшую родину, однако к своему ужасу находит там лишь могилы родителей, зверски убитых русскими. Его невеста в это время готовится к свадьбе с дальним родственником, который выдвинулся благодаря своим высокомерным высказываниям о татарах, к тому же неожиданно разбогател. Месть Джеллаледина получает почти гротескный характер: в спровоцированной дуэли с женихом он случайно убивает его брата. После этого князь кончает жизнь самоубийством. Межкультурный конфликт продолжается и после его смерти: и русские, и татары отказываются хоронить тело. Что касается Людмилы, то она быстро свыкается с ханжеской жизнью русского светского общества.

Надежда Дурова (1783–1866) несомненно относится к тем немногим писательницам XIX в., которые смогли добиться достаточно широкой известности¹⁶. Загадка женщины-трансвеститки и ее до сих пор переиздаваемая повесть «Кавалерист-девица» (1836), считающаяся автобиографической и переведенная на многие (в том числе и на немецкий) языки, не потеряли со временем своей притягательной

---

¹⁶ Ср. для введения в тему: ZIRIN M. N.A. Durova. In: Dictionary of Russian Women Writers, p. 163–166; CHEAURE E. Nadezda Durova. In: Metzler Autorinnen Lexikon, a.a.O., S.149–150; GUTSCHE G. N. Durova. In: Russian Women Writers, S.61–70; СЛВКИНА И. Sui generi: мужественное и женственное в автобиографических записках Надежды Дуровой. В: О муже(Н)ственности / Под ред. С. Ушакина. Москва 2002, с. 199–223; Болюх Е. Жанровое своеобразие художественной прозы Надежды Дуровой. Тверь 2001; SCHÖNLE A. Gender Trial and Gothic Thrill: Nadezhda Durova's Subversive Self-Exploration. In: Gender and Sexuality in Russian Civilisation. Hg. Peter Barta. New York 2001, S. 55–70.

силы. Повесть связана с традицией «литературы амазонок»¹⁷ и посвящена проблеме гендерных конструктов идентичности. О ее популярности свидетельствуют и многочисленные обработки текста, не в последнюю очередь инсценировки XX в.¹⁸ Однако нет сомнений в том, что известность Дуровой ограничена, по сути, одним этим произведением. Тот факт, что она написала не только эту повесть и «Записки Александрова (Дуровой). Добавление к Девиде-кавалерист» (1839), но и другие прозаические тексты, почти неизвестен широкой публике. Одно из произведений, которое можно рассматривать как осмысление опыта общения в петербургском свете 1830-х гг., является репликой Дуровой в экзотическом (восточном) дискурсе ее времени.

Повесть «Игра судьбы, или Противозаконная любовь»¹⁹, впервые опубликованная в сборнике «Повести и рассказы» в 1839 году, до сих пор рассматривалась исследователями только с точки зрения нарративной структуры.²⁰ В центре повествования находится судьба девушки, вернее молодой женщины, ангелоподобной красавицы Елены, которая была отдана замуж за никчемного, развращенного человека. Он не только проматывает состояние Елены, пропивая его и проводя ночи с любовницами, но и приучает свою невинную, неопытную и – после смерти родителей – безза-

---

¹⁷ Ср.: GOLLER M. Nadezda Andreevna Durova in ihrer autobiographischen Prosa. Zur Einordnung eines Phänomens. In: Frauenbilder und Weiblichkeitsentwürfe in der russischen Frauenprosa. Hg. Christina Parnell. Frankfurt /M. u.a. 1996, S. 75–92.

¹⁸ Липскеров К., Кочетов А. Надежда Дурова. Москва; Ленинград, 1942.

¹⁹ Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. Москва, 1988, с. 303–359.

²⁰ Савкина И. Женственное и мужественное в прозе Надежды Дуровой. В: *Studia Slavica inIndensia*. Т. XII. Helsinki 1995, с. 126–140; Савкина И. Женственное и мужественное: героини и повествовательницы в прозе Надежды Дуровой // Савкина И. Провинциалки русской литературы. (Женская проза 30–40 годов XIX века), с.103–117.

щитную жену к алкоголю. В результате Елена все более утрачивает свою «подлинную» женственность, становится все агрессивнее и властолюбивее в отношениях с мужем. Следующим шагом к гибели становится ее роман с одним из его друзей, причем план «соблазнения» готовит сам муж. После того как любовник с отвращением отворачивается от нее, Елена переживает духовный и физический кризис, ставящий ее на грань жизни и смерти. Спасение, как кажется, приходит от татарского князя, магометанина Гамета, который давно уже добивается Елены. Пользуясь ее трудным положением, он предлагает ей любовь, кров и защиту, и они начинают жить в своего рода идиллии, которая отменчена полной самоотдачей и самоотверженностью героини. Идиллия оказывается разрушена в тот момент, когда Гамета убивают его родственники в споре за наследство. Елена теряет последнюю опору и, став и в физическом, и в нравственном смысле калеккой, влачит жалкое существование без собственной крыши над головой, дожидаясь смерти. Незадолго перед смертью происходит ее встреча с Александровым, непосредственным рассказчиком этой истории. Таким образом Дурова сама выступает под своим псевдонимом в этом рассказе, что придает тексту высокую степень аутентичности²¹.

Повести Ган и Дуровой в контексте «восточного» дискурса в русской литературе

Повести Елены Ган или Надежды Дуровой нельзя без оговорок включать в привычно понимаемый романтический дискурс о мужской индивидуальности, экзотической женщине и национальной идентичности. Оба произведения содержат элементы, с одной стороны, сентиментального нар-

---

²¹ Впечатление аутентичности происходящего – как показала Ирина Савкина (ср. прим, 21) – усиливается очень сложной структурой повествования, в которой сочетаются многочисленные «показания свидетелей». Здесь мы, однако, не будем рассматривать повествовательную структуру.

ратива, с другой – социально-критической ангажированности, оба имеют черты романа воспитания. Но главное – они не сосредотачивают действие вокруг судьбы романтического героя и его встречи с экзотической женщиной, а видоизменяют эту расхожую модель с точностью до наоборот: судьба героини оказывается связана с экзотическим мужчиной. Таким образом, обе писательницы явно предприняли попытку отказа от господствовавших дихотомий в русском «восточном» дискурсе.

При очевидных сюжетных параллелях необходимо отметить различия в том, что касается эстетического воплощения материала. У Ган позиция повествователя в значительной степени – что было уже отмечено в исследовательской литературе – приближена к горизонту сознания заглавного героя, лишь в самом начале с помощью соответствующих нарративных структур сообщается и об ощущениях и переживаниях главного женского персонажа. Симпатии читателя, таким образом, направляются на тех персонажей, которые оказываются способны на возвышенную романтическую любовь. Людмила, предавшая (пусть и под давлением ханжеского общества) любовь Джеллаледина, лишается симпатии повествователя. Ее эмоциональное развитие остается при этом вынесенным за рамки нарратива, в центре изображения в дальнейшем находится исключительно судьба мужского персонажа. Это позволяет говорить об интересном варианте дискурсивно доминантной нарративной структуры у Ган, по крайней мере в контексте «восточного» дискурса «с кавказским акцентом»: хотя писательница фокусирует внимание, как и принято в этом случае, на судьбе мужского персонажа, но этому персонажу приписывается дистинктивный признак «экзотичность», коннотируемый в восточно-кавказском дискурсе с «женским».

В трагической судьбе экзотического героя Елены Ган дана карикатура на русское общество с типичным для него имперским поведением, жестами превосходства по отношению к другим культурам, ханжеством и грубым материализмом. Но в первую очередь – это общество, которое, основываясь на своем православии, верит несокрушимо в то, что право всегда на его стороне.

Фигуры татарского князя и в повести Ган, и в повести Дуровой служат для изображения обреченной на неудачу попытки снять межкультурные различия: социальное положение и финансовые возможности *чужого* изначально заданы (как князь, пусть и татарский, он представляет собой желанный объект, к тому же герой богат). При этом религиозные и этнически-ментальные границы, сфокусированные в «татарстве» князя, оказываются непреодолимыми. При всех трансгрессиях татарских героев в русской литературе *чужое*, татарское, остается (со всем, что под этим подразумевается) в конечном итоге неизменным.

«Татарин»: между интеграцией и исключением

Культурологические работы, в которых с разных идеологических позиций обсуждается вопрос русской национальной идентичности, с особой актуальностью вставший в XVIII в. в результате европеизации России, практически уже не поддаются обзору. Общим для этих работ является, несомненно, то, что в них обсуждается не только отношение к Европе, но – эксплицитно или имплицитно – отношение к Востоку, Азии. Именно в ранней историографии XVIII в. монголо-татарское иго рассматривается как ведущий фактор в истории средневековой России, при этом невозможно не заметить влияния православных средневековых хроник, принимаемых за объективные сообщения. И в средневековых, и в более поздних текстах лейтмотивом является тема культурного превосходства христианского Московского государства над «варварскими» народами Востока. Образ татарина становится синонимом образа врага вообще²². Этот образ, как показала в своей не-

---

²² О монголо-татарском иго см.: KAPPELER A. Russland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992; SOLDAT C. Tatarenjoch. In: Lexikon der russischen Kultur. Hg. Norbert Franz. Darmstadt 2002, S. 441–442.

давшей работе Вера Тольц²³, получил особенно широкое распространение в фольклорных текстах XVIII–XIX вв. Жестокость, нецивилизованность и неподконтрольность татар становятся главными мотивами этих текстов. Таким образом, по крайней мере до начала XIX в. именно татары олицетворяют русский Восток и играют главную роль в процессе конструирования национальной идентичности. В начале XIX в. эта функция переходит к народам, населяющим другое культурное и географическое пространство, а именно Кавказ.

В художественных текстах в значительной степени отразилось *социальное* признание высшего слоя татарского общества (хотя Ган и изображает военные столкновения между татарами и русскими в Крыму). В этом же вымышленном мире отразилась и уже происшедшая в исторической реальности и политически явно целенаправленная интеграция татарской элиты в русское общество, несмотря на то что у Ган эта татарская аристократия изображена не только как экзотическая, но и как неполноценная: «...и падчерица ее, богатая-пребогатая княгиня, хоть и татарское сиятельство, а все приятно звучит в ушах»²⁴.

Общим для обоих текстов является указание на большую экономическую власть татарского князя, и именно это обстоятельство поначалу, как кажется, снимает в обществе, ориентированном на материальные ценности, даже этнические различия. Однако у обеих писательниц это базирующееся на общих экономических ценностях сходство двух культур исчезает, с одной стороны, когда речь заходит о религии, а с другой – по этнически кодированной и не вызывающей сомнений оси *цивилизованность–варварство*.

В повести Елены Ган религиозный конфликт является не только истинным двигателем сюжета, но и идеологической базой центрального мотива. Так, например, дважды возникает принципиальный момент: сначала «обращение в истинную веру» татарского князя и связанный с этим его

²³ TOLZ V. Russia. London, New York 2001, S. 132–154.

²⁴ Ган (ЗЕНЕИДА Р-ВА). Указ. соч. С. 157.

отход от собственной культуры, а затем окончательный разрыв с возлюбленной и тем самым с русской культурой. Оба эпизода сопровождаются в высшей степени эмоциональным мотивом передачи князю и обратно креста Людмилы, который она унаследовала от умершей матери. Таким образом, крест превращается в связующее звено между представителями двух разных культур и одновременно становится символом неудачи этого межкультурного эксперимента.

Так же и в повести Дуровой религиозная разница не только делает невозможной связь любящих друг друга героев, но и особо подчеркивается в нарративе. Есть только одно место в тексте (причем его можно считать ключевой сценой), где героиня, всегда изображаемая пассивной, становится активной, осознавая себя и свой грех. Наряду с той сценой, где муж приучает молодую Елену к алкоголю, эта вторая является настоящим *turning point* повести. Елена, живущая, как уже говорилось, в грешной, но счастливой связи с татарским князем, несмотря на отвержение со стороны общества и самоизоляцию, внезапно, после одного-единственного произнесенного ее возлюбленным слова, осознает свой грех:

«О Аллах!».. «...» Елена в ужасе замолчала: в первый раз еще Гамет произнес в присутствии ее это имя! Она смотрела на него, и лицо ее с каждою секундою делалось бледнее, бледнее и наконец приняло вид мертвого!»²⁵

Эта сцена является решающим моментом, когда двое *чужих*, живущих, казалось бы, в идиллической любви и нашедших свой собственный мир вне общества, вдруг опять становятся чужими друг для друга. Героиня, *чуждая* в своем обществе, разрывает любовный альянс с Гаметом, *внешним чужим* с точки зрения русского общества, и в свою очередь тоже начинает считать его *чужим*. Саму себя героиня при этом ясно начинает ощущать частью русского общества, ко-

---

²⁵ ДУРОВА Н. Указ. соч. С. 350.

торое проводит демаркационную линию собственного идентификационного пространства между православными христианами и язычниками, причем к последним относятся прежде всего татары. Тем самым Елена включается в систему ценностей русского общества, которое при всех «грехопадениях» героини квалифицировало именно ее связь с князем-нехристианином как действительно смертный грех.

Татарский, исламский мир, который вводится в текст сценами возвращения князя на родину и его смерти, перенасыщен изображением таких «нехристианских» качеств, как обман, корыстолюбие, коварство и даже братоубийство. Да и сам князь, который в некоторых сценах, прежде всего в его отношениях с Еленой, изображен положительно, выглядит иначе, когда, руководимый коварством и хитростью, пытается заполучить Елену в любовницы.

Тем самым нехристианское возводится для русской идентичности в степень абсолютного *чужого*. Другая раса и религия татар позволяют – по крайней мере в тексте – представить *чужое* внутри собственного русского общества как маргинальное явление. Елена, являющаяся аутсайдером, *чужой* в обществе, в результате ее открытого признания православия и отмежевания от *внешнего чужого* снова превращается в члена общества, становится *своей*. При этом другие различия, как пол или класс, стираются или вовсе исчезают.

Эту амбивалентность в описании экзотического героя и его окружения можно наблюдать и в тексте Ган. С одной стороны, татарский князь способен на романтическую, возвышенную, безусловную любовь, что позволяет, помимо прочего, отнести его образ к новому дискурсу мужественности. Однако, с другой стороны, автохтонный мир, в котором он живет, с его семейными кланами, ритуалами проклятья и готовностью убить даже собственного сына за предательство, изображен как непостижимо чуждый и варварский. Сломленный предательством своей возлюбленной, князь без труда вписывается вновь в этот жестокий, пропитанный ненавистью мир в тот момент, когда планирует смерть жениха своей невесты, чтобы вернуть ее, а затем с необыкновенной жестокостью убивает брата же-

ниха – сознательно и действительно подло нарушая при этом русский ритуал дуэли²⁶.

Описанная для процессов колониализации феминизация *другого*, в данном случае татарина, проявляется здесь в столкновении романтики и страсти, с одной стороны, и варварства – другой.

«Татарин» как идентификационная фигура и символ «новой мужественности»?

Героиня Дуровой Елена последовательно конструируется – и это можно считать лейтмотивом повести – как *другое* внутри русского общества, что структурно сближает ее с татарским – *чужим*, принадлежащим другой культуре. Это позволяет, учитывая результаты исследований Юрлингса, задать вопрос, в какой степени в текстах именно женских авторов, пишущих о любви людей разных национальностей, «не только скрещиваются сексуальные и культурные различия с позиций критики цивилизации»²⁷, но и идет речь о роли и самодефиниции творческой женщины в патриархальном обществе. Описанная структурная констелляция любви «белой женщины» к цветному или этнически чужому мужчине встречается нередко в произведениях писательниц других национальных литератур, например в «Цыганах» Каролины фон Вольцоген (1802) или в «Негре Вильяме» Каролины Августы Фишер (1817)²⁸.

Героиня Ган Людмила вначале тоже является достаточно *чужой* в своем обществе благодаря нетипичной для

---

²⁶ При этом Ган использует мотив отложенной дуэли из пушкинского «Выстрела» (1831).

²⁷ UERLINGS. Op. cit. S. 40.

²⁸ KUGLER S., HEINZE D. Von der Unmöglichkeit, den Anderen zu lieben. Caroline von Wolzogens *Die Zigeuner* und Caroline Auguste Fischers *William der Neger*. In: Das Subjekt und die Anderen. Interkulturalität und Geschlechterdifferenz vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart, S. 135–154.

девочки социализации и полученному образованию («Вот я говорила покойнице-матери: “Эй, не давайте ей читать всякого вздору!” Так нет, просвещение, образование! А вот и поди с ней, обо всем судит и рядит словно профессор каковой»²⁹).

В этих условиях Людмила ищет и находит любовь *чужого* в лице Джеллаледина, чтобы вновь ее потерять в тот момент, когда она отказывается от статуса *внутренне чужой* и приспособливается к обществу. При этом она лишается не только своей любви, но и симпатии повествователя.

Героиня Дуровой, хотя и вследствие других причин, тоже кажется необычной в своем окружении. Елена – это *внутреннее другое*, необычное и *чужое* в собственной культуре: вначале превозносимая как «прекраснейшее дитя», «маленький ангел», «амурчик» и т. д., а затем, после краха, потерявшая над собой контроль персона, чье поведение колеблется между вспышками ярости и полнейшей апатией. Ужасный конец этой героини изображен как полная физическая деградация: она ослепла, живет в грязи, ведет животное существование. Дурова оказывается автором, который – по крайней мере, на первый взгляд – вполне вписывается в сентиментальный дискурс о падшей женщине³⁰. В этом дискурсе нравственная вина связывается с потерей красоты и физической деградацией, другими словами, здесь не ставится под сомнение идеалистический симбиоз добра и красоты.

В этой связи примечательно, что героиня почти на всех жизненных этапах – с многообещающего начала до удручающего конца – конструируется как пассивный объект. Это последовательно отражено в повествовательной структуре, где героиня практически никогда не получает слова, а репрезентируется постоянно как объект восхищения, (мни-

---

²⁹ ГАН. Указ. соч. С. 145.

³⁰ Болезнь описана в тексте как прямое следствие связи с Гаметом. Это – учитывая описанные симптомы – позволяет предположить, что речь идет о последствиях венерической болезни (сифилиса). Тело Елены буквально отравлено связью с «чужим».

мого) сочувствия, злорадства, осуждения, отвращения. Это особенно ярко проявляется в многочисленных фрагментах, которые демонстрируют, как провинциальное общество, в особенности светские дамы, превращают Елену в объект пересудов и сплетен, имея наготове основанные на предрассудках приговоры. Неоднократно в тексте звучит целый хор комментирующих голосов, который воспринимается почти как пародия на хор в античной трагедии.

Лишь рассказчик Александров, в котором можно предполагать саму Дурову, нарушает в финале эту схему и представляет героиню как трагическую фигуру. Тем самым, однако, деконструируется тот дихотомический образ женщины, который в основном тексте превращает героиню то в идеализированное возвышенное существо, то в *femme fatale*, создавая впечатление, что доминирующие с начала XVIII в. дихотомические имажинации женственности сливаются воедино в развитии этого персонажа.

Со структурной точки зрения можно провести примечательные параллели между *чужой внутри общества* Еленой и *внешне чужим* татарским князем. Князь, как и героиня, является аутсайдером, прежде всего из-за своего вероисповедания и этнической принадлежности, из-за своей необыкновенной красоты. Фигура князя в некоторой степени подрывает традиционную репрезентацию мужественности в романтическом дискурсе, где мужчинам свойственна неспособность к любви и преданности. В отличие от других мужских фигур в повести именно *чужой* Гамет обладает способностью любить – качество, которое в мужских романтических текстах приписывалось женщинам. На уровне повествовательной структуры роль жертвы, то, что Гамет оказывается убит, сближает его и с многочисленными героинями романтических произведений вообще и конкретно с Еленой, осужденной обществом на медленную смерть.

Позиция самой Дуровой, насколько позволяет судить текст, остается неясной. Хотя можно, особенно на основе комментария рассказчика в финале, исходить из того, что для Дуровой важен социально-критический взгляд на крайне фанатическое, ханжеское общество и положение женщины в нем, особенно на обычаи заключения браков, от кото-

рых действительно страдали молодые девушки. В заключительном комментарии высказывается явная критика этого общества. В то же время преступная связь *внутренне чужой* Елены и *внешне чужого* Гамета не получает авторского понимания или сочувствия: «Ей (Елене. – Э. III.) нужно теперь одно только милосердие Бога, потому что преступная связь с Гаметом тяжело легла на совесть ее и невыносимые страдания ее одни только могут выкупить столь тяжкий грех»³¹.

Нарушение Еленой общественных норм, отход из православных национальных устоев, смешение рас в сексуальной связи с татаринном приводит в повести Дуровой к катастрофе, от которой нет спасения. Тем самым Дурова в этом тексте проявляет себя как автор, критически размышляющий о проблемах дифференциации и процессах конструирования внутри категорий гендера и класса. С другой стороны, категория расы, вернее проблематика русской национальной идентичности (впрочем, как и в других «экзотических» романтических текстах, например, у Пушкина или Лермонтова), не пересматривается, а практически легитимируется, понимается, по крайней мере на поверхностном уровне, как онтологическая данность. Миф о культурном превосходстве русских над «варварами»-татарами, опирающийся в первую очередь на православие, остается непоколебленным и только частично корректируется через «феминизацию» мужского героя. Скорее кажется, что становление героини как субъекта, ее самодефиниция как члена (русского) народного тела возможны лишь за счет конструирования еще одного *другого*, который находится вне категории гендера.

Мотив истинной способности татарского князя к любви, лишь намеченный у Дуровой, в тексте Елены Ган получает широкое нарративное развитие и становится центральной темой повести. Эта способность «татарина» к любви превращает его в своеобразный корректив русского общества, в особенности мужской его части. Безграничная

---

³¹ ДУРОВА Н. Указ. соч. С. 358–359.

способность Джеллаледина любить, которая заставляет его отказаться от своего народа, семьи, родины и религии, соответствует широко представленной в литературных текстах XIX в. женской способности к любви. Легко заметить, что эта модель любви может рассматриваться как массивная критика образцов мужской социализации, что и было отмечено современниками³². Так, конкурент Джеллаледина и будущий муж Людмилы – Белоградов, с его националистическими речами, цинизмом и женоподобной мужественностью³³, кажется карикатурой идеализируемого Джеллаледина. То, что способность татарина к истинной любви и его жертвенность оборачиваются необузданной яростью и желанием мести, превращает этот персонаж в «картинку-оборотень», которая делает невозможным безоговорочное отождествление женского *внутреннего чужого* и мужского *внешнего чужого*.

Заключение

На материале «восточных» текстов двух писательниц можно показать, что *чужое*, и следовательно идентичность и альтеричность, как в гендерном, так и национальном дискурсах, всегда описываются только как любовное переплетение, которое даже внутри самого текста несет в себе противоречивые утверждения и в зависимости от контекста по-разному эксплуатируется. В особенности это касается «восточных» текстов, вышедших из-под женского пера, в которых пересекаются сексуальный и культурный дискурсы. Так, в фикциональной реальности текстов Ган и Дуро-

---

³² Интересен в этом отношении комментарий Вольфсона, который, при всем восхищении Еленой Ган, в вопросе конструирования новой мужественности не мог ее понять, ср. Russlands Novellendichter, Указ. соч., S. 34.

³³ Примечательно подробное описание его ухода за телом, всевозможные флакончики, помады, пудра и т. д. Ср. Ган. Указ. соч., с. 197.

вой *чужое* соотносится с гендерным уровнем, и тем самым маргинальное положение женщин коррелируется с судьбой этнически *чужого*. Имплицитно здесь тематизируется и особое положение пишущих женщин. В противоположность этому в любовном дискурсе русские мужские персонажи из перспективы героинь представляются по-настоящему *чужими*, в некотором смысле отчужденными от себя. В социальном поле дворянского общества *чужое* снимается благодаря соответствующему титулу или экономической состоятельности. Однако действительной демаркационной линией между русской идентичностью и азиатской (татарской) альтеричностью является критерий православности, который – при всем романтическом воспевании любовного дискурса и «диких» народов – проводит границу между цивилизацией и варварством.

Список литературы

- Боллох Е.: Жанровое своеобразие художественной прозы Надежды Дуровой. Афтореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001.
- Ганн Елена (Зенеида Р-ва): Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1905.
- Дурова Н.А.: Избранные сочинения кавалерист-девицы. М. 1988.
- Липскеров К.; Кочетов А.: Надежда Дурова. Москва; Ленинград, 1942.
- Савкина И.: Может ли женщина быть романтическим поэтом? In: *Vieldeutiges Nicht-zu-Ende-Sprechen. Thesen und Momentaufnahmen aus der Geschichte russischer Dichterinnen*. Hrsg. von Arja Rosenholm und Frank Göpfert. Fichtenwalde 2002, S. 97–111.
- Савкина И.: Женственное и мужественное в прозе Надежды Дуровой. In: *Studia Slavica in Indensia*. T. XII. Helsinki, 1995, с. 126–140.
- Савкина И.: Женственное и мужественное: героини и повествовательницы в прозе Надежды Дуровой. В: Савкина Ирина: *Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века)*. Wilhelmshorst, 1998, с. 103–117.

- САВКИНА И.: *Sui generi*: мужественное и женственное в автобиографических записках Надежды Дуровой. В: О муже(Н)ственности. Ред. Сергея Ушакина. М., 2002. с. 199–223.
- СТРОГАНОВА Е.Н.: Женщина в мужском костюме: Об автобиографии «Записок» Н.А. Дуровой. В: Историко-литературный сборник. Выпуск 2. Ред. А.Ю. Сорочан и М.В. Строганов. Тверь, 2002, с. 32–46.
- APLIN Hugh: Gan Elena Andreevna. In: Dictionary of Russian Women Writers. Ed. Marina Ledkovsky, Charlotte Rosental and Mary Zirin. Westport/London 1994, p. 193–196.
- AYERS Carolin Jursa: Elena Gan and the female Gothik in Russia. In: The Gothic- Fantastic in Nineteenth – Century Russian Literature. Ed. N. Cornwell. Amsterdam 1999, p. 171–187.
- BRONFEN Elisabeth: Nur über ihre Leiche: Tod, Weiblichkeit und Ästhetik. München 1994.
- CHEAURÉ Elisabeth: Elena Andreevna Gan. In: Metzler Autorinnen Lexikon. Hrsg. von Ute Hechtfisher u.a. Stuttgart/Weimar 1998, S.186–187.
- CHEAURÉ Elisabeth: Elena Gan – die russische George Sand? In: Wechselbeziehungen zwischen slavischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Hrsg. von Ohnheiser. Innsbruck 1996, S. 307–318.
- CHEAURÉ Elisabeth: Nadezda Durova. In: Metzler Autorinnen Lexikon, S. 149–150.
- EBERT Christa: Die «fremde Frau». Identitätsdiskurse bei Puškin, Lermontov und Gogol'. In: Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Hrsg. von Elisabeth Cheauré, Regina Nohejl und Antonia Napp. Würzburg 2005, S. 225.
- FRANK Susi: Gefangen in der russischen Kultur. In: Die Welt der Slaven XLIII, 1998, S. 61–84.
- GOLLER Mirjam: Nadešda Andreevna Durova in ihrer autobiographischen Prosa. Zur Einordnung eines Phänomens. In: Frauenbilder und Weiblichkeitsentwürfe in der russischen Frauenprosa. Hrsg. von Christina Parnell. Frankfurt/M. 1996, S. 75–92.
- GUTSCHE George: Nadezhda Durova. In: Russian Women Writers. Vol. 2, p. 61–70.

- KAPPELER Andreas: Russland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992.
- KUGLER Stefani; HEINZE, Dagmar: Von der Unmöglichkeit, den Anderen zu lieben. Caroline von Wolzogens «Die Zigeuner» und Caroline Auguste Fischers «William der Neger». In: Das Subjekt und die Anderen, S. 135–154.
- Russlands Novellendichter / Übertr. U. mit biogr.- kritischen Einleitungen von Wilhelm Wolfsohn. Erster Teil. Helena Hahn und Alexander Puschkin. Leipzig 1848.
- SCHLECHE Judith: Lebenswege und Sichtweisen im Übergang: Zur Einführung in die interkulturelle Geschlechterforschung. In: Interkulturelle Geschlechterforschung. Identitäten-Imaginationen-Repräsentationen. Hrsg. von J. Schlehe. Frankfurt/M./New York 2001. S. 17.
- SCHÖNLE Andreas. Gender Trial and Gothic Thrill: Nadezhda Durovas Subversive Self-Exploration. In: Gender and Sexuality in Russian Civilisation. Ed. Peter Barta. New York 2001, p. 55–70.
- SHAPOVALOV Veronica: Elena Gan (Hahn). In: Russian Women Writers. Ed. Christine D. Tomei. New York/London 1999, Vol. 2, p. 71–87.
- SOLDAT Cornelia: Tatarenjoch. In: Lexikon der russischen Kultur. Hrsg. von Norbert Fran. Darmstadt 2002, S. 441–442.
- TOLZ Vera: Russia. London/New York 2001, p. 132–154.
- UERLINGS Herbert: Das Subjekt und die Anderen. Zur Analyse sexueller und kultureller Differenz. Skizze eines Forschungsbereichs. In: Das Subjekt und die Anderen. Interkulturalität und Geschlechterdifferenz vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Hrsg. von Herbert Uerlings, Karl Holz und Viktoria Schmidt-Linsenhoff. Berlin 2001, S. 23.
- WEIGEL Sigrid: Die nahe Fremde – das Territorium des Weiblichkeit. In: Die andere Welt. Studien zum Exotismus. Hrsg. von Th. Koebner und G. Pickrodt. Frankfurt/M. 1987, S. 175.
- YUVAL-DAVIES Nira: Gender and Nation. London 1997.
- ZIRIN Mary: Durova Nadezhda Andreevna. In: Dictionary of Russian Women Writers, p. 163–166.

Об авторах

Гунилла-Фридерике Будде (Gunilla-Friederike Budde), историк (Dr. Phil.), профессор института немецкой и европейской истории XIX и XX столетий Ольденбургского университета (Carl von Ossietzky Universität Oldenburg), защитила диссертацию на тему «Детство и воспитание в немецких и английских семьях 1840–1914 гг.»

Симоне Винко (Simone Vinko), доктор филологических наук, научный сотрудник семинара «Литературоведение» Гамбургского университета.

Беате Зэнтген (Beate Söntgen), доктор, профессор новейшей истории искусствоведения, Рурского университета Бохум (Ruhr-Universität Bochum). Специалист в области исследования пола.

Алла Викторовна Кирилина, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета, заведующая лабораторией гендерных исследований МГЛУ.

Олег Алексеевич Клинг, доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы филологического факультета, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Корнелия Клингер (Cornelia Klinger), доктор философских наук (Dr. Phil.), профессор философии Тюбингенского университета

(Eberhard-Karls-Universität Tübingen). Работы в области политической философии и гендерной проблематике.

Лена Линдхоф (Lena Lindhoff), магистр (М.А.), изучала германистику, историю искусства и философию. С 1990 по 1999 год научный сотрудник в Институте немецкого языка и литературы университета во Франкфурте-на-Майне (Universität Frankfurt/Main); с 1999 года работает как online-редактор и свободный автор.

Любовь Н. Маслова, сотрудница лаборатории гендерных исследований МГЛУ (Московского государственного лингвистического университета).

Анастасия Владимировна Митрофанова, доктор политических наук, старший научный сотрудник, лаборатория развития гендерного образования, факультет педагогического образования, Московский государственный университет им. Ломоносова. Старший научный сотрудник дипломатической академии МИД РФ, Москва.

Наталья Маратовна Носова, закончила филологический факультет МГУ. Работает научным сотрудником и преподавателем русского языка во Фрайбургском университете. Издатель двуязычных сборников русских писателей, автор страноведческой книги о России, переводчица. Редактор переводов *Пол. Гендер. Культура*.

Ева Полюда (Eva Poluda), психоаналитик (Dipl.-Psych.), учебный аналитик *Немецкого объединения психоаналитиков*, работает в Брюле (Brühl bei Köln). Занимается проблемами психосексуального развития. Автор многочисленных статей по психоанализу.

Гертруде Постл (Gertrude Postl), доктор философских наук (Dr. Phil.), профессор философии, координатор феминистских исследований Нью-Йоркского колледжа в Селдене (Suffolk County Community College in Selden, New York). Автор публикаций по феминистской теории, постмодернистской философии и литературе.

Криста Роде-Даксер (Christa Rohde-Dachser), доктор биологических наук (Dr. biol.), профессор университета во Франкфурте-на-Майне (Universität Frankfurt/Main), специалист по социоло-

гии и психоанализу, соиздатель журнала *Psyche*. Учебный аналитик *Немецкого общества психоаналитиков*. Автор многочисленных статей по клиническим вопросам, социологии и психоанализу, а также психоанализу женского развития.

Ирина Савкина, лектор кафедры славянской филологии Тамперского университета, Финляндия (University of Tampere).

Ренате фон Хайдебранд (Renate von Heydebrand), профессор, доктор филологических наук (Dr. Phil.), специалист по немецкой литературе. Преподавала в университетах Мюнстера, Мангейма, Йены и Мюнхена. Исследования в области литературы, учитывающей гендерный аспект.

Каролин Хайдер (Carolin Heyder), литературовед, магистр, бывший научный сотрудник Славянского семинара Фрайбургского университета. Защитила диссертацию о русских женских журналах XIX века. Сотрудник немецкого научного фонда (DFG).

Ренате Хоф (Renate Hof), доктор наук (Dr. Phil.), профессор Берлинского университета им. Гумбольдта (Humboldt-Universität), специалист по североамериканской литературе и культуре. Публикации по феминистскому литературоведению и гендерной теории.

Ина Шаберт (Ina Schabert), доктор наук (Dr. Phil.), профессор Мюнхенского университета, специалист по английской литературе. Работы по эстетике восприятия литературы и гендерным исследованиям в литературоведении. Автор новой истории английской литературы, учитывающей гендерный аспект.

Элизабет Шопе (Elisabeth Cheauré), доктор филологических наук (Dr. Phil.), профессор Фрайбургского университета (Universität Freiburg), декан филологического факультета, специалист по русской литературе. Основатель *Центра антропологии и гендерных исследований Фрайбургского университета*, инициатор учебного курса *Гендерные исследования* (Gender Studies).

Линда Эдмондсон (Linda Edmondson), доктор исторических наук, исследователь центра по вопросам России и восточно-европейским исследованиям в Бирмингемском университете, Англия

(University of Birmingham). Сфера научных интересов: гендерные исследования, теория сексуальных дифференций, тема гражданского права при царском режиме, мифы о нации и гендере в России и Европе.

Верена Эрнх-Хэфели (Verena Ehrich-Haefeli), литературовед (Dr. Phil.), преподает в Институте немецкого языка и литературы Женевского университета. Работы по гендерному аспекту и психистории.

Группа переводчиков

Наталья Носова – закончила филологический факультет МГУ. Работает научным сотрудником и преподавателем русского языка во Фрайбургском университете. Издатель двуязычных сборников русских писателей, автор страноведческой книги о России, переводчица. Редактор переводов сборников *Пол. Гендер. Культура*.

Вахан Алавердян – родился и вырос в Армении; закончил искусствоведческий факультет Фрайбургского университета.

Элина Майер – закончила факультет иностранных языков педагогического института г. Кокчетав (Казахстан) и отделение славистики Фрайбургского университета, магистр (М.А.). Научный сотрудник Славянского семинара Фрайбургского университета (Universität Freiburg).

Алла Левицкая – филолог, преподаватель русского и украинского языков.

Марина Когут – закончила факультет германистики Санкт-Петербургского университета; окончила аспирантуру при кафедре немецкого языка и литературы Фрайбургского университета.

Ольга Ефремова-Шварцкопф (Schwarzkopf) – закончила Славянский семинар Фрайбургского университета. В настоящее время руководит переводческим бюро во Фрайбурге.

Ольга Демидова – доктор философских наук, кандидат филологических наук. Состоит в обществе Союза писателей (СПб.) и Международной федерации русских писателей (Мюнхен).

Анна Бурунова – закончила кафедру Славянской филологии Фрайбургского университета.

Список источников

Редакция выражает искреннюю благодарность владельцам авторских прав, авторам работ, издательствам. © Перевод на русский язык Slavisches Seminar der Universität Freiburg 1999–2006.

Elisabeth CHEAURÉ: Einleitung. © Slavisches Seminar der Universität Freiburg 1999. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 1, Москва 1999.)

Наталия НОСОВА, Каролин ХАЙДЕР: Проблемы перевода. © Slavisches Seminar der Universität Freiburg 2000. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 2, Москва 2000.)

Renate HOF: Die Entwicklung der *Gender Studies*: In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von Hadumod Bußmann und Renate Hof. © Alfred Kröner Verlag, Stuttgart 1995, S. 2–33. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 1, Москва 1999.)

Verena EHRICH-HAEFEL: Zur Genese der bürgerlichen Konzepte der Frau: der psychohistorische Stellenwert von Rousseaus Sophie. In: Freiburger literaturpsychologische Gespräche 12 (1993). © Verlag Königshausen & Neumann GmbH, Würzburg, S. 89–134. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 1, Москва 1999.)

Ina SCHABERT: Gender als Kategorie einer neuen Literaturgeschichtsschreibung. In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von Hadumod Bußmann und Renate

Hof. © Alfred Kröner Verlag, Stuttgart 1995, S. 163–204. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 1, Москва 1999.)

Gunilla-Friederike BUDDE: Das Geschlecht der Geschichte. In: Geschichte zwischen Kultur und Gesellschaft. Beiträge zur Theoriedebatte. Hrsg. von Thomas Mergel und Thomas Welskopp. Beck'sche Reihe Nr. 1211. © C.H.Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München 1997, S. 125–150. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 1, Москва 1999.)

Renate VON HEYDEBRAND, Simone WINKO: Arbeit am Kanon: Geschlechterdifferenz in Rezeption und Wertung von Literatur. In: Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften. Hrsg. von Hadumod Bußmann und Renate Hof. © Alfred Kröner Verlag, Stuttgart 1995, S. 206–260. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 2, Москва 2000.)

Beate SÖNTGEN: Den Rahmen wechseln. Von der Kunstgeschichte zur feministischen Kulturwissenschaft. In: Rahmenwechsel. Kunstgeschichte als Kulturwissenschaft in feministischer Perspektive. Hrsg. von Beate Söntgen. © Akademie Verlag, Berlin 1996, S. 7–23. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 2, Москва 2000.)

Cornelia KLINGER: Erkenntnistheoretische Positionen und Probleme der Frauenforschung. In: Wie es Ihr gefällt. II. Hrsg. von S. Henke und S. Mohler. Freiburg 1991, S. 5–27. © Cornelia Klinger 1991. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 2, Москва 2000.)

Lena LINDHOFF: Feminismus und Psychoanalyse. In: Lena Lindhoff: Einführung in die feministische Literaturtheorie. Stuttgart 1995. © Verlag J. B. Metzler, Stuttgart/Weimar 1995, S. 61–71. (Пол. Гендер. Культура. Том 3, Москва 2003.)

Gertrude POSTL: Mit und gegen Freud: Luce Irigaray. In: Gertrude Postl: Weibliches Sprechen: Feministische Entwürfe zu Sprache & Geschlecht. Wien 1991, S. 121–150. © Passagen Verlag Ges.m.b.H, Wien 1991. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 3, Москва 2003.)

Christa RHODE-DACHSER: Das Mutterbild in der Psychoanalyse. In: Mutterbilder – Ansichtssache: Beiträge aus sozialwissenschaftlicher und psychoanalytischer, juristischer, historischer und literaturwis-

сenschaftlicher, verhaltensbiologischer und medizinischer Perspektive. Hrsg. von Margret Schuchard und Agnes Speck. Heidelberg 1997 (= Heidelberger Frauenstudien; 4). © Mattes Verlag GmbH, Heidelberg 1997, S. 49–65. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 3, Москва 2003.)

Eva POLUDA: Sie war doch sonst ein wildes Blut... Einbruch und Aufbruch in der weiblichen Adoleszenz. In: Adoleszenz. Hrsg. von Ortrud Gutjahr. Würzburg 1997 (= Freiburger Literaturpsychologische Gespräche; 16). © Verlag Königshausen & Neumann GmbH 1997, S. 9–25. (Пол. Гендер. Культура. Вып. 3, Москва 2003.)

Линда ЭДМОНДСОН: Гендер, миф и нация в Европе: образ матушки России в европейском контексте. В: Пол. Гендер. Культура. Вып. 3. Ред. Элизабет Шоре, Каролин Хайдер. Москва 2003. © Российский государственный гуманитарный университет 2003, С. 135–162.

Олег КЛИНГ: Мифологема ewige Weiblichkeit. (Вечная Женственность) в гендерном дискурсе русских символистов и постсимволистов. В: Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Hrsg. von Elisabeth Cheauré, Regine Nohejl, Antonia Napp. Würzburg 2005. © Ergon-Verlag Würzburg 2005, S. 173–183.

Анастасия МИТРОФАНОВА: Россия и русские: новая гендерная мифология. В: Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Hrsg. von Elisabeth Cheauré, Regine Nohejl, Antonia Napp. Würzburg 2005. © Ergon-Verlag Würzburg 2005, S. 435–455.

Ирина САВКИНА: Гендер с русским акцентом. В: Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Hrsg. von Elisabeth Cheauré, Regine Nohejl, Antonia Napp. Würzburg 2005. © Ergon-Verlag Würzburg 2005, S. 457–471.

Элизабет ШОРЕ: *Чужой* мужчина: Дискурс об идентичности и альтеричности в произведениях Надежды Дуровой и Елены Ган. В: Женский вызов. Ред. Евгения Строганова, Элизабет Шоре. Тверь 2006, С. 204–221. © Элизабет Шоре 2006.

Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой.
М.: РГГУ, 2009. 530 с.
ISBN 978-5-7281-1096-5

Сборник статей немецких и российских авторов посвящен теоретико-методическим и конкретно-научным аспектам «женских» и гендерных исследований, способам инструментализации феминистской и гендерной критики при изучении российской культуры и общества. В статьях представлены различные практики применения гендерного подхода к теории искусства, литературоведению, психологии, политологии, культурологии.

Для специалистов в области гуманитарных наук, преподавателей высшей школы, а также аспирантов и студентов, обучающихся по разным социально-гуманитарным направлениям.

УДК 008.001(08)
ББК 63.3.0

Научное издание

ПОЛ. ГЕНДЕР. КУЛЬТУРА

**Немецкие
и русские исследования**

Художественный редактор *М.К. Гуров*
Технический редактор *Г.П. Каренина*
Корректор *Л.П. Бурцева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 23.04.2009.
Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 30,9. Уч.-изд. л. 28,0.
Тираж 700 экз. Заказ № 112.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: 8-499-973-42-00

HEMELCKHE DEUTSCHE И РУССКИЕ UND RUSSISCHE ИССЛЕДОВАНИЯ FORSCHUNGEN

9 785728 110965